

Донскіе КАЗАКИ.

Краткій сборникъ разсказовъ изъ военной жизни Донцовъ, о ихъ храбрости, находчивости въ бою, преданности долгу и проч.

На то казакъ родился.—
Чтобъ Царю пригодился.
Казачья пословица.

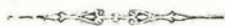
Составилъ и издалъ

А. Ливоваровъ.

Новочеркасскъ.
„ДОНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ“.
1892.

ДОНСКІЕ КАЗАКИ.

Краткій сборникъ разсказовъ изъ военной жизни донцовъ,
о ихъ храбрости, находчивости въ бою, преданности
долгу и проч.

На то казакъ родился,—
Чтобъ Царю пригодился.
Казачья пословица.

Составилъ и издалъ

А. Ливоваровъ.

Новочеркасскъ.

„ДОНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ“

1892.

Дозволено цензурою. 7-го августа 1891 года.

Предисловіе.

Въ триста слишкомъ лѣтъ Донскіе казаки сослужили Царю и Отечеству свою „вѣрную, честную и доблестную службу“: ставъ порубежными стражами земли Русской и савъ отъ себя отырыски другимъ казачествамъ, они — содѣйствовали ея внутреннему развитію и укрѣпленію; кромь того они положили къ ногамъ Государя неисчерпаемо-богатое Сибирское царство, они „своимъ умомъ и храбростію“ отняли у грозныхъ тогда Турокъ Азовъ, этотъ ключъ къ Азовскому и Черному морямъ; они наконецъ участвовали во всѣхъ войнахъ съ врагами нашего могучаго отечества: разсыяны казачьи кости и по границамъ Русскаго царства и за границею его — въ Швеціи, Нѣмечинь, Франціи, Италии, Туретчинь.

Подвиги храбрости донцовъ вызывались и будутъ вызываться страстною любовью ихъ къ родинѣ и горячею преданностію Царствующему Дому. Это извѣстно Государямъ: жалуя Донцамъ георгіевское знамя за трехвѣковую и доблестную службу Императоръ Александръ II изволилъ прибавить въ грамотѣ, что знамя дается донцамъ „во свидѣтельство неизмѣннаю къ нимъ благоволенія Монарховъ за ихъ горячую преданность престолу и отечеству“.

Неудивительно, что, руководясь такими чувствами и своими военными способностями, Донскіе казаки совершали блестящіе подвиги храбрости, неудивительно, что громкая слава о нихъ разнеслась далеко-далеко: шведы знаютъ сыновъ Дона и Краснощкова и Денисова, нѣмцы пытались даже завести у себя

какое-то подобіе Донскихъ казаковъ, французы отлично знаютъ Платова, Ефремова, Орлова-Денисова; величайшій военный гений, Наполеонъ сказалъ: „дайте мнѣ однихъ только казаковъ и я — пройду съ ними всю Европу“. Кавказскіе народы не забудутъ Донцовъ, а съ ними Власова и Бакланова; турки больше всѣхъ народовъ знакомы съ Донскими казаками: дѣло доходило до того, что они берели струбленную голову Донскаго старшины Фролова для отсылки султану; арабы, кочующіе въ Палестинѣ, знаютъ о Донцахъ; наконецъ — въ Египтѣ, у подошвы пирамидъ полудикій арабскій шейхъ, при словахъ „донскіе казаки“, воскликнулъ: „о! это грабрые воины! настоящіе шайтаны“!....

Справедлива пословица: „въ службѣ намъ покоя нѣтъ, за то слава—на весь свѣтъ“!

Но славу добываютъ безстрашіемъ въ бою за Царя и родину и следовательно — полнѣйшею готовностію пролить и свою кровь. А сколько такой крови пролито Донцами! Эта кровь — благороднѣйшая въ мѣръ кровь, а потому она даетъ полнѣйшее право Донскому казачеству на глубочайшее къ нему уваженіе.

Знакомство съ подвигами беззавѣтнаго мужества возбуждаетъ глубокое сочувствіе и уваженіе къ людямъ, совершившимъ ихъ, питаетъ и еще больше укрѣпляетъ чувство любви къ дорогому отечеству и къ обожаемому Государю и наконецъ порождаетъ невольное желаніе подражать этимъ блестящимъ храбрецамъ и мужественнымъ исполнителямъ своего долга.

Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ не собраны разсказы о подвигахъ Донцовъ.

Настоящій сборникъ — первый опытъ краткаго описанія нѣсколькихъ подвиговъ храбрости Донскихъ казаковъ, ихъ находчивости въ бою, преданности долгу и проч.

А. П.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Покореніе казаками сибирскаго царства, 1581 г.	1
Ермакъ Тимофѣвичъ	6
Донскіе казаки подъ Москвою, въ 1612 г.	9
Взятіе Азова донскими казаками 1637 г.	10
Азовское „сидѣнье“, 1641 г.	13
Казаки—моряки	18
Донцы при взятіи Азова Петромъ I 1695 и 1696 г.	22
Усмиреніе астраханскаго бунта 1705 г.	24
Казаки на войнѣ, а татары на Дону, 1700—1756 г.	26
Разореніе Быстринскаго городка татарами	30
Бригадиръ Иванъ Матвѣвичъ Краснощекоевъ	33
- Семилѣтняя война 1756—1763 г.	36
- Турецкая война 1763—1774 г.	41
Донцы—гулебщики	46
Платовъ, Кульбаковъ и др. на Кавказѣ	48
Разгромъ нагайскихъ татаръ, 1782	54
Война съ Турціею 1787—1791 г.	56
Война съ Швеціею 1788—1790 г.	65
Война съ Польшею въ 1794 г.	66
Походъ въ Италію, 1799 г.	72
Графъ Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ	77
Поголовный походъ донцовъ въ Индію, 1801 г.	86
Война съ Франціею 1805—1807 г.	89
Генераль Адріанъ Карповичъ Денисовъ	97
Война съ Турціею 1806—1812 г.	98
Генераль Василій Алексѣевичъ Сысоевъ	102

Двѣнадцатый годъ	104
Заграничные походы	118
Генераль Иванъ Козьмичъ Красновъ 1-й	133
Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ	135
Графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ	142
Генераль Гавріиль Амвросіевичъ Луковкинъ	146
Генераль Василій Дмитріевичъ Иловайскій 12	152
Донцы на Кавказѣ и въ Грузіи до 1822 г.	159
Война съ Персією и Турцією 1826—1829 г.	164
Умирение польскаго мятежа 1830—1831 г.	168
Донцы на Кавказѣ и въ Грузіи съ 1822—1864 г.	173
Генераль Максимъ Григорьевичъ Власовъ	200
Венгерская война 1849 г.	203
Генераль Яковъ Петровичъ Баклановъ	212
Севастопольская война 1853—1856 г.	225
Умирение польскаго мятежа 1863 г.	247
Урядникъ Коржовъ съ донцами въ Киргизской степи	255
Турецкая война 1877—1878 г.	263

ДОНСКІЕ КАЗАКИ.

„На то казакъ родился,—
Чтобъ Царю пригодился.“

Казачья пословица.

Покореніе казаками Сибирскаго царства 1581 г.

„Атамановъ артель крѣпка.“

Триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ, при царѣ Иванѣ Грозномъ, были сильныя грабежи и разбои по Волгѣ. Грабили проѣзжихъ купцовъ, путешественниковъ и даже иногда иноземныхъ пословъ. Правительство было вынуждено посылать отряды для наказанія разбойниковъ, называемыхъ «волжской вольницею». Въ эту вольницу прихаживали и казаки съ Дона.

Изъ разбойничьихъ атамановъ особенно прославился Ермакъ своею удаляю и безстрашіемъ, а потому до него особенно добирались отряды, посылаемые воеводами.

Видя, что дѣло стало плохо, Ермакъ бросился съ своею партіею вверхъ по Волгѣ, а затѣмъ по Камѣ и въ концѣ іюня 1579 года появился у очень богатаго заводчика Строганова. Онъ имѣлъ свои солеваренныя заводы, а для защиты отъ сибирскихъ татаръ и разбойниковъ — крѣпостцы, снабженныя пушками и даже отряды войскъ.

Строгановъ не очень обрадовался непрошеному гостю, но

тѣмъ не менѣе, «опасаясь отъ него худыхъ послѣдствіевъ», принялъ его съ товарищами для защиты своихъ владѣній и сталъ давать ему кое-какое содержаніе. А «товарищей» у Ермака собралось однако 540 человекъ.

На Руси давно уже ходили слухи о богатствѣ Сибирскаго царства.

Конечно, Ермакъ, живя болѣе двухъ лѣтъ у Строганова, могъ легко разузнать многое о Сибири отъ Строгановскихъ же людей.

Отважный Ермакъ задумалъ покорить Сибирь. Обсудивъ дѣло и рѣшившись, онъ обратился къ Строганову за помощью оружіемъ, провіантомъ и проч. Строгановъ долженъ былъ поневолѣ согласиться, потому что, на случай несогласія, принужденъ былъ слышать отъ Ермака угрозы о разореніи его и всего его дома и о расхищеніи всего его имѣнія.

Строгановъ вступилъ съ казаками въ договоръ, при чемъ только требовалъ, чтобы они положили «число провіанта на каждаго человекъ—не весьма высоко» и чтобы казаки письменно обязались, ежели возвратятся съ довольною добычею, то заплатили бы ему цѣну за все, что у него приняли ¹⁾.

Ермакъ согласился и сталъ готовиться къ походу.

Въ его отрядѣ собралось до 5000 человекъ ²⁾; изъ нихъ, кромѣ казаковъ, были, данные Строгановымъ, литовцы, татары, плѣнные нѣмцы и русскіе. Ермакъ ввелъ строжайшую дисциплину: всякое преступленіе, особенно нарушеніе военныхъ порядковъ, каралось строго и неизбежно. Напр., болѣе 20 человекъ вздумали было самовольно уйти изъ отряда. Ихъ приговорили «въ куль да въ воду» и всѣхъ утопили, не смотря на нужду въ людяхъ. При отрядѣ было три священника и одинъ монахъ; Ермакъ приказалъ выстроить часовню во имя св. Николая чудотворца. Отрядъ свой Ермакъ раздѣлилъ на сотни, которыя дѣлились на полусотни и десятки; въ каждой сотнѣ былъ свой командиръ—сотникъ, два пятидесятника и десять десятниковъ. Всѣ они были выбраны самими казаками. Въ каждой сотнѣ было знамя, при коемъ одинъ знаменщикъ. Знамена были укра-

шены святыми образами. Изъ знаменъ были главныя—Спасителя и Николая чудотворца ³⁾. Строгановъ далъ три пушки, всѣхъ безоружныхъ казаковъ снабдилъ ружьями, на каждаго казака далъ по три фунта свинца, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупъ и толокна, по пуду сахарей, по пуду соли и проч.

Все уложено было на судахъ.

Не забыты были переводчики и проводники, взятые изъ Строгановыхъ людей. Ермакъ счелъ нужнымъ устроить даже полевую музыку: барабаны, литавры, трубы и проч. Ахьютаптами Ермака и вмѣстѣ съ тѣмъ секретарями его были два есаула, тоже выбранные казаками изъ товарищей. Имя одного изъ нихъ—„Асташки Лаврентьевича“ дошло до насъ въ старинныхъ писняхъ. Атаманами у него были Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза; хотя любимцемъ Ермака былъ Богданъ Брызга, но онъ пошелъ въ отрядъ пятидесятникомъ. Главное начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ самъ Ермакъ и обучилъ его строю. Отрядъ Ермака, хотя небольшой, однако былъ очень грозенъ своимъ боевымъ духомъ, дисциплиною, твердою вѣрою въ свою необходимость и въ способности Ермака; кромѣ того, онъ грозенъ былъ своимъ строемъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, никогда не виданнымъ сибирскими народами. 1 сентября 1581 г., отслуживъ молебень, Ермакъ выступилъ въ походъ. «Сей походъ происходилъ такимъ порядкомъ, чего отъ тогдашнихъ временъ и отъ дикаго житья сихъ казаковъ едва надѣяться можно было», говорить историкъ Миллеръ.

Ермакъ поплылъ вверхъ по рѣчкѣ Чусовой; но въ верховьяхъ ея было мѣстами такъ мелко, что вода уже не подымала струговъ. Ермакъ ухитрился: онъ снялъ съ своихъ судовъ нарусъ и запрудилъ ими рѣку, растянувъ ихъ поперекъ рѣки; отъ этой запруды вода поднялась и всѣ струги, одинъ за другимъ, прошли черезъ мель ⁴⁾.

Ермакъ поплылъ затѣмъ по рѣчкѣ Серебряной, гдѣ счелъ нужнымъ построить на удобномъ мѣстѣ земляное укрѣпленіе, назвавъ его „Кокуй городокъ.“ Оттуда по разнымъ рѣчкамъ, а гдѣ и «волокомъ» пошелъ по р. Турѣ и

послѣ разныхъ, всегда удачныхъ схватокъ съ толпами татаръ дошелъ до р. Тобола. Пытаясь остановить Ермака, татары протянули поперекъ рѣки желѣзные цѣпи. Ермакъ велѣлъ навязать пучокъ изъ хвороста, нанялилъ на нихъ излишнее казачье платье и разставилъ ихъ на лодкахъ, а самъ высадился на берегъ и напалъ на татаръ съ тыла. Видя, что и въ лодкахъ казаки, и на берегу казаки, татары ударились бѣжать, а Ермакъ, снявъ цѣпи, поплылъ далѣе⁵⁾. Дойдя до р. Иртыша, Ермакъ увидѣлъ берега, усѣянные полчищами пѣшихъ и конныхъ татаръ. Самъ царь сибирскій Кучумъ находился въ засѣлкѣ. Ермакъ вывелъ своихъ храбрыхъ на берегъ и битва началась. Татары, не смотря на ружейный огонь, дрались съ замѣчательною храбростью. Однако къ вечеру Ермакъ разбилъ своихъ мужественныхъ враговъ и занялъ городокъ Атинъ Мурзы, гдѣ и остановился на ночь, въ виду врага. Тяжелая была эта ночь! Много храбрыхъ казаковъ оказалось порублено, много изранено... Во мракѣ ночи собрался „кругъ“. Раздались голоса о возвращеніи назадъ... Но духъ истиннаго мужества одержалъ верхъ и кругъ рѣшилъ сражаться. 23 октября рано утромъ при восходѣ солнца Ермакъ самъ началъ битву: его отважная дружина, съ крикомъ: «съ нами Богъ», «стройными рядами» пошла на приступъ на засѣлку, устроенную татарами. Враги, видя малочисленность казаковъ, сами, разметавъ засѣлку въ трехъ мѣстахъ, вырвались и схватились съ казаками въ рукопашную. Выдержавъ натискъ, казаки огнемъ прогнали врага въ засѣлку и отважно бросились на приступъ ея. Ермакъ и Кольцо были впереди. Закипѣла отчаянная рѣзня: по словамъ дѣтописца, «поля очервенелись (окрасились) кровію, устлались трупами мертвыхъ и во многихъ мѣстахъ стояла кровь болотами». Татары бѣжали... Отважный Ермакъ 26 октября 1851 г. съ своею храброю дружиною торжественно вступилъ въ столицу Сибирскаго царства, Искеръ, гдѣ, найдя несметныя богатства Кучума, раздѣлилъ ихъ между казаками. Благодарственнымъ молебномъ Ермакъ началъ свое владычество надъ Сибирью.

Мало-по-малу начали появляться къ Ермаку татары

съ покорностью и данью. Но не все татарскія племена были покорены, а потому надо было прибѣгать къ оружію. Въ одной изъ схватокъ попался въ плѣнь царскій племянникъ, Маметкулъ. Ермакъ, хотя и держалъ его подъ крѣпкою стражею, однако обходился съ нимъ какъ съ царевичемъ, съ глубокимъ уваженіемъ. Наконецъ, большинство разныхъ сибирскихъ племенъ было во власти Ермака.

О своихъ подвигахъ Ермакъ извѣстилъ Строганова и послалъ 22 декабря того же года атамана Кольцо и 50 казаковъ въ Москву къ Царю Ивану Грозному съ письмомъ, въ коемъ просилъ его принять Сибирское царство подъ свою высокую руку и простить ему, Ермаку, съ товарищами прежніе разбои. При письмѣ были посланы Государю: 60 соболей, 20 черныхъ лисицъ и 50 бобровъ. Царь принялъ казаковъ, прочелъ письмо и въ восхищеніи воскликнулъ: «Новое царство послалъ Богъ Россіи!» По всей Москвѣ огласилась великая радость: звонили въ колокола, пѣли молебны. Забывъ гнѣвъ свой, Государь простилъ казакамъ ихъ прежнія преступленія, допустилъ ихъ къ своей рукѣ, объявилъ имъ «вѣчную благодарность Россіи», пожаловалъ Ермаку титулъ «князя Сибирскаго»⁶⁾, два дорогихъ панцыря, серебряный вызолоченный ковшъ, соболю шубу, которую самъ носилъ, 100 тогдашнихъ рублей и половинку сукна, а Ивану Кольцо — шубу, половинку сукна, панцырь и 50 рублей. Бывшіе съ нимъ въ Москвѣ казаки получили награду сукномъ, деньгами. Все эти казаки-посланцы содержались въ Москвѣ на царскій счетъ.

Отпустивъ Кольцо съ товарищами къ Ермаку въ Сибирь, Государь послалъ богатые дары казакамъ, позволивъ Ивану Кольцо искать охотниковъ для переселенія въ завоеванный край. Въѣтъ съ тѣмъ, по просьбѣ Ермака, Царь приказалъ отправить воеводу князя Болховскаго съ войскомъ въ помощь казакамъ, а плѣннаго царевича Маметкула повелѣлъ отправить въ Москву.

Начало покоренія Сибири было сдѣлано.

Ермакъ Тимофѣвичъ.

„Собирались казаки—други, люди вольные
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Какъ донскіе, гребенскіе сы ящкими.
Атаманушка у нихъ былъ Ермакъ-казакъ“...

Отецъ Ермака былъ новгородскій посадскій человекъ Тимофѣй Аленинъ, по прозвищу—Новольскій (по мѣсту его жительства въ Юрьевцѣ Новольскомъ, т. е. Волжскомъ). Ермакъ было не имя, а прозвище по вольскому нарѣчію, какъ напримѣръ: Истома, Алмазь, Третьякъ, Ермакъ (жерновой камень, таганъ); иногда называли его Ермолаемъ. Настоящее имя Ермака было Василій ⁷⁾. Навилясь онъ работать на баркахъ (стругахъ) и ходилъ по Волгѣ и Камѣ, былъ въ бурлацкой артели кашеваромъ, вслѣдствіе чего, по словамъ иныхъ писателей, былъ прозванъ Ермакъ, т. е. дорожный, артельный таганъ. Бурлацкая работа прискучила Ермаку; затосковалъ онъ по вольной жизни и ушелъ къ донскимъ казакамъ. Проявивъ свою удалъ на Дону, Ермакъ былъ выбранъ старшиною Качалинской станицы ⁸⁾, чтобы онъ охранялъ рубежъ отъ Астрахани до Дона. Но не успѣлъ долго Ермакъ и у донскихъ казаковъ: набравъ себѣ шайку молодцовъ, онъ ушелъ на Волгу разбойничать. Правительство, конечно, преслѣдовало его и онъ скрылся къ Строганову, откуда и кончилъ свою дѣятельность славнымъ покореніемъ Сибирскаго царства.

Ермакъ былъ средняго роста, широкъ въ плечахъ, сложень крѣпко, волосы на бородѣ черные, а на головѣ черные и немного курчавые («прикурчавь»), взглядъ имѣлъ очень быстрый, лицо плоское и пригожее, былъ очень храбръ и имѣлъ «особливый» (выдающійся) разумъ.

При своемъ свѣтломъ умѣ Ермакъ выказалъ однако удивительное легковѣріе: во время покоренія Сибири измѣнникъ своему хану, царевичъ Карача, жалующься на пагайскихъ татаръ, будто обижающихъ его, просилъ у Ермака помощи, приславъ ему дары. Ермакъ отправилъ 40 отборныхъ

казаковъ подѣ начальствомъ атамана Кольцо. Карача измѣнически умертвилъ ихъ всѣхъ. Ермакъ, желая узнать о судьбѣ Кольцо, послалъ «добраго» атамана Михайлова съ казаками, и тѣ тоже были убиты... Карача поднялъ бунтъ, но былъ усмиренъ и покоренъ Ермакомъ. Однажды явились къ Ермаку бухарскіе купцы съ жалобою, что татары Кучума не пропускаютъ ихъ караваны въ Искеръ. Отобравъ 50 казаковъ, Ермакъ выступилъ на лодкахъ въ помощь обиженнымъ: не встрѣчая нигдѣ Кучумовыхъ татаръ, онъ возвратился и остановился на берегу Иртыша, въ урочищѣ Переконь, при устьѣ рѣчки Вагая. Ночь была темная, бурная, съ проливнымъ дождемъ. Ермакъ и его казаки легли спать, не поставивши никакой стражи... Тайно слѣдившіе за ними, татары напали на сонныхъ казаковъ. Раздались стоны, крики. Ермакъ, одѣтый въ тяжелый царскій панцырь, вскочилъ и бросился къ лодкамъ, скакнулъ и, оступившись, пошелъ ко дну... Это было подѣ 5 августа 1584 г.

Народъ въ своей древней пѣснѣ рассказываетъ о смерти Ермака такъ:

И для помощи своихъ товарищевъ
Онъ, Ермакъ, похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ,
И та переходя съ конца верхняго
Подымалася и на его опускалася,
Расшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей (?) быстру рѣку ?).

Какимъ-то чудомъ спасся только одинъ казакъ и принесъ въ Искеръ отчаянную новость....

13 августа татаринъ Янишъ, ловя рыбу въ Иртышѣ, увидѣлъ у берега человѣческія ноги. Это было тѣло Ермака. Послѣ разныхъ наругательствъ тѣло это было погребено на Бегишевскомъ кладбищѣ, подѣ сосною. Одинъ панцырь Ермака принесенъ въ жертву идолу остяцкому, откуда достался остяцкому князю Алачъ, а другой—отданъ мурзѣ Кайдаулу. Князь Сейдякъ взялъ кафтанъ, а сабля съ поясомъ досталась мурзѣ Карачъ ¹⁰⁾.

Не Ермака ли оплакали казаки слѣдующею пѣсней:

Какъ у насъ, братцы, на тихомъ Дону,
Нездорово, братцы, учинилося:
Помутился весь нашъ тихій Донъ,
Помѣшался весь нашъ казакскій кругъ,
Что не-стало у насъ атамана,
Что стараго казака Илья Муромца.
Какъ вы братцы-товарищи!
Убирайте вы легки стружки
Сукномъ багрецовимъ,
Увивайте вы весельчичи
Аравійскимъ краснымъ золотомъ,
Увивайте вы уврюченъи
Аліентарскимъ крупнымъ жемчугомъ,
Чтобъ по ночамъ они не буркали,
Не подавали они ясаку,
Что ко злымъ людямъ, ко татарамъ ¹¹⁾.

Во многихъ мѣстахъ Пермскаго края донынѣ сохранилась память о Ермакѣ, видная изъ названій мѣстностей: Ермаково Городище на рѣкѣ Сыльѣ, гдѣ Ермакъ зимовалъ въ 1578—79 г.г., Ермаково Городище—при впаденіи рѣчки Рокую въ Серебряную, гдѣ Ермакъ зимовалъ въ 1579—80 г.г.; въ 1738 г. еще были видны на этомъ мѣстѣ рвы и ямы. Ермаково Городище—на холмѣ, на лѣвомъ берегу р. Тагила, въ 16 верстахъ отъ г. Нижне-Тагильска; тутъ виденъ ровъ, выкопанный угломъ, внутри коего 5 ямъ. Ермаковскій рудникъ на берегу р. Ермаковки, праваго притока р. Чусовой. Ермакъ-камень, скала на правой сторонѣ Чусовой, при устьѣ р. Ермаковки. Скала стоитъ стѣною въ 25 сажень высоты; въ 10 саженихъ отъ поверхности воды находится входъ въ обширную пещеру, въ которой, по преданію, Ермакъ зимовалъ и скрылъ свои сокровища ¹²⁾.

Въ тобольскомъ храмѣ находится изъ часовни Ермака образъ Спасителя съ предстоящими; икона Святителя Николая оттуда же была въ 1826 г. препровождена Евгениемъ, архіепископомъ тобольскимъ, въ Петербургъ ко дню коронаванія Императора Николая. Въ 1884 г. газеты сообщили объ открытіи въ Сибири одного изъ знаменъ Ермака.

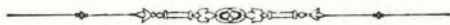
Въ 1839 г. близъ Tobольска поставленъ Ермаку пре-

красный памятникъ изъ сѣраго мрамора, съ надписью: «Покорителю Сибири, Ермаку.»

Въ честь этого героя одна изъ лучшихъ улицъ Новочеркасска названа «Ермаковскимъ проспектомъ». Въ Новочеркасскѣ же предполагено поставить Ермаку бронзовый монументъ.

Въ 1622 г. первый сибирскій митрополитъ Кириіанъ созвалъ въ Тобольскѣ оставшихся въ живыхъ товарищей Ермака, спрашивалъ ихъ о битвахъ, о числѣ ихъ, о Ермакѣ; описавъ его подвиги въ лѣтописи, онъ, по показаніямъ оставшихся казаковъ, составилъ въ соборный синодикъ имена убитыхъ на полѣ брани и «заповѣдалъ» поминать ихъ въ первое воскресенье великаго поста. Это продолжалось до 1869 г., до послѣдняго измѣненія св. Синодомъ чина православія.

Имена ихъ: «Атамановъ» — Ермолая (Ермака), Іоанна (Кольцо), Никиты, Іакова, Матвѣя и дружины ихъ: Сергѣя, Іоанна 5, Андрея 3, Тимофея 2, Іоакима, Григорія, Алексѣя, Никона, Михаила, Тита, Ѳедора 2, Іоанна 2, Артемія, Лѣтша, Іакова, Саввы, Петра 2 и прочую ихъ дружину ¹³⁾...

Донскіе казаки подъ Москвою въ 1612 году.

„Пришли казаки съ Дону - погнали ляховъ къ дому.“

Въ смутное время на Руси, когда самозванцы появлялись одинъ за другимъ, когда безпорядки были страшные, поляки пришли въ Москву и засѣли въ ней. Поднялся благородный призывъ гражданина Минина на защиту истерзаннаго отечества.

Собрали войско, ввѣрили его князю Пожарскому, и началось великое народное движеніе на защиту порядка и спокойнаго развитія родины. Донцы съ атаманомъ Межаковымъ подступили къ Москвѣ. Главное начальство надъ казаками принялъ князь Трубецкой; 1612 года 22 августа закинула битва, въ которой онъ не хотѣлъ принять участія. Видя это, атаманъ Филать Межаковъ бросился съ своими казаками

въ бой. За нимъ понеслись и другіе атаманы: Коломнинъ и Романовъ. Поляки были прогнаны къ Поклонной горѣ.

23 августа опять завязалось дѣло. Межаковъ, почему-то не принимая участія, стоялъ съ казаками у церкви св. Климента. Беларь Троицко-Сергіева монастыря Авраамій видѣлъ въ войскѣ Пожарскаго увывніе, слышалъ слова, полныя горя: «мы не устоимъ безъ казаковъ!», обратился къ казакамъ, умоляя ихъ со слезами о помощи и обѣщая имъ свою монастырскую казну. Казаки съ Межаковымъ во главѣ врубилась въ строй врага и поколебали его. Это было началомъ побѣды Пожарскаго. Поляки бѣжали, оставя множество плѣнныхъ, обозъ и пушки. Но въ Троицкомъ монастырѣ уже не было денегъ.

Авраамій прислалъ Межакову богатую церковную утварь въ залогъ того, что деньги будутъ выданы. Атаманъ, отославъ ее обратно, велѣлъ сказать Авраамію, что мало еще того, что казаки сдѣлали: они не пойдутъ на Донъ до тѣхъ поръ, пока Москва не будетъ выручена отъ поляковъ, и сдержали свое слово. Благодарный русскій народъ исполнѣ сознавалъ важность услуги казаковъ; это сознаніе выразилось въ пословицѣ, дошедшей до насъ: «пришли казаки съ Дону — погнаш лиховъ къ дому!» 19 марта 1613 г. былъ выбранъ царемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. При избраніи его на царство, донскіе атаманы, одни изъ первыхъ, подняли за него голосъ.

Взятіе Азова Донскими казаками 1637 года.

„Азовъ не о стѣ глазевъ.“

Свѣтлый казачій разумъ отлично понималъ, что Азовъ есть ключъ къ морю, гдѣ была для казаковъ самая богатая добыча отъ «невѣрныхъ»; надо во что бы то ни стало овладѣть этимъ ключемъ, отнять его отъ грозныхъ тогда турокъ.

Съ азовцами казаки постоянно воевали. Война велась по вѣсѣмъ правиламъ: заключали перемиріе, миръ, объявля-

ли войну. Мирное время однако считали днями, а войну — мѣсяцами. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ казаки чаще и сильнѣе нападали на Азовъ, гдѣ сѣумѣли завести своихъ «прикормленныхъ людей». Черезъ нихъ казаки узнавали все до точности; отсюда у казаковъ явилась поговорка: «разсказывай донскому казаку азовскія вѣсти.» Азовъ сильно укрѣпился.

Въ 1636 году партія въ 300 донцовъ, рыскавшихъ подъ Азовомъ, встрѣтила 4000 запорожцевъ. Донцы уговорили ихъ остаться на Дону, обѣщая привольную жизнь, когда будетъ взятъ Азовъ; запорожцы остались.

Тогда султанъ Амуратъ IV упорно воевалъ съ Персією; другая армія его воевала съ венграми; крымскіе татары открыто бунтовали противъ него. Какъ не воспользоваться такими обстоятельствами?

Войсковымъ атаманомъ былъ знаменитый по своей храбрости, боевой опытности и по уму, Осипъ Петровъ. Онъ подблизился съ старшиною своею мыслию о взятіи Азова, и зимою 1637 г. полетѣлъ изъ главнаго войска по вѣснѣмъ казачьимъ городкамъ и станамъ призывъ явиться обязательно вѣснѣмъ въ Черкасскъ для «войсковаго дѣла», а «нѣтчанкамъ», т. е. не явившимся, суда и расправы не будетъ.

Собрались. Войсковому кругу было предложено: взять Азовъ! Единодушный крикъ «любо!» былъ отвѣтомъ. Походнымъ атаманомъ выбрали умнаго, отважнаго, и «бывалаго» казака Михаила Татаринова; сформировали полки, гдѣ повыбрали всѣхъ должностныхъ, заготовили порохъ, пули, харчъ. 23 апрѣля отслужили молебень въ Монастырскомъ и двинулись къ Азову. Съ донцами пошли и запорожцы. Татариновъ распорядился выслать впередъ легкой отрядъ и отправилъ свое войско: часть сухопутомъ (берегомъ Дона), а часть на лодкахъ. При войскѣ было всего 4 маленькихъ пушки... Подойдя къ Азову, Татариновъ поставилъ стражу на устьяхъ Дона и разослалъ небольшіе отряды къ крымской и кубанской сторонамъ. Но въ Азовѣ все было готово къ принятію гостей: турецкій посоль Кантакузинъ, бывший около казаковъ, сѣумѣлъ вызнать ихъ тайну и извѣстилъ азовцевъ. За это казаки вскорѣ убили его, не смотря на его высокій санъ.

Казаки осадили Азовъ со всѣхъ сторонъ. 29 апрѣля къ Азову подошло еще 100 казачьихъ лодокъ.

Начались земляныя работы: казаки рыли апроши для подступа къ крѣпости, при чемъ для своей защиты отъ выстрѣловъ дѣлали насыпи, пускали въ дѣло туры и, зная себя сильнѣе въ чистомъ полѣ, выманивали турокъ изъ Азова; но они не поддавались. Пока шла перестрѣлка и незначительныя схватки, казаки повели подкопъ подъ стѣну. Руководилъ этимъ у нихъ донской казакъ, мастеръ подкопнаго дѣла, Юганъ Арадовъ, изъ иѣмцевъ. Между тѣмъ казачьи разъѣзды дали знать о приближеніи къ Азову помощи: то были турки и черкесы изъ Тамани, Темрюка и Керчи. Отборный отрядъ казаковъ вышелъ имъ на встрѣчу и на Кагальникѣ началъ на нихъ. Дѣло было «жестокое и упорное»... Ни одинъ изъ враговъ не дошелъ до Азова.

Однако осада шла медленно и трудно. Запорожцы зароптали, хотя дали слово быть «заедино.» Видя, вѣроятно, сравнительную малочисленность казаковъ, турки смѣялись надъ ними съ своихъ крѣпостныхъ стѣнъ: «сколько вамъ подъ городомъ не стоять, а города не взять. Сколько въ стѣнѣ каменье, столько головъ вашихъ ляжетъ подъ нимъ!» Наконецъ, подкопъ былъ готовъ. 18 іюня казаки усердно помолились, исповѣдались, попросились другъ съ другомъ. Татаринцовъ отдалъ послѣднія распоряженія. Въ 4 часа ночи (подъ 19 іюня) раздался взрывъ: глыбы, камни, обломки полетѣли вверхъ въ огнь и въ дымъ. Татаринцовъ первый, съ отборными казаками, ворвался въ проломъ, а прочіе по лѣтвицамъ. Закинула отчаянная рѣзня по улицамъ и площадямъ Азова; она продолжалась весь день, до вечера. Часть турокъ заперлась въ замкѣ ихъ перерѣзали. Часть бѣжала изъ города; ихъ догнали и перебили: «ни одного человека азовскаго на степь и на море не упустили, всѣхъ безъ остатка порубили!» писали казаки Государю. Азовъ былъ взятъ. Султана поразило извѣстіе объ отвагѣ и мужествѣ казаковъ...

Храбрые побѣдители собрались въ кругъ и—первое дѣло—отслужили благодарственный Господу Богу молебенъ,

затѣмъ рѣшили основать въ Азовѣ свое «главное войско.» Они съ почестями похоронили убитыхъ казаковъ, тѣла враговъ побросали въ Донъ и братски подѣлили громадную добычу. Затѣмъ начали приводить Азовъ въ оборонительное положеніе: укрѣпили его замокъ, стѣны и башни, освятили древнюю церковь Іоанна Крестителя, построенную тамъ прежними христіанами, основали новую церковь во имя Николая Чудотворца и объявили Азовъ казачьимъ, вольнымъ торговымъ городомъ! Казачій флотъ покачивался въ устьяхъ Дона, изъ коего уже безпренятственно сталъ ходить на добычу въ Черное море ¹⁴).

Азовское „сидѣнье“. 1641 года.

„Бережливаго коня и звѣрь не береть.“

Овладевъ ключемъ къ Азовскому и Черному морямъ, донцы стали еще рѣшительнѣе захватывать турецкіе корабли, стали громить приморскія селенія и нападать на богатые города Синопъ, Трапезондъ, Ризу и другіе. Безнечные турки въ ужасѣ бросали свои дома и уходили на житье дальше отъ берега. Зарево сжигаемыхъ селъ стало видно въ самомъ Константинополѣ или, по русскому названію, въ Царьградѣ. «Азовъ становится намъ тошиѣ Багдада», т. е. персіянь, говорили турки.

Такъ шли года 1638, 39 и 40. Султанъ жаловался царю на разбой казаковъ. Но за то, что казаки взяли Азовъ самовольно безъ царскаго указа, Государь предоставилъ имъ самимъ и отвѣчать предъ султаномъ. Тогда султанъ нарядилъ громаднаго полчища противъ Азова. Разные писатели указываютъ разныя цифры; но мы возьмемъ даже самую меньшую изъ нихъ, а именно: всего—болѣе 100.000 человекъ. Въ этомъ числѣ были наемныя войска, янычары, спаги, крымскіе татары, черкесы; остальное—разные инженеры, піонеры, землекопы и проч. Множество пушекъ, въ томъ числѣ и осадныхъ, привезено было на большомъ флотѣ.

Всею армією командовалъ паша Гуссеинъ Дели, главный недостатокъ котораго былъ тотъ, что онъ презиралъ врага, считая его безсильнымъ. 7 іюня 1641 года турки обложили Азовъ, но дурно: ставшіе выше Азова татары держали караулы такъ слабо, что ночью можно было проходить въ городъ и доставлять припасы. Въ немъ было тогда, по словамъ однихъ, 1400 казаковъ и 800 женщинъ; но мы возьмемъ, со словъ другихъ, большее число, именно: 8 даже 9 тысячъ человѣкъ, что и будетъ ближе къ правдѣ.

Въ это время атаманомъ у казаковъ былъ безстрашный и способѣйшій казакъ Осинъ Петровъ. Не надѣясь ни откуда на помощь, онъ съумѣлъ поднять боевой духъ этой горсти храбрыхъ, съумѣлъ воодушевить ихъ надеждою на Бога: казаки постились и молились. Они поклялись сражаться до послѣдняго издыханія и ни слова не сказать о положеніи города, если попадутся въ плѣнъ.

Прежде всего казаки стали захватывать «языковъ», чтобы узнать точнѣе о непріятелѣ. Атаманъ раздѣлилъ казаковъ на двѣ части: одна занималась вылазками, а другая подземными работами. Турецкій главнокомандующій, видя слабость казаковъ, предложилъ имъ сдаться, обѣщая 12.000 червонцевъ, а по сдачѣ города еще 30.000. Но казаки отвѣчали черезъ переводчика: «сами мы взяли Азовъ своею волею, сами и отстаивать его будемъ! Помощи, кромѣ Бога, ни отъ кого не ожидаемъ и не словами, а саблями готовы принять васъ, незваныхъ гостей!»

25 іюня 30.000 лучшихъ турецкихъ войскъ бросились на штурмъ, вѣроятно, не подготовивъ пристуна огнемъ. Казаки сражались замѣчательно храбро: 6000 вражьихъ тѣлъ легло у стѣнъ Азова. Непріятель отступилъ и для погребенія убитыхъ заключилъ перемиріе на два дня, заплативъ при этомъ по червонцу за cadaго убитаго, бывшаго у казаковъ въ рукахъ.

Казаки сдѣлали вылазку, схватились съ турками и, какъ бы испугавшись, отступили, преслѣдуемые множествомъ враговъ. Вдругъ взрывъ: три подгона было подождено, и болѣе 1500 татаръ и турокъ легло на мѣстѣ; съ тѣхъ

поръ турки боялись подступать близко къ стѣнамъ города.

Опять начались приступы (еще четыре) и тоже неудачные: казаки били множество людей, въ числѣ которыхъ палъ паша кафинскій и другіе менѣе значительные начальники.

Турки насыпали вокругъ крѣпости валъ. Самъ атаманъ съ 5000 казаковъ сдѣлалъ вылазку, взявъ приступомъ валъ и взорвалъ его порохомъ, отнятымъ у врага. Турки насыпали другой въ семь сажень высоты валъ, выше городскихъ стѣнъ, и успѣли поставить на немъ болѣе ста осадныхъ орудій. Началась пальба день и ночь и длилась шестнадцать дней. Разрушено было множество домовъ; крѣпостной валъ былъ разбитъ до основанія.

Позади разрушеннаго городского вала казаки насыпали новый. Турки разбили его. Казаки насыпали третій валъ, и онъ былъ уничтоженъ. Насыпали четвертый валъ и за нимъ стали уже «зарываться въ землю», дѣлать землянки. Дѣло становилось для казаковъ очень грознымъ.

Ихъ жены усердно помогали мужьямъ: они безстрашно носили подъ выстрѣлами своимъ удалцамъ пищу, припасы, помогали имъ при работахъ, даже участвовали въ сраженіяхъ: лили со стѣнъ и съ валовъ на врага кипятокъ, смолу и проч. Въ продолженіе осады турки вырыли около крѣпости рвы и валы длиною на пять верстъ.

А подземныя работы шли неустанно день и ночь; изъ семнадцати минъ, вѣданныхъ турками, ни одна не достигла цѣли: казаки вывели 24 мины подъ самые таборы и взрывами, губили тысячи непріятели. Казаки, убывая въ числѣ, напрягали послѣднія усилія.

По всему Дону развѣсла вѣсть о страшной осадѣ. Кто только могъ изъ казаковъ, все прибыли на помощь и стали сзади осаждавшихъ, начиная ихъ тревожить съ тыла неустанными нападеніями и засадами. Отрядъ татаръ, посланный за припасами, былъ перехваченъ казаками, разбитъ, а остатки его вынуждены воротиться.

Осада длилась. Въ многочисленномъ лагерѣ турокъ открылся моръ, надежь, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и, въ довершеніе всего, раздоры между начальниками. Гус-

снѣ паша убѣдился, что не возьметъ Азова приступомъ, а потому просилъ султана отложить взятіе крѣпости до будущей весны.

Гордый султанъ велѣлъ отвѣчать: «Паша, возьми Азовъ или отдай свою голову!»

Назначенъ былъ общій приступъ, но былъ отбитъ.

Началась день и ночь безъ умолку пушечная и ружейная пальба; на приступы стали ходить каждый день отряды по 10.000 человекъ; бомбы разрушили все въ городѣ, исключая церкви Іоанна Предтечи. Въ одинъ изъ приступовъ турки успѣли захватить раскатъ (бастіонъ).

Въ проломѣ, сдѣланномъ въ немъ, закинула отчаянная рѣзня. Казаки, подкрѣпившись 300 свѣжихъ, пробравшихся въ Азовъ товарищей, отбили бастіонъ.

Но храбрыхъ защитниковъ оставалось уже мало: много было убито, много ранено... Уцѣлѣвшіе были измучены усталостью, тѣмъ не менѣе упорно отстаивали дорогую казачью честь: обѣщанный подкупъ, перекидываемый черезъ стѣны на стрѣлахъ, по 1000 талеровъ каждому, нисколько не соблазнилъ ихъ. Сраженія и схватки шли непрерывно. Наконецъ, истощилась казачья сила: въ ночь подъ 1 октября казаки рѣшили всѣми силами сдѣлать утромъ послѣднюю, отчаянную вылазку; написали Царю и патриарху грамоты, слезно умоляя о прощеніи вины ихъ, какъ ослушниковъ, и прося помянуть ихъ грѣшныя души. Поклялись не беречь жизни и простились другъ съ другомъ.

Лишь только начала заниматься заря, отважные герои помолились усердно Господу Богу и, молча, строемъ выступили на послѣдній бой.

Въ переднихъ укрѣпленіяхъ врага все было тихо; утренній туманъ разнесся и открылъ непріятельскій станъ: въ немъ не оказалось ни души. Турки сняли осаду и уходили во-свои. Казаки моментально соединились съ тѣми, которые были въ тылу турокъ, вызвали всѣхъ, оставшихся въ крѣпости и отважно понеслись въ догонку за нестройными толпами отступавшаго непріятеля. Нагнали и «въ припоръ ружья» открыли огонь. Оторопѣвшіе турки въ ужасѣ

бѣжали, бросались на суда, тонули. Тутъ ихъ изрубилъ и побилъ очень много. Въ разгарѣ сраженія казаки отбили восемь знаменъ и изъ нихъ одно большое султанское знамя. Это было 1 октября 1641 года.

Осада Азова кончилась. Турки потеряли почти двѣ трети своей арміи отъ болѣзней и отъ казачьей храбрости. Но и казаки изъ 9000 потеряли болѣе 3000 умершими и убитыми; «остальные — почти всѣ были переранены».

Громкая вѣсть объ исходѣ осады разнеслась далеко по Европѣ; но ни въ Москвѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Царьградѣ не хотѣли вѣрить такому неслыханному концу.

Отважные казаки прежде всего возблагодарили Бога за избавленіе отъ страшной осады и послали къ Царю 24 храбрѣйшихъ казака съ походнымъ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ и есауломъ Федоромъ Пороминымъ.

Они привезли подробную роспись и предложили Государю взять Азовъ подъ свою высокую руку. По этому поводу былъ собранъ земскій соборъ, гдѣ и рѣшили отдать Азовъ туркамъ; казакамъ приказано выйти изъ него.

Храбрецы повиновались. Они, взорвавъ все уцѣлѣвшее, оставили городъ и въ маѣ 1642 г. сѣли на житье на Махинъ островъ, противъ устья Аксея.

Изъ Азова казаки вывезли 80 пушекъ, крѣпостныя желѣзныя ворота съ петлями, желѣзныя калитки, городскіе желѣзные вѣсы со стрѣлою. Изъ церкви Іоанна Предтечи взяли мѣдное пятіярусное паникадило, чудотворную икону Іоанна Предтечи и всю церковную утварь ¹⁵⁾. Наконецъ, они позаботились выкопать изъ могилъ и перевести кости своихъ дорогихъ, храбрыхъ товарищей: «да не оставитъ ихъ братство на басурманской землѣ». Эти кости были похоронены съ честію въ Монастырскомъ — «старыя могилы». Такъ велико было уваженіе къ своимъ храбымъ, удалымъ товарищамъ.

Царь прислалъ казакамъ — героямъ весьма милостивую грамоту и жалованье. Громкая молва пошла на Руси о храбрыхъ казакахъ. По душамъ убіенныхъ подъ Азовомъ служили въ монастыряхъ Россіи панихиды и обѣдни.

Въ монастырскихъ синодикахъ были вписаны «для вѣчнаго поминовенія» казачьи имена: въ соборѣ, на Бѣлоозерѣ 10 именъ, въ Кирилловомъ монастырѣ—31, Ферапонтовомъ 21, въ Новоезерскомъ—30, въ Троицкомъ—30 и т. д. ¹⁶⁾.

Казачи-моряки.

„Казакъ донской, какъ ершь морской“!

За время отъ 1643 года по 1695 донцы ходили на царскую службу и конные и пѣшіе; (подъ Чигириномъ, Кіевомъ и проч.) дрались съ турками, татарами, калмыками, а враги казаковъ жгли и разоряли у нихъ городки (Паншинъ, Качалинъ и др.), захватывали въ плѣнъ людей, утоняли скотъ. Казаки мстили имъ жестоко. (Малай—Батыря, калмыцкаго начальника, утонили, не желая взять за него 2/т. лошадей выкупа, а калмыковъ, привязавъ къ хвостамъ лошадей, растаскивали по полю.) Самый Черкасскъ былъ въ осадѣ отъ враговъ болѣе мѣсяца: нельзя было выйти за рыбу и за дровами. Наконецъ, бунтъ Разина обезсилилъ казаковъ. Разинъ былъ пойманъ и, конечно, казненъ. Отъ весьма большой потери людей въ этомъ бунтѣ тяжело приходилось донскимъ казакамъ. Боевая же и трудовая жизнь ихъ за это время была особенно сильна въ морскихъ походахъ.

Для поисковъ на Азовскомъ и Черномъ моряхъ донцы строили на войсковыя деньги морскія суда, держали ихъ прикованными на цѣпяхъ, прятали отъ враговъ въ камышахъ или просто затопляли ихъ. Суда были безпалубныя, очень легкія на ходу, одномачтовыя, гребныя и парусныя; назывались они: меньшія—«дубы», «дубазы», а по больше—«тумбасы», «тулумбасы», «стюрны». Общее названіе—«струги». Струги были остроносы и острокормы, длиною сажень до 10, шириною—до 3, поперекъ ихъ устраивались лавки «нашестья», которыхъ было отъ 8 до 20; на нихъ

садилося по 2 гребца, на бортахъ—пуги изъ камыша толщиною въ сажень для защиты груди; на обоихъ концахъ—по рулю. На каждомъ суднѣ было по значку, нѣчто въ родѣ флага. Эти значки служили, вѣроятно, и для сигналовъ. Каждое судно было вооружено однимъ, двумя фальконетами, небольшими пушками. Садилось на эти «корабли» человекъ отъ 60 и до 100; вооружались саблями, ручными гранатами, ружьями (ружница или пищаль), баграми, топорами. И на такихъ—то утлыхъ ладьяхъ отважные казаки пускались по морямъ Азовскому и Черному безъ компаса, руководясь днемъ по солнцу, а ночью—по звѣздамъ.

Что терѣбли казаки въ морѣ на своихъ лодкахъ, видно изъ слѣдующаго: «Ай вы, гой еси, братцы—атаманы казачіе! У насъ—кто на морѣ не бывалъ, морской волны не видалъ, не видалъ дѣла ратнаго, человекъ кроваваго—отъ желанья тѣ Богу не маливались»...

Сборы на морскіе поиски были несложны: самое плохое платье, самое лучшее оружіе, но отнюдь не блестящее; бочки прѣсной воды и «харчъ»: сухари, сушеное мясо, сухая и провѣсная рыба, толокно, толчъ (истолченные сухари), крупа, просо, гречишная мука, свиное сало, соль.

Въ морскіе походы казаки отнюдь не брали съ собою водку, зная по горькимъ опытамъ, къ чему приводитъ на войнѣ пьянство. Передъ отправленіемъ въ походъ служили молебень, выпивали прощальную чарку и съ пѣсней: «ты прости, ты прощай, нашъ тихій Донъ Ивановичъ» скрывались изъ вида. Оставшіеся казаки «гладили дорожку» своимъ друзьямъ—братцамъ и желали имъ воротиться съ добычею. Нападеніе производилось большею частью ночью, изъ засады, куда приставали заранѣе. Бывали нерѣдкіе случаи, что казаки отважно нападали на большіе морскіе турецкіе корабли; перебивъ турокъ и обобравъ корабль, казаки топили его, прорубивъ дно.

Казаки громили всѣ побережья Азовскаго и Чернаго морей, разоряли много городовъ, нападали даже на далекіе Синопъ и Трапезонтъ, жгли селенія у самаго Константинополя.

Жители этого города часто видали зарево отъ селеній, зажженныхъ казаками. Султанъ безпокоился, жители побержей приходили въ ужасъ при извѣстїи о показавшихся казачьихъ лодкахъ. Султанъ уже сталъ требовать отъ царя сгона казаковъ съ Дона, но, конечно, его требованія не были исполняемы.

Чтобы помѣшать выходу казачьихъ лодокъ въ море, азовскіе турки перетянули Донъ толстыми цѣпями, построили на берегу Дона маленькія крѣпостцы съ пушками, засыпали землею дальше отъ Азова устье Дона; напали на казаковъ въ устьѣ его, при возвратѣ ихъ съ добычею, — ни что не помогало: казаки перешивали черезъ цѣпи (въ бурныя ночи пускали по теченію карчи и стукомъ ихъ сначала возбуждали вниманіе турокъ, а когда они переставали глядѣть на цѣпи, думая, что стучать карчи, казаки перешивались черезъ цѣпи и уходили въ море); крѣпостцы же казаки часто держали въ осадѣ и лодки проходили; вмѣсто засыпаннаго устья прорѣзывали новое и все такъ уходили. При возвращеніи и проходѣ черезъ устье Дона, берега котораго усыпаны были турками, казаки, какъ львы, отстрѣливались отъ басурманъ и все же проходили и пронесли добычу. Очень много кровавыхъ дѣлъ разыгрывалось въ устьяхъ Дона; очень много подвиговъ мужества было выказано казаками въ морскихъ походахъ. Недаромъ донцы ставили эти походы гораздо выше и важнѣе походовъ сухопутныхъ: море требовало огромнаго безстрашія, да къ тому же оно было и добычливѣе.

Такъ или иначе, а донскіе казаки своими отважными морскими походами сослужили усердную и полезную службу Россіи, выручая своихъ плѣнныхъ, готовя разгромъ нагайскихъ татаръ и сбавляя мало-по-малу себѣ грознымъ тогда туркамъ. Изъ подвиговъ упомянемъ одинъ.

«Наконецъ турки и крымцы, наскучивъ 10 лѣтъ сряду продолжавшимися нападеніями донскихъ казаковъ, приняла рѣшительныя мѣры преградить имъ всѣ пути въ море. Казаки лишь только услышали о сильномъ вооруженіи на нихъ турокъ, немедленно послали 200 товарищей своихъ

моремъ подъ городъ Тамань для подробѣйшихъ развѣдываній. Тамъ узнали казаки, что крымскій ханъ вооружаетъ на нихъ всѣ подвластные ему народы, что изъ города Кафы уже отправлены сухимъ путемъ черезъ Тамань въ Азовъ 3000 янычаръ и что скоро къ этому же городу пойдутъ изъ Константинополя 35 кораблей съ лѣсомъ и камнями для постройки на Дону трехъ крѣпостей.

Въ столь очевидной опасности казаки не теряли духа и надежды: въ тотъ же день, въ который узнали объ этомъ (весною 1660 г.), они отправили въ море 30 струговъ съ отборными воинами для нападенія на Крымъ; по этимъ воинамъ было неизвѣстно, что ханскія войска—уже на берегахъ Дона и подъ стѣнами Азова. Едва казаки ночью прошли устья Дона, какъ на зарѣ увидѣли въ заливѣ Азовскаго моря 35 турецкихъ кораблей, а на берегахъ многочисленную армию: ее привелъ ханъ за день передъ этимъ; не было возможности идти далѣе: надобно было думать только о своемъ спасеніи. Казаки посѣбно прогребли къ устьямъ Дона и поплыли вверхъ каланчинскимъ протокомъ, но ихъ замѣтили азѣвцы съ высоты своихъ стѣнъ и тотчасъ дали вѣсть всѣмъ татарскимъ полчищамъ. Большія и малыя партіи непріятелей засѣли во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ вверхъ по Дону съ артиллерією и ружьями и, такимъ образомъ, заградили казакамъ всѣ пути. Рѣшась пробиться сквозь многочисленныхъ непріятелей, казаки смѣло пошли судами вверхъ и, сражаясь на каждомъ шагу, едва успѣли пройти въ цѣлый день шесть верстъ съ неизвѣрною трудностью. Слухъ объ ихъ опасности достигъ, наконецъ, Черкаскаго городка, изъ котораго была выслана значительная помощь атакованнымъ, и они избавились отъ гибели. Достоинно замѣчанія, что при этомъ случаѣ казаки такъ искусно умѣли отступитъ, что не лишились ни одного судна и даже не потеряли ни одного человѣка»¹⁷⁾.

Донцы при взятіи Азова Петромъ I. 1695 и 1696 г.

Еще въ 1635 г. казаки говорили московскому послу: «если бы государь повелѣлъ намъ взять Азовъ, то унылась бы литься кровь христіанская; православные не изнемогали бы въ рабствѣ у невѣрныхъ; тогда бы и самый Крымъ и Ногаи склонились подъ Государеву руку.»

Въ 1695 г. царь Петръ I рѣшился взять Азовъ, при чемъ должны были участвовать и донскіе казаки. Царь, желая подступити къ Азову неожиданно, писалъ войсковому атаману Фролу Минаеву: «пусть указъ этотъ останется въ тайнѣ, что бы никто, кромѣ тебя, атамана, и старшинъ о немъ не зналъ.» Но калмыцкій ханъ Аюка выдалъ тайну азовскому бѣю.

Къ арміи царя присоединилось 7000 донскихъ казаковъ. При осадѣ Азова казаки стали со стороны моря, на берегу Дона. Осадѣ крѣпко мѣшали двѣ башни повыше Азова, на обоихъ берегахъ Дона, соединенныя поперекъ него толстыми желѣзными цѣпями. Въ этихъ башняхъ засѣли турки и выстрѣлами вредили царскимъ войскамъ. На взятіе башень вызвали охотниковъ изъ донцовъ—удальцовъ, обѣщавъ по 10 руб. награды каждому. Вызвалось 200 человекъ. Подкрѣпляемые солдатскимъ полкомъ, они пошли на приступъ. Хотя прикрѣпленная къ желѣзнымъ воротамъ петарда не подѣйствовала, тѣмъ не менѣе удалцы, разломавъ амбразуру ломами, ворвались въ укрѣпленіе; одни изъ турокъ были перебиты, другіе сдались, третьи побросались со стѣнъ въ Донъ, гдѣ и потонули. Самъ царь видѣлъ подвигъ удалцовъ—донцовъ и съ радости велѣлъ служить молебень и стрѣлять изъ пушекъ. Но общая радость была омрачена турками, сдѣлавшими вылазку изъ Азова и чуть не завладѣвшими нашимъ лагеремъ. Тогда казаки пушечною пальбою изъ взятой у турокъ башни отбили и другую башню, стоящую по той сторонѣ Дона; въ башнѣ найдено было: 21 мѣдная пушка и семь бочекъ пороха съ приложеннымъ къ нимъ горящимъ фитилемъ. Взятіе этихъ обѣихъ башень какъ бы открыло ворота къ Азову. Рѣшено было

штурмовать его. На вызовъ охотниковъ изъ донскихъ казаковъ вышло болѣе 2500 человекъ, которые заявили, что ихъ наберется и больше, если надобно. Этихъ охотниковъ подкрѣпили 2¹/₂ тысячами изъ каждой дивизии. Но на этотъ разъ, понимая всю трудность штурма, казаки дѣйствовали не охотно: пошли 1000 чел., изъ которыхъ 400 на 20 стругахъ подплыли къ Азову Дономъ, но были отбиты. Трудно было и подкрѣпляющимъ казаковъ сражаться; почему и поданъ былъ отбой. Увѣрившись, что безъ флота нельзя взять Азова, такъ какъ турки на своихъ судахъ подвозили къ крѣпости все необходимое, царь рѣшилъ снять осаду съ тѣмъ, чтобы запасти флотомъ и снова осадить Азовъ.

Въ 1696 г. подъ Азовомъ начали снова собираться царскія войска и флотъ. Ночью подъ 18 мая станичный атаманъ Поздѣвъ донесъ, что онъ стоялъ съ судовою въ 250 чел. командою на взморьѣ и, увидѣвъ два турецкихъ корабля, бросился на abordажъ, но борты кораблей оказались высоки, а бока кораблей прорубить не удалось, почему казаки и отступили, имѣя только 4 раненыхъ. Царь рѣшился атаковать непріятеля своимъ флотомъ. Къ флоту было присоединено 40 казачьихъ струговъ подъ начальствомъ атамана Минаева. Глубоко сидящіе царскіе корабли не могли пройти изъ Дона, между тѣмъ какъ казачьи суда шли отлично; царь пересѣлъ въ одно изъ нихъ и вышелъ съ казаками въ море для осмотра устьевъ. Оказалось, что на взморьѣ стояло уже не два, а девять большихъ турецкихъ кораблей, кромѣ разныхъ мелкихъ судовъ. Царь возвратился съ осмотра, оставивъ казаковъ съ аманомъ Фроломъ Минаевымъ при устьѣ Каланчи для наблюденія за непріятелемъ. Въ виду ихъ турки начали перевозить въ Азовъ на мелкихъ судахъ съ кораблей военные снаряды, припасы, людей. Одиннадцать изъ такихъ судовъ, какъ мелко сидящихъ, шли нагруженные къ Азову. Это было 20 мая вечеромъ. Казаки отважно налетѣли на нихъ, перебили людей и захватили всѣ суда съ кладью. Уцѣлѣвшіе турки въ ужасѣ бросились къ своимъ кораблямъ; казаки погнались

за ними. Переполошенный турецкій флотъ сталъ сниматься съ якорей, но въ тороняхъ два большихъ корабля не успѣли сняться и стали добычею казаковъ: одинъ изъ нихъ они сожгли, а другой затопили. Эта побѣда надъ грознымъ турецкимъ флотомъ была одержана одною тысячею донцовъ. За такой блестящій подвигъ казаки получили въ Высочайшую награду всю добычу, отбитую ими; для казны удержаны были только оружіе и военные снаряды. Въ добычѣ оказалось: 8000 аршинъ сукна, 400 ружей, 700 коней, 600 сабель, рисъ, табакъ, серебро и проч.

Подошли, наконецъ, царскія войска числомъ болѣе 60000 и заняли безпрепятственно прошлогоднія траншеи. Донскіе казаки (ишіе 4000 человекъ) стали у берега Дона, занимая лѣвый флангъ осадной линіи, а флотилія донцовъ присоединилась къ царскому флоту, занявшему надлежащія мѣста. «По Азову непрестанно стрѣляли днемъ и ночью изъ ломовыхъ пушекъ». Начались вылазки, схватки. Между прочимъ, взявъ приступомъ 2 бастіона и 4 пушки, казаки утвердились въ одномъ изъ нихъ. Турки не могли ихъ выбить, благодаря подкрѣпленію пѣхотою. Готовился общій штурмъ, но Азовъ сдался, (18 іюля), а вскорѣ затѣмъ сдалась и крѣпость Лютикъ. Ее принялъ отъ турокъ стольникъ Бахметевъ съ донскими казаками ¹⁸⁾.

Усмиреніе Астраханскаго бунта 1705 г.

„Служи царю-вѣроу, правдоу“.

Въ 1705 г. въ Астрахани стало разгораться возмущеніе: начались грабежи, разбои, поджоги. Астраханцы, для большаго успѣха, послали къ донскимъ казакамъ «прелестныя», т. е., соблазняющія къ возмущенію, письма. Но донскіе «атаманы и добрыхъ сердець» казаки съ «добраго и усерднаго, радѣтельнаго совѣта» не послушались возванія къ бунту, а схватили тѣхъ «подсыльщиковъ», заковали ихъ въ кандалы и съ «прелестными» письмами отправили

съ станичнымъ атаманомъ Кочетомъ къ Государю въ Москву. При этомъ донцы писали Его Величеству, что они крѣпкимъ заказомъ во все казачьи городки запретили своимъ приставать къ бунту, въ чемъ все цѣловали крестъ и евангеліе, а кто не сталъ-бы цѣловать крестъ и евангеліе, того въ куль да въ воду; а кто пристанеть—«буде приличатся» къ бунтовщикамъ, тѣхъ «по казачьей обыкности вѣшать за ноги». Въ этому казаки прибавили, что они и впредь будутъ служить Государю вѣрою и правдою.

Но этого мало; чтобы отрѣзать путь бунту къ Москвѣ, донское войско «безъ мотчанія» снарядило нѣсколько тысячъ казаковъ и быстро послало ихъ «съ знатною, доброю и вѣрою старшиною» Максимомъ Фроловымъ и съ Василиемъ Поздѣвымъ къ Царицыну. Между тѣмъ бунтовщики шли уже вверхъ по Волгѣ. Донцы съ войскомъ г. Царицына вступили въ сраженіе съ подошедшими возмутителями, разбили ихъ и заставили съ большимъ урономъ бѣжать обратно въ Астрахань. Въ Царицынѣ казаки схватили новыхъ единомышленниковъ бунтовщиковъ 100 человекъ. Оставивъ въ Царицынѣ своихъ 900 человекъ «для остерегательства», казаки возвратились на Донъ для хлѣбныхъ запасовъ. Оставленные въ Царицынѣ съ казаками старшины Пирожниковъ и Поздѣвъ (Леонтіи) сумѣли уговорить черноморскихъ стрѣльцовъ покориться. Царскія регулярныя войска были посланы на почтовыхъ, и въ мартѣ 1706 г. бунтъ былъ усмирень фельдмаршаломъ Шереметьевымъ. За участіе въ усмирениі опаснаго бунта, Петръ I прислалъ донскимъ казакамъ милостивую грамоту «на вѣчную имъ и дѣтямъ ихъ и сродникамъ ихъ славу». И кромѣ того наградилъ войско сверхъ обыкновеннаго жалованья 20000 руб. (деньги для того времени очень большія), а оставшихся въ Царицынѣ-деньгами и соболями на 1865 рублей. Донское войско награждено «честными знатными войсковыми клейнодами», войсковому атаману пожалованы «перначъ» и «бунчукъ», а войску донскому большое знамя и шесть станичныхъ знаменъ.

Казакѣ на войнѣ, а татары на Дону 1700—1756 г.

„Живуть какъ казакъ съ татаринѣмъ“.

За эти пятьдесятъ лѣтъ донцы принимали участіе въ войнахъ Россіи съ Швеціею, Польшею, Турціею и Персіею; приходилось сражаться въ Ливоніи, Эстляндіи и Лифляндіи, въ Польшѣ, въ Молдавіи, на Дунаѣ, въ Персидскихъ областяхъ. За мужество и храбрость, оказанныя въ этихъ войнахъ, донское войско было награждаемо знаменами.

Въ войнѣ съ Шведами (1700—1721), зашедшими и въ Польшу, донскіе казаки сражались со свойственною имъ храбростью. Между прочимъ они едва не захватили въ плѣнъ самого шведскаго короля, Карла XII. Однажды онъ только что выѣхалъ изъ Варшавы и переѣхалъ Вислу, какъ казачій разъѣздъ налетѣлъ на него и во мгновеніе ока изрубилъ весь его конвой. Еще моментъ и король попался бы живѣй въ руки, но онъ спасся благодаря быстротѣ своего могучаго скакуна. Въ другой разъ (это было 28 января 1707 г.) король выступилъ изъ Гродно въ сопровожденіи своей походной свиты и конвоя. Донцы вмѣстѣ съ регулярною кавалеріею успѣли заглянуть въ оставленную квартиру короля, а затѣмъ успѣли настичь и его самого. Отважные удалыцы врубались въ конвой короля; закинула рѣзня... Король стремглавъ полетѣлъ впередъ. Удалыцы, погнались за нимъ но Богъ и тутъ спасъ его отъ рукъ донцовъ: не догнали...

Въ войнѣ съ Польшею (1733—1735 г.)—не извѣстно объ особенно выдающихся казачьихъ дѣлахъ.

Въ войнѣ съ Турціею (1736—1739) казаки сражались съ обычнымъ мужествомъ, а, участвуя между прочимъ при осадѣ Азова, съ марта по 19 іюня 1736 г., отомеднаго по прежнему договору къ туркамъ, нерѣдко хаживали въ бой пѣшіе и мѣткостью выстрѣловъ превосходили тогдашнихъ пѣхотныхъ солдатъ.

При осадѣ Очакова, когда однажды турки сдѣлали вылазку, донскіе казаки одни отразили ихъ и отбили 400 ло-

шадей. При взятіи же Очакова, 2 іюля 1737 г., донцы первые съ гусарами ворвались въ городъ, гдѣ многіе изъ нихъ погибли въ пламени зажженного бомбами города. Подъ этимъ городомъ казаки особенно отличались въ схваткахъ съ турками, противъ которыхъ нерѣдко ходили по собственной волѣ пѣшими; пѣшими же ходили они и на приступъ.

При взятіи Хотина, въ августѣ 1739 г., погибъ между прочими храбрый сынъ атамана Фролова, Федоръ Ивановичъ Фроловъ (войсковой старшина и походный полковникъ). По взятіи города, казаки ворвались въ лагерь сераскера и въ его шатръ нашли отрубленную голову Фролова. Есть преданіе на Дону, что турки хотѣли послать ее султану. Въ Кіевѣ, у входа въ лавру, можетъ быть и доселѣ лежитъ надгробная плита съ слѣдующею надписью: «Славнаго донскаго войска знатный старшина и походный полковникъ Федоръ Ивановъ Фроловъ въ государственной службѣ подъ городомъ турецкимъ Хотинемъ на генеральной баталіи августа 1 дня отъ непріятели во главу усѣченъ; тѣшаніемъ донскихъ казаковъ глава его сыскана въ непріятельскомъ разбитомъ лагерѣ, въ шатръ командующаго сераскера и присовокуплена къ тѣлу, которое, по его желанію, здѣсь въ святой лаврѣ погребено сентября 18, 1739 г.»

Въ войнѣ съ Персією (1722—1734) Императоръ Петръ I послалъ, между прочимъ, изъ новаго города, — св. Креста походнаго атамана Краснощекова съ 1000 донцовъ и 4000 калмыковъ разгромить владѣнія султана Отелинскаго. Краснощековъ усѣлъ въ пять дней, съ 25 по 30 сентября 1722 г., разорить и пожечь все аулы султана и возвратиться съ большою добычею, потерявъ самое ничтожное число людей и оставя кровавый слѣдъ изрубленныхъ тѣлъ и дымящихся остатковъ жилищъ... Миръ заключенъ въ лагерѣ подъ Ганжею, 10 марта 1735 г.

Участвовали донцы и въ войнѣ съ Швецією съ 1741—1743 г. Съ объявленія войны, 13 августа 1741 г. по 1742 г. не было особенныхъ казачьихъ дѣлъ. 12 августа 1742 г. произошла стычка донцовъ, предводимыхъ знаменитымъ Краснощековымъ, съ шведскимъ отрядомъ майора

шадей. При взятіи же Очакова, 2 іюля 1737 г., донцы первые съ гусарами ворвались въ городъ, гдѣ многіе изъ нихъ погибли въ пламени зажженного бомбами города. Подъ этимъ городомъ казаки особенно отличались въ схваткахъ съ турками, противъ которыхъ нерѣдко ходили по собственной волѣ иъшими; иъшими же ходили они и на приступъ.

При взятіи Хотина, въ августъ 1739 г., погибъ между прочими храбрый сынъ атамана Фролова, Федоръ Ивановичъ Фроловъ (войсковой старшина и походный полковникъ). По взятіи города, казаки ворвались въ лагерь сераскера и въ его шатрѣ нашли отрубленную голову Фролова. Есть преданіе на Дону, что турки хотѣли послать ее султану. Въ Кіевѣ, у входа въ лавру, можетъ быть и доселѣ лежитъ надгробная плита съ слѣдующею надписью: «Славнаго донскаго войска знатный старшина и походный полковникъ Федоръ Ивановъ Фроловъ въ государственной службѣ подъ городомъ турецкимъ Хотинномъ на генеральной баталіи августа 1 дня отъ непріятели во главу усѣченъ; тщаниемъ донскихъ казаковъ глава его сыскана въ непріятельскомъ разбитомъ лагерѣ, въ шатрѣ командующаго сераскера и присовокуилена къ тѣлу, которое, по его желанію, здѣсь въ святой лаврѣ погребено сентября 18, 1739 г.»

Въ войнѣ съ Персією (1722—1734) Императоръ Петръ I послалъ, между прочимъ, изъ новаго города, — св. Креста походнаго атамана Краснощекова съ 1000 донцовъ и 4000 калмыковъ разгромить владѣнія султана Отелишскаго. Краснощековъ успѣлъ въ пять дней, съ 25 по 30 сентября 1722 г., разорить и пожечь всѣ аулы султана и возвратиться съ большою добычею, потерявъ самое ничтожное число людей и оставя кровавый слѣдъ изрубленныхъ тѣлъ и дымящихся остатковъ жилищъ... Миръ заключенъ въ лагерѣ подъ Ганжею, 10 марта 1735 г.

Участвовали донцы и въ войнѣ съ Швецією съ 1741—1743 г. Съ объявленія войны, 13 августа 1741 г. по 1742 г. не было особенныхъ казачьихъ дѣлъ. 12 августа 1742 г. произошла стычка донцовъ, предводимыхъ знаменитымъ Краснощековымъ, съ шведскимъ отрядомъ маіора

Шаумана (100 лейбъ драгунъ), на дорогѣ къ Бембеле. Въ жаркой стычкѣ Краснощековъ былъ убитъ и казаки отступили. 22 числа того же мѣсяца они напали на шведскіе посты подъ Гельсинфорсомъ, а 26 сдалась на капитуляцію шведская армія въ 17000 человекъ. 7 августа 1743 г. заключенъ миръ въ Або.

Но пока донцы отличались въ этихъ войнахъ своею удалюю и отвагою, на Донъ за все это время нерѣдко налетали кубанскіе и крымскіе татары и калмыки, разоряли и жгли казачьи станицы и убивали людей. Въ тому-же казаки обезсилились междуусобною рѣзней булавинскаго бунта и казнью преступныхъ изъ нихъ.

Въ маѣ, іюнѣ и августѣ 1706 г. кубанскіе татары и черкесы разоряли казачьи городки Цымлянскій, Терновской Кумшацкій, Романовскій и Каргальскій. Казаки, бывшіе на Дону, собрались, догнали хищниковъ на Сусатѣ, разбили ихъ и отняли назадъ все награбленное.

Въ 1713 г. азовскіе турки и кубанцы захватили въ степи нѣсколько сотъ казаковъ, забрали ихъ въ плѣнъ и, по договору, получили выкупныхъ по 100 руб. за каждаго казака. Въ 1714 г. донцы всѣмъ войскомъ выходили на встрѣчу султану Бахты-Гирею и прогнали его, а въ 1717 въ августѣ, этотъ султанъ вновь появился на Дону съ кубанскими татарами.

Войсковой атаманъ Василій Фроловъ, собравъ 5000 казаковъ, напалъ на султана при р. Бударгѣ и разбилъ его. 500 татаръ легло на мѣстѣ. Отбито 1500 русскихъ плѣнныхъ, которые и возвращены по домамъ. Казаки награждены были похвальною грамотою, а войсковой атаманъ—портретомъ государя, украшеннымъ алмазами.

Затѣмъ, 2000 калмыковъ сдѣлали набѣгъ подъ Черкасскъ и другіе городки, увели 246 казаковъ и угнали много скота. Собравшіеся казаки не догнали ихъ. Однако, впоследствии все было возвращено. Затѣмъ, Краснощековъ, имѣя 2000 казаковъ и калмыковъ, нагналъ партію хищныхъ татаръ и въ двухъ схваткахъ положилъ на мѣстѣ 470 тѣлъ и взялъ въ плѣнъ 80 человекъ. При этомъ бы-

ло отбито 3000 русских плѣнныхъ.

Въ августѣ 1737 г. кубанская орда, некрасовцы—измѣнники, черкесы и друг. «въ великомъ множествѣ» (болѣе 6000 чел.), ворвались въ донскіе городки Нижне-Каргальскій, Быстринскій, Камышовскій, Верхне-Каргальскій, Романовскій и Кумшацкій. Изъ нихъ особенно пострадалъ Кумшацкій ¹⁹⁾ городокъ: разоривъ его въ конецъ, хищники увели съ собою 10 казаковъ, 244 казачьихъ женъ, 500 казачьихъ дѣтей (240 мальч. и 260 дѣвоч.), умертвили 12 стариковъ и угнали 1200 лошадей, 6000 коровъ и 15000 овецъ. Въ городкѣ сожгли 200 домовъ, 300 базовъ, 6 хуторовъ и 4000 копенъ хлѣба; запершіеся въ церкви 50 человекъ погибли подъ ея горящими развалинами. Изъ взятыхъ въ плѣнъ во всѣхъ этихъ городкахъ казаковъ возвратилось только двое (Цымлянскаго городка): Федоръ Ларіоновъ и Федоръ Герасимовъ; всѣ остальные проданы въ неволю или погибли у злодѣевъ...

А изъ всѣхъ городковъ «побрано въ плѣнъ»:

Казаковъ	14.
Отставныхъ престарѣлыхъ казаковъ	16.
Казачьихъ женъ	384.
Мальчиковъ	303.
Дѣвочекъ	311.
Убито: казаковъ	4.
Отставныхъ престарѣлыхъ казаковъ	24.
Ранено: казаковъ	11.
Отставныхъ престарѣлыхъ казаковъ	2.

Отбито скота:

Лошадей	4026.
Коровъ	10270.
Телятъ	500.
Овецъ	21900.

Пожжено:

Домовъ	300.
Базовъ	350.

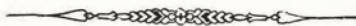

Кухонь	50.
Хуторовъ.	8.
Всякаго хлѣба копенъ	12400.

По распоряженію Императрицы Анны Іоанновны, войско-
вой атаманъ Фроловъ,—собралъ 9500 конныхъ, 1500 пѣ-
шихъ казаковъ, съ войсковою артиллерією (8 походныхъ
пушекъ съ 8 же пороховыми ящиками, да присланныя изъ
Азова 10 полковыхъ 6 фунтовыхъ мортириць и 2000 гра-
натъ) и съ 7 лодками (везли стенью на роспускахъ), по-
шелъ 1 ноября того же года на кубанскую сторону. При
атаманѣ были старшины «кои въ кубанскомъ походѣ имѣ-
ютъ быть полковниками»: Ивановъ, Емельяновъ, Ивановъ
(Тимофей), Харитоновъ, Еркашера, Поздѣвъ, Машлыкишъ,
Альбаковъ, Іевлевъ, Волошениновъ, Каршинъ (войсковой
дьякъ), Жмуринъ, Краснощекъ (Федоръ), Денисовъ, Гре-
ковъ, Титовъ, Ястребовъ, Аркаширинъ, Паздѣвъ (Иванъ),
Губаревъ, Нѣмухинъ, Михайловъ, Котлюбинцевъ, Рудаковъ
и Роба. Къ отряду былъ присоединенъ князь Оболенскій.
Вмѣсто себя атаманъ оставилъ старшину Ханженка, а на
Донцѣ 700 казаковъ при старшинахъ; Похомовъ, Пловай-
скомъ, Яновъ, Скасырскомъ, Бѣлогородцѣ и Гарбузаѣ. Соеди-
нясь съ калмыками 1-го декабря на Еѣ, казаки разбили
подъ Темрюкомъ 1000 кибитокъ татаръ, разорили городокъ
некрасовцевъ Ханъ-Тюбе и возвратились, благодаря вежеланію
калмыцкаго хана сражаться. ²⁰⁾

Тѣмъ же не менѣ въ 1738 г. кубанскіе татары напали то-
же въ августѣ на городки Быстрянской и Нижне-Баргаль-
скій, разорили ихъ, увели въ плѣнъ людей и захватили
скотъ.

Собравшіеся казаки догнали хищниковъ и отбили все
награбленное.

Разореніе Быстрянскаго городка татарами.

„Когда хата безъ запора и свинья въ нее войдетъ“.

15 августа 1738 г. въ Быстрянской городокъ присекака-

ли два испуганных всадника. Они торопились въ избу станичнаго атамана и кричали: «Валить на насъ Касай мурза съ черкесскою силою видимо невидимо!» Ударили «всполохъ», сбѣжались къ майдану станичники. Зашель шумный споръ какъ лучше «ухлѣбосолить» горцевъ; раздася голосъ есаула: «помолчите, помолчите, атаманы молодцы!» Говоръ затихъ. Стали въ кружокъ.

— Ну, атаманы молодцы! заговорилъ станичный атаманъ, опернишь на свою насѣку, застала насъ зима въ лѣтнемъ платьѣ. Теперь не часъ замышлять о шубѣ, надо подумать какъ бы голытьбѣ выдержать морозы! Не учить мнѣ васъ, атаманы молодцы, какъ рѣзаться съ басурманами: это дѣло казацкое, обычное. Но о томъ не смолчать мнѣ, что всѣхъ-то насъ теперь первой, второй да и конецъ счету; татарской же силы сложилось по наши головы тысячъ до тридцати, аль и больше.

— Счетъ-то великъ, перебилъ его старшина Роба, да цѣна въ алтынъ: Касай мурза громоздокъ ордою, а лихихъ узденей и джигитовъ у него всѣхъ по пальцамъ перечесть можно. Такъ не лучше ли не терять поры, залечь по концамъ городка и наждать татаръ на дуло? А тамъ гляди и войсковою атаманъ нашъ съ войскомъ помогу подастъ. А нѣтъ, то «лучше голова съ плечъ, чѣмъ живыя ноги въ кандалы»!

— То-то вотъ: голова съ плечъ! въ раздумьи проговорилъ атаманъ. Головы казакамъ складывать не диковина, да какова про мертвыхъ въ войскѣ рѣчь пройдетъ...

Вдругъ вошелъ старый, сѣдой казакъ Булатовъ и заговорилъ: не подь стать намъ теперь, атаманы, смутные заводы заводить, когда того и гляди татарская сила накроетъ нашъ городокъ. Разсудимся послѣ. Къ вечеру можетъ припадетъ намъ въ новоселье скочевать, въ матушку сырую землю: тамъ будетъ каждому расправа на чистоту. Подумаемъ о другомъ. Вѣдь дѣлу конецъ и теперь видѣнь: помочи ждаты не откуда; живыми отдаться стыдно, да и не за обычай, а пока у насъ шашки и ружья и порохъ есть и головы на плечахъ,—надо биться; вотъ и все тутъ! Давайте-ка раздѣлимся на десятки, да расбинемъ умомъ—разу-

момъ, гдѣ кому засѣсть въ концахъ городка. Я примѣрно покладаю вотъ какъ: Афанасію Меркуловичу (онъ указаль на Робу) быть на конѣ съ конными и сначала выскакать за городокъ; мнѣ, Булатову, въ передовыхъ лежать на валу; Михаилу Ивановичу (онъ указаль на казака Кургана) по базамъ и за городомъ сѣсть, а тебѣ, атаману, оставаться съ подможными недалеко отъ бою и быть надо всѣми старшимъ. Ну, станичники, какъ присудите, пригадаете?

«Быть по твоему!» «Къ дѣлу рѣчь!» «Дай Богъ добрый часъ!» заговорили всѣ.

Едва казаки успѣли занять назначенныя мѣста, какъ татары нахлынули на городокъ. Началась баталія...

«Эге! псжаръ въ городкѣ! Тушите, бабы!» крикнулъ атаманъ, и послѣдній резервъ вмѣстѣ съ нимъ устремился къ мѣсту боя.

Два сильныхъ татарскихъ пристуна быстрянцы отразили успѣшно, одушевляясь надеждою на помощь войскового атамана, но при третьемъ натискѣ, потерявъ большую половину станичниковъ, казаки уступили... Свирѣпые закубанцы, какъ бурный потокъ, разорвали ряды казаковъ и съ оглушающимъ крикомъ: «гайда, адынъ-джуръ!» (впередь!) кинулись въ ихъ жилища и зажгли нѣсколько куреней. Пламя мгновенно охватило городокъ.. Къ вечеру татары, обремененные добычею и полономъ, ушли, оставя за собою кровавые слѣды... Булатовъ погибъ со всею семьею. Съ окровавленными сѣдинами, раскинувшись на горячей золѣ своего куреня, спалъ онъ непробуднымъ, вѣковѣчнымъ сномъ. Возлѣ него умирали старая жена его, Нефедьевна, и меньшей внучкѣ; а старшій, молодой и бравый казакъ, метался въ предсмертной агоніи на майданской площади: у него были отрублены обѣ руки въ то время, когда онъ хотѣлъ вырвать у татарина страшный арканъ, захлеснувшій его не вѣсту²¹⁾.

И ис нынѣ въ станицахъ Быстрянской, и Нижне-Каргальской (теперь Маринская) держится обычай звонить три раза вечеромъ въ колоколъ рѣдкимъ звономъ (остатокъ стариннаго напоминанія, что послѣ третьяго удара ворота городка

запрутъ, и кто не поспѣлъ съ поля, ночуй, гдѣ хочешь); кромѣ того ежегодно 15 августа бываютъ поминальные обѣды, служатся панихиды по душамъ убиеннымъ въ 1738 г.; имена ихъ записаны... Благородная черта уваженія къ памяти погибшихъ предковъ!

Бригадиръ Иванъ Матвѣевичъ Краснощекъ.

„Леталь-то, леталь младъ сизою орель.

„По крутымъ горамъ онъ летаючи состарился,
Пробивала у него сѣдинушка между рѣзвыхъ крыль,
Побѣдела у него головушка ровно бѣлый сибѣгъ,
Потускнѣли у него, сиза орла, очи ясныя,
Примахаль сизою орель свои крылья рѣзвыя,
Обломаль свои остры когти вплоть до пальчиковъ.
Прилетали ко сизу орлу три черныхъ ворона...
Начали молодца три черныхъ ворона клевать
И ретивое его сердце вынимать...
Ахъ вы братья—товарищи! гдѣ вы подѣвались?
„Или вы по крутымъ горамъ разлетались“?

Этотъ знаменитый герой Донскихъ казаковъ—былъ первый изъ нихъ, удостоенный чина Бригадира, по коему онъ даже не состоялъ въ подчиненіи Войскового Атамана. Къ величайшему сожалѣнію, до насъ не сохранилось полныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о жизни этого удальца. Известно только, что онъ прославился въ своей молодости какъ отважный охотникъ «гулебщикъ». Считаемо нужнымъ оговориться относительно послѣдняго названія. Охотники въ то время обыкновенно хаживали вооруженными партіями—«гульбою» чело-вѣкъ по сту, по двѣсти, уходили мѣсяца на три, иногда на все лѣто, и уходили въ далекія и опасныя въ смыслѣ непріятелей, татаръ и горцевъ, мѣста, на Кубань, или въ при-вольныя степи. Слѣдовательно, отъ «охотника—гулебщика» требовалась прежде всего отвага. Таковъ и былъ Красноще-

ковъ: пѣсни, сложенные про него казаками, выставляютъ его какъ удалаго, отважнаго казака—охотника.

Между Кумь—рѣки, между Терекомъ,
Между трехъ было отоженокъ
Тамъ ходилъ—гулялъ младъ Донской казакъ,
Младъ Донской казакъ, младъ охотничекъ;
За плечьми носилъ пицаль—турку, винтовочку,
Долгомѣрную ее, семипядную, восьмибляшную,
У винтовочки насѣточка позлащенная,
Вмѣсто цѣлика у ней бральянтъ камсъ,
На винтовочкѣ написано, какъ напечатано,
Что Иванъ ли сударь, Краснощековъ сынъ!
Онъ и шоль то не стежкой и не дорожкой,
А все тропинкою да все звѣриною...

Громка была слава о его храбрости между черкесами: они звали его «аксакъ», т. е. хромой; донцы же съ своей стороны отлично знали безстрашнаго черкесскаго богатыря «овчара»; всякій опасался съ нимъ встрѣчаться. Краснощековъ и овчаръ искали встрѣчи другъ съ другомъ. И вотъ исполнилось ихъ желаніе. Дѣло было гдѣ то у самой Кубани. Разъ осенью подъ вечеръ Краснощековъ наѣхалъ на какого то «гулебщика». Это и былъ овчаръ. Онъ лежалъ закутанный въ бурку у опушки лѣса, надъ крутымъ обрывомъ берега, и задумчиво глядѣлъ на огонекъ потухавшаго костра. Краснощековъ сразу узналъ его, а онъ лежить, не шелохнется и какъ будто ничего не видитъ, хотя не могъ не узнать аксака. Краснощековъ, не полагаясь на свое ружье (оно не било такъ далеко, какъ у овчара),—вдругъ прилежъ въ траву и выставилъ въ сторонѣ отъ себя свою шапку-трухменку. Моментъ и—пуля овчара сбила шапку на землю. Аксакъ рванулся къ овчару и выстрѣломъ въ упоръ положилъ богатыря. Оружіе и аргамакъ убитаго достались Краснощекову. Отъ этого жеребца пошла «овчарская» порода и долго славилась на Дону. Затѣмъ Краснощековъ является уже прямо воиномъ, храбро сражавшимся въ крымскихъ степяхъ, въ Персіи, въ Финляндіи. Во всѣхъ этихъ войнахъ и походахъ онъ своею, изъ ряду вонъ выходящею, храбростью приобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе казаковъ, каковыя чувства и выразились въ пѣсняхъ о немъ. Съ

обычнымъ мужествомъ сражался Краснощековъ со шведами въ Финляндіи и это мужество прославило его между врагами: шведы знали его очень хорошо. Въ ночь на 12 августа 1742 г. шведскій маіоръ Шауманъ былъ высланъ съ сотнею драгунъ на рекогносцировку по дорогѣ къ Бембеле и встрѣтилъ близъ тамошняго пасторскаго дома отрядъ донскихъ казаковъ, которые подъ начальствомъ Краснощекова пробирались по болоту, прикрывавшему собою фронтъ шведской арміи. Завязалась перестрѣлка и послѣ непродолжительной, но жаркой схватки казакамъ пришлось отступитъ; но тутъ Краснощековъ былъ убитъ...

Подробности смерти его подали поводъ къ разнымъ толкамъ: шведы утверждали, что маіоръ Шауманъ загналъ Краснощекова въ болото, уже получившаго три сабельныя раны, и завязшаго съ лошадыю въ трясины — приказалъ застрѣлить; другіе говорятъ, что онъ просто былъ убитъ въ этой схваткѣ; а по словамъ третьихъ, — шведы будто взяли его въ плѣнъ живаго и содрали съ него кожу. Въ одномъ финскомъ псалтырѣ найдена такая замѣтка: «считали не малымъ счастьемъ, что полководецъ казаковъ (донскихъ) Краснощековъ во время перепалки съ шведами лейбъ-драгунскимъ маіоромъ Шауманомъ загнанъ въ болото, гдѣ и умеръ; по мнѣнію всѣхъ, онъ стоилъ бы намъ дорого». Фельдмаршалъ Ласси, узнавъ о смерти Краснощекова, просилъ шведовъ выдать его тѣло и, получивъ согласіе, прислалъ на слѣдующій день казачьяго офицера съ людьми. Они привезли на верблюдѣ платье для покойника; одѣли его въ парчевый кафтанъ, какой носили тогда атаманы и старшина, и отправили наннихиду; положивъ затѣмъ тѣло его на спину верблюда, покрыли его большимъ покровомъ, который четверо слугъ держали за углы, и въ такомъ видѣ доставили въ русскій лагерь. Затѣмъ тѣло знаменитаго храбреца было 28 августа 1742 г. отправлено, въ сопровожденіи одного изъ сыновей Краснощекова, полковника Ѳедора Ивановича, изъ Гельсингфорса въ Черкасскъ, гдѣ и погребено ²²).

Краснощековъ былъ могучаго тѣлосложенія, очень силенъ и храбръ чрезвычайно; отъ раны пулею въ ногу прихрамывалъ.

Предполагають, что въ числѣ портретовъ въ домѣ игуменѣ Старочеркасскаго монастыря есть и его портретъ.

О Краснощековѣ, этомъ любимѣйшемъ донцами героѣ, было сложено много пѣсень. Одна изъ нихъ говоритъ, что онъ погибъ отъ предательства.

Семилѣтняя война 1756—1763 г.

Въ 1756 г. Россія объявила войну Пруссіи и русская армія вступила въ ея предѣлы. При арміи перебувало до 16.000 донскихъ казаковъ и калмыковъ подъ предводительствомъ генералъ-маіора Данилы Ефремова и бригадира Краснощекова Ѳедора Ивановича, сына знаменитаго удальца, погибшаго въ шведскую войну.

Полки были: Краснощекова, Пушкарева, Луковкина, Попова, Себрякова, Дячкина, Туровърова, Черфилова, Ребрикова и др.

Наиболѣе поработали донцы въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1757 г., 28 іюля, въ стычкѣ съ непріателемъ въ Пичкинскомъ лѣсу, нанеся ему большія потери; 7 августа въ стычкѣ съ прусскими гусарами у Норкитина, при чемъ гусары отступили въ полномъ безпорядкѣ; 19 ч въ сраженіи при Гроссъ—Эгерндорфѣ; 9-го іюня 1758 г.,—подъ начальствомъ Краснощекова, въ стычкѣ съ прусскими гусарами подъ Штепичномъ; 8 іюля 1761 г. при д. Фархминѣ есауль Кирсановъ съ донцами обратилъ въ бѣгство прусскій отрядъ генерала Вернера; 1 сентября отрядъ Бибикова, гдѣ были и донцы, разбилъ отрядъ пруссаковъ, захватилъ въ плѣнъ генерала Вернера; 8 офицеровъ, 500 нижнихъ чиновъ и 2 орудія; около 15 сентября лихіе набѣги подполковника Суворова на Лянсбергъ. 24 апрѣля 1762 г. заключень миръ.

За боевые подвиги донцовъ въ эту войну было пожаловано войску донскому большое бѣлое знамя. Изъ наградъ отличившимся одна особенно любопытна, это—золотая въ 50 червонцевъ медаль полковнику Машлыкину, съ надписью:

«Побѣдителю надъ пруссаками августа 1 дня 1759 года».

* * *

Въ первый годі компаніи русскіе разбили пруссаковъ и отошли къ границамъ. Это было въ 1757 г., при Гросс-Эгерсдорфѣ. Пруссаки застали насъ тогда врасплохъ: батальоны еще устранивались къ битвѣ, когда непріятель всѣми силами уже наступалъ. Въ одно время войска и строились и отбивались. Правый флангъ и центръ вступили въ дѣло раньше, войска авангарда, стоявшія влѣвѣ, были пока заняты перестрѣлкой. Но вотъ показались казаки подъ начальствомъ Себрякова. Не спѣша, объѣхали они лежащее впереди болото, опустили пшки и съ обычнымъ гикомъ попеслись на прусскую конницу: то были драгуны принца Брауншвейгскаго. Подскакавъ на ближнюю дистанцію, донцы вдругъ остановились и повернули лошадей; драгуны тотчасъ погнались за ними. Прусская конница, преслѣдуя по пятамъ казаковъ, неслась прямо на 15-ть, совершенно готовыхъ къ бою, батальоновъ; кромѣ того, ее ждали 40 заряженныхъ полковыхъ пушекъ и полевая артиллерія большаго калибра. Наша пѣхота раздалась, пропустила казаковъ и только головной непріятельскій эскадронъ успѣлъ проскочить за фронтъ. Въ это время правофланговые полки уже успѣли зайти правымъ плечемъ, а батарея, повернувши пушки, дала картечный залпъ поперекъ скачущихъ эскадроновъ, что имѣло успѣхъ «наивожделѣннѣйшій». Всадники, успѣвшіе на коняхъ, бросились назадъ; проскочившіе же за фронтъ попали въ западню: тѣ же казаки, вмѣстѣ съ драгунами, перебили ихъ всѣхъ до единого. Тогда нашъ авангардъ двинулся всѣми силами впередъ, но пруссаки уже вездѣ отступали. Такъ отличились донцы при первой же встрѣчѣ съ прославленнымъ противникомъ. Когда русскія войска покидали Пруссію, казаки, какъ пеленой, прикрывали ихъ отступление. Даже прусскіе гусары не могли провѣдать, какими путями мы уходимъ. ²³).

* * *

На третій годъ войны русскіе, приблизившись къ Оде-

ру, подступили къ прусской крѣпости Кюстрину. Пока тянулась осада, наши захватили на Одерѣ, версть 60 пониже крѣпости, важную переправу у городка Шведта, гдѣ нашли три пушки, 2 т. четвертей хлѣба, разыскали часть королевской казны. Обереженіе переправы и все теченіе рѣки до Кюстрина было поручено казакамъ. Не смотря на то, что съ часу на часъ ожидали изъ за Одера прусскаго короля, донцы безбоязненно переплывали эту рѣку и хозяйничали на той сторонѣ, какъ у себя дома. Въ самый праздникъ Преображенія походный атаманъ Краснощековъ, рыская за Одеромъ, захватилъ 1½ т. рогатаго скота и полтора ста лошадей; помимо того, казаки перехватили на рѣкѣ 3 барки съ мукой и на этихъ же баркахъ доставили всю добычу подъ Кюстринъ. Черезъ 2 недѣли Краснощековъ повторилъ набѣгъ, и на этотъ разъ изъ подъ носа у пруссаковъ отбилъ 2/т. головъ скота, да 2½ сотни лошадей, вполне годныхъ для строя. Донцы же первые дали знать о приближеніи короля. Онъ спѣшилъ на выручку осажденной крѣпости. Донцы окружили прусскія колонны и провожали ихъ на маршъ стѣннымъ обычаемъ: наѣзничали, задирали; налетая въ одиночку, стрѣляли изъ пистолетовъ, или просто кружились передъ фронтомъ. Пруссаки шли молча, не останавливаясь. Искусными маневрами король отбѣсилъ нашу армию въ уголь, между двухъ рѣчекъ, и напалъ на нее съ ожесточеніемъ. Казалось, что русскіе приросли къ землѣ, пустили въ ней корни. Нѣсколько смѣлыхъ атакъ было отражено, но прусская пѣхота, поддержанная конницей, вновь устраивалась и вновь шла умирать на русскихъ штыкахъ. Покончивъ съ помощью своей многочисленной кавалеріи наше правое крыло, король въ серединѣ дня началъ атаку лѣваго фланга. Тогда 27 русскихъ батальоновъ, примкнувъ штыки, бросились впередъ и произвели среди пруссаковъ ужасное кровопролитіе. Но къ нимъ на выручку опять неслась конница: 60 эскадроновъ сдвинули и лѣвый нашъ флангъ. Болѣе семи часовъ дрались обѣ арміи съ одинаковымъ ожесточеніемъ; наконецъ они стали между собой подъ угломъ: свои и чужіе перемѣшались въ общей свалкѣ. Громъ артил-

леріи умолкъ, рубились на сабляхъ, кололись штыками, пока король не прекратилъ этой рѣзни и не отвелъ своего войска за полверсты назадъ. Нашимъ же некуда было отойти, по чеймѣнью мостовъ. Казаки во время боя не оставались праздными. Они ворвались въ деревню, прикрывавшую правый флангъ пруссаковъ и сожгли ее; обозъ, стоявшій подъ защитою крестьянъ, начисто ограбили. На другой день обѣ арміи, медленно передвигаясь, наблюдали другъ за другомъ. Густая цѣпь донцовъ прикрывала нашъ флангъ, а подъ ея прикрытіемъ была собрана батарея изъ пушекъ и гаубицъ. Вотъ развернулась стройными рядами многочисленная и прекрасная конница пруссаковъ. Еще нѣсколько минутъ, — и она пошла рысью. Донцы раздались вправо и влево, очистили фронтъ артиллеріи, и та встрѣтила такимъ смертоноснымъ огнемъ, что «неприятель пришелъ въ превеликое смятеніе, съ не малымъ урономъ онъ долженъ былъ ретироваться къ своей нѣхотѣ». Тогда, въ свою очередь, бросаются казаки и накрываютъ прусскую батарею въ 8 орудій, чѣмъ и закончилось кровавое побоище при деревнѣ Цорндорфѣ. 10/т. труповъ свидѣтельствовали объ его уорствѣ. ²⁴).

* * *

Простоявъ бивуакомъ на берегу Шпре, прусская армія, въ числѣ 20/т., ночью потянулась на Потсдамъ. Казаки замѣтили это движеніе. Графъ Панинь, при первомъ же натискѣ, истребилъ весь прусскій арріергардъ, при чемъ — отбилъ тысячу плѣнныхъ и 2 орудія, а походный атаманъ Краснощеконъ, «во весь духъ» въ погоню, нагналъ главныя силы и преслѣдовалъ ихъ подъ самыя пушки Потсдама. Между тѣмъ Берлинъ сдался. Чернышевъ забралъ королевскую казну, приказалъ истребить всѣ магазины, склады оружія, арсеналъ, пушечный и литейный заводы, — все, чѣмъ только могъ вредить намъ неутомимый противникъ, и самъ тоже отступилъ ²⁵).

* * *

Подъ конецъ семилѣтней войны прусскій король выдвинулъ особый десятитысячный корпусъ, собственно для то-

го, чтобы истреблять наши магазины, мѣшать передвиженіямъ войскъ, или затруднять осаду крѣпостей. И нашъ главнокомандующій составилъ летучій конный корпусъ, куда попалъ будущій генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ. Его ближайшими сподвижниками сдѣлались донцы, и непріятель скоро почувствовалъ ихъ частые, всегда мѣткіе, удары. Когда пруссаки двигались на выручку крѣпости Кольберга, Суворовъ съ сотней донцовъ переплылъ рѣку Нетцу, прошелъ въ одну ночь 45 верстъ и приблизился къ г. Ландсбергу, стоявшему на пути слѣдованія нѣмцевъ. «Городъ нашъ! Ура! Нападёмъ!» — «Тамъ прусскіе гусары!» замѣтилъ ему проводникъ. — «Помилуй Богъ, какъ это хорошо: ихъ — то мы и ищемъ!» Казаки понеслись къ воротамъ, но ворота оказались запорты. «Ломи ихъ!» Ударили брѣвномъ разъ, другой, — ворота разлетѣлись. Съ гикомъ и пальбой казаки ворвались въ городъ, часть гусаръ перебили, часть перехватили. Суворовъ въ это время уже скакалъ по мосту. «Одно ломи, другое жги!» кричалъ онъ вслѣдъ едва за нимъ поспѣвавшей кучкѣ донцовъ. Покончивъ дѣло, они скрылись. Пришли пруссаки, — моста какъ не бывало. Пришлось собирать лодки, понтоны, на что времени ушло не мало, а на войнѣ, извѣстно, каждый часъ дорогъ. При дальнѣйшемъ движеніи пруссаковъ Суворовъ тревожилъ ихъ фланги, портилъ пути, при случаѣ отхватывалъ боковые или тыльные отряды. Не смотря на свой малый чинъ, онъ командовалъ въ ту пору тремя гусарскими и семью казачьими полками. Во всѣхъ случаяхъ онъ распоряжался какъ лихой кавалерійскій генералъ, и въ тоже время былъ смѣтливъ и находчивъ, какъ простой наѣздникъ. Донцы не чаяли въ немъ души.²⁶⁾

* * *

При вступленіи нашихъ войскъ, кажется, въ Митаву, казаки стали разузнавать, нѣтъ ли гдѣ спрятавшихся враговъ? Одинъ еврей повелъ двухъ казаковъ въ домъ пастора и указалъ на прусскаго офицера. Онъ лежалъ тяжело раненый. Казаки изумились. Одинъ изъ нихъ сказалъ раненому врагу:

— «Нихть трусь, прусакъ: казакъ нихть блуть» (т. е. не бойся, прусакъ: казакъ не окровавитъ тебя) и подаль ему руку. А затѣмъ казаки приняли еврея въ плети за наведеніе на беззащитнаго врага. ²⁷⁾

Послѣдствія этой войны для донскихъ казаковъ были очень важны: прусская кавалерія, по своей боевой способности, считалась тогда очень грозною въ Европѣ, но съ первыхъ же схватокъ эта знаменитая кавалерія была очень часто бита донскими казаками.

Слѣды этой войны находятся и нынѣ на Дону: въ ризницѣ Старочеркаскаго монастыря есть покрывало съ прусскими орлами; оно пожертвовано въ церковь благочестивыми казаками, возвратившимися на родину съ прусскою войны.

По смерти Императрицы Елизаветы Петровны русскія войска уже въ союзѣ съ прусскими воевали противъ своихъ бывшихъ союзниковъ австрійцевъ; а въ кавалеріи прусскаго короля Фридриха Великаго служило два донскихъ казачьихъ полка Денисова и Колнакова. За оказанную храбрость король лично благодарилъ обоихъ командировъ, выдалъ имъ похвальныя свидѣтельства и обѣщалъ наградить Денисова своимъ портретомъ.

Турецкая война 1769—1774 г.

Въ 1769 г. разгорѣлась война съ Турціею. Казаковъ въ пей участвовало до 22.000, подъ начальствомъ походныхъ атамановъ Михаила Поздѣва, Тимофея Грекова, Дмитрія Мартынова и Никифора Сулина. Россія выставила двѣ арміи: одну (дѣйствующую) въ 55.000, подъ начальствомъ князя Голицына, а другую (резервную) въ 30.000, подъ начальствомъ графа Румянцева. Въ первую армію было потребовано до 4.000 донскихъ казаковъ, которые прибыли и поступили подъ команду князя Прозоровскаго. Война закончилась миромъ при дер. Кучукъ—Кайнарджи, 10 іюля 1774 г. Донцы отличились 1 февраля 1769 г. при м. Круты: 100

егерей при одной пушкѣ и 400 казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Бринка, разбили 2.000 неприятелей съ его 4 орудіями. 29 августа донцы участвовали въ пораженіи турокъ подъ Хотиномъ. 14 ноября полковникъ Колпаковъ съ 200 казаковъ разбилъ около 500 татаръ на вершинѣ Калміуса. 7 іюля 1770 г. донцы принимали участіе въ сраженіи при Ларгѣ, 19 іюля—подъ Каушанами: 1500 татаръ отбиты и обращены въ бѣгство донцами, 17 апрѣля 1773 г. 2000 турокъ подъ начальствомъ Черкесъ—наши были разбиты при Бабадагѣ и нашъ отрядъ преслѣдовалъ ихъ 15 верстъ (600 гренадеръ, 400 егерей, 1,400 казаковъ при 6 орудіяхъ); 19 ч. происходило дѣло при Карамуратѣ: передовой отрядъ казаковъ полковниковъ Мартынова и Денисова разбилъ на голову отрядъ татаръ (500 человекъ) и проч.

* * *

Кромѣ отдѣльныхъ наградъ отличившимся въ этой войнѣ Императрица 10 іюля 1775 г. наградила войско донское бѣлымъ знаменемъ, великолѣпно и роскошно отдѣланнымъ. Подобныхъ знаменъ, до этого еще не было жалуемо войску; на знамени надпись «нашему вѣрнолюбивому войску Донскому за храбрыя и мужественныя подвиги во время минувшей войны съ турками». Но нѣсколько раньше этого, именно 28 іюня 1775 г. войску донскому была пожалована грамота «ко всенародному свѣдѣнію, на память будущихъ временъ» при чемъ войско наименовано «храбрымъ и полезнымъ» и упоминалось что «врожденное онаго войска военное искусство и неутомимость во всегдашней передовой стражѣ—превозмогали и совершенно уничтожали всегда всякое покушеніе неприятеля».

* * *

16 апрѣля казаки первые имѣли дѣло съ турками, при чемъ захватили нѣсколько плѣнныхъ, а 17 подъ командою князя Прозоровскаго, хотя и положили до 400 турокъ и отбили два знамя, но сами потеряли 30 человекъ ране-

ными и 22 убитыми, въ числѣ коихъ—старшины Пушкаревъ и Федотовъ.

14 августа 1769 г. донскіе казаки съ тремя баталіонами пѣхоты разнесли 10.000 татаръ и заставили ихъ въ ужасѣ кидаться въ Днѣстръ. По взятіи Хотина, съ весьма ничтожною съ нашей стороны потерею, армія наша, занявъ Молдавію и Валахію—стала тамъ на зимовку.

* * *

При второй арміи графа Румянцева было до 10.000 казаковъ. У Перекопа, полковникъ Горбаковъ съ 2000 казаковъ и калмыковъ съумѣлъ отбиться отъ превосходныхъ въ силахъ татаръ, старшина Колмаковъ съ 200 казаковъ нагналъ партію въ 500 человекъ и убилъ изъ нихъ 100, есаулъ Сулинь—тоже разбилъ небольшую партію и проч.

Подъ Бендерами казаки отбивали очень много скота, лошадей и овецъ. 26 октября вышедшіе изъ Бендеръ 14000 турокъ были разбиты легкими войсками и въ томъ числѣ казаками, прогнаны назадъ въ крѣпость и отбита огромная добыча. Въ этомъ дѣлѣ есаулъ Ребриковъ и хорунжій Некрасовъ взяли два знамя; потеря убитыми 21 и ранеными: походный атаманъ Грековъ, полковники Лацилинь и Карповъ, 5 старшинъ, 2 есаула и 4 казака.

Графъ Румянцевъ—назначенъ главнокомандующимъ первой арміи.

* * *

18 іюля 1770 г. былъ совершонъ донцами интересный подвигъ; вотъ какъ о немъ рассказываетъ Броневскій въ своей исторіи: «Визирь, окруженный многочисленною толпою лучшихъ своихъ наѣздниковъ, выѣхалъ для обозрѣнія нашего лагеря. За три дня передъ симъ прибылъ съ Дона полкъ Иловайскаго. Казаки сего полка, предъ лицомъ своей арміи сразились съ турецкими рыцарями, какъ на турнирѣ и столь удачно, что чуть чуть не схватили за бороду самого Визиря, великолѣпно одѣтаго, который, оставивъ на мѣстѣ 15 своихъ богатырей, не кончивъ обозрѣнія,—отступилъ во весь

карьеръ. Удалые наши донскіе витязи, покрытые ранами, но не потерявъ ни одного убитого, при возвращеніи въ лагерь встрѣчены были музыкою, барабаннымъ боемъ и отъ всей арміи привѣтствованы громкимъ «ура»!

* * *

21 іюля казаки участвовали въ знаменитой побѣдѣ Румянцева надъ турками при Кагулѣ, гдѣ 17000 русская армія разбила 150000 армію турецкую. Наша армія опять расположилась на зимовку.

Во второй арміи, подъ начальствомъ графа Панина, было 12000 казаковъ. Изъ многихъ подвиговъ ихъ можно указать на слѣдующій: казаки подъ начальствомъ князя Кантемира, ворвались въ Журжу и удержались въ ней, сражаясь замѣчательно мужественно и притомъ пѣшими, и въ добычу получили 1000 повозокъ ²⁸).

* * *

Во время этой войны было совершено покореніе Крыма княземъ Долгорукимъ, изъ второй арміи. Въ распоряженіи Долгорукова было 11 пѣхотныхъ и 13 конныхъ полковъ, 7000 казаковъ, съ походнымъ атаманомъ Себряковымъ. Съ этимъ небольшимъ войскомъ князь Долгорукій подъ 14 іюня 1771 г. отважно взялъ приступомъ черкепскія линіи, прогналъ хана, съ его 62 тысячною армією, затѣмъ овладѣлъ Арабатомъ, а за нимъ и Кафою, гдѣ турки потеряли 3500 человекъ убитыми, 700 плѣнными, 30 пушекъ, лагерь и весь обозъ. Послѣ этого наши войска заняли Керчь и Еникаль. На пути къ Карасубазару арьергардъ нашего отдѣльнаго корпуса Броуна былъ сильно тѣснимъ шестидесятитысячнымъ сборищемъ татаръ: они съ величайшею храбростію бросались нѣсколько разъ въ атаку, но были всякій разъ отбиваемы. При отступленіи, ихъ сильно преслѣдовалъ полковникъ Шевичъ съ гусарскимъ полкомъ и казачьимъ полкомъ Себрякова. Не разъ эти полки врубались въ толпы неприятеля и наносили имъ жестокій уронъ. По занятіи Судака, Балаклавы и другихъ городовъ, армія князя Долгорукова

вышла въ Украину зимовать, оставя для защиты Крыма корпусъ князя Щербатова. Въ 1772 и 1773 г. не было особенно выдающихся дѣлъ, какъ были они въ 1774 г. подъ Русукомъ, Силистрією, Козлуджей и особенно подъ Шумлою, что и вынудило турокъ просить мира, по коему Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи.

* * *

Главнокомандующій, графъ Румянцевъ аттестовалъ служившихъ въ его арміи донскихъ казаковъ слѣдующимъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ:

«Графъ Петръ Румянцевъ, Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, Всемилостивѣйшей Государыни моей, генераль фельдмаршалъ, повелѣвающій армією и корпусомъ, расположеннымъ къ сторонѣ Крыма, Малой Россіи генераль губернаторъ, малороссійской коллегіи президентъ, кирасирскаго полка военного ордена полковникъ; орденовъ Россійскихъ Императорскихъ, святыхъ апостола Андрея, военного—Великомученика и Побѣдоносца Георгія 1-го класса, Александровскаго и Голетинскаго св. Анны кавалеръ.

По Высочайшей довѣренности Ея Императорскаго Величества: я, будучи предводителемъ арміи въ послѣднюю войну съ турками, подтверждаю многократныя мои засвидѣствованія и симъ вообще удостовѣреніемъ о всѣхъ г.г. Старшинахъ и казакахъ войска Донскаго, находившихся въ теченіи войны подъ моею командою что; подвиги ихъ противъ непріятели отлично успѣшествовали въ славныя успѣхи Россійскаго оружія. Они составляли зимою и лѣтомъ первую стражу арміи, не утомляясь ни нуждою, ни невыгодами, такому положенію свойственными, въ мѣстахъ напаче необитаемыхъ. Ихъ бдѣнію и врожденному въ нихъ военному искусству, одолжены мы особливо, что непріятели нигдѣ не могъ во вредъ нашъ скрыть своего движенія, но былъ часто чрезъ собственныя ихъ силы отбитъ и превозмогаемъ. а побуждаемы будучи доброю волею и рвеніемъ къ службѣ во всякомъ случаѣ, гдѣ только было дѣло съ непріятеlemъ,

въ малыхъ и большихъ стычкахъ и въ самыхъ генеральныхъ сраженіяхъ, пускались они въ огонь первые, отличаясь храбростію чрезвычайною, повиновеніемъ власти и жертвованіемъ самой жизни обрѣтали премногія надъ непріятелемъ побѣды. Доводы ихъ мужества, военного искусства раченія и послушанія въ дѣйствіяхъ, которыя отъ меня собственно или отъ генераловъ отрядами войскъ командовавшихъ, на нихъ возложены были, больше и удивительнѣе отъ нихъ содѣяны, нежели оныя описать, или довольно восхвалять есть удобно. Я словомъ заключаю мое свидѣтельство, что сіе храброе и полезное отечеству Донское войско по отличнымъ своимъ заслугамъ, въ войнѣ доказаннымъ, достойно Высочайшаго благоволенія и милостей Монаршихъ. Еже даю за подписомъ и печатью моими Малороссійскаго Прилуцкаго полку въ селѣ Парافةевкѣ, іюня 4 дня 1775 г.»²⁹).

Донцы — гулебщики.

„Пойдемте мы, братцы, на Куму рѣку,
На Кумѣ рѣкѣ зимовать будемъ,
Мы подѣлаемъ балаганы камышевые,
Разъѣзды будемъ имѣть дальніе
До того—то мѣстечка до урочнаго,
До того-то кургана высокаго.
Мы будемъ бить, братцы, куницъ, лисицъ,
Куницъ-то лисицъ и черныхъ соболей...“

Задумавъ «погулять», казакъ выходилъ въ своей станицѣ на «майданъ» (сборное мѣсто), къ станичной избѣ, и, кидая шапку вверхъ, кричалъ: «атаманы молодцы, послушайте! кто на Куму—рѣку полевать и на Кубань ясыря (плѣнныхъ) добывать»? Желаящіе, въ знакъ согласія, бросали шапки вверхъ, шли въ кабакъ и въ немъ выясняли подробности похода, затѣмъ на майданѣ выбирали походнаго атамана, кашевара и проч.

— Собравшаяся партія, хорошо вооруженная, уходила въ раздольныя, но опасныя степи на Кубань, на Куму и т. п.

Тамъ казаки били дичину, поддобывались чѣмъ попало и схватывались съ такими же случайными партіями Кавказскихъ удалцовъ. Бывали случаи, что въ такихъ схваткахъ казаки всѣ до одного клали свои головы.

На «гульбу», или «полеванье» выходили партіями конными и пѣшими, человекъ до 100 и болѣе; но хаживали иногда и одиночками. Это самые безшабашные «характерники». Таковъ былъ знаменитый Иванъ Матв. Краснощекъ.

Во время построения Суворовымъ укрѣпленій на Кубани появилась тамъ партія донскихъ «гулебичиковъ» и стала на берегу малаго Зеленчука; нѣсколько человекъ отдѣлилось на розыскъ удобныхъ мѣстъ для охоты. Въ то же время до 30 молодыхъ Черкесовъ, и въ томъ числѣ князь Капланъ-Канокъ, задумавъ «поджигитовать», отдѣлилось отъ своей партіи, шедшей къ русскимъ для грабежа. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ пробравшагося вдаль, по зарослямъ, человека на плохой лошаденкѣ, необыкновенно одѣтаго, съ пикою и винтовкою. Тотчасъ молодежь черкесская окружила его и со смѣхомъ требовала, что бы онъ слѣзъ съ коня и отдастъ оружіе. Мрачно взглянулъ казакъ на джигитовъ, неуклюже слѣзъ, неловко снялъ саблю, винтовку, кинжалъ, воткнулъ пикю въ землю и—предсталъ предъ ними. На вопросъ по нагайски: что имъ нужно? раздался дружный взрывъ хохота. Передъ ними стоялъ человекъ богатырскаго сложенія, одѣтый въ неуклюжій охабень, на головѣ высокая рысья шапка, лицо было загорѣвшее, грязное. Они велѣли ему взять оружіе и ѣхать за ними. Увальнемъ взвалился богатырь на чалаго невзрачнаго маштака... Новый взрывъ хохота. Заставили его джигитовать,—опять хохотъ. Но вдругъ неуклюжій богатырь оправился въ сѣдлѣ, станъ его выпрямился, размятый конь наострилъ уши. Грянулъ выстрѣлъ и одинъ изъ джигитовъ съ прострѣленнымъ лбомъ между бровей—покатился. Черкесы вспыхнули, бросились за казакъ—богатыремъ. Но чалый лихо несъ всадника, быстро зарядившаго винтовку. Приостановился конь, оборотился ловко всадникъ, раздался выстрѣлъ и ближайшій джигитъ покотился на землю, прострѣленный въ лобъ между бровей

Гоньба за богатыремъ усилилась, а онъ — клалъ одного за другимъ выстрѣлами и все — въ лобъ между бровей. Уложилъ онъ семерыхъ и навелъ преслѣдующихъ на свой охотничій таборъ. Пораженные джигиты рѣшились отомстить нападеніемъ на малочисленный станъ казаковъ. Лунною ночью въ казачьемъ таборѣ едва тлѣлъ костеръ, — стояли кони и волы, людей же не было ни одного. Спѣшныя горцы смѣло подошли къ повозкамъ, шаговъ на 15. Вдругъ грянулъ залпъ и 15 хищниковъ пало въ предсмертныхъ судорогахъ. Горцы бросились впередъ къ возамъ. Новый залпъ и новые покойники. Не сдѣлавъ ничего, горцы отступили и на зарѣ завязали переговоры; старый князь ихъ со стариками подъѣхалъ, громко вызывая старшаго. Съ воза поднялся исполинъ — казакъ въ малахаѣ, въ высокой рысей шапкѣ. Молодежь узнала его и неволью схватилась за оружіе. «Какого черта вы хотите отъ насъ?» спросилъ исполинъ. Помирились. Богатырь «Пеглеванъ» оказался «Бакланъ», дѣдъ знаменитаго Бакланова. Недѣль черезъ пять тяжело нагруженные возы битымъ пушнымъ звѣремъ, кабанами, лосятиной и дичью потянулись домой, на Донъ. Горцы не отважились нападать на нихъ ³⁰).

Знаменитые охотники по удалству и отвагѣ были и позже извѣстны всему Дону. Ихъ восхваляли въ пѣсняхъ, имъ велась въ войскѣ особая роспись. Последними изъ нихъ по времени удалцами были Маноцкіе казаки: Мингаль, Козинъ, Хопряшкины и Багаевцы. А въ концѣ росписи знаменитыхъ наѣздниковъ, около 1776 г., состояли братья Гомоновы (Иняиръ и Ѳедоръ). Пѣсни особенно восхваляли знаменитаго Мингала ³¹).

Платовъ, Кульбаковъ и др. на Кавказѣ.

Вѣковѣчные враги донскихъ казаковъ, кубанскіе татары, по казачьи «татарва», «чучма», «погань», — грѣшко обижали донцовъ. Нельзя было невооруженному казаку по-

казываться на лѣвомъ берегу Дона. Казаки сурово мстили врагу за всѣ обиды.

Въ схваткахъ съ татарами и горцами донцы нерѣдко попадали въ плѣнь, гдѣ и обращались въ рабовъ. Иные счастливо уходили, направляясь ночью по «Батѣевой дорогѣ» (Млечному пути), по «сажарамъ» (волосожары), по звѣздамъ, оцупывая курганы (которая сторона сырѣе, — тамъ сѣверъ), а иные пропали въ плѣну безъ вѣсти на вѣки. Вотъ, на примѣръ, что рассказываетъ старинная казачья пѣсня:

Воздалече, воздалече, въ чистомъ полѣ,
Пролежала не дорога, тропа малая;
Шли по ней два невольничка молодые,
Увидали два невольничка густой камышъ,
Они просили камышъ-траву ночлегъ себѣ:
„Прими ты насъ, камышъ, гостями себѣ,
Дозволь ты намъ, сукопныя онучи просушити,
Ременные бахилочки тутъ провалити!
.Легли тутъ добрые молодцы въ камышъ траву.
Со вечера камышъ — травушка друтихла,
Сы полуночи камышъ травушка зашумѣла,
На зарѣ камышъ — травушка рѣчь заговорила:
„Вставайте вы, невольнички молодые,
За вами есть черкесская зла поговя,
Рославбекъ-Мурза съ узденями недалеко“!
Встрепенулись добры молодцы, въ ходъ пустились,
Передъ балкою они Камышиной очутились;
Дошли внизъ по ней молодцы до трясины,
Схоронились въ ней молодцы со всѣмъ тѣломъ.
Рославбекъ злодѣй до балки той доѣзжаетъ,
Не нашедши ихъ, — за Кубань рѣку завертаетъ.

* * *

Въ 1720-хъ годахъ войсковою старшина Иванъ Макѣвичъ Иловайскій, служба съ полкомъ на Кавказѣ, попался горцамъ въ плѣнь. Горцы продали его какому-то князьку въ Снѣговья горы; тамъ онъ пасъ овецъ. Два раза Иловайскій погушался на побѣгъ, но чутье собакъ открывало слѣды его въ густой травѣ. Такъ семь лѣтъ и томился онъ въ тяжкомъ плѣну. Потерявъ наконецъ надежду — увидѣть когда либо родной Донъ, онъ — предался волѣ Божіей и созналъ,

что только смерть положить конецъ его страданіямъ. Постоянная дума о семьѣ, о родинѣ, возбуждала его и однажды онъ увидѣлъ во снѣ Божію мать, благословляющую его ити безбоязненно на родину; но, страшась смерти за третью попытку къ побѣгу, — онъ не рѣшался. Опять — тоже видѣніе. Отправивъ стадо съ поднаскомъ, онъ велѣлъ передать хозяйкамъ, что пошелъ собирать ягоды, и — бѣжалъ. Поднялась погоня со стаею собакъ. Онъ, съ замираніемъ сердца, кое какъ спасся отъ нихъ. До Кубани шелъ, питаясь плодами а, переплывъ Кубань, пошелъ степенями, гдѣ ѣлъ только коренья, траву, да пилъ воду. Всего онъ прошелъ семьсотъ верстъ, не встрѣчая души человѣческой. Подошелъ къ родному Дону... Казаки приняли было его за черкеса, но потомъ узнали и привезли въ Черкасскъ. Первое дѣло его было исполнить данный обѣтъ Богу: не входя въ домъ свой отслужить благодарственный молебенъ во всѣхъ церквахъ города за избавленіе отъ плѣна; а затѣмъ соорудилъ икону Костромской Божіей матери и, обложивъ ее золотою ризою, имѣлъ ее всегда съ собою; нынѣ она находится въ Старочеркасскомъ Ефремовскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Это была дѣдь знаменитаго Василія Дмитріевича Иловайскаго.³²⁾

* * *

Весною 1773 г. Крымскій ханъ Девлетъ—Гирей возмутилъ подданныхъ намъ нагайскихъ татаръ, поселившихся по Кубани. Одна изъ нихъ, Джамбулацкая, орда осталась намъ вѣрною. Крымскій Ханъ пошелъ на нее съ своею ордою, переманивъ къ себѣ Некрасовцевъ и разныхъ горскихъ князей. Въ походѣ онъ узналъ о скоромъ выступленіи огромнаго транспорта, посланнаго полковникомъ Бухвостовымъ, подъ прикрытіемъ двухъ казачьихъ полковъ Платова и Ларионова, съ одною полевою пушкою, и — сдѣлалъ засаду.

— Транспортъ состоялъ изъ множества повозокъ съ казеннымъ провіантомъ, арбъ съ имуществомъ переселенцевъ, скота, овецъ, верблюдовъ, перегоняемыхъ мирными нагайцами. Вечеромъ 2 апрѣля 1773 г. транспортъ сталъ на ночлегъ у р. Калалы. Утромъ 3 апрѣля вдругъ появи-

лась орда «видимо—невидимо». Это былъ Девлетъ—Гирей съ 20.000 всадниковъ. Они грозно двигались на два казачьихъ полка, защищавшіе транспорты. Платовъ (ему тогда было только 23 года) твердымъ, спокойнымъ голосомъ сказалъ сильную и короткую рѣчь, чѣмъ и воодушевилъ казаковъ; окопъ, выведенный казаками еще съ вечера,—былъ, по распоряженію Платова, тотчасъ же загороженъ сдвинутыми телѣгами. Отправили двухъ самыхъ отважныхъ казаковъ къ полковнику Бухвостову съ извѣщеніемъ о своемъ крайне опасномъ положеніи и съ просьбою о помощи. Одинъ изъ нихъ былъ тутъ же, на глазахъ казаковъ, убитъ на повалъ, а другой—успѣлъ ускакать далѣе. Въ 8 часовъ утра казаки были со всѣхъ сторонъ обложены громадною силою татаръ. Вотъ развернулось большое ханское знамя, и орда привѣтствовала его оглушающимъ крикомъ. Отъ одного этого крика могла застынуть въ жилахъ кровь. По ханскому знаку загрохоталъ большой барабанъ: татары, на половину спѣшившись, пошли на приступъ. Между цвѣтными куртками и бѣлыми чалмами красовались въ бранныхъ доспѣхахъ рыцарей князя Кабарды, окруженные конными толпами послушныхъ джигитовъ. Лихіе наѣзтники выносились впередъ, гарцовали, пускали стрѣлы и снова скрывались; ихъ смѣняли другіе, болѣе смѣлые, которые кружились у самыхъ окоповъ. Таборъ молчалъ, какъ могила, и только когда забѣлѣли оскаленные зубы крымскихъ разбойниковъ, раздался первый выстрѣлъ изъ пушки. Замѣшались ордынцы, многіе въ испугѣ повернули назадъ, другіе съ остервенѣніемъ полѣзли впередъ. Казаки, еще немного выдержавши, выпалили изъ ружей, послѣ чего схватились за пистолеты. Они били на выборъ: ни одна пуля не пропала даромъ. Опять забилъ барабанъ, опять татары собрались и повалили на приступъ. Семь разъ они ходили и семь разъ возвращались, съ угрозами, съ проклятіями. Многіе не только побывали на валахъ, но успѣвали врубиться между повозокъ. Тогда, покинувъ на валахъ ружья, казаки брались за пика. Вокругъ земляного вала самъ собой выросъ другой валъ, живой, гдѣ люди и кони, перемѣшавшись, копошились, издавали крики раздправ-

шіе душу. Но и казаки ослабѣли; не хватало больше силъ. Находило раздумье,—не лучше ли сдаться. Раньше ли, позже ли, а татары осилить, потому ихъ видимо невидимо! Только Платовъ надѣялся на побѣду и не потерялъ бодрости. Обходя казаковъ, онъ повторялъ: «Понадѣйтесь, станичники, на Бога: онъ насъ, православныхъ, не оставитъ! Пойдите за Матушку—Царицу: она щедро васъ одѣлитъ!» Татары въ это время то съѣзжались, то снова разъѣзжались, и надо было ждать восьмого послѣдняго приступа... Вдругъ вдаль появилось облако пыли. «Наши, наши!» закричали казаки. Въ тотъ же мигъ слетѣли шапки, каждый возблагодарилъ Господа за свое спасеніе. Мало по малу изъ облака пыли стали выдѣляться передовые всадники; они неслись во всю конскую прыть и на глазахъ осажденных вынесли цѣлый казачій полкъ Уварова. Вотъ донцы сдержали лошадей, вытянулись въ лаву и съ опущенными пиками ударили на татаръ.—«На конь!» скемандовалъ Платовъ, и его казаки—покинули таборъ. Татары не выдержали, пустились на утекъ, преслѣдуемые сзади. Верстъ за 6 или за 7 они наткнулись на конницу Бухвостова, сѣбшившаго на зовъ Тутъ было 2 орудія. Изъ нихъ брызнули картечью, послѣ чего гусары приняли невѣрныхъ въ сабли. Тутъ уже вышелъ полный разгромъ: степные хищники спасались кто куда глядѣлъ; вся окрестная степь покрылась бѣглецами. На полѣ битвы остались 2 султана, одинъ бей, нѣсколько знатныхъ мурзь, да болѣе 500 наѣздниковъ. А казаки потеряли въ этомъ дѣлѣ 70 чел., считая и раненыхъ. ³³).

А знаете, чѣмъ былъ подготовленъ этотъ изъ ряду вонъ подвигъ удалства и мужества Платова? простою, казачьею военною смѣтливостью: темною ночью подъ 3 апрѣля, когда отрядъ расположился на ночлегъ, является къ Платову одинъ изъ старослуживыхъ, бывалый и опытный казакъ, и проситъ его выйти изъ стана въ чистое поле. Платовъ согласился, вышли довольно далеко; тогда казакъ предложилъ Платову прилечь ухомъ къ землѣ; Платовъ прилегъ. «Ну, что, слышишь, Матвѣй Ивановичъ?»—«Слышу какой-то шумъ, похожій на крикъ птицъ», отвѣчалъ изумленный Платовъ.

— Да развѣ птица кричитъ въ темную ночь? Она сидитъ смиренно.

— «Такъ что же это такое?» спросилъ Платовъ.— «А вотъ что: недалеко остановился почевать непріятель и разложилъ огни, а на свѣтъ то птица подвѣлась да и кричитъ. По большому крику надо думать, что огней много, а стало быть много и басурманъ».

«Теперь нужно держать ухо востро и ждать на зарѣ нападенія. Поживешь, Матвѣй Ивановичъ, довольно,—узнаешь больше», прибавилъ казакъ.

Рѣчь смѣтливаго казака поразила Платова. Онъ немедленно поднялъ на ноги казаковъ и приступилъ къ укрѣпленію своей стоянки; онъ усильз оконаться, оградиться повозками и утромъ встрѣтилъ врага, уже будучи вполнѣ готовымъ къ бою. ³⁴).

* * *

Въ 1770 г. была сооружена Суворовымъ цѣлая линия укрѣпленій по Кубани до устья ея: 4 крѣпости и 20 редутовъ. Въ 1777 г. для наблюденія за татарами и черкесами стоялъ у Кубани небольшой корпусъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ бригадира Бринкъ. Въ корпусѣ было два пятисотенныхъ донскихъ полка полковниковъ Кульбакова и Вуколова; растянулись они кордонною цѣпью—постами по 30 человекъ: эти посты держали днемъ шикеты, а ночью секреты. 6 іюня казаки замѣтили около Темрюка лодку, быстро исчезнувшую въ камышахъ. Объ этомъ донесено было полковнику Кульбакову, съ прибавленіемъ о вѣроятномъ появленіи непріятели,—но потомъ было послано ему же опроверженіе. Но опытный храбрецъ Кульбаковъ, не повѣрилъ опроверженію, а захвативъ 200 казаковъ и эскадронъ гусарь, отправился къ подозрительному мѣсту и сталъ на берегу Кубани очень осторожно: лошади не разсѣдлавы, отрядъ обставленъ караулами. Ночь была очень бурная, а къ утру поднялся густой туманъ. Усталые казаки позаснули. Вдругъ послышались отчаянные крики и стоны: 500 черкесовъ, подъ прикрытіемъ ночи, вѣтра и тумана, напали на спя-

щихъ. Смятеніе было общее. Однако, удалой Кульбаковъ громкимъ голосомъ съумѣлъ быстро привести въ порядокъ казаковъ и разбилъ на голову хищниковъ, которые въ ужасѣ бросались въ Кубань. Все дѣло произошло въ четверть часа. Утро освѣтило 20 черкесскихъ тѣлъ, кромѣ увезенныхъ, по обычаю, непріателемъ. Тѣмъ не менѣе и казаки понесли потери: убиты есауль Персидсковъ и 5 казаковъ, ранены: есауль Поповъ, хорунжій Кондратовъ и 26 казаковъ; безъ вѣсти пропало 2

Не окажись къ случаю хладнокровія и храбрости Кульбакова,—дѣло разыгралось-бы совсѣмъ иначе. ³⁵⁾

* * *

Въ октябрѣ того же года черкесы ночью же напали на полкъ Вуколова. Казаки отбились отъ хищниковъ, но кромѣ убитыхъ и раненыхъ донцы потеряли самага полковника Вуколова; онъ пропалъ безъ вѣсти. Казаки говорили, что его занесла лошадь къ черкесамъ, которые взяли его въ плѣнъ; другіе передавали, что въ суматохѣ онъ утонулъ въ Кубани. Переписка, переговоры и обѣщанія выкупа не привели ни къ чему. ³⁶⁾

Разгромъ нагайскихъ татаръ въ 1782 г.

Въ 1781 г. въ татарской ордѣ разгорѣлся мятежь противъ хана Шагинъ—Гирея: толпы бунтовщиковъ появились у Ейска. Атаманъ Иловайскій отдалъ приказъ: «быть цѣлому войску въ ежеминутной готовности къ походу противъ бунтующихъ татаръ». Донцы вооружились, но мятежники, обезсиленные взаимною рѣзней, удалились. Въ 1782 г. Шагинъ—Гирей отрекся отъ власти и нагайскіе старшины отъ лица всей орды присягнули на вѣрность Императрицѣ. Но ложные слухи между ними породили сильное возстаніе. Атаманъ Иловайскій быстро пошелъ на помощь къ Суворову. Однако, бунтовщики уже были разгромлены и безсмертный

полководецъ самъ извѣстилъ Иловайскаго короткимъ и яснымъ письмомъ. «Ваше превосходительство! Остановитесь. Полно! Все теперь благополучно, только канакаевцы почти все перекрошены. Самаго Канакаева небрежно прострѣлили въ ухо!»!

Тѣмъ не менѣе нагайцы, собрались съ силами и двинулись къ Дону для опустошенія его. Три казачьихъ полка Себрякова, Ильи Денисова и Петра Попова случайно открыли ихъ на Куго—Еѣ и 10 сентября жестоко разбили ихъ, преслѣдуя до самаго вечера.

Суворовъ рѣшился быстрымъ ударомъ разгромить нагайскихъ татаръ. Наши войска съ Суворовымъ перешли Кубань. Тутъ къ отряду присоединились донскіе казачьи полки подъ начальствомъ войсковаго атамана Иловайскаго, давно уже твердившаго объ усмиреніи татаръ «оружіемъ». Въ отрядѣ Суворова, кромѣ 16 ротъ пѣхоты, 16 эскадроновъ и 16 орудій, было 16 донскихъ казачьихъ полковъ; атаманскій, Себрякова, Денисова, Кутейникова, Яновскаго, Сычева, Попова (при немъ была и донская артиллерія), Денисова, Кульбакова, Грекова, Харитоновъ, Барабанщикова, Леонова, Пантелѣва, Исаева и Астахова.

Весь отрядъ, на разсвѣтѣ 1 октября, увидалъ многочисленныя нагайскіе аулы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и громадныя массы самихъ нагайцевъ, — въ 12 верстахъ отъ Кубани и урочища Керменчикъ. Донцы первые бросились на враговъ. Завязалась отчаянная рѣзня и продолжалась она почти до полудня. Храбрые нагаи были разбиты на голову и бѣжали. Пять лучшихъ ихъ ауловъ задымилось... Мѣсто рѣзни и окрестныя долины на 10 верстѣ «были завалены трупами»: болѣе 5000 человекъ было убито или перерѣзано; множество, особенно женщинъ и дѣтей, попало въ плѣнъ. Съ нашей стороны, изъ казаковъ было убито и ранено—до 30 человекъ. Казаки получили въ добычу: 4000 плѣнныхъ, 3/т. лошадей, 4/т. головъ скота и болѣе 2/т. овецъ. По поводу этого разгрома Суворовъ писалъ Потемкину: «храбрость, стремительной ударъ и неутомимость донскаго войска не могу довольно восхвалить передъ Вашею Свѣтлостію и Высо-

чайшимъ трономъ». . . Атаманъ Иловайскій награжденъ чиномъ генералъ-поручика и орденомъ св. Владиміра 2 ст., полковники: Илья Денисовъ, Ѳедоръ Денисовъ и Михаилъ Себряковъ бригадирскими чинами. «Почти все казачіе старшины получили штабъ-офицерскіе чины». 37).

Этотъ разгромъ окончилъ существованіе храбрыхъ и злыхъ враговъ донскаго казачества. Нынѣ на ихъ мѣстахъ живутъ кубанскіе казаки.

Около этого времени донцы (14 полковъ) участвовали въ усмиреніи пугачевского бунта; три четверти шаекъ пугачева составляли горно-заводскіе и другіе крестьяне, киргизы, башкиры.

Пугачевъ, былъ пойманъ и казненъ: «Отвага медъ пьетъ, отвага и кандалы третъ».

Война съ турціею 1787—1791 г.

Въ 1787 г. началась вторая турецкая война. Донскіе казаки, 32 полка (болѣе 20.000) прибыли къ арміямъ Екатеринославской и Украинской, а также къ кубанскимъ нашимъ войскамъ.

Походные атаманы были: Денисовъ (Ѳедоръ Петровичъ), Орловъ, Платовъ и Исаевъ. Казаки съ отличнымъ мужествомъ участвовали въ битвѣ у Кинбурга, во взятіи Очакова при Фокшанахъ, подъ Каушанами гдѣ полковникъ Платовъ съ казаками и конными егерями взялъ окопы, при Римникѣ, при штурмѣ и взятіи Измаила (1790 г.) и проч.

Въ эту войну выдвинулись своею храбростію: полковники Платовъ, Орловъ, Грековы (Иванъ и Григорій), Кульбаковъ, Мѣшковъ; подполковникъ Исаевъ, премьеръ-маіоръ Сычевъ, старшины: Иловайскій Алексѣй и Сазоновъ; есaulы: Кутейниковъ, Красновъ, Исаевъ, Брюковъ и Кумовъ.

За эту войну, также какъ и шведскую, донское войско награждено двумя бѣлыми знаменами, съ надписью: «повелѣніемъ дано сіе знамя Ея Императорскаго Величества вѣр-

нымъ поданнымъ войску донскому, за оказанную ихъ службу во время оконченныхъ шведской и турецкой компаній, храбрые и усердные поступки, на вѣчную и въ потомственные роды войска донскаго славу».

Изъ наградъ въ частности нельзя не упомянуть о слѣдующихъ: именныя золотыя въ 30 червонцевъ медали полковнику Иловайскому, есаулу Денисову; каждому съ надписью: «за отличную его храбрость при взятіи города Измаила и преслѣдованіи обращеннаго въ бѣгъ непріятеля»; войсковымъ старшинамъ: Денисову и Якиму Машлыкину; секундъ-маіорамъ: Кульбакову и Николаю Иловайскому, съ надписью: «за храбрость при взятіи приступомъ города и крѣпости Измаила», премьеръ-маіорамъ: Себрякову, Астахову, А. Грекову, Ст. Себрякову, старшинамъ: капитанамъ Ив. Карпову, Евст. Грекову, Пав. Ребрикову, Вас. Ханженкову, Ник. Ульянову, старшинамъ: Боярченкову, Протопопову и «служащимъ въ донскомъ войскѣ» подполковнику Ибрагимовичу и кабардинскому князю, арміи премьеръ-маіору Атажуко-Хамурзило, — каждому съ надписью: «отличившемуся храбростію въ сраженіи при Мачинѣ и разбитіи многочисленной турецкой арміи».

* * *

Небольшую, довольно слабую крѣпостцу Кинбурнь защищалъ Суворовъ, котораго турки хорошо знали, даже называли его по своему: «Суворъ-паша». Подъ его начальствомъ находилось около 5000 войскъ, въ томъ числѣ три казачьихъ полка: Орлова, Исаева и Иловайскаго; почти вся легкая конница, драгуны и часть пѣхоты стояли лагеремъ верстахъ въ 30 отъ крѣпости. Послѣ обстрѣливанія крѣпости съ своихъ кораблей, непріятель утромъ, въ день Покрова Пр. Богородицы подошелъ съ двухъ сторонъ къ песчаной косѣ и сталъ высаживаться; на оконечности косы высаживались турки, верстахъ въ двѣнадцати — некрасовцы. Казаки приняли было послѣднихъ за своихъ; но, во время спохватившись, живо отбѣснили ихъ назадъ, въ лодки. Этой высадкой турки хотѣли раздвоить наши силы. Янычары, высаживаясь, сейчасъ

же рыли поперекъ косы ложементы, наполняли мѣшки пескомъ и укладывали ихъ въ видѣ брустверовъ. Такимъ образомъ они успѣли накопать 14 ложементовъ. Въ полдень, турки поднялись съ мѣсть и, когда передовые ряды приблизились на 200 шаговъ, всѣ крѣпостныя орудія разомъ дали залпъ. По этому сигналу ворота въ крѣпости растворились, изъ нихъ выступили 3 батальона орловцевъ и шлиссельбургцевъ, подъ начальствомъ храбраго генерала Река. Они устремились прямо на ложементы. Въ тоже время казачьи полки, стоявшіе за крѣпостью, пустились рысью въ объѣздъ. Одновременно по всей линіи загорѣлся бой. Казаки перекололи своими длинными пиками тащившихъ штурмовыя лѣстницы, при чемъ убили агу, который былъ у нихъ проводникомъ. А орловцы и шлиссельбургцы, подъ страшнымъ огнемъ съ кораблей,—тамъ ревѣло не умолкая 600 орудій,—погнались турокъ къ ложементамъ. Взяли они одинъ ложементъ, взяли другой, третій, четвертый, добрались до десятаго; но тутъ коса суживается; стало такъ тѣсно, что негдѣ и повернуться, между тѣмъ турки все подваливали да подваливали. Налетѣли на побоище два полка донцовъ, и тѣмъ негдѣ развернуться. Даже огонь съ кораблей притихъ: все смѣшалось въ одной толчеѣ. Здѣсь дрались отборные янычары очаковского гарнизона: съ кинжалами въ зубахъ, они прочищали себѣ путь своими страшными ятаганами, выпирая русскихъ точно клиномъ. Наши ряды порѣдѣли, офицеры были перебиты, Река едва унесли. Суворовъ двинулъ тогда на помощь два батальона козловцевъ съ двумя эскадронами конницы,—и тѣ не могли устоять. Какъ тигры рванулись турки впередъ и вернули свои ложементы. Лошадь подъ Суворовымъ была убита; онъ остался пѣшій. Увидя, что въ сторонѣ двое держатъ нашего коня, онъ, утомленный боемъ, крикнулъ: «братцы, дайте генералу лошадку!» А это были турки. Они сейчасъ же бросились къ Суворову. Бѣ счастью, сержантъ Новиковъ услышалъ голосъ своего начальника; вмигъ онъ закололъ одного турка, застрѣлилъ другаго и бросился на третьяго, спѣшившаго на помощь. Отступавшіе гренадеры также замѣтили опасность. «Братцы,

кто-то закричалъ, генераль остался впереди!» Гренадеры повернули лицомъ къ неприятелю и бой возобновился: опять траншеи стали переходить въ наши руки. Но въ это время неприятельскія суда подошли такъ близко, что засыпали нашихъ картечью; янычары перешли въ наступленіе. Солдаты наши, разстрѣлявъ патроны, лишившись офицеровъ, стали очищать ложементы... Суворовъ получилъ въ бокъ картечную рану. Турки съ торжествомъ увозили русскія пушки. Съ наступленіемъ сумерекъ явились, наконецъ, подкрѣпленія: батальонъ муромцевъ, 2 роты шлиссельбургцевъ и 10 эскадроновъ конницы. Свѣжія войска произвели третью атаку, самую бурную. Эскадроны били прямо. пѣхота зашла вправо, казаки слѣва. Какъ въ тискахъ, они сдавили турокъ, которымъ некуда было дѣваться, потому что флотъ отошелъ отъ берега. Спасенія на сушѣ туркамъ не было, —они бросались въ воду, но и тамъ доставали ихъ картечью. На разстояніи полуверсты тысячи людей сбились въ тѣсной кучѣ: стоны, крики, проклятія оглашали воздухъ, пропитанный дымомъ и запахомъ крови. Суворовъ, бывший впереди, раненъ пулею въ лѣвую руку навзлетъ. Нѣсколько казаковъ подхватили его, провели къ берегу, гдѣ есаулъ Кутейниковъ сдѣлалъ первую перевязку, обвязавши руку своимъ галстукомъ. — «Помилуй Богъ, благодарю! Помогло, тотчасъ помогло! Прогонимъ, богатыри, всѣхъ турокъ въ море и раненыхъ и здоровыхъ!» — Дѣйствительно, имъ оставалось одно спасеніе—море: кто пытался уплыть, тотъ утонулъ, остальные засѣли на всю ночь по горло въ водѣ.—На другой день, рано утромъ, явились неприятельскія суда выгружать ихъ изъ воды. Такихъ набралось не болѣе 700, а 1¹/₂ тысячи труповъ такъ и остались на косѣ; ихъ долго потомъ носили сердитыя волны. У насъ убито всего до 1000 человекъ. ³⁸).

* * *

Въ концѣ іюля 1788 г. Потемкинъ обложилъ Очаковъ большимъ полукружіемъ: въ передней линіи расположилась цѣпь казачьихъ пикетовъ, между которыми построили 5 ре-

дутовъ. Началась правильная долгая осада. Очаковъ былъ хорошо вооруженъ и имѣлъ 15 тысячъ гарнизона. Турки дѣлали частыя вылазки. На одной изъ первыхъ вылазокъ Суворовъ получилъ тяжелую рану и долженъ былъ уѣхать. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ наши войска стали подступать къ крѣпости ближе, палили въ нее безостановочно. Тамъ начались пожары; отъ тѣсноты и голодовки люди стали помирать; но все это не мѣшало имъ держаться, въ надеждѣ на скорую помощь. И дѣйствительно, турецкому адмиралу удалось доставить въ крѣпость продовольствіе, боевые запасы и полторы тысячи солдатъ. Между тѣмъ мокрую осень сразу смѣнила лютая зима и теперь извѣстная подъ именемъ «очаковской» зимы. Ежедневныя вьюги, при жестокихъ морозахъ, нещадно губили нашихъ солдатъ: не проходило дня, чтобы 30 или 40 ч. не заснули вѣчнымъ сномъ.

Наконецъ, наканунѣ Николаина дня, Потемкину доложили, что хлѣбъ весь вышелъ, нѣтъ ни полѣна дровъ, и что выдана послѣдняя чарка вина. Потемкинъ рѣшился на штурмъ. Съ восторгомъ приняли это извѣстіе русскія войска. Охотниковъ вызвалось гораздо больше, чѣмъ требовалось. Укрѣпленія Очакова состояли изъ четырехъугольной крѣпости, одной стороною примыкавшей къ лиману; прочія три стороны, обращенныя въ поле, были прикрыты такъ называемымъ нагорнымъ ретраншаментомъ, т. е. рядомъ укрѣпленій, соединенныхъ общимъ валомъ. Кромѣ того, на оконечности косы, противъ Кивбурна, стоялъ сильно укрѣпленный замокъ «Гассанъ-паша».

Еще не разсвѣло, когда войска выступили на сборныя мѣста. Морозъ былъ трескучій. Послѣ молебна, прочли приказъ: «атаковать живо и, не занимаясь перестрѣлкой, идти на штыкахъ; тѣхъ изъ турокъ, которые будутъ сдаваться, отбирая оружіе, отсылать къ резерву; женщинъ и младенцевъ щадить непременно». — Въ восьмомъ часу всѣ шесть колоннъ вступили въ дѣло. 1000 пѣшихъ и 200 конныхъ казаковъ, подъ начальствомъ Платова, вошли въ составъ 1 колонны — Палена. Тутъ, кромѣ казаковъ, находились тамбовцы, батальонъ егерей и охотники изъ армянъ. Колонна Палена быстро приблизилась къ землянымъ укрѣпленіямъ гроз-

наго замка. Подполковникъ Пальменбахъ съ 500 ч. взялъ влѣво, чтобы захватить ворота, полковникъ Макнобъ пошелъ къ замку, а Платовъ съ казаками зашелъ въ земляные окопы съ тыла и живо ихъ очистилъ; 300 турокъ укрылись было въ замокъ, но скоро сдались. Въ какихъ нибудь 10 минутъ фортъ «Гассанъ-паша» былъ уже нашъ. Казаки остались здѣсь, а Паленъ пошелъ къ крѣпости. Завидя это, турки покинули нагорный ретраншаментъ и бросились на перерѣзъ. Въ страшной сѣчѣ сдѣлились тѣ и другіе. Подбѣжали къ намъ резервы и турки попяtilись: полторы тысячи побросали оружіе. Быстро солдаты овладѣли ретраншаментомъ, послѣ чего ворвались съ разныхъ сторонъ въ крѣпость. Среди самаго разгара штурма взорвало пороховую башню. Покинувъ валы, турки скрывались въ дома, въ погреба, въ лавки. Однако, вездѣ доставалъ ихъ грозный штыкъ. Въ часъ съ четвертью все было кончено: болѣе 8/т. труповъ устилали побѣдный путь русскихъ. Во время штурма Потемкинъ сидѣлъ на землѣ, подперши руками голову, и по временамъ, поднимая ее, читалъ громко молитву. Извѣщенный объ удачѣ, онъ вскочилъ на коня и поѣхалъ въ городъ. Къ нему подвели плѣннаго сераскира. «Это ты виновать, гибвно закричалъ Потемкинъ; твое упорство довело до такого кровопролитія!» «Удержи твои упреки, спокойно отвѣтилъ Гуссейнъ, я исполнилъ свой долгъ такъ же, какъ и ты: судьба рѣшила между нами».

Городъ былъ отданъ «въ полную волю солдатамъ». Они дѣлили между собой горстями золото, серебро, жемчугъ, драгоценные камни; кому-то достался изумрудъ, величиною съ куриное яйцо. Оружіе продавалось возами; вся наша конница перевооружилась тогда на счетъ турокъ. И военная добыча была не мала: 300 орудій, 180 знаменъ, а плѣнныхъ оказалось болѣе 4/т., въ томъ числѣ нѣсколько пашей. Съ нашей стороны убито 28 офицеровъ и 900 солдатъ. ³⁹⁾

* * *

Въ штурмъ Измаила, 11 декабря 1790 г. донцы принимали болѣе значительное участіе, чѣмъ во всѣхъ преды-

дущихъ дѣлахъ. Они шли на приступъ одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей, — пѣшіе, почти безоружные, съ короткими пиками Бригадиръ Орловъ велъ на валы Измаила 4-ую колонну, а Платовъ 5-ую, остальные казаки находились въ резервѣ. Эти чисто казачьи колонны потерпѣли больше другихъ. Когда Платовъ спустился въ глубокой ровъ, казаки его колонны очутились по поясъ въ водѣ. Не смотря на это, казаки, презирая градъ пуль, осыпавшихъ ихъ справа и слева, приставили лѣстницы и полѣзли наверхъ. Только что они успѣли вскарабкаться, какъ слышатъ позади страшные, потрясающіе крики: «алла, алла!» слышатъ, что тамъ, въ кромѣшной тѣмѣ, идетъ глухая свалка, люди борются на жизнь и смерть. То была колонна Орлова, разрѣзанная на двѣ части. Когда одна изъ этихъ частей успѣла подняться, распахнулись ворота, откуда хлынули янычары и ударили этой колоннѣ во флангъ и тылъ. Въ жаркой рукопашной схваткѣ казачьи пики дробятся въ щепы, или же превращаются въ тупыя палки. Несчастные казаки гибнутъ безоружные и, конечно, погибли бы всѣ до единого, если бы не выручилъ ихъ Суворовъ. Эскадронъ гусаръ и конные казаки, бывшіе въ резервѣ, получили приказаніе врубиться сзади. И вотъ съ праваго фланга прискакали два эскадрона карабинеръ, прибѣжали и полочане. Ни одинъ турокъ тогда не спасся; ихъ трупы, прикрывшіе казачьи тѣла, сравняли крѣпостной ровъ съ землей. Послѣ такого побоища обѣ колонны разстроились, перепутались. Казаки, растерявшіе столькихъ товарищей, упали духомъ; первый пылъ прошелъ. Тогда бригадиръ Платовъ, схвативъ лѣстницу, бросился впередъ, со словами: «съ нами Богъ и Екатерина! товарищи, за мной!» Онъ первый полѣзъ на валъ. Точно волной перекинуло казаковъ вслѣдъ за любимымъ вождемъ. При помощи подоспѣвшаго на помощь батальона бугскихъ егерей, они утвердились на верху, а часть донцовъ, пробравшись ложиной къ Дунаю, успѣла помочь десанту. Въ 8 часовъ утра русскіе, стоя на валахъ, окружили крѣпость желѣзнымъ кольцомъ. Разсвѣло. Они отдохнули, оправились и стали спускаться въ городъ. Казаки наступали тѣмъ же путемъ съ

сѣвера. Турки встрѣчали ихъ на каждой площади, бросались съ ятаганами изъ боковыхъ улицъ, стрѣляли изъ домовъ и гостиниць. На одной изъ городскихъ площадей казаки были окружены и опять очутились въ отчаянномъ положеніи; опять грозила имъ неминуемая гибель, если бы не подошли на помощь тѣ же егеря. Только къ двумъ часамъ пополудни всѣ шесть колоннъ сомкнулись въ серединѣ города. Тогда 8 эскадроновъ карабинеръ и гусаръ, да два полка казаковъ проѣхали по всѣмъ улицамъ и очистили ихъ окончательно. Сражались мужчины, женщины, старцы — всѣ, кто только могъ держать оружіе: 30 тысячъ русскихъ войскъ должны были подняться на высокіе, крутые валы и одолѣть 40 тысячъ турокъ, обрѣкшихъ себя на смерть. Никогда еще храбрость русскихъ войскъ не подвергалась такому испытанію: они вышли изъ него съ честью и славой, при чемъ донцы не отстали отъ другихъ. Вѣсть о паденіи Измаила облетѣла всю Европу, привела въ ужасъ султана: это былъ самый надежный и послѣдній оплотъ его владѣній на берегахъ Дуная. Онъ сдѣлался податливѣе, пересталъ слушать подстрекателей и скоро сдался на миръ.

Участникамъ штурма досталась несмѣтная добыча; не брали только лѣндивые, да еще не взявъ ничего самъ Суворовъ. Офицеры подвели къ нему арабскаго коня чистѣйшей крови, въ богатомъ уборѣ, и просили взять на память о штурмѣ. «Нѣтъ, не нужно мнѣ его, возразилъ Суворовъ, донской конь привезъ меня, донской и увезетъ меня отсюда». — Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней побѣдитель покинулъ Измаилъ на дончагѣ, сзади котораго трусилъ казакъ съ длиннымъ палашомъ Суворова и узелкомъ подъ мышкой, гдѣ были сложены его мундиръ и регалии. ⁴⁰⁾

* * *

Объ участіи донцовъ во взятіи Измаила вотъ что рассказываетъ самъ, бывший при этомъ, А. Карп. Денисовъ: «Подъ 11 декабря 1790 года назначено было штурмовать крѣпость Измаилъ; всѣ войска готовили лѣстницы и фашины. Казачьимъ полкамъ то-же было приказано быть готовы-

ми принять участіе въ штурфъ пѣшими съ короткими дротиками. Раздѣлили ихъ на двѣ колонны: одну подъ командою Платова, другую—подъ командою бригадира Орлова, въ которой былъ и я съ полкомъ. Обѣ колонны находились подъ начальствомъ графа Ильи Андреевича Безбородко. Въ полночь или еще раньше охотники стали впереди съ фашинами; за ними, какъ мнѣ помнится, послѣ двинулись и мы въ глубокомъ молчаніи, подошли ближе и остановились, дожидая сигнала. Когда были пущены ракеты, наша колонна скороымъ шагомъ побѣжала ко рву, не доходя котораго была встрѣчена картечными выстрѣлами, чѣмъ многіе были убиты и ранены. Идущій близъ меня храбрый сотникъ моего полка Черкесовъ, упадая отъ жестокой раны, съ какимъ-то невнятнымъ хрипѣніемъ, схватилъ меня за галстухъ, преклонилъ до земли и тутъ же умеръ. Наша колонна достигла рва, и близъ Бендерскихъ воротъ многіе казаки, я, войсковой старшина Иванъ Ивановичъ Грековъ, ползли по лѣстницѣ на батарею; скоро взобрали на нее, но никакъ не могли прорваться чрезъ туры, изъ которыхъ устроены были амбразуры. Я былъ оглушенъ изъ рукъ брошеннымъ ядромъ, которое ударило между плечами, два раза ткнули меня дротикомъ въ платье и нѣсколько разъ ударили банникомъ въ голову. Первый ударъ ядромъ былъ весьма силенъ, я сползъ съ батареи; всѣ другіе, избитые, израненные тоже оставили ее. Немного опомнившись, я старался взойти еще разъ на нее, но всѣ усилія мои были напрасны, я взошелъ на первый порогъ или брустверь, звалъ своихъ, но никто ко мнѣ не шелъ. Тогда я спустился внизъ и тутъ же услышалъ, что мы отрѣзаны сзади и что непріятель рѣжетъ и убиваетъ всѣхъ. Я видѣлъ, что находящіеся во рву бѣгутъ въ лѣвую сторону; въ недоумѣніи, что дѣлать, увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ, что одинъ казакъ вылѣзъ изъ рва, а два другіе, держась за его платье, силятся тоже сдѣлать. Я рѣшился этимъ тоже воспользоваться: вспрыгнулъ на одного, ухватилъ за мундиръ перваго, выскочилъ изъ рва и пошелъ, не зная куда; пули меня сопровождали. Пройдя нѣсколько далѣе, увидѣлъ въ натуральномъ довольно глубокомъ рву много

казаковъ, къ которымъ и примкнулъ. Послѣ этого скоро увидѣлъ тутъ же моего начальника бригадира Орлова и секундъ-маіора Краснова. Мнѣ сообщили, что родной братъ мой, бывший уже войсковымъ старшиною, и два двоюродныхъ брата убиты; изъ своего полка никого, ни офицеровъ, ни казаковъ, тутъ не встрѣтилъ. Бригадиръ Орловъ подошелъ ко мнѣ и въ большомъ сокрушеніи сказалъ, «что онъ весьма сожалѣть, что слава донскихъ казаковъ отъ этой неудачи погибнетъ», и затѣмъ спросилъ: «нельзя ли исправить»? Я отвѣчалъ, что ежели онъ хочетъ, то стоитъ съ этими остатками храбро наступить, — и батарея наша, и что я готовъ еще дѣйствовать. «Командуй казакамъ, а я иду впередъ», сказалъ я. «Съ этими словами я вышелъ изъ рва и, обнажа саблю, вскричалъ: «друзья, впередъ!» и направился къ вѣрности. Казаки многіе меня опередили и стремительно полетѣли впередъ; хотя уже и было видно, но мы, по ошибкѣ, шли противъ Бендерскихъ воротъ, гдѣ находилось очень много турокъ; они сильною ружейною стрѣльбою побили многихъ моихъ казаковъ.

Тутъ подошелъ ко мнѣ казакъ моего полка, Киселевъ, схватилъ меня за руки, и съ помощію другихъ, отвелъ въ сторону и показалъ мою ошибку. Тогда разсмотрѣвъ лучше, я повелъ казаковъ на батарею, на которую прежде сходили. Казаки вскарабкались на нее съ геройскимъ духомъ и, сколько нашли турокъ, всѣхъ перебили; ихъ было не болѣе 20 человекъ. Взявъ батарею, я нѣсколько утѣшился, но смерть братьевъ моихъ и многихъ офицеровъ — очень сокрушила меня».

Война съ Швеціею 1788—1790 г.

1788—1790 г. донскіе казаки принимали участіе и въ войнѣ со шведами. Упомянемъ болѣе видныя дѣла: 15 апрѣля 1789 г. генераль-маіоръ Денисовъ разбилъ шведскій пикетъ на р. Тюмени; 3 іюля онъ же при д. Коувалы от-

билъ нападеніе шведовъ на наши передовыя войска, а 28 онъ съ отрядомъ въ 120 казаковъ и батальономъ егерей заставилъ поспѣшно бѣжать шведскіе передовые посты; въ ночь на 29 ч. 30 казаковъ разбили шведскій постъ у дер. Гуруксала; 24 апрѣля 1790 г. генераль-маіоръ Денисовъ у дер. Тайкалы атаковалъ шведскаго короля, производившаго рекогносцировку съ семью батальонами и значительною артиллерією: непріятель отступилъ и былъ преслѣдуемъ 15 верстъ; 1 мая полковникъ Денисовъ съ командою донцовъ отбилъ атаку непріятеля на наши передовые посты по Елимской дорогѣ; 27 іюня отрядъ непріятеля въ 420 человекъ почти весь уничтоженъ полковникомъ Денисовымъ съ казаками и проч. 3 августа 1790 г. заключенъ миръ.

Война съ Польшею въ 1794 г.

Въ 3 часа утра, въ страстной четвергъ 1794 г., въ Варшавѣ раздался звонъ колоколовъ, выстрѣлы и крики. Это поляки предательски уничтожали русскихъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Варшавѣ. — «Кровавая заутрени». Почти весь гарнизонъ былъ вырѣзанъ. Варшава возстала, а за нею Вильно, Гродно и прочіе города; наконецъ и вся Польша. Поляки выписали изъ заграницы весьма талантливаго полководца Косцюшко и подъ его начальствомъ собралась армія до 70.000 челов.

Императрица Екатерина II приказала Суворову наказать бунтовщиковъ. Суворовъ съ небольшою армією и донскими казаками открылъ компанію. Послѣ ряда мелкихъ схватокъ и дѣлъ, донцы участвовали наиболѣе въ слѣдующихъ битвахъ: у Голкова на Вислѣ, подъ начальствомъ Денисова; поляки отступили; при движеніи отъ Ковеля къ Бресту, — Суворовъ съ 150 казаками разбилъ польскую партію въ 200 человекъ; въ Кобринѣ Суворовъ съ казаками полка Исаева разгромилъ польскій отрядъ въ 400 человекъ; дон-

цы, подъ начальствомъ Суворова, въ числѣ прочихъ войскъ были въ рекогносцировкѣ Праги и проч; послѣ сраженій при Крутицахъ, гдѣ былъ разбитъ Сѣраковскій съ его 18 тысячнымъ корпусомъ, послѣ «рѣзни» подъ Мацевевицами, гдѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ самъ Косцюшко съ генералами Сѣраковскимъ, Кюдинскимъ и другими, наконецъ послѣ кроваваго штурма Праги,—русскія войска вошли въ Варшаву, а затѣмъ вскорѣ возстаніе было подавлено. Изъ казаковъ особенно отличались: знаменитый храбрець генераль Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ и полковникъ Исаевъ. Казаки его полка, храбрые «Исаевцы», послѣ ряда подвиговъ, первые входили въ покоренную Варшаву. За подвиги въ этой войнѣ донское войско награждено знаменемъ, кромѣ частныхъ наградъ.

* * *

Приказано было «во что бы то ни стало» достать живымъ хоть одного поляка. На это вызвался изъ Денисова полка храбрый казакъ Быкадоровъ. Онъ взялъ съ собою двухъ своихъ закадычныхъ друзей, совершенно не схожихъ характерами ни съ нимъ, ни между собою: Быкадоровъ—горячъ, гордъ до грубости, иногда выпивалъ лишнее, но отнюдь не передъ сраженіемъ; другъ его Черниковъ—уже немолодой, совершенно трезвый, тихій, услужливый, богобоязненный, но стойкій въ случаѣ несправедливой обиды; второй другъ Быкадорова—пьяница, дерзкій и буйный. Они были разныхъ станицъ, но во время боя готовы умереть другъ за друга. Поѣхали. Быкадоровъ уговорился съ товарищами ѣхать ему одному вперед, а они должны слѣдовать сзади довольно далеко и, если потребуется, должны помочь ему, а если онъ будетъ отрѣзанъ, то должны спастись, бросивъ его.

Подошли къ какому то селу. Тамъ два польскіе кавалериста, замѣтивъ появленіе Быкадорова, бросились къ своей цѣпи и къ лагерю. Быкадоровъ за ними. Дѣло было передъ полуднемъ. Проскакавъ польскую цѣпь, кавалеристы предупредили о погонѣ за ними, но часовой принялъ казака за

одного изъ своихъ, такъ какъ на немъ былъ синій мундиръ, какіе есть и въ ихъ войскѣ. Быкадоровъ подскочилъ къ нему, выхватилъ у него саблю и пистолеты и отбросилъ ихъ въ сторону. Въ этотъ моментъ подлетѣли товарищи Быкадорова, схватили за поводъ лошадь часоваго и вся эта группа опретью понеслась назадъ. Часовой, какъ самъ потомъ разсказывалъ Быкадорову, не успѣлъ опомниться и понять, что такое съ нимъ случилось. ⁴¹⁾

* * *

Въ одномъ селеніи на р. Пилицѣ крестьяне выпросили у Денисова разрѣшеніе выгнать ихъ скотъ на пастбу передъ нашими пикетами. Скотъ выгнали. Одинъ казакъ, стоя на пикетѣ, видитъ, что между скотомъ начали мелькать какія то головы; дальше — больше. Это были бунтовщики поляки, слѣзшіе съ лошадей и пробиравшіеся между скотомъ мимо нашихъ пикетовъ, какъ будто къ водою. Казакъ сей часъ далъ сигнальный выстрѣлъ. Иловайскій вылетѣлъ съ резервомъ и наткнулся на непріятеля въ шесть разъ сильнѣйшаго, котораго однако разбилъ, прогналъ и отхватилъ нѣсколько человѣкъ плѣнными. ⁴²⁾

* * *

20 іюля польская конница сдѣлала нападеніе на нашу батарею, только что еще устроенную, но пока не вооруженную. Поляковъ отбили; казаки, какъ всегда, въ догонку. Въ жару погони Денисовъ занесся такъ далеко, что попалъ въ середину непріятельской пѣхоты. Онъ уже поднялъ ногу, хотѣлъ слѣзть, считая себя въ плѣну; — вдругъ слышитъ знакомые голоса: «батюшка, не бойся: мы здѣсь!» Оказалось, что къ нему пробился маіоръ Грузиновъ съ 20 казаками. Тогда Денисовъ круто повернулъ лошадь и вырвался изъ карре. Соединясь съ казаками, онъ ускакалъ въ виду изумленныхъ поляковъ, пославшихъ въ догонку ему выстрѣлы. ⁴³⁾

* * *

Для соединенія съ Суворовымъ надо было войскамъ нашего генерала Ферзена непременно перейти на правую сторону Вислы, но поляки зорко слѣдили за ними. Выручили казаки. По приказанію Ферзена, часть донцовъ съ конноегерскимъ полкомъ ушла впередъ, будто для приготовления переправы, а въ это время весь остальной корпусъ Ферзена собрался ниже у Козеницы. Пока вязали плоты, пока стогнали изъ окрестныхъ деревень лодки, поляки насыпали на другомъ берегу батарею. Наконецъ все готово, заговорили пушки. Послѣ канонады съ обѣихъ сторонъ, Карповъ и Себряковъ получили приказаніе переправить свои полки противъ польской батареи. Казаки сняли съ себя мундиры, разсѣдали лошадей, и, выскочивъ изъ лѣсу, съ одними лишь пиками, ринулись прямо въ Вислу. Поляки такъ оробѣли, что покинули всѣ пушки и бѣжали. Корпусъ Ферзена переправился безъ всякой помѣхи. Казаки уже успѣли развѣдать правый берегъ и узнать, что неподалеку отъ мѣста переправы, на болотистой равнинѣ, окруженной лѣсами, стоитъ готовый къ битвѣ цѣлый польскій корпусъ. Это былъ Косцюшко. Его позиція была прикрыта съ фронта окопами, справа лѣсами, а лѣвый флангъ оставался открытымъ. Вечеромъ 27 сентября генераль Денисовъ съ отрядомъ пѣхоты, съ 10 эскадронами конницы и всѣми казачьими полками, при 8 пушкахъ, двинулся въ обходъ лѣваго фланга, черезъ лѣса. Самъ Ферзень съ остальными войсками выступилъ въ полночь къ д. Мацевицамъ прямо черезъ болото. На разсвѣтѣ наши перестроились въ боевой порядокъ и двинулись, подавая правый флангъ впередъ. Поляки отбили первый натискъ и перешли въ наступленіе. Тогда Ферзень выдвинулъ 14 батальоновъ грозной русской пѣхоты. Безъ выстрѣла она бросилась на окопы и быстро ими овладѣла. Поляки отошли на полверсты, устроились снова, но въ это время у нихъ на лѣвомъ флангѣ появился Денисовъ. Два казачьихъ полка понеслись вправо, а конноегерскій полкъ забралъ влѣво. Тѣ и другіе, какъ бы соревнуя, врубались

въ ряды непріятельской пѣхоты, растоптали ее, уничтожили, и лишь одни артиллеристы, совершенно покинутые, продолжали поворачивать свои пушки, поражая насъ картечью; наконецъ и артиллерія смолкла. Косцюшко, ставъ во главѣ своей конницы, попытался было остановить побѣдное движеніе русскихъ; но польская пѣхота бросала оружіе, конница спасалась бѣгствомъ. Тогда и онъ ускакалъ въ сопровожденіи десятка уланъ.

Въ сраженіи подъ Мацевицами, лучшія польскія войска потеряли всю артиллерію, обозъ, 6/т. убитыхъ; кромѣ того, остались въ плѣну Сѣракѣвскій, Княжевичъ, Косинскій, около 200 офицеровъ и 2 тысячи солдатъ. Уцѣлѣли лишь небольшіе отряды Вавржецкаго и Понинскаго. Они спасались въ Варшаву. Но и отрядъ Вавржецкаго и самъ онъ попались въ руки донца удальца Денисова, о чемъ будетъ разсказано въ описаніи жизни Денисова. ⁴⁴).

* * *

Ускакавшій съ поля битвы Косцюшко, однако, не спасся: его взяли въ плѣнъ. Но кто именно взялъ, дѣло спорное: давно уже печатали, что его взялъ силачъ—корнетъ Лысенко, а между тѣмъ донской казакъ Адрианъ Карповичъ Денисовъ разсказываетъ совсѣмъ другое. Послушаемъ его хотя изъ-за того, что этотъ разсказъ, по его увѣренію, изложенъ «по сущей справедливости, по строгомъ розысканіи и по точнымъ доказательствамъ бывшихъ при событіи казаковъ». Казаки эти были—Лосевъ и Топилинъ и кромѣ нихъ, при взятіи въ плѣнъ Косцюшко, участвовалъ самъ А. К. Денисовъ. Онъ говоритъ: «По очень плохо огороженной дорогѣ, ведущей изъ незначительной деревушки, скакало нѣсколько польскихъ всадниковъ. За ними гнались донскіе казаки. Вдругъ на поворотѣ дороги отдѣлилось четыре всадника; преслѣдующіе казаки тоже раздѣлились. Часть ихъ погналась за четырьмя всадниками, изъ коихъ было два офицера и два рядовыхъ. Казаки нагнали всадниковъ на болото и двухъ изъ нихъ, маіора и рядоваго, убили. Оставшійся рядовой упалъ съ лошади и притворился мерт-

вымъ. Послѣдній же офицеръ тутъ-же завязъ въ болотѣ съ лошадыю, которая и забилась подъ нимъ. Всадникъ быстро соскочилъ съ нея и казакъ нанесъ ему двѣ раны пикою. Лошадь убѣжала. Казаки окружили спѣшеннаго офицера, вывели его изъ болота и начали обирать. Онъ самъ отдалъ имъ кошелекъ съ нѣсколькими червонцами и часы, не говоря, однако, кто онъ. Вдругъ подлетѣлъ вахмистръ какого то коннаго нашего полка и, увидя между казаками польскаго офицера, ударилъ его падашомъ по головѣ. Офицеръ упалъ замертво. Въ это время притворившійся мертвымъ рядовой, видя паденіе офицера и забывъ собственную опасность, вскочилъ и закричалъ: «не убивайте; это главный начальникъ!» Испуганный вахмистръ, а за нимъ и казаки — разбѣжались. Одинъ изъ нихъ успѣлъ найти своего командира полка А. К. Денисова и донесъ ему, что пойманъ Косцюшко. Это былъ дѣйствительно онъ. Обрадованный Денисовъ пустился съ своимъ небольшимъ конвоемъ къ мѣсту плененія Косцюшко. Прискакалъ. Между убитыми поляками казакъ указалъ на одного. Сойдя съ лошади, Денисовъ сталъ вглядываться въ лицо Косцюшко. Онъ былъ живъ, но по блѣдности, походилъ на мертвеца; голова его была вся въ крови, ноги безъ сапогъ, одѣтъ въ кафтанъ со многими вязанными пуговками, въ атласномъ жилетѣ и панталонахъ. Онъ молчалъ. Денисовъ, удостовѣрясь въ сходствѣ съ имѣвшимся у него портретомъ и, видя, что Косцюшко, лежа на землѣ, озябъ, приказалъ послать нѣсколько казачьихъ плащей, положить его на нихъ и плащами же прикрыть его. Косцюшко началъ метаться, какъ бы умирая; но когда его стошнило, то цвѣтъ лица сдѣлался нѣсколько лучше и онъ проглянулъ. Денисовъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, спросивъ, не хочетъ ли онъ чего? Тотъ спокойно отвѣтилъ: «ничего». Тогда Денисовъ сообщилъ, что знаетъ его и что великому человѣку готовъ сдѣлать всякую помощь. Косцюшко отвѣтилъ, что тоже знаетъ Денисова... затѣмъ Денисовъ счелъ нужнымъ спросить «о нѣкоторыхъ важныхъ предметахъ», но Косцюшко ничего не отвѣтилъ.

Къ мѣсту происшествія прибылъ маіоръ Денисовъ съ

нѣсколькими казаками. Галстухами и платками перевязали Косцюшко раны, нанесенныя пикою въ спину, уложили его на носилки, сдѣланныя изъ пикъ, и нѣшіе казаки понесли его подъ прикрытіемъ маіора Денисова. ⁴⁵).

* * *

«Непріятель стоялъ въ густой колоннѣ на улицѣ мѣстечка Бѣлобрега. Казаки ударили, смѣшали поляковъ, опрокинули и погнали; на площади наскакали они на 400 человѣкъ конницы, но и тѣхъ прогнали изъ мѣстечка. Въ ту минуту, когда казаки врѣзались въ средину ихъ, я увидалъ, что одинъ пятидесятникъ моего полка въ большой опасности. Я полетѣлъ къ нему и, заскакавъ съ боку того, который уже его рубилъ палашомъ, ударилъ поляка саблею въ плечо, полагая, что мѣтилъ въ бляху перевязи; мой клинокъ былъ лучшаго турецкаго желѣза, очень крѣпкій, по этому онъ и переломился, при эфесѣ остался небольшой кусокъ, а весь клинокъ полетѣлъ впередъ къ моему противнику; полякъ, замѣтивъ это, остановилъ свою лошадь, круто повернулъ и замахнулся уже поразить меня; но я, предупреджая ударъ, сильнымъ взмахомъ пустилъ ему въ лицо остатокъ моей сабли...» ⁴⁶).

* * *

Донцы участвовали въ персидскомъ походѣ въ 1796 г.; но, къ сожалѣнію, о подвигахъ ихъ не добыто свѣдѣній.

Походъ въ Италію 1799 г. (война съ Франціею).

Въ 1799 г. загорѣлась война Россіи съ Франціею. По Высочайшему повелѣнію донское войско выставило 22 полка; изъ нихъ 16 остались въ Минскѣ. Великій вождь Суворовъ пошелъ на помощь союзной намъ Австріи съ 30.000 пѣхоты и 7000 конницы, въ числѣ коей было 6 донскихъ

казачьихъ полковъ, да во время кампаніи прибыло еще 2. Полки были: Денисова 5, Грекова 8, Семерникова, Сычева, Поздѣва 1, Молчанова, Курнакова и Поздѣва 2; въ полкахъ этихъ было: штабъ-офицеровъ 18, оберъ-офицеровъ 112 и казаковъ 4031, походнымъ атаманомъ былъ А. К. Денисовъ.

Послѣ блестящихъ побѣдъ, Суворовъ смѣло перешелъ высокія и крутыя альпійскія горы, и въ 1800 г. — возвратился съ войсками въ Россію. Его отозвалъ нашъ Государь, недовольный дѣйствіями нашихъ союзниковъ — австрійцевъ. Казаки возвратились на Донъ. За подвиги въ эту войну донское войско награждено похвальною грамотою и бѣлымъ знаменемъ съ надписью: «Вѣрноподданному войску донскому, за оказанныя заслуги въ продолженіи кампаніи противъ французовъ 1799 г.»

* * *

Наши войска выступили въ Италію и 10 апрѣля 1799 г. полкъ Поздѣва первый ворвался въ г. Брецію, а 13 апрѣля полки Денисова и Грекова 8 тоже первыми ворвались въ г. Бергамо и, смѣло напавъ на выступающаго непріятели, захватили плѣнными 129 человекъ; казаки овладѣли городомъ и цитаделью; въ замкѣ найдено 19 осадныхъ орудій, много ружей, военныхъ запасовъ и знамя.

* * *

Вотъ какъ былъ сдѣланъ захватъ г. Бергамо: «я, рассказываетъ въ своихъ «запискахъ» Денисовъ, узналъ, что французскій пятитысячный корпусъ находится противъ меня и ретируется. Я поспѣшилъ къ нему сближаться, но принималъ всѣ осторожности, чтобы не быть прижатому къ горамъ, бывшимъ отъ меня вправѣ. Я настигъ этотъ корпусъ въ одномъ небольшомъ городѣ, который раздѣляетъ довольно глубокая и широкая рѣчка, не имѣющая бродовъ. Французы, перейдя рѣчку, сломали имѣющійся въ городѣ мостъ, и, взявъ къ своему берегу всѣ лодки, остановились, да и близъ города версть на десять поломали мосты, а су-

да прибрали. Не имѣя возможности переправиться за рѣку, я донесъ обо всемъ фельдмаршалу и остановился близь города. На другой или третій день князь Багратионъ прибылъ съ регулярными войсками ко мнѣ и также остановился. Это было подъ 13 апрѣля 1799 г. Въ ночи я узналъ, что французы сняли пушки, прикрывавшія одинъ, въ 8-ми или 10-ти верстахъ отъ города, не совсѣмъ испорченный мостъ, который въ особенности приказано было наблюдать казакамъ. Чтобы настичь непріятеля на маршѣ, самъ князь Багратионъ рѣшился, не дожидаясь приказанія, гнаться за врагомъ, если я найду способъ переправиться за рѣчку. Я помчался рысью со всѣми моими полками къ оставленному мосту, который оказался уже исправленнымъ; офицеръ съ командою, исправивъ, оберегалъ его. Найдя мостъ уже исправленнымъ, я донесъ объ этомъ князю Багратиону, и, переправя полки, погнался за французами; многихъ нашелъ отъ усталости оставленными и болѣе 150 таковыхъ взялъ въ плѣнъ. Наконецъ при захожденіи солнца настигъ и непріятельскій корпусъ, который весь состоялъ изъ пѣхоты, имѣлъ и артиллерію, пушекъ шесть, и не болѣе 150 человекъ конницы. Увидѣвъ меня, непріятель сталъ въ ордеръ баталіи. Не имѣя и тысячи казаковъ подъ ружьемъ, я не смѣлъ атаковать его; а чтобы показать неустрашимость россиянь, я послалъ одинъ полкъ въ бокъ, по маленькой дорогѣ: за большою грязью нельзя было ѣхать по полю; дожди шли частые, а въ тотъ день дождь не переставалъ. Я показывалъ видъ, что хочу перерѣзать имъ дорогу и прижать къ горамъ, очень высокимъ, при подошвѣ которыхъ лежала прекрасная дорога, по которой французы ретировались; прямое-жъ мое намѣреніе было принудить ихъ скорымъ маршемъ бѣжать, что бы оставалось побольше отсталыхъ. Впереди французовъ стояла очень большая роща стараго высокаго лѣса, такъ что за него на большое пространство ничего не было видно. Французы, увидавъ, что полкъ заходитъ впередъ ихъ, ускорили движеніе. Я приказалъ храброму полковнику Грегуву съ его полкомъ сближаться съ нимъ и показывать видъ, что онъ намѣренъ броситься въ атаку. Полкъ мой

слѣдоваль за нимъ, а я находился между полками. Французы вошли по дорогѣ въ упомянутую рощу, гдѣ дорога имѣеть крутой поворотъ, отчего ни Французовъ, ни того, что впереди ихъ, я не могъ видѣть; наконецъ скрылся и полкъ Грекова отъ меня. Въ эту минуту я услышалъ громкіе крики казаковъ и сильную пальбу; скачу съ полкомъ моимъ впередъ и вижу близъ самаго лѣса укрѣпленный городъ, въ который врываются уже зашіе казаки полка Грекова. Я приказалъ полку моему, раздѣлясь на двое, скакать съ криками вокругъ крѣпости, а самъ поскакалъ въ городъ, гдѣ увидѣлъ, что казаки, какъ львы, многіе слѣшась, колютъ дротниками стѣснившагося въ улицѣ непріятели. Я съ Грековымъ, ободряя казаковъ, кричалъ: «любезные друзья!—впередъ!» Каза-лоськаждый казакъ гналъ цѣлыя сотни, потому что одинъ толь, о полкъ былъ въ дѣйстви. Французы и не подумали оглянуться: скорымъ маршемъ пролетѣли они чрезъ весь городъ, и безъ памяти выскочили изъ него. Тутъ я приказалъ остановить всѣхъ казаковъ, полагая, что ежели и четвертая часть непріятели опомнится, то принудить насъ со стыдомъ отступить. Я благодарилъ полковника Грекова, всѣхъ его офицеровъ и казаковъ за славный ихъ подвигъ и тутъ же принялъ отъ начальника города ключи, а жителямъ объявилъ всякое снисхожденіе и послалъ нарочныхъ съ донесеніемъ... Фельдмаршалъ Суворовъ, по донесенію моему, самъ въ ночь прискакалъ ко мнѣ въ городъ Бергамо, верхомъ, облитый дождемъ и грязью, благодарилъ меня, полковника Грекова, и хвалилъ всѣхъ офицеровъ и казаковъ »

* * *

6 іюня, битву при Требін открыли донскіе казаки: полки Грекова и Поздѣева бросились первыми на лѣвый флангъ непріятели; а полки Молчанова и Семерникова—напали съ фронта и во флангъ. Подоспѣли наши главныя силы и закончила битва. Съ перерывами она продолжалась три дня Французы были разбиты. Послѣ битвы при Нови, гдѣ казаки не всѣ участвовали, они изъ засады темнымъ вечеромъ напали на аррьергардъ отступающихъ французовъ, привели

его въ полнѣйшій безпорядокъ и, поддержанные кавалеріею съ двумя орудіями, — разбили его, отнявъ 39 пушекъ и захвативъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ трехъ генераловъ. При трудномъ переходѣ черезъ Альпы Суворовъ оставилъ при пѣхотѣ однихъ казаковъ для прикрытія обозовъ и для охраны арміи передовыми постами; до 1500 казачьихъ лошадей пошло, по приказанію Суворова, подъ выюки; казаки должны были сражаться пѣшіе, что въ горахъ гораздо удобнѣе. Перенесены были невыразимыя трудности всею арміею въ борьбѣ съ суровою природою горъ, по непроходимымъ почти дорогамъ, среди ущелій, лѣсовъ и скалъ. Казаки переходили черезъ с. Готардъ и черезъ Чортовъ мостъ. Въ битвахъ съ восьми-тысячнымъ корпусомъ генерала Моро, съ десяти-тысячнымъ корпусомъ генерала Массена, французы были разбиты, при чемъ казаки генералъ маіоровъ Курнакова и Денисова храбро и усердно помогали и въ лѣсахъ и въ горахъ, и бросались на непріятеля вплавь черезъ рѣку Мутень.

* * *

Лично при Суворовѣ много лѣтъ служилъ любимый имъ урядникъ Евсей Селезневъ (Березовской станицы). Иногда герой Суворовъ, увлекаемый своимъ безстрашіемъ и отвагою, попадалъ подъ непріятельскіе выстрѣлы: пули и картечь сыпались вокругъ. Тогда между Суворовымъ и Селезневымъ возникала своя война: никогда не отлучавшійся отъ Суворова, Селезневъ смѣло хваталъ за поводъ его лошадь и старался отвести ее назадъ. Суворовъ сердился, билъ Селезнева плетью, но преданный, отважный казакъ дѣлалъ свое дѣло, говоря ему: «не пущу; прикажи и безъ тебя пойдутъ, а жизнь твоя дороже для насъ». Впоследствии этотъ герой, будучи уже 50-ти лѣтъ, пошелъ охотою на войну въ 1805 году и былъ знаменосцемъ.⁴⁷

Графъ Федоръ Петровичъ Денисовъ.

Во время турецкой войны фельдмаршалъ Румянцевъ, смотря въ подзорную трубу на сражающихся (дѣло было при Ларгѣ) съ удивленіемъ замѣтилъ какого-то всадника въ голубомъ кафтанѣ, на бѣломъ конѣ. Этотъ всадникъ съ дерзкою отвагою рубилъ направо и налево и разгонялъ турокъ, бѣжавшихъ отъ него въ страхѣ. Это заинтересовало Румянцева и, по окончаніи сраженія, онъ велѣлъ отыскать и представить себѣ храбреца въ голубомъ кафтанѣ. «Ты кто таковъ?» спросилъ Румянцевъ. «Я казакъ Денисовъ!» отвѣчалъ удалецъ. Онъ происходилъ изъ знаменитаго на Дону рода Денисовыхъ, изъ котораго въ одно время, въ 1790 годахъ, было въ живыхъ восемь генераловъ.

Федоръ Петровичъ Денисовъ, слава и блестящее украшеніе донскихъ казаковъ, замѣчательнъ своею изъ ряду вонъ выходящею храбростію и необыкновеннымъ военнымъ талантомъ, замѣчательнъ и тѣмъ, что изъ простыхъ казаковъ дослужился до чина генерала отъ кавалеріи и первый изъ донцовъ былъ возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Онъ родился въ Пятитысянской станицѣ, гдѣ въ дѣтствѣ и былъ наученъ читать и писать. Восемнадцати лѣтъ женился на казачкѣ Маринѣ Петровнѣ Чернозубовой, записанъ былъ въ атаманскій полкъ, затѣмъ, будучи тридцати лѣтъ, выпросился охотникомъ на войну съ турками (1768—1771) и вступилъ въ армію Румянцева. Казачій полкъ, въ которомъ онъ былъ, выбралъ его есауломъ. Въ сраженіи при Ларгѣ онъ убилъ семь турокъ и подвигомъ своимъ обратилъ на себя особое вниманіе Румянцева. Последующіе подвиги его храбрости дали ему право на награду чиномъ войскового старшины, а затѣмъ онъ получилъ въ командованіе казачій полкъ. Слава о храбрости «Денисъ-паши» распространилась и между турками.

Въ схваткахъ и сраженіяхъ онъ особенно добирался до извѣстнаго тогда храбреца Черкесь-паши и дѣйствительно, разъ въ одной схваткѣ съ нимъ, онъ отрубилъ у его лошади поводъ, но убить его самаго не удалось. Уже передъ окон-

чаіемъ турецкой войны Денисовъ въ одномъ изъ сраженій былъ раненъ пулею въ ногу выше колѣна, съ раздробленіемъ кости, вслѣдствіе чего всю жизнь свою прихрамывалъ. При покореніи Крыма онъ снова явился на войну. Въ одномъ дѣлѣ, имѣя подъ командою три казачьихъ полка, онъ былъ разбитъ сильною толпою ханской гвардіи и жестоко преслѣдуемъ. При отступленіи онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ. Тутъ его жизни грозила величайшая опасность: татарскій мулла едва не закололъ его пикой, но Денисовъ отбилъ пикку вверхъ саблею и однимъ взмахомъ поразилъ на смѣрть татарина; тѣло его подхватили бѣжавшіе рядомъ съ нимъ татары и это спасло Денисова.

Въ шведскую войну онъ, въ чинѣ генерала, былъ въ одномъ изъ сраженій раненъ пулею въ руку у самого локтя; пуля прошла по всей кисти руки подъ кожей. Выѣхавъ изъ рядовъ, Денисовъ приказалъ лекарю вынуть пулю и при операциі храбрець стоялъ и распоряжался установленіемъ батареи.

Императрица Екатерина съ большимъ участіемъ относилась къ его ранамъ; «о контузіи, полученной генераль-майоромъ Денисовымъ, — сожалѣемъ и ожидаемъ увѣдомленія, въ какомъ онъ положеніи». ⁴⁸⁾

Въ другомъ письмѣ отъ 9 іюня того же года говорится: «о генераль-майорахъ... Денисовѣ... увѣдомьте Насъ, въ какомъ они состояніи послѣ ранъ, ими полученныхъ, находятся и дайте имъ знать, что Мы скорѣйшаго выздоровленія имъ желаемъ».

22 апрѣля Денисовъ съ незначительными сравнительно силами разбилъ шведскаго короля и тѣмъ способствовалъ заключенію достойнаго мира, не смотря на наши неудачи вообще. Императрица Екатерина пожелала видѣть отважнаго побѣдителя. При представленіи первый вопросъ Ея былъ: «генераль! скажите пожалуйста, какимъ образомъ вы осмѣлились съ горстью людей напасть на шведскаго короля»? «Смѣлость, Ваше Величество, отвѣчалъ Денисовъ, отворяетъ широкія ворота къ побѣдѣ».

По случаю мира съ Швеціею 8 сентября 1790 г., канц-

леръ графъ Безбородко, перечисляя недовольныхъ наградами, между прочимъ, писалъ Попову слѣдующее: «третій—Федоръ Петровичъ Денисовъ. Вы помните, что его желаніе было имѣть деревни, и онъ мнѣ часто на Горичевъ указывалъ. Имѣя три ордена и саблю, нечего было ему и дать другаго, какъ 500 душъ; но онъ негодуешь, что не генераль-поручикъ и прочее. Однакожъ онъ, по крайней мѣрѣ, покойнѣе другихъ: шумитъ на сторонѣ по донскому манеру, а при Дворѣ веселъ, въ городѣ играетъ въ карты и собирается въ Лифляндію на службу». ⁴⁹).

За шведскою войною Денисовъ принималъ участіе въ польской войнѣ 1794 г.; тогда онъ командовалъ уже цѣлымъ корпусомъ русскихъ войскъ. Здѣсь Денисовъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ поражений, нанесенныхъ знаменитому Косцюшко. Особенно сильное поражение Косцюшкѣ нанесено было непосредственно Денисовымъ подъ Шекоцинымъ, хотя при этомъ участвовалъ и прусскій король. Денисовъ же былъ виновникомъ пораженія Косцюшко при Мацеевичахъ, гдѣ этотъ талантливый полководецъ былъ взятъ въ плѣнъ. По окончаніи сраженія при Мацеевичахъ генераль Денисовъ прибылъ къ Суворову съ донесеніемъ о побѣдѣ. Суворовъ, выслушавъ его, воскликнулъ: «вотъ донецъ! Онъ русскій, онъ—Илья Муромецъ, онъ—Еруславъ Лазаревичъ, онъ Добрыня Никитичъ!... Побѣда, слава, честь русскимъ!» ⁵⁰).

Послѣ штурма Праги Суворовъ предписалъ Денисову преслѣдовать польскаго главнокомандующаго, графа Ваврецкаго, который съ 27 тысячнымъ корпусомъ, отступая, шелъ къ границамъ Австріи. Денисовъ быстро настигъ поляковъ и у Опочно неожиданно объявилъ офицерамъ, что онъ одинъ съ казакомъ поѣдетъ къ польскому главнокомандующему для переговоровъ. И поѣхалъ. У подъѣзда квартиры Ваврецкаго онъ увидалъ стоящую запряженную карету. Смѣло вошелъ онъ въ домъ, какъ будто парламентаръ русскаго генерала. Ваврецкій сидѣлъ задумчиво у стола, окруженный своими генералами и адъютантами. Денисовъ потребовалъ, чтобы онъ сдался. Это взорвало гордаго поляка. «Да развѣ вашъ генераль Денисовъ считаетъ меня побѣж-

деннымъ»? вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. «Убирайся вонъ и скажи своему генералу, что мы еще не ревѣдаемъ съ нимъ оружіемъ!» «Я—самъ Денисовъ!»! грозно вскрикнувъ мнимый парламентаръ и распахнулъ свою грудь, украшенную звѣздами; «я самъ пришолъ взять тебя въ плѣнь!»! Поляки растерялись, а Денисовъ схватилъ Вавржецкаго за шею и при помощи казака втолкнулъ его въ его же карету и помчался. «Да гдѣ я? скажите, пожалуйста, гдѣ я?» восклицалъ потерявшійся Вавржецкій «Пли все это одинъ только сонъ»? «Увѣрю Ваше Превосходительство, отвѣчалъ, смѣясь, Денисовъ, что вы не во снѣ, а на яву въ плѣну у русскаго генерала!»!

На сколько блестящи были природныя военныя способности Денисова, видно изъ того, что, какъ увѣряютъ, Суворовъ, отправляясь въ походъ въ Италію, совѣтовалъ Императору Павлу назначить Денисова—главнокомандующимъ русскою арміею въ Швейцаріи, но армія эта была отдана Римскому-Корсакову.

Въ одной изъ частныхъ бесѣдъ Государь, разсуждая съ Денисовымъ о политическихъ дѣлахъ, показалъ ему секретный планъ расположенія русской арміи. Къ общему изумленію окружавшихъ Государя, Денисовъ осмѣлился утверждать, что Римскій-Корсаковъ, судя по расположенію его арміи,—будетъ непременно разбитъ французами. Эта смѣлая выходка не поправилась Государю и Денисову былъ запрещенъ пріѣздъ ко двору. Спустя нѣсколько времени Государь снова потребовалъ его и снова спросилъ: «ну, что, Денисовъ, какъ ты думаешь и теперь о Римскомъ-Корсаковѣ»? «Я и теперь остаюсь, Ваше Величество, при своемъ прежнемъ убѣжденіи, что онъ будетъ непременно разбитъ, если не перемѣнитъ растянутого положенія своего корпуса», отвѣчалъ Денисовъ. «Послѣ этого ты великій генералъ!»! воскликнулъ Императоръ, подавая ему руку: «Я сейчасъ получилъ прискорбное извѣстіе, что Корсаковъ дѣйствительно жестоко разбитъ Массеною подъ Цюрихомъ». 24 января 1798 г., будучи генералъ-лейтенантомъ, Денисовъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, а 6 апрѣля 1798 г. произ-

веденъ въ генералы отъ кавалеріи, съ оставленіемъ въ должности... командира полка; 10 марта 1799 г. назначенъ инспекторомъ Кавказской дивизіи и Астраханскимъ военнымъ губернаторомъ, съ оставленіемъ въ должности командира полка, а 12 того же марта Государь командировалъ его для начальствованія надъ 28 донскими казачьими полками, собранными на западной границѣ, гдѣ въ то время стояли арміи Ласси и Гудовича. Въ рескриптѣ, по случаю этого назначенія, было глухо сказано «возьмите въ свою команду всѣ находящіяся тамъ казачьи полки, для исполненія вамъ порученнаго Мною». 4 апрѣля 1799 г. Денисовъ возведенъ въ графское достоинство. 18 марта 1800 г. «за проволочку препорученнаго ему дѣла по комиссіи военнаго суда» отставленъ отъ службы; 6 ноября того же года принятъ снова на службу, а 9 того же ноября повелѣно быть ему шефомъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. 4 января 1801 г. «за безпорядки, происшедшіе въ полку, ему ввѣренномъ, по старости лѣтъ, отставленъ отъ службы». Умеръ въ Пятизбѣнской станицѣ, въ 1803 г. въ февралѣ или мартѣ. ²¹⁾.

О смерти этого знаменитаго казака сохранилось такое преданіе. Предъ походомъ въ Италію, Суворовъ съ Денисовымъ натолкнулись гдѣ то на цыганку—предсказательницу будущаго. Она будто бы сказала Суворову: «Ты большой человекъ: будешь братомъ чужому царю». А Денисову предсказала, что онъ мирно умретъ непременно въ томъ мѣстѣ, гдѣ родился. Въ виду, будто, этого предсказанія, Денисовъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ жить въ своей станицѣ. Однако, съ отставленіемъ отъ службы, онъ вынужденъ былъ пріѣхать на мѣсто родины. И здѣсь зимою, вѣроятно, въ концѣ февраля 1803 г., онъ приказалъ пригнать свой косякъ лошадей къ противоположному отъ станицы берегу Дона. Переходя затѣмъ по льду къ косяку, Денисовъ поскользнулся, упалъ и повредилъ себѣ голову. Его перенесли въ станицу, гдѣ онъ въ тотъ же день и скончался. Онъ обладалъ высокимъ боевымъ духомъ и хладнокровіемъ въ бою. Вотъ что рассказываетъ его племянникъ А. К. Денисовъ, въ своихъ запискахъ: «Тутъ прискакалъ ко

мнѣ графъ Денисовъ, остановилъ всѣхъ при немъ бывшихъ, велѣлъ мнѣ быть при немъ, поѣхалъ прямо къ неприятелю и сталъ весьма въ близкой дистанціи, разсматривая весь строй его. Вдругъ выпалили по насъ изъ пушки картечью, которая съ визгомъ пролетѣла выше нашихъ головъ. Я отъѣхалъ отъ графа нѣсколько въ сторону, полагая, что по одному не будутъ тратить зарядовъ, но скоро повторили тоже и картечь пролетѣла ближе къ графу. Тогда я убѣдительно просилъ, чтобъ онъ отъѣхалъ, потому что видимо цѣляютъ именно въ него. «Ежели трусишь, поѣзжай прочь!» отвѣчалъ графъ. Я подался впередъ, но въ сторону. Тутъ выстрѣлили еще картечью и у лошади подъ графомъ Денисовымъ перебили заднюю ногу; лошадь упала всѣмъ задомъ, но на переднихъ ногахъ еще держалась. Графъ спокойно сошелъ съ нея, пошелъ прочь, хромая, а я соскочилъ съ своей лошади, подбѣжалъ къ нему, и убѣдительно просилъ, что бы онъ сѣлъ на моего коня, но онъ не согласился. Адьютанты и другіе чиновники прискакали къ нему и привели заводскую его лошадь, на которой онъ и поскакалъ къ центру войскъ своихъ».

Графъ Денисовъ имѣлъ все тѣло изрѣшетенное ранами: одна пуля оставалась въ тѣлѣ лѣтъ пятнадцать, послѣ чего была найдена въ ногѣ ниже колѣна и вырѣзана.⁵²).

* * *

Подробности службы Денисова изложены въ грамотѣ на пожалованіе ему графскаго достоинства:

«Божіею поспѣшествующею милостію мы Павелъ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч. и проч. Намъ довольно извѣстно, что Нашъ любезно вѣрно-подданный войска донскаго генералъ отъ кавалеріи Фѣдоръ Петровичъ Денисовъ въ службу Нашу вступилъ въ 1756 г. февраля 1 казакомъ и былъ производимъ: въ томъ же году марта 20 полковымъ есауломъ, въ 1770 сентября 5 донскимъ полковникомъ, въ 773 мая 10 маіоромъ, въ 774 іюня 2 подполковникомъ, въ 777 іюня 26 пожалованъ полковникомъ, въ 1784 ноября 24 бригадиромъ, въ 787 мая 30 генералъ маіоромъ, въ 795

генваря 1 генераль-лейтенантомъ, въ 798 февраля 26 генераломъ отъ кавалеріи. Въ продолженіи сей службы былъ въ походахъ: 1756 г. въ Оренбургѣ для содержанія пограничнаго караула, въ 763 въ Кизлярѣ, въ 770 до окончанія первой съ турками войны съ донскимъ казачьимъ полкомъ въ арміи и находился въ дѣлѣ съ непріятелемъ, такъ-же при Кагульской баталіи; будучи же откомандированъ съ казачьими полками къ Измаилу, разбилъ вышедшую изъ сего города въ шести тысячахъ партію, изъ коей на мѣстѣ побито до 1000, въ плѣнъ взято 1700 человекъ и 12 знаменъ; при взятіи крѣпостей Измаила и Килип; сентября 22 съ донскими казаками и арнаутами взяли крѣпость Татаръ-Бунаръ съ 23 пушками, со всѣмъ къ нимъ снарядомъ и 15 знаменъ; при устьѣ Дуная разбилъ турецкую партію, состоящую изъ 2700, взяли въ плѣнъ 252 человека и 12 знаменъ; 29 сентября при взятіи крѣпости Авкермана; 14 ноября при взятіи города Тульчи; въ 771 октября 24 при разбитіи визиря въ Бободаяхъ; 24 ноября при взятіи города Исакчи; въ 772 апрѣля 30 за Дунаемъ при разбитіи четырехъ-тысячной турецкой партіи, изъ которой побито до 500, въ плѣнъ взято 120 человекъ и 7 знаменъ, да изъ Болгаръ, живущихъ тамъ, съ женами и дѣтьми 3000 человекъ; такъ же разбилъ при Горыбалахъ расположенной турецкой корпусъ, при чемъ на мѣстѣ убито 65, въ плѣнъ взято 100 человекъ, 17 пушекъ и 4 знамя; а при взятіи Силистріи былъ раненъ пулею въ правую ногу на вылетъ, потомъ разбилъ турецкую партію, состоящую изъ 2000, при чемъ побито до 300, взято въ плѣнъ военныхъ 70 человекъ и 4 знамя, да жителей съ семействами до 300 душъ; въ 773-мъ за Дунаемъ у озера Карасу при разбитіи турецкой арміи, бывшей подъ командою Сераскиръ и Чаушъ нашей, которые имъ при томъ случаѣ взяты въ плѣнъ съ знатнымъ числомъ рядовыхъ, 5 знаменъ и 8 пушекъ; подъ Варною при вылазкѣ изъ оной раненъ пулею въ грудь; въ 774, перейдя за Дунай, командированъ былъ къ мѣстечку Базарчуку, гдѣ въ плѣнъ взялъ 7 человекъ да 5 знаменъ; по возвращеніи оттолъ къ Силистріи, разбивъ корпусъ Кара-

наши, взявъ весь лагерь, на мѣстѣ убито до 400, въ плѣнъ взято 79 человекъ, 2 пушки и 9 знаменъ; потомъ пакн къ мѣстечку Базарчуку, не доходя котораго, встрѣтятся съ Черкесь-пашею въ 7000 конницы, ево разбилъ и гнавшися за нимъ до имѣвшейся у того мѣстечка пѣхоты въ 13000, не останавливаясь, оную съ мѣста сбивъ, получилъ въ добычу весь его лагерь; на мѣстѣ убито до 1300, взято въ плѣнъ разныхъ чиновъ и рядовыхъ до 170 человекъ, 12 пушекъ и 13 знаменъ; июня 9 при взятіи мѣстечка Казалчи и разбитіи притомъ турецкой арміи, бывшей подъ командою Серакирь-пашн; 15 при мѣстечкѣ Ени-Базаръ разбилъ въ другой разъ корпусъ Черкесь-пашн въ 6000, гдѣ осталось на мѣстѣ сраженія убитыхъ до 200, въ плѣнъ взято 70 человекъ и 4 знамя; 17 къ мѣстечку Разградъ-Базаръ и подъ крѣпостью Шумлю, разбивъ турецкую конницу, состоящую въ 17000, прогналъ оную за Шумлю, тутъ у непріятели убито до 2000 человекъ, въ плѣнъ взято 159 и 15 знаменъ, 25 командированъ въ Балканы и въ деревню Челькавакъ, гдѣ атаковавъ Юсуль-пашу съ отрядомъ, разбилъ его и прогналъ за Балканы; въ плѣнъ взято 70 человекъ и 3 знамя, а на мѣстѣ убито до 500 человекъ, причемъ раненъ пулею въ правый бокъ; іюля 6 и 7, при прогнаніи непріятельской вылазки изъ мѣстечка Шумлы, раненъ въ лѣвую ногу двумя пулями; въ 779 въ Крымъ для усмиренія бунтовавшихъ тамъ татаръ; оттуда же въ 1780 въ Санктпетербургъ и на Донъ; въ 783 въ Крымъ, въ 788 къ Очакову и находился при взятіи оваго, а оттоль съ регалиями въ Санктпетербургъ; въ 789 въ шведскую армію; мая 31 при деревнѣ Кире съ егерями и казаками разбилъ и прогналъ непріятельской деташаментъ, отбилъ двѣ пушки, при чемъ и при переправѣ, именуемой Парусальма, раненъ пулями въ лѣвую ногу и руку; іюля 3 при деревняхъ Капіасахъ и Кутти разбилъ и прогналъ непріятели, состоящаго изъ 5500 человекъ, убито до 500, въ плѣнъ взято 70 человекъ; 5 прогналъ шведской корпусъ изъ Кулле за Тюшень до Красной мызы; 28 перешедъ черезъ рѣку Тюшень, разбилъ передовые шведскіе посты и прогнавъ къ самой ба-

тарен, овладѣлъ оною съ четырьмя на ней пушками; въ 790 апрѣля 22 и 24 при киркѣ Вилкеней прогналъ непріятеля, состоящаго изъ семи тысячъ, подъ командою самаго короля шведскаго и получилъ въ добычу весь его обозъ съ провіантомъ и другими принадлежностями, гдѣ раненъ въ лѣвую руку пулею; въ томъ же году изъ Санктпетербурга въ Польшу и тамъ, командуя передовымъ корпусомъ, напавъ на польское войско при рѣчкѣ Бугѣ, состоящее изъ 13000, разбивъ оное, отбилъ 7 батарей, получилъ въ добычу одну пушку, на мѣстѣ убито до 1100, да въ плѣнъ взято 67 человекъ; послѣ чего командированъ въ разныя команды и по секретному ордеру къ Кракову и, соединясь съ прусскимъ королемъ, мая 26 подъ Шекоченымъ, атаковавъ главнокомандующаго польскими войсками генерала Косцюшку съ многочисленнымъ корпусомъ, разбилъ оной, на мѣстѣ убито до 17000, въ плѣнъ взято до 3000 человекъ, 16 пушекъ и 27 знаменъ; отдѣляясь же отъ прусскихъ войскъ съ авангарднымъ корпусомъ, 14 іюня въ сраженіи при деревнѣ Скаршинскѣ, гдѣ на мѣстѣ убито 400, въ плѣнъ взято 72; 28 при Зеленой Мельницѣ и тамъ на мѣстѣ убито 700, да въ плѣнъ взято 84 человекъ; 20 іюля при Вельяновѣ на мѣстѣ убито 290, въ плѣнъ взято 78; 29 разбилъ при Мочевцахъ подъ начальствомъ Косцюшки корпусъ, состоящій изъ 13000, на мѣстѣ убито 9500, въ плѣнъ взяты самъ Косцюшко, генералъ Каменскій, Сираковскій, Княжевичъ, до 200 штабъ и оберъ-офицеровъ* и до 3000 нижнихъ чиновъ, 22 пушки и 26 знаменъ; 22 октября при взятіи штурмомъ Праги и Варшавы; по занятіи же оныхъ посланъ быть фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ за успешнымъ изъ Варшавы корпусомъ, состоящимъ изъ 27000 подъ командою Ваврецаго, который имъ взятъ; нижніе чины распущены въ ихъ дома, а самъ Ваврецкій съ генералъ-поручикомъ Дубровскимъ и со многими другими генералами, всею аммуниціею, пушками и регаліями представлены отъ него къ фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому; а по окончаніи сей экспедиціи находился при свитѣ Нашей по 1798 г., въ которомъ генваря 24 Мы повелѣли быть ему

въ лейбъ-казачьемъ полку командиромъ. За оказанные имъ по службѣ подвиги, Всемиловѣйше возложены на него ордена: святаго Александра Невскаго, святаго Анны 1 класса, святаго великомученика и побѣдоносца Георгія 2 класса, святаго равноапостольнаго князя Владиміра 2 класса, святаго Іоанна Іерусалимскаго большаго креста и Всемиловѣйше жалованъ брилліантовымъ перомъ, двумя саблями, каменьями украшенными, съ вензелевымъ на нихъ Высочайшимъ именованъ, и деревнями, въ коихъ 1200 душъ; такъ же пожалованъ отъ Его Величества короля прусскаго Фридриха 2-го орденомъ Краснаго Орла и отъ Его Величества короля польскаго Станислава Августа орденомъ Бѣлаго Орла и святаго Станислава; а 1799 г. апрѣля въ 4 день Мы, признавая отличное усердіе и труды его, любезновѣрноподданнаго нашего генерала отъ кавалеріи Денисова, на пользу службы Нашей подъемлемые, Всемиловѣйше пожаловали его въ графское Имперіи Нашей достоинство, распространяя оное на все потомство мужеска и женска полу, отъ него происходящее...»⁵³).

Поголовный походъ Донцовъ въ Индію 1801 г.

„На службѣ не безъ нужды“.

Поголовные походы донскихъ казаковъ дѣло не рѣдкое въ ихъ военной жизни: въ 1741 г. донцы всѣмъ войскомъ (до 13000 ч.) выходили на встрѣчу султану Бахты-Гирею, въ 1737 г. все войско съ войсковымъ атаманомъ Фроловымъ ходили на Кубань на татаръ: приготовленія къ походу «какъ пѣшимъ, такъ и коннымъ» состояли въ заготовленіи провіанта, топоровъ, лопать, платья и проч.⁵⁴).

Въ 1757 г. въ Семилѣтнюю войну выходило 16000 ч. и т. д. Кромѣ того въ старинныхъ дѣлахъ попадаются распоряженія войсковаго атамана быть готовымъ «всѣмъ войскомъ къ походу.»

По плану Наполеона I, Императоръ Павелъ I рѣшился

поразить англичанъ въ самое чувствительное для нихъ мѣсто, въ подчиненную имъ Индію: «разорить торговыя заведенія англичанъ въ Индіи, освободить угнетенныхъ Индусовъ и привести ихъ въ зависимость Россіи»—одними донскими казаками. На жалованье, провіантъ и фуражъ войску отпущено было изъ государственнаго казначейства 2.670.000 р., кои должны быть возвращены изъ добычи той секретной экспедиціи, писалъ Государь. 12 января 1801г. войсковому атаману Орлову было повелѣно собрать все войско донское на сборныя мѣста и готовиться итти въ Оренбургъ, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. 24 января былъ разосланъ по станицамъ приказъ о выступленіи казаковъ «до послѣдняго человѣка къ 20 февраля о двуконь и съ полтора-мѣсячнымъ провіантомъ на сборныя мѣста». 1-го марта атаманъ Орловъ уже донесъ Государю, что «сорокъ полковъ и двѣ роты конной донской артиллеріи—выступили со всѣхъ пунктовъ къ Оренбургу 27 и 28 февраля и будутъ продолжать марши отъ 30 до 40 верстъ въ сутки » Всѣхъ людей въ полкахъ и артиллеріи было 21.651 ч., лошадей 44.550. Полки были раздѣлены на четыре отряда, подъ начальствомъ генералъ-майоровъ: первый Платова 13 полковъ, второй Бузина 8 полковъ, третій Бокова 1-го 10 полковъ и четвертый Денникова 6-го 10 полковъ. Первымъ отрядомъ распоряжался самъ войсковой атаманъ; при немъ были землемѣры и обѣ роты артиллеріи. Въ этихъ ротахъ было 501 ч. подъ командою полковника Карпова 2; взято снарядовъ при 12 единорогахъ 960 гранатъ, 120 ядеръ, 360 картечи и при 12 пушкахъ 1080 ядеръ и 360 картечи.

Сборы казаковъ къ походу были не безъ затрудненій: у иныхъ казаковъ не было чекменей, куртокъ; одѣли въ сѣрые халаты. Войсковой старшина Папузинъ донесъ начальству, что одинъ казакъ его полка явился къ выступленію въ походъ съ одною сѣделкою и ту взялъ подъ закладъ.

Передъ выступленіемъ былъ полученъ отъ Государя рескриптъ, въ которомъ было объявлено войску Высочайшее благоволеніе «за готовность и исправность въ выступленіи».

Выступили въ невѣдомую страну, всѣ богатства которой

были обѣщаны донцамъ; станицы остались безъ писарей, церкви безъ чтецовъ. Пошли. Сильныя метели бушевали по донскимъ стениамъ; дороги сдѣлались непроходимыми, людямъ не было квартиръ для обогрѣнія продрогшихъ членовъ. Донская войсковая конная артиллерія была вынуждена измѣнить маршрутъ и пошла по дорогамъ отъ станицы къ станицѣ. Въ началѣ марта подошли къ Волгѣ; наступила оттепель, заиграли ручьи, наводнились балки, вскрылись рѣчки и на самой Волгѣ тронулся ледъ. Полкамъ предстояла гибель подо льдомъ, угрожала и голодъ. Два полка Денисова 6-го, переправляясь черезъ Волгу, чуть было не потеряли лошадей: четвертая часть ихъ провалилась и сами казаки погибли бы все, если-бы не подошли 300 крестьянъ. Генералъ-маіоръ Бузинъ два дня не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о полкахъ Орлова, Мелентьева, Тарасова и Хохлачева.

Войсковой старшина Папузинъ доносилъ, что «вскрывшаяся рѣчка Таловка совсѣмъ было воспрепятствовала слѣдованію, гдѣ едва въ одномъ только мѣстѣ весьма на малое разстояніе нашедъ кригу и укрѣпивши оную съ обонхъ береговъ... изъ обывательскихъ дворовъ лѣсомъ, хворостомъ и отъ дворовъ воротами и соломою, къ чему подошли и полки сзади меня бывшіе Васильева и Фролова, — ускорили все переправиться благополучно, будучи въ маршѣ того дня съ четвертаго часу по полуночи и до осьмага часу по полудни» ...

О переправѣ черезъ Волгу рассказываетъ А. К. Денисовъ такъ: «Тутъ въ глазахъ нашихъ ледъ, не разрываяся, тронулся и на нѣсколько саженой подался въ низъ, однако, остановился. Я приказалъ, не смотря на этотъ ненадежный ледъ, пробовать идти черезъ Волгу: мужиковъ съ веревками поставить черезъ всю Волгу по пяти человекъ вмѣстѣ, придавъ имъ нѣсколько казаковъ, съ тѣмъ, что бы ежели близъ нихъ провалится лошадь или человекъ, то давали бы помощь. Человекъ сорокъ или болѣе казаковъ разными мѣстами повели на ледъ лошадей, которыя все недалеко отъ берега провалились; но взятыми предосторожностями ни одна не утонула: все лошади были вытянуты и возвращены на

берегъ». Казаки смотрѣли въ ужасѣ. Тогда Денисовъ, зная, что весною чѣмъ далѣе отъ берега, особенно на большихъ рѣкахъ, тѣмъ ледъ бываетъ крѣпче, приказалъ вести впередъ своихъ лошадей, которыя были и рослѣе и тучнѣе казачьихъ. Хотя лошади и проваливались, но ихъ вытаскивали и все таки вели впередъ. За ними Денисовъ приказалъ пустить и казачьихъ лошадей. «Въ трехъ полкахъ было провалившихся болѣе 700 лошадей, но ни одна изъ нихъ не утонула... Всѣ полки часа въ четыре, много въ пять, переправились черезъ Волгу»...

Послѣ этой опасной переправы казаки пошли по лѣвой сторонѣ Волги, далѣе по Иргизу. 23 марта, уже на вершинахъ Иргиза донскіе полки были достигнуты курьеромъ. Онъ привезъ указъ военной коллегіи новаго Императора, Александра I, «не продолжать донскимъ полкамъ болѣе похода и возвратиться на Донъ». Полки возвратились.

Въ два мѣсяца казаки прошли болѣе тысячи пяти сотъ верстъ. Повидимому, кромѣ перенесенныхъ казаками «неисчисляемыхъ» страшныхъ трудностей въ этомъ походѣ не было ничего особеннаго; но въ немъ донскіе казаки выказали: 1, полнѣйшую готовность всемъ выступить по приказу Государя, куда угодно; 2, безропотность, безответность истинно военнаго человѣка, исполняющаго, что прикажутъ, и 3, твердость воинскаго духа, присущаго казаку: оставляя домъ, обезпечивая семью, донской казакъ шелъ, не зная куда и для чего, и все таки бодро шелъ;... Одинъ современникъ прямо говоритъ: «не знали куда и зачѣмъ идти». ⁵⁵⁾

Война съ Франціею 1805—1807 г.

Въ эту войну донское войско выставило 13 полковъ подъ начальствомъ атамана Платова.

На помощь Австріи, воевавшей съ Франціею, выступилъ русскій корпусъ подъ начальствомъ Кутузова; но Австрія уже была разгромлена Наполеономъ и русская 50 ты-

сячая армія была вынуждена отступать предъ сильною арміею Наполеона. При этомъ трудномъ отступленіи, въ сраженіи 4 ноября при Шенграбенѣ (5/т. противъ 30/т.) особенно отличились храбростью и неустрашимымъ мужествомъ донскіе казачьи полки: № 2 Сысоева и № 3 Ханженкова, за что эти полки, первые изъ казачьихъ полковъ, награждены Георгіевскими знаменами «въ знакъ признательности и дабы оставить въ память подвиги ваши», какъ сказано въ грамотахъ, данныхъ по этимъ случаямъ.

Въ несчастной битвѣ подъ Аустерлицемъ 21 ноября участвовалъ лейбъ-гвардіи казачій полкъ. Онъ вмѣстѣ съ кавалергардами удерживалъ непріятели и тѣмъ спасъ нашу сильно разстроенную гвардейскую пѣхоту.⁵⁶⁾

Изъ лейбъ-казаковъ особенно отличились: командующій полкомъ, полковникъ Чернозубовъ, награжденный орденомъ св. Георгія 4 ст., ротмистръ Бирюковъ 1, поручикъ Чеботаревъ и корнетъ Жмуринъ, всѣ трое награждены орденомъ св. Анны 3 ст. 27 ноября наша армія предприняла обратный походъ въ Россію.

Въ 1806 г. Пруссія, по примѣру Австріи, ввязалась въ войну съ Франціею; но Наполеонъ разгромилъ прусскія войска въ одинъ день, въ двухъ сраженіяхъ, и занялъ столицу Пруссіи, Берлинъ. Но пруссаки были тогда наши союзники, а потому въ помощь Пруссіи Россія выставила армію подъ начальствомъ Беннингсена. Къ этой арміи было присоединено 8 казачьихъ полковъ подполковниковъ: Иловайскаго 9 и Андропова, войсковыхъ старшинъ Сысоева 3, Малахова, Грекова 18, Ефремова 3, Киселева 2 и Папузина. Впослѣдствіи, 15 февраля 1807 г., подъ Гутштадтомъ пришло къ Платову съ Дона, подъ командою генераль-майоровъ: Иловайскаго 5 и Денисова 7, еще 5 полковъ: Ефремова 3, Карпова, Селиванова, Иловайскаго 10 и Иловайскаго 5. Былъ также атаманскій полкъ и донская конная артиллерія. Эти 8 полковъ поступили подъ начальство Платова и состояли всего изъ 2500 человекъ: такъ обезсѣлили ихъ разныя откомандировки въ конвой, въ вѣстовые и т. п.! Затѣмъ и остальные полки были присоединены къ Платову.

Въ этой войнѣ, какъ и въ прочихъ войнахъ, казаки болѣе всего срывали пикеты, захватывали плѣнныхъ, продовольствіе, шныряли, какъ шмели, вокругъ фронта, фланговъ и тыла непріятеля и держали его постоянно въ опасеніи... Захватъ продовольствія, особенно сѣна и соломы, былъ прямымъ дѣломъ казаковъ: съ фуражемъ было плохо, а край разорень. союзники—нѣмцы прятали запасы. Тяжело было донцамъ! Съ особеннымъ отличіемъ сражались казаки, кромѣ незначительныхъ стычекъ, въ битвахъ: при Прейсишъ—Эйлау, подѣ Ортельсбургомъ, подѣ Мальгою (дважды), при Ваплицѣ и подѣ Гутштадтомъ; а послѣ битвы подѣ Фридландомъ прикрывали отступление нашей арміи до Тильзита, гдѣ и заключень былъ миръ.

За боевые подвиги казачьихъ полковъ въ эту войну донское войско награждено бѣлымъ Георгіевскимъ знаменемъ съ надписью: «Вѣрнoлюбeзному войску донскому, за оказанныя заслуги въ продолженіе компаніи противъ французовъ 1807 г.» Въ грамотѣ, данной по этому случаю, помѣщены между прочимъ слѣдующія знаменательныя слова: «Войско донское съ давнихъ лѣтъ всей Европѣ извѣстное неустрашимостію своею, неутомимымъ мужествомъ и неизмѣнною любовію къ отечеству, превзошло древнюю славу предковъ своихъ въ походахъ и битвахъ 1805 и 1807 г. противъ французовъ подѣ предводительствомъ храбраго атамана своего генерала Платова и другихъ отличныхъ своихъ начальниковъ. Армія Россійская, отсюду ограждаема движеніями и дѣятельностію донскаго войска на поляхъ побѣды, безопасно послѣ трудовъ своихъ покоилась и непріятель безпрестанно былъ онымъ тревожимъ и поражаемъ. Врожденная бдительность донскихъ воиновъ, на полѣ брани воспитанныхъ, псчисляла всѣ движенія, наблюдала непріятеля, предупреждала сокровеннѣйшія намѣренія непріятеля и не дремлющимъ окомъ главнокомандующему служила». 57).

* * *

Во время двухдневной кровопролитной битвы подѣ г. Прейсишъ-Эйлау, гдѣ было убито и ранено почти 50 ты-

сячь, разыгрался между прочимъ такой случай. Дѣло было 27 января. Шель сѣгъ. Въ разгаръ битвы три эскадрона французской гвардіи бросились въ интервалъ, находившійся въ центрѣ нашихъ войскъ и съ крикомъ понеслись между первою и второю линиями. Увидя это, Платовъ, приказалъ полку Киселева ударить на непріятели. Киселевъ лихо бросился на встрѣчу ему и, не смотря на отчаянное сопротивление, разбилъ его, какъ говорится, на голову. При этой лихой схваткѣ начальникъ эскадрона, 2 офицера и 30 рядовыхъ—взяты въ плѣнъ. Главнокомандующій въ донесеніи Государю объ исходѣ битвы при Эйлау, а кончилась она въ ничью, засвидѣтельствовалъ, что казаки во все продолженіе сраженія дѣйствовали отлично. ⁵⁸).

* * *

При отступленіи русской арміи къ Кенигсбергу, 2 февраля подполковникъ Андроновъ съ однимъ своимъ полкомъ внезапнымъ и быстрымъ нападеніемъ разогналъ 12 эскадроновъ, подъ начальствомъ генерала Тилье, многихъ перекололъ и 10 офицеровъ и 167 рядовыхъ съ штандартомъ привелъ въ главную квартиру. ⁵⁹).

* * *

Донской казачій Кутейникова полкъ содержалъ цѣпь на р. Наревѣ. Одинъ разъѣздъ этого полка примѣтилъ, что французскій конный патруль на другой сторонѣ рѣки имѣлъ обыкновеніе въ одно время дѣлать разъѣзды, возвращаться назадъ и варить себѣ пищу въ положенные часы и въ одномъ мѣстѣ. Казаки придумали слѣдующее: они выпросили у артиллеристовъ «чиненку» (гранату) и, переплывъ рѣку во время отсутствія непріятели, зарыли гранату на мѣстѣ приготовления пищи,—отверзтіемъ вверхъ, прикрыли ее пепломъ и, отдалясь, засѣли въ закрытое мѣсто. Въ свое время французы, возвратились, остановились и развели огонь; жаръ коснулся пороха и взрывъ гранаты кого ранилъ, кого убилъ... Остальные въ ужасѣ бѣжали. Казаки настигли ихъ,

перехватили и, переплывъ съ ними Наревъ, представили плѣнныхъ командиру полка. ⁶⁰).

* * *

8 февраля, не доходя до Ландсберга, передовыя отборныя партіи корпуса генерала Платова имѣли съ непріятельскимъ арріергардомъ сраженіе, выбили его изъ Ландсберга, и отбили у него нашихъ плѣнныхъ слишкомъ 200 человекъ, да французовъ раненыхъ и больныхъ 4 офицера и 380 рядовыхъ, при 3 лекаряхъ, сверхъ того 150 четвертей муки. Генераль Платовъ приказалъ раздать эту муку больнымъ и раненымъ, собрать для нихъ мяса и вина, и все это оставилъ на попеченіе городскихъ бургомистровъ, а самъ пустился на преслѣдованіе непріятеля. ⁶¹).

* * *

29 мая, въ сраженіи при Гейльбергѣ, гдѣ наша армія отбивалась отъ французовъ, казаки по обычаю нападали на фланги и тылъ непріятеля. Послѣ пяти атакъ Денисовъ у какого-то ручья занялся приведеніемъ въ порядокъ сотенъ для новой атаки. Вдругъ за ручьемъ показались 2 эскадрона французскихъ кирасиръ, въ латахъ — «желѣзные люди», по выраженію Наполеона. «Латники, латники!» заговорили казаки, пораженные невиданными никогда людьми въ такой желѣзной формѣ. Кирасиры, перейдя ручей, наскочили на донцовъ и начали крошить ихъ своими тяжелыми палашиами. Казаки ударили въ пики, но наконечники пикъ гнутся, ломаются, кирася не пробиваютъ, шашки-тоже... Вдругъ въ разгарѣ схватки кто-то изъ казаковъ догадался громко закричать: «колпаки долой!» казаки смегнули, въ чемъ дѣло, и начали гвоздить пиками прямо по шишкамъ; начали слетать шишаки, а донцы начали бить прямо по головамъ. «Растерявъ головы», кирасиры бросились назадъ, и болѣе половины изъ нихъ легло на полѣ битвы. ⁶²).

* * *

Одинъ казакъ, возвращаясь изъ конвоироваія, зашелъ въ Гродно въ трактиръ. Тамъ въ числѣ посѣтителей было

нѣсколько плѣнныхъ французовъ. Разглядывая ихъ, казакъ узналъ одного офицера, взятаго имъ съ плѣнь въ дѣлѣ при Пултуцкѣ. Французъ въ свою очередь узналъ казака и, припомнивъ, что обязанъ ему жизни, тотчасъ-же подошелъ къ нему, ласково благодарилъ его, конечно, на своемъ языкѣ и предложилъ ему угощеніе. Казакъ, понявъ его, сказалъ: «послушай, камадъ! ты и при взятіи въ плѣнь не былъ денежень, а теперь, думаю, и того меньше: лучше я угощу тебя», и угостилъ камада. Стали прощаться; казакъ усиленными просьбами принудилъ плѣннаго французскаго офицера взять отъ него 30 руб. ⁶³).

* * *

Въ 1807 г. тайный совѣтникъ, камергеръ и сенаторъ, графъ Строгановъ, впоследствии переименованный въ генералъ-майору, явился волонтеромъ въ авангардъ атамана Платова. 24 мая, получивъ наканунѣ въ команду атаманскій полкъ, Строгановъ переправился вплавъ черезъ рѣку Алле, присоединилъ къ своему отряду казачій полкъ Пловайскаго 5 и близъ дер. Квецъ налетѣлъ на обозъ маршала Даву, тянувшійся изъ Гутштадта подъ сильнымъ прикрытіемъ. Внезапная атака закончилась пораженіемъ непріятеля: 300 человекъ было убито и ранено; въ плѣнь попались гутштадтскій комендантъ, 1 подполковникъ, 45 офицеровъ, и 491 нижній чинъ. Весь обозъ, даже экипажъ маршала Даву, съ казною, канцелярією и гардеробомъ его были захвачены, также какъ и фуры съ винами и запасами. вмѣстѣ съ этимъ захвачено было и 25 офицерскихъ женъ, ѣхавшихъ подъ прикрытіемъ въ обозѣ. Мундиръ маршала Даву, его шляпа и футляръ маршальскаго жезла—донынѣ хранятся въ числѣ семейныхъ памятниковъ рода Строгановыхъ. ⁶⁴).

* * *

Послѣ какого-то дѣла, попался въ плѣнь, въ числѣ другихъ, необыкновенной силы и чрезвычайно высокій гренадеръ. Этотъ исполнилъ убѣдительно и неотступно просилъ,

что бы ему показали того, кто взял его въ плѣнъ. Отыскали казака и показали ему. Исполнѣ былъ пораженъ: передъ нимъ стоялъ храбрый станичникъ—самаго обыкновеннаго роста и силы. Какъ же онъ могъ одолѣть такого исполина? А очень просто: казакъ одолѣть его—проворствомъ и ловкостью. ⁶⁵).

* * *

Въ схваткѣ подъ г. Едвабно участвовалъ въ числѣ прочихъ казаковъ урядникъ Тропинъ вмѣстѣ съ отцомъ. Вдругъ въ разгарѣ дѣла кто-то изъ товарищей крикнулъ, что Тропина-отца отхватили въ плѣнъ. Велико было горе Тропина: любовь и жалость къ родному отцу закипѣли въ немъ. И вотъ онъ не потерялся, а тутъ же рѣшился или самому погибнуть или выручить отца. Моментально онъ бросилъ товарищей и кинулся куда-то въ сторону. Конечно, онъ зналъ, что плѣнныхъ надо искать въ тылу непріятеля, а потому скрытно обскакалъ флангъ его и видитъ: ѣдутъ два врага драгуна и ведутъ между лошадьми—его отца, уже пѣшаго... Разгорѣлся Тропинъ и орломъ налетѣлъ на драгунъ: одного застрѣлил наповаль, а другого свалилъ пиккою. Спасенный отецъ схватилъ лошадь одного изъ убитыхъ драгунъ, сѣлъ на нее, а сынъ захватилъ другую и, несмотря на преслѣдованіе непріятеля, оба они счастливо присоединились къ своему разѣзду. ⁶⁶).

* * *

Прослужа отечеству много лѣтъ, поручикъ Гавриловъ, покрытый одинадцатью ранами, жилъ мирно въ отставкѣ на Дону. При объявленіи войны онъ не вытерпѣлъ и, не слушая никакихъ убѣжденій, не смотря на раны и на дряхлость, пошелъ съ роднымъ сыномъ на войну—руководить его дѣйствіями. Въ партіяхъ, въ пикетахъ, въ сраженіяхъ онъ нигдѣ не отставалъ отъ своего сына. При переправѣ черезъ р. Алле 27 мая этотъ храбрый старикъ былъ убитъ. ⁶⁷).

* * *

25 мая за г. Пассаргою стояли французы, батальона два-три. Вдоль берега они выставили цѣпь. Съ другой стороны рѣки мелькали донцы. Глядѣль, глядѣль на нихъ есауль Тараринъ и, собравши около себя нѣсколько удалцовъ, вдругъ бросился въ Пассаргу, переплылъ ее и арканомъ выхватилъ изъ непріятельской цѣпи 6 волтижоровъ. Это было въ виду непріятеля, который не успѣлъ опомниться, какъ донцы съ плѣнными очутились уже на своемъ берегу. ⁶⁸).

* * *

Атаманскаго полка маіоръ Балабинъ узналъ, что за непріятельскою арміею стоятъ палубы (патронныя повозки), нагруженныя картечными зарядами и гранатами. Ночью подъ 26 мая онъ взялъ 200 казаковъ, переплылъ р. Пассаргу и лѣсами съумѣлъ пробраться въ тылъ непріятельской арміи; уже на разсвѣтѣ, 26 мая, не далеко отъ бивака великой арміи онъ увидалъ палубы; ихъ было 46. Подкрались казаки и всѣ палубы, страшными взрывами, взлетѣли на воздухъ: казаки разобрали боевые патроны, растащили палубы по полю и съ помощью пороховыхъ проводовъ, подведенныхъ къ каждой палубѣ, пробитой снизу, весь паркъ взорвали на воздухъ. Страшные взрывы, послѣдовавшіе въ такое раннее время, сильно потревожили французскую армію: часть кавалеріи, присекакавшая, на этотъ трескъ, нашла только обломки фуръ и тѣла убитыхъ... Казаковъ и слѣдъ простылъ: они не бросились назадъ по прежней дорогѣ, а направились по другой къ г. Аленштейну. На пути, истребивъ поставленный на р. Пассаргѣ мостъ, Балабинъ захватилъ кстаті 6 человекъ плѣнными и благополучно прибылъ къ полку. ⁶⁹).

* * *

Въ эту войну казаки взяли въ плѣнъ 9 штабъ-офицеровъ, 130 оберъ-офицеровъ и 4196 нижнихъ чиновъ, а сами потеряли убитыми 2 штабъ-офицеровъ: полковника Карпо-

ва, войскового старшину Сулина 7 (умеръ отъ раны), 7 оберъ-офицеровъ, 16 урядниковъ и 169 казаковъ. За эту войну Платовъ и донскіе казаки пріобрѣли блестящую европейскую славу своею храбростью и отважною предприимчивостью. Прусскій король помимо того, что награждалъ донцовъ, тогда же завелъ у себя нѣсколько полковъ легкой кавалеріи, одѣтыхъ и вооруженныхъ подобно донскимъ казакамъ. Интересны, должно быть, были эти нѣмецкіе донскіе казаки!

Генераль Адріанъ Карповичъ Денисовъ.

Адріанъ Карповичъ, котораго, кстати замѣтимъ, Суворовъ называлъ не иначе, какъ по просту «Карповичъ», родился отъ зажиточныхъ родителей въ Пятиозбянской станицѣ въ 1763 г., воспитывался въ Петербургѣ, въ пансіонахъ, отсюда вынесъ знаніе грамматики, ариѳметики, географіи и французскаго языка; вступилъ въ службу 13 лѣтъ въ 1776 г., а въ 1777 г. пожалованъ чиномъ есаула; въ 1780 произведенъ въ поручики. Въ 1783 г. пошелъ на службу въ Крымъ, оттуда въ Петербургъ, въ 1784 г. получилъ званіе старшины, женился по расчету, неудачно. Въ 1787 г. онъ отправился во вторую турецкую войну командиромъ полка, въ 1789 г. принималъ участіе въ первый разъ въ большомъ сраженіи Репнина съ Гассанъ-пашею. Въ 1790 г. участвовалъ въ штурмѣ Измаила, за что награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Въ 1792 Денисовъ ходилъ служить въ Польшу, гдѣ, между прочимъ, участвовалъ въ разбитіи корпуса Косцюшки и при взятіи его въ плѣнъ при Мацевицахъ. Въ 1795 г. Денисовъ привелъ свой полкъ на Донъ. Въ 1796 онъ пошелъ въ армію Зубова на Кавказъ—волонтеромъ. Въ 1798 произведенъ въ полковники и въ томъ же году выступилъ съ шестью полками въ армію Суворова, въ Италію, гдѣ особенно отличался своею личною храбростью и распорядительностью. Великій полководецъ Су-

воровъ умѣлъ понимать его и цѣнить. Въ 1812 г. Денисовъ уже въ чинѣ генерала, принялъ должность наказнаго атамана войска донскаго и въ томъ же году усилъ въ короткій срокъ сформировать 26 донскихъ полковъ и отправить въ армію. Самъ онъ, томясь военнымъ бездѣйствіемъ, просился въ армію, но войсковой наказный атаманъ Платовъ отвѣчалъ ему, что «ежели бы Денисовъ не былъ при войскахъ (на Дону), то онъ въ такихъ обстоятельствахъ принужденъ былъ бы запереть войсковую канцелярію и оставить ее безъ присутствія»...

Въ 1817 г. Денисовъ, по смерти Платова, былъ назначенъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ. Будучи на этомъ посту, онъ задался высокою мыслию объ общемъ благѣ; но, по неумѣнью примѣняться къ обстоятельствамъ, не угождая, кому слѣдуетъ, даже и донскому обществу, и былъ смѣненъ. Какъ смѣненный, конечно, онъ былъ оставленъ всѣми, въ томъ числѣ и тѣми, которые прежде заискивали у него, на что имѣлъ слабость горько жаловаться. Въ 1837 г. онъ желалъ представиться Государю для оправданія своихъ дѣйствій, но представленіе это было отклонено. Такъ съ тѣхъ поръ онъ уже не занималъ никакой должности, а приводилъ въ порядокъ свое разстроенное состояніе. Умеръ въ 1841 г. 78 лѣтъ, въ своемъ имѣніи Анастасіевкѣ.

Этотъ храбрый сподвижникъ Суворова—былъ человекъ твердой воли, умный, честный, мужественный, но характера подозрительнаго, мало-уступчиваго; былъ первень, раздражитель; людей зналъ слабо. ⁷⁰⁾

Война съ Турціею 1806—1812 г.

Въ виду успѣшнаго подстрекательства Турціи со стороны Наполеона, Россія въ ноябрѣ мѣс. 1806 г. заняла своими войсками турецкія области по лѣвому берегу р. Дуная.

Въ 1807 и 1808 г. не было серьезныхъ военныхъ дѣйствій. Въ 1809 г. главнокомандующій князь Прозоровскій потерпѣлъ пораженіе подъ Браиловымъ. Новому глав-

покомандующему, назначенному вмѣсто умершаго князя Прозоровскаго, князю Багратиону, сдались Измаиль и Браиловъ. Въ 1810 г. при новомъ главнокомандующемъ, графѣ Каменскомъ, взять приступомъ Базарджикъ, сдалась Силистрія, взять Туртукай, былъ неудачный приступъ къ Рущуку, стоившій намъ огромныхъ жертвъ: 8000 убитыми; Рущукъ и Журжа сданы намъ 15 сентября; тогда же покорены и Никополь.

Въ 1841 г., за смертію графа Каменскаго, новый главнокомандующій, Кутузовъ, устроилъ на берегу Дуная, занятомъ нами, огромную засаду около Рущука и 2 октября разбилъ турокъ. Вскорѣ, въ виду приготовленій Наполеона къ нападению на Россію, заключенъ былъ съ Турціею миръ 16 мая 1812 г. Въ этой войнѣ участвовали донскіе казачьи полки: атаманскій, Денисова 4, Денисова 7, Карпова, Гордѣева, Иловайскаго 8 и Иловайскаго 11 и часть донской артиллеріи.

* * *

19 и 20 іюля 1809 года въ схваткахъ при поискахъ подъ Браиловымъ урядникъ Чувильдѣевъ, полка Иловайскаго 2, дрался съ удивительною храбростію; между прочимъ сбилъ двухъ наѣздниковъ и, увидавши въ опасности храбраго войсковаго старшину Иловайскаго 12, окруженнаго неприятелями, смѣло бросился въ толпу и отбилъ его; но при этомъ самъ получилъ три раны... ⁷¹⁾.

* * *

19 августа отличился артиллеріи хорунжій Богаевскъ; отличіе его видно изъ слѣдующей грамоты, собственноручно подписанной Государемъ:

Господинъ войска донскаго хорунжій Богаевскъ.

Въ воздаіе отличной храбрости, оказанной Вами противу турокъ во время осады крѣпости Гирсова, гдѣ вы, находясь съ двумя орудіями на берегу Дуная выше крѣпости, цѣльными выстрѣлами повредили плывшее изъ Силистріи неприятельское судно и принудили оное пристать къ острову

противнаго берега, изъ котораго судна, когда оно было непріателемъ оставлено и пріѣхавшими на челнахъ казаками взято, досталось 19000 ружейныхъ патроновъ, жалую васъ кавалеромъ ордена св. Анны 3 класса, коего знакъ у сего къ вамъ доставляя, повелѣваю возложить на себя и носить по установленію, увѣренъ будучи, что сіе послужитъ Вамъ поощреніемъ къ вѣщему продолженію ревностной службы вашей. Пребываю къ вамъ благосклонный Александръ С.-Петербургъ. Октября 18 дня, 1809 г. Военный министръ г. Аракчеевъ. ⁷²).

* * *

23 и 24 сентября при Силистріи урядники изъ полка Бутейникова 2 Колобродовъ и Семеновъ, отражая сильнаго непріателя, сражались съ отличною храбростію и въ виду всѣхъ сбивали храбрыхъ наѣздниковъ, рубаясь въ непріательскія толпы, поражали ихъ, кололи и подавали примѣръ прочимъ; сверхъ того Колобродовъ отбилъ знамя и тогда же успѣлъ взять въ плѣнъ полковника, а Семеновъ двухбунчужнаго пашу Махмута Тарана. ⁷³).

* * *

Атаманскаго полка войсковой старшина Власовъ былъ 10 октября отпращенъ со 150 человекъ для защиты нашихъ стрѣлковъ, въ дѣлѣ при Татарицѣ. Обойдя непріателя, защищавшаго батарею, и презирая сильный батарейный огонь, онъ съ мужествомъ и храбростію налетѣлъ на батарею, сбилъ непріателя и завладѣлъ ею, при этомъ захватилъ ящикъ съ пушечными зарядами и лазаретную фуру; а затѣмъ дважды атаковалъ непріательскую конницу и прогналъ ее до самыхъ укрѣпленій. ⁷⁴).

* * *

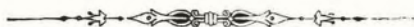
Изъ множества подвиговъ упомянемъ только нѣкоторые: Подъ Базарджикомъ 30 октября адъютантъ генераль-маіора Иловайскаго 5, сотникъ Терентьевъ, имѣя въ командѣ своей 100 ч. охотниковъ, былъ въ сраженіи впереди, съ отлич-

ною храбростію кололъ непріятелей собственоручно, при чемъ сбиль и закололъ Дели-пашу-агу. Есаулъ Астаховъ, полка Иловайскаго 5, будучи отряженъ съ 150 казаками потревожить непріятели, подлетѣлъ отважно къ самому Базарджику, сбиль и истребилъ непріятельскій пикетъ. Капитанъ атаманскаго полка Мельниковъ, при сильномъ стремленіи турецкой конницы изъ лагеря, остановилъ съ 150 казаками эту конницу, выдержавъ сильный огонь, при чемъ самъ убилъ турецкаго начальника и, смѣшавъ врага, гналъ его до самаго лагеря. Полковникъ Балабинъ 2, командуя атаманскимъ полкомъ, — «съ свойственною ему храбростію при неоднократныхъ непріятельскихъ ударахъ, въ сраженіи при Татарешти, 10 октября, сбиль врага и гналъ его до ихъ ретраншамета съ большимъ пораженіемъ и взялъ 4 знамя». Въ томъ же сраженіи того же полка урядникъ Александринъ и казаки Ивановъ и Ребинкинъ, да казаки полка Денисова 6 Дашечниковъ, Стрепетковъ, Диковъ и Сухаревскій, «при ударѣ на непріятельскую батарею, овладѣли ею». Въ дѣлѣ при Россеватѣ, 4 сентября, когда былъ совершенно разбитъ турецкій корпусъ, хорунжіе Губинъ и Каргальсковъ, «будучи всегда впереди съ казаками, храбро атаковали непріятели и, неустрашась сильного непріятельскаго огня, отбили знамя и пушку». Капитанъ Мельниковъ, будучи отправленъ на лѣвый флангъ въ томъ же сраженіи съ 100 казаками, врѣзался въ самую средину фланга и, разстроивъ его, захватилъ въ плѣнъ нѣсколько турокъ и 2 знамя. Полковникъ Балабинъ, въ этомъ же сраженіи, сдѣлавъ сильный ударъ на непріятели, опрокинулъ его и обратилъ въ бѣгство; преслѣдуя его 30 верстъ, отбилъ пушку и 6 знаменъ. Тогда же урядники атаманскаго полка Сердюковъ, Терсковъ, Чеботаревъ и казаки: Пахомовъ, Коноваловъ и Ковалевъ успѣли отбить 6 знаменъ; казаки Цыганковъ и Назаровъ схватили въ плѣнъ непріятельскаго мурзу, а хорунжій Мельниковъ отбилъ знамя и взялъ въ плѣнъ Винъ-пашу. Въ сраженіи при д. Татарешти, 10 октября, урядникъ атаманскаго полка Ивановъ и казаки Атановъ и Талдыкинъ захватили 3 знамя; казакъ полка Иловайскаго

2 Сухаревскій и Иловайскаго 5 Сафоновъ отбили по знамени. При взятіи крѣпости Гирсова урядники Ефремова 3 полка Цымловъ и Бирюковъ «презирая веѣ опасности и сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, врѣзались въ середину его, взяли 2 знамя, изъ коихъ одно сераскирское, зеленое»... Артиллеристъ есаулъ Молчевскій 19 августа мѣткостью изъ двухъ орудій разбилъ и запалил пльвущее непріятельское судно ниже города Гирсова, на которомъ убито 10 непріятелей, и досталъ въ добычу нѣкоторое число повлажи». ⁷⁵⁾

4 сентября, въ сраженіи при Россеватѣ, генераль Кутейниковъ, со ввѣренной ему бригадою, находясь впереди корпуса съ генераль-маіоромъ графомъ Строгановымъ, открылъ жестокую перестрѣлку съ непріятелемъ и стѣснилъ его; при генеральной атакѣ первый сдѣлалъ ударъ со всею быстротою въ стоявшія напротивъ толны, мужественно опрокинулъ ихъ и преслѣдовалъ до 30 верстъ; побито было и потоплено множество, въ плѣнь взято не малое число и отбито 10 знаменъ, за что Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Георгія 3 класса. ⁶⁶⁾

Генераль Василій Алексѣевичъ Сысоевъ.

Генераль-лейтенантъ Василій Алексѣевичъ Сысоевъ, кавалеръ орденовъ св. Георгія 3 и 4 классовъ, св. Владиміра 2, 3 и 4 ст., св. Анны 1 и 2 ст., изъ коихъ послѣдній съ брилліантами, имѣющій иностранные ордена и знаки: Прусскій за заслуги, три золотыхъ знака (Прагскій, Прейсишъ—Эйлаусскій и Базарджинскій), серебряныя медали за 1812 г. и за турецкую войну 1828 и 1829 г. и серебряную медаль за адрианопольскій миръ. Имущество его: на Мусѣ 61 душа крестьянъ, заводъ овчарный и лошадиный, а въ ставропольской губерніи пожаловано 3/т. десятинъ. Прохождение службы: казакомъ съ 1786 г.; прямо сотникомъ 1792 г.; за отличіе есауломъ 1794 г., (отъ роду было 20 лѣтъ); войсковымъ старшиною 1798 г.; за отличіе подпол-

ковникомъ 1809 г., за отличіе полковникомъ 1810 г.; за отличіе генераль-маіоромъ 1812 г., за отличіе генераль-лейтенантомъ 1826 г.

Военныя дѣла: въ войнѣ со Шведами 1780 въ Финляндской арміи, гдѣ въ одномъ изъ многочисленныхъ сраженій получилъ двѣ раны штыками; въ Польшѣ, у турецкой границы, на Австрійской границѣ, въ Пруссіи, въ первой войнѣ съ французами... декабря 15 при Забѣльцелицѣ разбилъ два эскадрона, взявъ 7 офицеровъ и 98 рядовыхъ. 1807 г. января 12, подъ Либистоккомъ разбилъ совершенно гвардейскій французскій полкъ, взявъ въ плѣнъ штабъ и оберъ-офицеровъ 18 и рядовыхъ болѣе 300... У Богушева взялъ 4 офицеровъ и 137 рядовыхъ, при Реговицѣ 2 оберъ-офицеровъ 117 рядовыхъ.... Подъ мѣстечкомъ Прешифильну раненъ саблею въ правую сторону головы.... Подъ селеніемъ Бурдонке взялъ польской пѣхоты 18 оберъ-офицеровъ и 383 рядовыхъ. За отличіе въ сраженіи подъ с. Котовымъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст., подъ Башевштаномъ разбилъ два эскадрона и взялъ въ плѣнъ 1 штабъ офицера, 3 оберъ-офицеровъ и 84 рядовыхъ. При с. Батанѣ раненъ въ руку дротикомъ, при Журжѣ и Слободзѣ, въ разныя вылазки непріятеля, доставилъ до 50 чиновниковъ и въ томъ числѣ 1 пашу и 2734 рядов. За храбрость въ этихъ дѣлахъ награжденъ Георгіемъ 3 ст. Въ войнѣ съ французами у Могилева разбилъ непріятельскую кавалерію и взялъ въ плѣнъ начальника, до 20 оберъ офиц. и болѣе 200 рядов. При с. Спасскомъ разбилъ 5 кавалерійскихъ полковъ, взялъ въ плѣнъ 24 штабъ и оберъ офицеровъ и 28 рядов. При Тарутинѣ отбилъ 19 орудій, за что награжденъ пенсіею по 1500 руб. въ годъ. Подъ Мал. Ярославцемъ съ тремя казачьими полками отбилъ 11 орудій, при Колоцкомъ монастырѣ съ 4 полками и 2 орудіями отбилъ 5 знаменъ и взялъ болѣе 300 человекъ. При Полоцкѣ взялъ два штандарта, 4 оберъ офиц. и 74 рядовыхъ. При с. Марковѣ отбилъ 2 пушки, и принудилъ непріятеля оставить 62 орудія, за что награжденъ чиномъ генераль-маіора. На Кавказѣ при взятіи штурмомъ аула Доданъ-юртъ раненъ пулею въ лѣвую ногу.

Командовалъ Черноморскимъ войскомъ, былъ въ Грузіи походнымъ атаманомъ казачьихъ полковъ. Въ войнѣ съ Турціею, въ одномъ изъ сраженій, отбилъ 3 орудія и 1 знамя. За участіе во многихъ сраженіяхъ въ эту войну награжденъ 3000 десятинъ земли въ ставропольской губерніи.

Такимъ образомъ генераль-лейтенантъ Сысоевъ участвовалъ въ 13 походахъ, перебивалъ во многихъ сраженіяхъ, имѣлъ раны: двѣ штыками, саблею въ голову, пикою въ руку, пулею въ ногу... открывшіяся раны заставили его лечиться Кавказскими и Сирептскими минеральными водами. Отбилъ въ разныхъ бояхъ 1 пашу, 148 штабъ и оберъ офицеровъ, 4455 нижнихъ чиновъ, 97 пушекъ и 8 знаменъ и штандартовъ. ⁷⁷).....

Двѣнадцатый годъ.

„Грозную тучу Богъ пронесетъ“.

12 іюня 1812 г. Наполеонъ съ громадною, «Великою арміею двунадесяти языкъ», въ 400 слишкомъ тысячъ человекъ, съ болѣе чѣмъ тысячею орудіями, началъ переходить у Ковно, черезъ р. Неманъ нашу границу.

Наши войска тогда были раздѣлены на четыре арміи и отдѣльный корпусъ; при нихъ были частями и донскіе казаки. Арміи спѣшили соединиться одна съ другою. Платовъ съ казаками прикрывалъ движеніе второй арміи, шедшей подъ начальствомъ князя Багратіона на соединеніе съ первою арміею. Казаковъ, однако, просили въ другую армію.— Барклай де-Толли писалъ Платову: «въ арміи моей однакоже не достаесть храбраго вашего войска. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю соединенія онаго со мною, отчего единственно зависить нынѣ пораженіе непріятели. Именемъ арміи и отечества прошу итти какъ можно скорѣе на соединеніе съ моими войсками». Впослѣдствіи казаки присоединились къ первой

арміи. При открытіи военныхъ дѣйствій въ командованіи Платова было 14 полковъ: а прочіе полки были при кор пусахъ.

Честь перваго выстрѣла принадлежитъ лейбъ казакамъ: въ темную ночь подь 13 іюня лейбъ казачій разъѣздъ близъ Ковно замѣтилъ человекъ 300 непріятелей, переправлявшихся на лодкахъ черезъ Нѣманъ. Это были пѣхотинцы корпуса Даву и Польскіе уланы. Лейбъ казаки отошли къ лѣсу и грянули первые выстрѣлы казаковъ. Кровь полилась...

Войска наши стали отступать, выдерживая рядъ сраженій, изъ коихъ укажемъ нѣкоторыя, гдѣ отличались казаки: 27 іюня у м. Мира Платовъ, устроивъ засаду («вентерь» по казачьи), разбилъ три полка польскихъ уланъ, истребивъ ихъ совершенно, при чемъ взято въ плѣнъ 2 полковника, нѣсколько офицеровъ и 200 рядовыхъ.

28 тамъ-же казаки разбили авангардъ вестфальскаго короля.

27 іюля Платовъ съ 6 полками разбилъ при Молевоу болотъ авангардъ неаполитанскаго короля.

4, 5 и 6 августа происходила битва подъ Смоленскоу. Наполеонъ вступаетъ въ него.

17 августа Кутузовъ принялъ начальство надъ арміями. 24 Наполеонъ взялъ Шевардино, а 26 августа произошла кровавая, громадная битва при с. Бородино: 120 тысячъ русскихъ цѣлый день сражалось съ 170 тысячами непріятеля искуснаго въ войнахъ, предводительствуемаго полководцемъ, незнавшимъ поражений: съ обѣихъ сторонъ гремѣло болѣе тысячи орудій. Мѣдь и чугуунъ уже не выдерживали огня; раскаленные пушки разрывались: Бородинское поле въ огнѣ, въ дыму, въ пыли олашалось выстрѣлами, криками, стопами... Послѣ жестокихъ атакъ маршала Нея лѣвое наше крыло принуждено было отступить на четыреста сажень. Сдѣлалось замѣнительство, усилившееся еще болѣе смертью графа Кутайсова и смертельною раною графа Багратиона. Убѣдясь въ слабости лѣваго крыла непріятеля, Платовъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, съ частями корпуса Уварова грозно и смѣло бросился въ атаку на врага и поколебалъ

его. Во время этого замѣшательства нашъ главнокомандующій успѣлъ оправить свое замаявшееся было лѣвое крыло, и побѣда стала ничья. Въ теченіи 15-ти часового сраженія— около 110 тысячъ человекъ и нашихъ и неприятельскихъ переселилось на вѣчный покой. .

«Изъ всѣхъ моихъ сраженій, пишетъ Наполеонъ, а онъ имѣлъ ихъ 50, самое ужасное то, которое я далъ подь Москвою» (т. е. Бородинское). Громадная потеря людей, особенно боевыхъ генераловъ, заставила насъ отступить къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія дѣла съ авангардомъ неприятельскимъ».

3 сентября Наполеонъ, окруженный гвардіею, вступилъ въ Москву. Предложенный имъ миръ былъ отвергнутъ, хотя дѣла наши были не завидны: на подкрѣпу арміи потребовали ополченіе. Полки же казачьи не были пополняемы. Вдругъ за два дня до Покрова въ лагерь нашихъ войскъ подь Тарутинымъ появилось 5 донскихъ полковъ. Ихъ никто не ожидалъ, кромѣ Платова. Главнокомандующій князь Кутузовъ, узнавъ, что идетъ еще 21 полкъ казаковъ, заплакалъ отъ радости. Дѣйствительно, по почину Платова, поднялось все войско донское «поголовно» и 26 полковъ съ шестью орудіями пришли къ арміи. Казаки дѣлали по 60 верстъ въ сутки. Въ рядахъ полковъ были отцы въ сыновьями, дѣды со внуками. Старики подбучивали: «пришли внучата выручать; сказывали на Дону, что они не справятся съ французами».

6 октября въ сраженіи при Тарутинѣ разбитъ Мюратъ, при чемъ взятъ его лагерь и 38 орудій. Здѣсь особенно отличился графъ Орловъ-Денисовъ.

7-го Наполеонъ, приказавъ взорвать Кремль, выступилъ изъ Москвы въ обратный путь. Наши войска не замедлили его преслѣдовать; начались почти ежедневныя схватки и сраженія.

12-го битва при Малоярославцѣ, гдѣ генералъ Дохтуровъ разбилъ Маршала Богарне.

19-го сраженіе при Колоцкомъ монастырѣ; Платовъ разбилъ Маршала Даву и отбилъ 2 знамя и 27 орудій и

«давить непріятеля въ тылъ», по выраженію Платова.

22-го Милорадовичъ выбилъ Даву изъ Вязьмы, въ чемъ помогъ ему Платовъ; а затѣмъ, погнавшись за корпусомъ короля неаполитанскаго, Платовъ нанесъ французамъ жесточайшее пораженіе при Духовицѣ; 23 орудія, весь обозъ и болѣе 2000 плѣнныхъ были трофеями.

5-го ноября пораженіе Наполеона Кутузовымъ подъ Краснымъ. Платовъ преслѣдовалъ маршала Нея, а затѣмъ Наполеона.

15 го Наполеонъ перешолъ р. Березину, гдѣ, въ сраженіи, потеряно имъ до 30 тысячъ убитыми и плѣнными и 25 орудій.

23-го Наполеонъ сдалъ командованіе маршалу Мюрату (въ Сморгоняхъ) и отправился въ Парижъ.

28-го Платовъ, догнавъ на Понарской горѣ, близъ Вильно, маршала Мюрата (30000 войска), атаковалъ его и разбилъ, при чемъ взято казаками 28 орудій, 4 знамя, множество плѣнныхъ и обозъ съ казною.

1-го декабря Мюратъ перешолъ Нѣманъ. 2-го маршалъ Ней, настигнутый Платовымъ, ушолъ за границу у Ковно, бросивъ послѣднюю пушку. Послѣдніе выстрѣлы даны казаками.

10-го Императоръ Александръ прибылъ въ Вильно.

25-го изданъ манифестъ о благодареніи Богу за избавленіе отъ нашествія врага.

Въ январѣ 1813 г. уже не было ни одного вооруженнаго врага на русской землѣ; обратно вышло за границу 400 солдатъ старой гвардіи, 600 кавалеристовъ, 9 пушекъ и безоружная толпа тысячъ въ 20 человекъ, остальные устлали костями путь отъ Москвы до Ковно. Вся артиллерія, обозъ, кавалерія, масса всякаго оружія, громада запасовъ на 300 миліоновъ руб., казна, знамена, даже гардеробъ самого Наполеона, все осталось въ Россіи!

* * *

Изъ многихъ подвиговъ донскихъ казаковъ за эту войну уважемъ нѣкоторые. При этомъ, должно сказать, что ка-

заки съ такимъ же мужествомъ и отвагою бросались въ бой подъ команду своихъ храбрецовъ: Платова, Орлова-Денисова, Иловайскаго, Ефремова и другихъ, какъ и подъ команду полковника Бенкендорфа, Чернышева и подъ команду партизановъ капитана Сеславина, штабсъ капитана Фигнера и другихъ.

* * *

16 июня, при отступленіи нашихъ войскъ передъ великою арміею, графъ Орловъ-Денисовъ со своимъ лейбъ-гвардіи казачьимъ полкомъ, выступая послѣднимъ изъ г. Вильно, въ схваткѣ съ французами взялъ въ плѣнъ полковника графа Сегюра.

Въ виду того, что солдаты обыкновенно отбираютъ у плѣнныхъ деньги и драгоценныя вещи, Императоръ Александръ I приказалъ выдавать плѣннымъ по два червонца. Предложили тоже и графу Сегюру, но онъ отказался, наконецъ взялъ и отдалъ ихъ полонившему его лейбъ казаку. Узнавъ, что эти два червонца даръ Государя,—донецъ не отказался отъ подарка и взаменъ его отдалъ Сегюру найденный при немъ кошелекъ его, полный золота. Взятыхъ же у Сегюра часовъ донецъ не возвратилъ плѣннику говоря, что часы были первою добычею его въ походѣ, которую онъ обѣщаль подарить своей женѣ по возвращеніи на Донъ... ⁷⁸⁾.

* * *

15 июля подъ Витебскомъ, при атакѣ и разбитіи графомъ Орловымъ-Денисовымъ съ лейбъ казаками трехъ французскихъ конныхъ полковъ, лейбъ казаки преслѣдовали неприятеля такъ быстро, что четыре лейбъ казака вскочили на батарею, возлѣ которой стоялъ Наполеонъ. Ихъ захватили. Наполеонъ, обративъ вниманіе на храбрецовъ, велѣлъ ихъ угостить. День былъ жаркій. Попировавъ, казаки попросились освѣжиться отъ жары. Сопровождаемые конвоемъ они спустились съ высокаго берега къ рѣкѣ Двинѣ и всѣ четверо разомъ бросились въ воду. Конвойные начали стрѣлять, а удалыцы ныряютъ да плывутъ къ къ своему бере-

гу. Несмотря на выстрѣлы французовъ, казаки очутились на другой сторонѣ широкой рѣки, и явились къ своему начальству. ⁷⁹⁾

* * *

Платовъ узналъ, что на другой сторонѣ рѣки Лужи находится непріятельскій транспортъ, состоящій изъ сорока пушекъ. Взявъ нѣсколько полковъ, Платовъ переплылъ рѣку и напалъ на отрядъ, сопровождающій транспортъ, разбилъ его и, захвативъ 11 пушекъ, переправился обратно на другой берегъ. Остальные пушки были брошены потому, что не на чемъ было ихъ увезти. ⁸⁰⁾

* * *

Послѣ небольшой стычки казаковъ съ вестфальскою конницею, которая была разбѣяна храбростью донцовъ, — одинъ казакъ примѣтилъ непріятельскаго офицера въ богатомъ блестящемъ мундирѣ и во что бы то ни стало рѣшился достать его. Направивъ пику, казакъ мгновенно влетѣлъ на офицера, но храбрый непріятель перерубилъ его пикку саблею. Казакъ выхватилъ свою саблю, офицеръ выбилъ ее изъ рукъ. Видя неминуемую смерть, казакъ моментально очутился позади офицера и такъ окрестилъ его плетью по спинѣ, что онъ безъ чувствъ упалъ съ лошади. ⁸¹⁾

* * *

Вечеромъ 5 октября русскія войска въ шести большихъ колонахъ выступили изъ своего лагеря, перешли по мостамъ черезъ рѣчку Нару и стали расходиться. Правую колону, гдѣ находилось 10 казачьихъ полковъ, велъ графъ Орловъ-Денисовъ. Смерклось; небо заволокло тучами, подулъ сырой вѣтеръ. Солдаты шли молча: ни шуму, ни разговоровъ; запрещено было даже курить трубки. Вотъ показались бивачные огни французовъ. Колонны остановились. Солдаты составили ружья и прилегли на холодную землю. Орловъ-Денисовъ, пройдя верстъ семь, остановился за лѣсомъ, какъ разъ противъ лѣваго фланга непріятеля, которому онъ долженъ былъ перехватить Московскую дорогу, т. е.

отрѣзать путь къ Москвѣ. Прошелъ часъ, другой; начало свѣтать, изъ французскаго лагеря доносились оклики. Орловъ-Денисовъ выѣхалъ передъ лѣсъ и съ возвышенія долго смотрѣлъ въ лѣвую сторону, откуда должны были показаться наши колоны. Тамъ было все тихо, а между тѣмъ французы пробуждались; они могли замѣтить присутствіе такой большой колоны. Не дожидаясь сигнальныхъ выстрѣловъ, Орловъ-Денисовъ понесся со всемидесятью полками прямо на непріятеля. Французы не успѣли схватиться за ружья и, сдѣлавши нѣсколько выстрѣловъ,—побѣжали за оврагъ. Весь лагерь лѣваго крыла и 38 орудій были отхвачены казаками. Они уже разсыпались по бивакамъ, были отсталыхъ, хватали оружіе, вывозили пушки, и только въ это время показалаь изъ лѣсу 2-я колона генерала Багговута. Первымъ французскимъ ядромъ снесло генералу голову: колона осиротѣла; прочія колоны тоже опоздали, такъ что общее нападеніе, можно сказать, не удалось. Лихой Мюратъ успѣлъ устроить войска, подавши свой лѣвый флангъ назадъ. Противъ казаковъ онъ направилъ кирасиръ, а въ то же время отправлялъ назадъ обозы. Какъ только обозы убрались, французы снялись съ позиціи и отступали безостановочно 7 верстъ, до Спаса-Купли, преслѣдуемые всей нашей конницей. Кромѣ пушекъ, французы лишились одного знамени, 40 зарядныхъ ящичковъ, части обоза, да потеряли 1^{1/2} т. плѣнными. Тарутинское дѣло можно назвать чисто казачьимъ дѣломъ. Наполеонъ, получивъ о немъ извѣстіе, тотчасъ приказалъ начать выступленіе. ⁸²).

* * *

6 октября во время битвы при Тарутинѣ, урядникъ изъ полка Власова Филатовъ былъ посланъ съ десятию казаками для наблюденія за движеніемъ непріятелей по рѣкѣ Нарѣ; увидя сраженіе, храбрецъ не утерпѣлъ и вступилъ тоже въ дѣло; поражая бѣжавшихъ непріятелей, онъ успѣлъ убить начальника гвардіи короля неаполитанскаго, генерала Дери. Въ доказательство своего подвига онъ представилъ доломанъ со звѣздой, ядунку и четыре креста убитаго генерала. За

такое отличіе нашъ главнокомандующій произвелъ Филатова въ хорунжіе и наградилъ орденомъ св Анны 3 класса. ⁸³).

* * *

Подъ 13-е октября 9 донскихъ полковъ съ 20-мъ егерскимъ ночью подыались къ селу Городно, гдѣ находилась главная квартира Наполеона. Въ 7^{1/2} часовъ утра Наполеонъ отправился съ бивака верхомъ съ конвоемъ къ Малоярославцу осмотрѣть мѣсто бывшаго наканунѣ сраженія. Онъ ѣхалъ между маршаломъ Бертье и генераломъ Раппомъ. Въ свитѣ его былъ и Коленкуръ. Не успѣли они отъѣхать отъ бивака, какъ увидѣли нѣсколько эскадроновъ довольно стройно выѣзжающихъ справа изъ за лѣса; по стройности движенія—приняли ихъ за французскую кавалерію. «Государь! это казаки» сказали Коленкуръ. «Не можетъ быть», возразилъ Наполеонъ. Но въ это время казаки съ грознымъ крикомъ «ура!» налетѣли на стоявшій по сторонамъ дороги обозъ, охватили его, опрокинули верхъ дномъ и понеслись по дорогѣ во весь опоръ. Раппъ схватилъ лошадь Наполеона за узду и насильно поворотилъ ее назадъ. «Да это наши!» сказалъ Наполеонъ. «Это казаки! не медлите, Государь»⁴ отвѣчалъ Раппъ. «Точно они», сказалъ Бертье. Наполеонъ приказалъ Раппу съ эскадронами своего конвоя остановить казаковъ, а самъ, обнаживъ шпагу, поскакалъ къ лагерю. Конвой былъ жестоко разбитъ казаками. Несмотря на близость лагеря, казаки могли бы схватить Наполеона, который находился отъ нихъ не болѣе какъ въ 40 шагахъ; но Платовъ, увидя стоящій подъ селомъ артиллерійскій паркъ, обратился въ ту сторону и овладѣлъ 40 орудіями гвардейской артиллеріи. Это спасло Наполеона. Маршалъ Бессьеръ съ гвардейскою кавалеріею ничего не могъ сдѣлать казакамъ и они отступили въ порядкѣ. Казаки увезли 11 орудій, а остальные 29 испортили и, взявъ по егерю, умчались отъ Бессьера, оставя его празднымъ зрителемъ, какъ казаки передъ цѣлою арміею тащили за собой гвардейскую артиллерію.. Этотъ отважный набѣгъ удалцовъ французы прозвали «Императорскимъ ура». ⁸⁴).

* * *

Генераль-маіоръ Дороховъ, узнавъ, что по Боровской дорогѣ идетъ изъ Смоленска много обозовъ, отрядилъ для развѣдки 40 казаковъ подъ командою сотника Юдина, который открылъ въ селѣ Пертушкинѣ непріятельскій обозъ съ большимъ прикрытіемъ. Къ Юдину послано въ покрѣпленіе 200 казаковъ; но онъ, не дождавшись ихъ, ударилъ на непріятеля, побилъ болѣе того, сколько у него было въ отрядѣ, и взялъ въ плѣнъ 7 оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ двухъ капитановъ, и 92 нижнихъ чиновъ. А когда нѣкоторые разсыпались по сараямъ, то онъ зажегъ ихъ и поднялъ на воздухъ 36 артиллерійскихъ фуръ со снарядами. ⁸⁵).

* * *

Въ одно утро, по большой дорогѣ мимо того мѣста, гдѣ нѣсколько казаковъ изъ отряда полковника Чернышева находились въ скрытномъ мѣстѣ, ѣхали въ повозкахъ какіе то люди, охраняемые конвоемъ. Это были захваченные измѣною въ Москвѣ, наши генераль-адъютантъ баронъ Винцегероде, генераль-маіоръ Свѣчинъ 3, Нарышкинъ. есаулъ Князевъ и 12 класса комиссіонеръ Полутовъ. Непріятель былъ такъ увѣренъ въ безопасности дороги, что для охраненія этихъ важныхъ плѣнныхъ было приставлено только три жандарма. Плѣнные ѣхали въ двухъ повозкахъ. Вдругъ баронъ Винцегероде увидѣлъ вдали донскаго казака и сообщилъ это открытіе Нарышкину, который никакъ не хотѣлъ тому повѣрить. Но, подъѣхавъ ближе, они удостовѣрились. Тогда баронъ Винцегероде, привставъ, показалъ казаку свои ордена и закричалъ: «я русскій генераль»! Казакъ выслушалъ и мгновенно исчезъ; но очень скоро появилось двѣнадцать казаковъ. Они смѣло бросились на жандармовъ, обезоружили ихъ, взяли плѣнныхъ изъ повозокъ, посадили ихъ на казацкихъ лошадей и ускакали къ главному посту, находившемуся въ четырехъ верстахъ отъ дороги. Плѣнные такимъ образомъ были спасены. ⁸⁶).

Великая армія, двигаясь, не могла свернуть куда—нибудь въ сторону: Милорадовичъ шель по пятамъ непріятеля; Платовъ, усиленный двумя полками пѣхоты, получилъ приказаніе слѣдовать съ правой стороны, опережать французскія колонны, и нападать на ихъ головы, а графъ Орловъ-Денисовъ съ такими же цѣлями—слѣва. Съ удивленіемъ французы увидѣли себя окруженными полчищами казаковъ: перестрѣлка не умолкала ни днемъ, ни ночью. Вице-король повернулъ изъ подъ Дорогобужа вправо, чтобы черезъ Духовщину пробраться на Витебскъ, но дорого за это заплатился: 26 октября, у д. Бизюковой Платовъ разрѣзалъ его корпусъ на двѣ части такъ, что одна часть потянула къ Духовщинѣ, а другая разсѣялась, покинувъ 64 пушки. Французы сбѣжали на переправу къ р. Воши. Оказалось, что мостъ снесло ледоходомъ; обозы, отправленные заранѣе, стояли у рѣки, между тѣмъ, приближались казаки. Вице-король выставилъ на помощь арріергарду итальянскую дивизію, а прочимъ войскамъ приказалъ начать переправу. Берега обмерзли, спуски сдѣлались до того круты, что не было возможности перевезти артиллерию, тѣмъ болѣе обозы. Солдаты бросались къ повозкамъ, навьючивали на себя и на лошадей, что было лучшаго, потомъ кидались въ рѣку. Грабежъ сдѣлался общимъ, артиллеристы побросали болѣе 20 пушекъ. Съ трудомъ арріергардъ удерживалъ казаковъ до самаго вечера, наконецъ отступилъ, и донцы захватили весь обозъ. Наступила ночь, ясная, морозная; холодный вѣтеръ продувалъ измокшихъ итальянцевъ, улегшихся на снѣгу, безъ пищи, безъ огня. На всю дивизію горѣло не больше десятка костровъ, у которыхъ варили конину или распускали снѣгъ, чтобы утолить мучительную жажду. Напрасно на другой день пытались генералы устроить ихъ въ полки: голодные, полузамерзшіе итальянцы, не внимая голосу начальниковъ, толпами потянулись въ Духовщину. Но Духовщина уже въ это время была занята двумя казачьими полками генерала Пловайскаго 12-го, который шель этимъ путемъ изъ Москвы. Однако,

вице-король вытѣснилъ Пловайскаго отрядомъ гвардіи и послалъ императору донесеніе о своемъ обѣдственномъ положеніи. Для того, чтобы сопровождать курьера, пришлось нарядить цѣлую дивизію; иначе бы казаки его не пропустили. Городъ оказался пустъ, хлѣба ни куска, кругомъ казаки; вице-король, не дождавшись курьера, поспѣшилъ выступить. По его слѣдамъ устремились донцы и 1 ноября вогнали остатки несчастнаго корпуса въ Смоленскъ. Прокруживъ болѣе 50 верстъ, вице-король явился къ императору безъ кавалеріи, безъ обоза, лишь всего съ 12 пушками. ⁸⁷⁾

* * *

Ночью послѣ пораженія подъ Краснымъ, 2 сотни казаковъ съ крестьянами произвели ужасную тревогу въ Лядахъ, гдѣ была главная квартира Наполеона.

Великая армія стала въ ружье и, не смотря на темноту, увеличенную туманомъ, Наполеонъ выступилъ изъ селенія, а для прикрытія своего отступленія зажечь мѣстечко.

Графъ Сюзлеръ привисываетъ эту тревогу громко произнесенному посреди глубокой тишины слову «Hausanne!» (такъ звали одного гренадера), которое показалось пробужденнымъ солдатамъ: «Lucharmes», и вотъ крики: «казаки!» «казаки!» — привели въ страхъ и безпорядокъ пораженную армію. Солдаты армейскихъ корпусовъ бросились къ Дубровину, гвардейцы приняли ихъ за русскихъ, сдѣлали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, имъ отвѣчали, и перестрѣлка разпространилась по всѣмъ улицамъ. Векорѣ сильная перестрѣлка долетѣла до квартиры Наполеона. Императоръ, одѣвшись, появился съ своимъ карауломъ на площади и узнавъ, что артиллерія стоитъ по эту сторону рѣки, протекающей чрезъ мѣстечко, бросился къ парку и спѣшилъ его переправить черезъ мостъ. Но, вышедши въ поле, Наполеонъ къ удивленію своему, не нашелъ тамъ ни одного казака. ⁸⁸⁾

* * *

Генералъ Кутейниковъ отбилъ близъ Боровска обозъ съ церковнымъ серебромъ, изъ котораго впоследствии сдѣлали

въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ рѣшетку. Но это серебро было далеко не все изъ награбленнаго французами.

6 Ноября, послѣ битвы подъ Краснымъ какой-то донской казакъ, подѣхавъ къ нашему гвардейскому корпусу, продавалъ разныя вещи; распродавъ ихъ онъ уже собирался ѣхать, какъ къ нему подошелъ литовскаго полка аудиторъ Щегловъ. Увидя мѣшокъ, привязанный къ сѣдлу донца, онъ спросилъ казака: нѣтъ-ли въ немъ чего продажнаго? «Нѣтъ, отвѣчалъ храбрый казакъ, — тутъ церковное серебро, которое я обѣщался пожертвовать какой нибудь церкви: Боже сохрани, чтобы я попользовался хоть однимъ золотникомъ!» Щегловъ предложилъ ему отдать серебро въ церковь литовскаго полка. Казакъ съ удовольствіемъ отдалъ серебро и, не сказавъ своего имени, скрылся изъ вида. ⁸⁹⁾

* * *

У подошвы Понарскаго холма, 28 ноября, двигался остатокъ артиллеріи непріятеля и обозъ его, подъ сильнымъ прикрытіемъ, предводимымъ маршаломъ Неемъ. Въ обозѣ была казна: 10 милліоновъ франковъ золотомъ и серебромъ, фальшивыя русскія ассигнаціи, экипажи императора, экипажи съ разною московскою добычею и проч. Вдругъ появились казаки Платова и кавалеристы. При такой страшной опасности, маршалъ Ней понялъ явную невозможность спасти казну и приказалъ раздать всю ее своимъ солдатамъ. Бросились французы разбивать ящики и наполнять свои карманы золотомъ и серебромъ. Увидавъ такую работу непріятеля, наши казаки и кавалеристы бросились на него и приняли участіе въ дѣлѣ. ⁹⁰⁾

* * *

Маршалъ Ней, преслѣдуемый графомъ Платовымъ, собравъ въ Ковнѣ часть своего войска, присоединилъ къ гарнизону и рѣшился дорого продать послѣдній свой шагъ на русской землѣ.

Самъ онъ, взявъ солдатское ружье, сталъ въ ряды солдатъ, но, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ удер-

жаться въ Ковнѣ: драгуны ворвались въ Виленскую заставу, а казаки, перешедъ по льду Нѣмань, явились въ тылу города. Это обстоятельство принудило Ней оставить Ковню со всѣмъ его запасами и арсеналомъ. Но при выступленіи его, Платовъ напалъ на французскую колонну и разрѣзалъ ее на двѣ части: при послѣдней атакѣ одной изъ этихъ частей, кромѣ убитыхъ, взято въ плѣнъ 80 штабъ и оберъ офицеровъ, болѣе 2500 нижнихъ чиновъ. Маршалъ, отброшенный къ сторонѣ Тильзита съ 200 гренадеръ старой гвардіи, бросился въ лѣсъ, и — ночь спасла его. ⁹¹⁾

* * *

Сколько въ двѣнадцатомъ году войскомъ, предводимымъ графомъ Платовымъ, убито, взято въ плѣнъ и отбито знаменъ, пушекъ и зарядныхъ ящичковъ?

У б и т о:	В з я т о в ъ п л ѣ н ѣ:						
18.366 челов.	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 33%;">Генераловъ. Шт. и об. оф.</td> <td style="width: 33%;">Ниж. чин.</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">10.</td> <td style="text-align: center;">39.511.</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">1047.</td> <td></td> </tr> </table>	Генераловъ. Шт. и об. оф.	Ниж. чин.	10.	39.511.	1047.	
Генераловъ. Шт. и об. оф.	Ниж. чин.						
10.	39.511.						
1047.							
	О т б и т о:						
Знаменъ.	Пушекъ. Зарядн. ящичковъ.						
15.	364. 1066. ⁹²⁾ .						

* * *

Въ то время, какъ французскіе мародеры шатались еще по Бѣльскому уѣзду, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ вошли въ крестьянскую избу, гдѣ была только одна старуха. Томимые голодомъ, французы тотчасъ-же начали требовать съ угрозами, изуродованнымъ русскимъ языкомъ, «хлѣба и млека». Старуха поспѣшила отдать имъ послѣдній свой кусокъ хлѣба. На счетъ же молока отвѣчала, что у ней его нѣтъ, потому что всѣхъ ея коровушекъ и овечекъ прочіе ихъ товарищи забрали и перерѣзали. «Но, сказала она, у меня есть коза». «Куда коза?» Закричали вдругъ перекуганные французы, подумавшіе, что она говоритъ о казакахъ, которые, быть можетъ, находились въ этой деревнѣ. «Тамъ

на дворѣ, родные», отвѣчала старуха, показывая на дворъ рукою. «Казакъ на дворъ!» повторили съ ужасомъ мародеры и, не говоря болѣе ни слова, кинулись опростетью вонъ изъ избы. ⁹³).

* * *

Отрывокъ изъ письма главнокомандующаго князя Кутузова-Смоленскаго Платову отъ 17 января 1813 г. изъ Лидинберга:

«Почтеніе мое къ войску Донскому и благодарность къ подвигамъ его въ теченіе кампаніи 1812 г., которые были главнѣйшею причиною къ истребленію непріятеля, лишеннаго въ скорости всей кавалеріи и артиллерійскихъ лошадей, съдовательно, и орудій неусынными трудами и храбростію Донскаго войска; сія благодарность пребудеть въ сердцѣ моемъ, dondeже угодно будетъ Богу призвать меня къ себѣ. Сіе чувствованіе завѣщаю я и потомству моему». ⁹⁴).

* * *

Приношенія донскихъ казаковъ: отбитое отъ непріятеля серебро, пограбленное имъ изъ святыхъ церквей, — донскіе казаки пожертвовали въ Казанскій соборъ, въ Петербургъ, гдѣ и донынѣ есть надпись надъ пожертвованіемъ: «Усердное приношеніе войска Донскаго». Кутузовъ писалъ по поводу пожертвованія: — «Храбрые Донскіе казаки возвращаютъ Богу похищенное изъ храмовъ Его сокровище». — Пожертвовано въ слиткахъ сорокъ пудовъ серебра. Это было въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1812 г.

Кромѣ того Платовъ пожертвовалъ 10 пудовъ серебра, отбитаго у непріятеля, и 20.000 руб. на возобновленіе ограбленныхъ храмовъ Донскаго монастыря въ Москвѣ. Изъ этого серебра въ 1816 г. сдѣланы въ соборъ ризы на всѣ мѣстныя иконы, кромѣ образа Донской Божіей Матери. ⁹⁵).

* * *

И такъ, всего въ семь мѣсяцевъ французы успѣли дойти до Москвы и быть выгнанными изъ Россіи. Въ походѣ

до Москвы великая армія была постоянно тревожима донцами, которые, какъ легкія птицы, носились по всѣмъ ея сторонамъ, нанося всевозможный вредъ. При отступленіи же великой арміи, донцы терзали ее по кускамъ, какъ орлы. Дѣла казаковъ: разрушеніе мостовъ, истребленіе продовольствія, захваты обозовъ, артиллеріи, людей и отчаянныя «скруты головы» битвы съ врагами....

Заграничные походы.

„Чужая сторона прибавить ума“.

Императоръ Александръ рѣшилъ перенести войну за границу, чтобы и тамъ, преслѣдуя непріятеля, освободить отъ него Европу.

1813 годъ.

1 января войска наши начали выступать за границу, переправляясь по льду черезъ Нѣманъ, а съ ними пошли и донскіе казаки. При войскахъ были — самъ Государь и Кутузовъ.

27 февраля Пруссія заключила союзъ съ Россією, и прусскія войска присоединилась къ нашимъ.

12 апрѣля главное начальство надъ нашими войсками принялъ Витгенштейнъ вмѣсто заболѣвшаго Кутузова, который и умеръ 17 апрѣля.

— Наши войска съ прусскими были уже въ Дрезденѣ.

20 — цѣлдневная битва при Люценѣ; кончилась въ ничью; мы отбили 5 орудій и отступили къ Бауцену;

9 мая — сраженіе при Бауценѣ, тоже въ ничью.

17 — Барклай де-Толли назначенъ главнокомандующимъ.

23 — перемиріе на шесть недѣль.

15 іюля — Австрія тоже заключила союзъ съ Россією, и австрійскія войска присоединились къ нашимъ.

30 — изъ всѣхъ союзныхъ армій сформировано 4 арміи.

14 августа—сраженіе съ Наполеономъ подь Дрезденомъ. Государь нашъ ылъ въ жестокомъ огнѣ.

17—кровопрлитная битва при Кульмѣ; непріатель разбитъ.

18—войска маршала Вандама разбиты, и самъ онъ взятъ въ плѣнь.

4 октября—первый день битвы подь Лейпцигомъ. Особенно отличились лейбъ-казаки.

6—второй день битвы. Наполеонъ разбитъ и отступилъ къ Люцену.

7—взятіе приступомъ Лейпцига. Въ эти три дня происходили битвы громаднхъ массъ войскъ, именно «битва народовъ». Мы отбили 325 орудій и взяли въ плѣнь до 40 т. чел. Убитыхъ со стороны нашихъ и союзныхъ войскъ было до 50 тысячъ человекъ. Наполеонъ потерялъ убитыми до 60 т. чел.

6 Декабря—благодарственный манифестъ Императора Александра за побѣды.

20—союзныя войска перенли Рейнь и вступили въ предѣлы Франціи.

1814 годъ.

20 января Наполеонъ разбитъ у сел. Ля-Ротьеръ и отступилъ, потерявъ 1000 чел. убитыми и 73 орудія.

3 февраля Платовъ взялъ приступомъ Немуръ и появился въ Фонтенебло.

13 марта—сраженіе при Фершампенуазѣ, гдѣ взяты въ плѣнь двѣ французскія дивизіи. Отличились лейбъ-казаки, разбивъ съ гусарами и частью нашей пѣхоты случайно зашедшія колоны французской пѣхоты.

19—наши и союзныя войска вступили въ Парижъ.

21—Наполеонъ лишенъ престола и сосланъ на островъ Эльбу.

18 мая—нашъ Государь даровалъ Европѣ миръ. Войска наши возвратились и расположились въ Варшавскомъ герцогствѣ.

1815 годъ.

17 февраля Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, и появился въ Парижѣ, свергнувъ установленное правительство.

1 марта наши войска выступили опять за границу и прибыли во Францію 23 іюня, а между тѣмъ—

6 іюня Наполеонъ былъ разбитъ при Ватерлоо; 10 возвратился въ Парижъ, гдѣ и отрекся отъ престола.

28—Императоръ Александръ съ союзниками вступилъ снова въ Парижъ.

6 іюля—англичане задержали довѣрившагося имъ Наполеона и отвезли на островъ св. Елены, гдѣ и заключили его подъ строжайшей карауль. Тамъ же онъ и умеръ 1821 г. 23 апрѣля.

14 сентября Барклай де-Толли привелъ наши войска обратно изъ Франціи, но часть союзныхъ войскъ осталась тамъ.

1 января 1816 г. Императоръ Александръ издалъ манифестъ о благополучномъ окончаніи войны; союзныя войска оставили Францію.

* * *

Въ 1815 году возвратились и казаки на свой тихій Донъ. «Много было слезъ и радостныхъ и горестныхъ». «Кто ждалъ и встрѣтилъ, а кто и ждалъ, да не встрѣтилъ». Изъ похода возвратилось, по словамъ однихъ, 10,000 чел., а по словамъ другихъ, 15.000. «Сколько пошло, сколько пришло, —это домашній счетъ» сказалъ какъ-то Платовъ. Во всякомъ случаѣ, около 20 тысячъ донскихъ казаковъ положило свои головы безстрашно и беззавѣтно за Царя и за родину....Лежатъ благородныя ихъ кости по Германіи и Франціи.

Еще при поголовномъ ополченіи появилась между казаками слѣдующая пѣсня:

„Ой ты, батюшка нашъ славный, тихій Донъ!

„Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ!

„Про тебя-го лежитъ слава добрая!

„Слава добрая, рѣчь хорошая!

„Какъ бывало ты все быстерь бѣжишь,
„Ты быстерь бѣжишь, все чистехонекъ,
„А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
„Помутился ты, Донъ, сверху до низу!
„Рѣчь возговорить, славный, тихій Донъ:
„Ужъ какъ-то мнѣ все мутно не быть:
„Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
„Ясныхъ соколовъ,—Донскихъ казаковъ!
„Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
„Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ!“

* * *

Въ началѣ заграничнаго похода, Платовъ былъ отозванъ въ главную квартиру къ Государю, и донскіе казачьи полки были распределены по корпусамъ, и кромѣ того, по разнымъ летучимъ отрядамъ. Въ началѣ февраля, наши войска перешли по очень тонкому льду рѣчку Одеръ. Генераль Чернышевъ, имѣя подъ командой 6 казачьихъ полковъ, 6 эскадроновъ гусаръ и драгуновъ, при двухъ орудіяхъ, пригласилъ еще Теттенборна принять участіе въ набѣгѣ на столицу Пруссіи, Берлинъ, гдѣ менѣе всего ждали появленія русскихъ; французы думали, что всѣ переправы черезъ Одеръ находятся въ ихъ рукахъ. Въ 4 часа утра оба отряда незамѣтно подошли къ городу. Полковникъ Власовъ съ двумя казачьими полками долженъ былъ напасть на Шарлотенбургъ, гдѣ стояла бѣльшая часть французской артиллеріи, а въ это время остальные войска—вторгнуться въ городъ. Дѣло вышло иначе. Пока у насъ дѣлались распоряженія, въ городскихъ воротахъ показалось 30 французскихъ всадниковъ. Въ одинъ мигъ казачій полкъ Киселева бросился на встрѣчу и по ихъ слѣдамъ ворвался въ городъ. Тутъ ужъ медлить было нельзя. Чернышевъ подвелъ къ заставѣ остальные войска, изъ коихъ 3 полка послалъ туда же на помощь. Они промчались по улицамъ подъ выстрѣлами непріятельскихъ командъ и остановились на берегу Шире; всѣ мосты были сломаны, кромѣ каменнаго, гдѣ стояла батарея въ 6 орудій. Полкъ Киселева былъ встрѣченъ на Александровской площади огнемъ изъ пѣхотнаго каре. Это не помѣшало казакамъ носиться вдоль улицъ, гарцовать на площадяхъ, особенно тамъ, гдѣ соби-

рались кучи любопытныхъ. Берлинцы не вѣрили своимъ глазамъ, видя такое чудо; они не знали, чѣмъ выразить свою радость; многіе были бы не прочь присоединиться, подать помощь, но полиція зорко слѣдила за такими и даже стрѣляла въ толпы народа. Между тѣмъ, на гауптвахтѣ ударили тревогу: французы строились въ ряды, изъ Шарлоттенбурга скакала артиллерія. Тогда Чернышевъ разослалъ приказаніе возвратиться за заставу. Двое казаковъ были ранены на главной улицѣ, передъ окнами принцессы Оранской. Она скрыла ихъ въ своемъ домѣ и оберегала, пока французы не очистили Берлинъ. ⁹⁶).

* * *

Въ началѣ февраля 1813 г. лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Ефремовъ, будучи отряженъ съ своею бригадою, для обхода непріятеля при г. Циркѣ, осторожно подошелъ къ р. Варту; она была покрыта льдомъ, который трещалъ подъ ногою и колебался. Смѣло и ловко перейдя рѣку, Ефремовъ не далъ непріятелю возможности замѣтить это движеніе. Напавъ отважно на непріятеля, Ефремовъ сбиль его, вогнавъ въ городъ и тамъ, послѣ упорной и отчаянной защиты, съ отличнымъ мужествомъ выгнавъ его изъ города и преслѣдовалъ до совершеннаго истребленія. Благоразумію и храбрости Ефремова должно приписать большую часть успѣха одержанной побѣды, вельдствіе которой достались намъ въ плѣнъ: дивизіонный генералъ князь Гедроичъ, начальникъ его штаба, адъютантъ, 5 офицеровъ и 217 рядовыхъ. ⁹⁷).

* * *

Въ началѣ 1813 г., когда не было еще серьезныхъ дѣлъ, 19 марта начальникъ русскаго отряда, полковникъ Теттенборнъ, отправилъ съ денешами къ прусскому посланнику, графу Ливену, офицера Бока и съ нимъ донскаго казака, № 9 Сулина полка, Александра Земленухина, (Нагавской станицы), наиболѣе отличившагося при занятіи Лауэнбурга. Съ перваго дня пріѣзда въ Лондонъ (8 апрѣля),

Земленухинъ обратилъ на себя вниманіе англійской публики и даже газетъ. Густая толпа народа, собравшаяся за нѣсколько часовъ до назначеннаго времени, окружила почтовую карету, въ которой сидѣлъ русскій офицеръ. Хотя большая часть зрителей могла только видѣть длинную пику, выглядывавшую изъ окна кареты, но, тѣмъ не менѣе, давка была настолько сильна, что Земленухинъ съ трудомъ достигъ дома г. Аермана, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе.

Жители Лондона, желая выразить сочувствіе русской націи, и въ частности своему неожиданному гостю, казаку Земленухину, хотѣли поднести ему значительную сумму денегъ. Бокъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ объявить въ газетахъ, что русскому воину запрещено принимать деньги, но «если кто пожелаетъ подарить ему оружіе, чтобы драться съ французами, то онъ приметъ съ благодарностью».

15 апрѣля Земленухинъ и его спутникъ были приглашены во дворецъ лордъ-мера (городскаго головы), который черезъ переводчика велѣлъ передать казаку, что первый членъ англійскаго магистрата считаетъ за честь пожать руку такому заслуженному воину, хотя онъ не можетъ похвалиться ни чинами, ни титулами. Казакъ отвѣтилъ коротко и ясно, что онъ «всегда готовъ служить Царю и отечеству». Лордъ-меръ велѣлъ спросить его: «сколько французовъ убилъ онъ своей пикой?» «Трехъ офицеровъ, отвѣтилъ Земленухинъ, а волочи нѣсколько четвериковъ». Передавая этотъ отвѣтъ переводчикъ счелъ нужнымъ немного измѣнить его и сказалъ, что казакъ убилъ своей пикой 39 непріятелей». Затѣмъ лордъ-меръ, угостивъ своихъ посѣтителей завтракомъ, повелъ ихъ въ одно зданіе, гдѣ они были встрѣчены привѣтствіями купцовъ и многочисленной посторонней публики. Казака пригласили на балконъ, выходявшій на биржу, передъ которымъ собралась огромная толпа, ожидавшая его появленія, выразившая свое удовольствіе громкими криками. Когда водворилась тишина, лордъ-меръ сказалъ короткую рѣчь, въ которой отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о храбрости казака, и въ заключеніе среди неумолкающихъ рукоплесканій присутствующей толпы, стоявшей передъ балко-

помъ, пожелалъ всякаго успѣха оружію Императора Александра.

Въ одной газетѣ, между прочимъ, было помѣщено описаніе наружности Земленухина: «Ростъ казака около шести футовъ; онъ сильнаго и коренастаго тѣлосложенія, и хотя у него суровая, воинственная наружность, но не совсѣмъ подходитъ подъ то понятіе, какое вообще составлено о русской націи. Борода у казака длинная, кудрявая и сѣдая; волосы на головѣ менѣе сѣды, зачесаны назадъ, на шеѣ около 6 дюймовъ длины, а на лбу острижены коротко и ровно». Одежда его состоитъ изъ синяго кафтана и шароваръ, сшитыхъ изъ толстаго сукна, и широкихъ сапоговъ съ круглыми носками. Руки казака необыкновенной ширины и съ короткими пальцами, но онъ съ большимъ искусствомъ владѣеть оружіемъ, состоящимъ изъ пистолета, ружья, сабли и длиннѣйшей пикн и, повидимому, вовсе не чувствуетъ ихъ тяжести». Два художника сняли съ него портреты, и когда показали одинъ уже напечатанный весьма схожій портретъ, то Земленухинъ попросилъ нѣсколько штукъ для себя, жены и дѣтей. Затѣмъ г. Акерманъ, въ знакъ уваженія къ храброму воину, принесъ ему на выборъ изъ своей мастерской четыре дорогихъ сабли прекрасной работы; казакъ выбралъ одну изъ нихъ, очень изящную, съ турецкимъ клинкомъ, на которой и была сдѣлана надпись: «Подарена Александру Земленухину, Донскому казаку Сулина полка, отъ Рудольфа Акермана. Лондонъ. 20 Апрѣля», на эфесѣ были вырѣзаны по латыни слова: «За Бога, Царя и Отечество»! Сверхъ того, разными знатными лицами сдѣланы были казаку богатые подарки, состоявшіе преимущественно изъ оружія англійской работы. ⁹⁸⁾

Въ честь казака была сочинена пѣсня, которая была пропѣта въ его присутствіи въ одномъ изъ Лондонскихъ театровъ, съ обычными рукоплесканіями и криками.

Всякій выходъ казака изъ дома служилъ поводомъ къ громаднѣйшему стеченію публики. Хотя подчасъ подобная популярность была довольно утомительна, но она льстила самолюбію стараго воина, который охотно разговаривалъ черезъ переводчика съ незнакомыми людьми и отвѣчалъ на вопросы

о его отечествѣ и жизни донскихъ казаковъ.

Разъ Земленухинъ удостоился приглашенія на обѣдъ къ лорду-меру и, по замѣчанію одной газеты, къ счастію для него самого и собравшагося общества, онъ пилъ умѣренно, изъ чего можно заключить, что съ нимъ случалось и обратное. Русскій посланникъ, по желанію Его Высочества, принца-регента, представилъ ему донскаго казака. Принцъ подарилъ Земленухину прекрасную саблю на черной бархатной портупей, обитой серебромъ, и такую же сумку съ своимъ вензелемъ и короной.

Земленухинъ уѣхалъ изъ Лондона, сердечно поблагодаривъ своихъ новыхъ друзей и въ особенности своего хозяина г. Акермана за его неизмѣнное гостепрѣимство. Прощаясь съ послѣднимъ, онъ сказалъ: «Погостилъ я и поѣлъ у тебя хлѣба-соли, ты въ послѣдній день былъ также ласковъ со мной, какъ и въ первый».

Земленухинъ отправился изъ Лондона къ русской арміи, находившейся въ это время въ Германіи, и былъ представленъ Императору Александру I и прусскому королю. Велѣдъ затѣмъ, за хорошее поведеніе онъ былъ произведенъ въ урядники и уволенъ на Донъ.⁹⁹)

* * *

Однажды разъѣздамъ Чернышева удалось перехватить письмо съ важнымъ извѣщеніемъ, что изъ Ганновера выступилъ огромный артиллерійскій транспортъ, который на 18 мая долженъ имѣть ночлегъ у г. Гальберштадта. Нашъ отрядъ перешелъ рѣку и двинулся навстрѣчу; 75 верстъ были пройдены въ 30 часовъ. Не доходя 7 верстъ, Чернышевъ узналъ, что за городомъ почевалъ другой паркъ, немного поменьше, съ прикрытіемъ въ 2 т. чел., и что въ это же утро ожидается большой транспортъ; отсюда они должны слѣдовать вмѣстѣ. Это извѣстіе заставило Чернышева немедленно распорядиться о нападеніи. Баварцы отлично расположились вагенбургомъ между рѣчкой и перекопанной дорогой, за версту отъ города; пѣхота скрылась внутри вагенбурга, 14 орудій стояли въ промежуткахъ между повозками, защищая фронтъ

и фланги. Чернышевъ выслалъ полкъ Сысоева на дорогу, откуда ожидался большой транспортъ; Грековъ 18 получилъ приказаніе ворваться въ городъ и ударить на вагенбургъ съ тыла, а Власовъ съ двумя казачьими полками—атаковать съ фронта. Грекову удалось овладѣть городскими воротами, но Власовъ былъ отраженъ картечными залпами 14 пушекъ. Тутъ отъ Сысоева прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что на дорогѣ уже показалось прикрытіе, слѣдовательно транспортъ приближается. Къ счастью капитану Богдановичу удалось изъ своихъ двухъ орудій взорвать нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Этой суматохой воспользовался Чернышевъ и пустилъ весь свой отрядъ гусаровъ, драгуновъ и казаковъ на проломъ. Выдержавши страшный залпъ, они прежде всего накинудись на артиллеристовъ, потомъ врубились между повозокъ. Баварцы защищались отчаянно: кололи штыками, отбивались прикладами, однимъ словомъ, работали, какъ слѣдуетъ доброй пѣхотѣ; но это еще болѣе ожесточило нашихъ. Они рубили солдатъ въ строю, рубили ихъ подъ повозками,—откуда тѣ продолжали стрѣлять,—или выгоняли пиками. Чернышевъ доносилъ послѣ главнокомандующему, что такой стремительной атаки, какую произвели здѣсь его молодцы, искусившіеся въ набѣгахъ, онъ не видалъ во всю свою боевую жизнь. Половина отряда, въ томъ числѣ баварскій генералъ Оксъ и 15 офицеровъ, осталась въ плѣну, а другая половина легла на мѣстѣ. Весь наркъ сталъ трофеемъ этаго знаменитаго набѣга. Пока отправляли орудія, зарядные ящики и повозки съ аммуниціей, казаки сдерживали наступленіе непріятельскаго авангарда, послѣдовавшаго на помощь. Дѣло было сдѣлано на чистоту: ни одна повозка не брошена.¹⁰⁰

* * *

4 октября подъ Лейпцигомъ закипѣла битва. За центромъ нашей съ союзниками арміи, у дер. Госсы стоялъ на горѣ Государъ Императоръ Александръ I со свитой, имѣя подлѣ себя конвоемъ л.-гв. казачій полкъ. Наполеонъ направилъ всѣ силы на центръ нашихъ войскъ, чтобы прорвать его. Пригрываемая огнемъ 60 орудій, французская кавалерія спус-

тилась съ высотъ Вахау и обрушилась на наши войска; центръ нашей позиціи былъ прорванъ; кавалерія неслась уже къ плотинѣ, отдѣлявшей возвышеніе, гдѣ стоялъ Государь Императоръ съ лейбъ-казаками. Государь приказалъ лейбъ-казакамъ идти черезъ плотину и атаковать непріятельскую кавалерію во флангѣ. Лейбъ-казаки (три эскадрона и Черноморскій эскадронъ) бросились. Плотина была узка: едва можно было проѣхать одному всаднику. Полковникъ Ефремовъ во главѣ полка первый перелетѣлъ черезъ нее. За нимъ казаки. Командиръ полка, графъ Орловъ-Денисовъ, прискакавшій по исполненіи порученія, присоединился къ полку и помчался съ нимъ. Съ замѣчательною быстротою и отвагою лейбъ-казаки неожиданно врѣзались въ непріятельскую кавалерію съ фланга; ряды ея заколебались, остановились. Лейбъ-казаки продолжали рубить; а въ это время успѣли оправиться и наши разстроенные полки и атаковали непріятеля съ фронта. Французы бросились назадъ въ беспорядкѣ, а въ это время уже 112 нашихъ орудій посылали имъ смерть. Побѣда была наша.

За блистательную атаку, лейбъ-гвардіи казачій полкъ награжденъ Георгіевскимъ Штандартонъ, полковникъ Ефремовъ—орденомъ св. Георгія 3 ст., а командиръ полка, графъ Орловъ-Денисовъ—орденомъ св. Владиміра 2 ст., многіе офицеры и нижніе чины тоже удостоены наградъ. Въ 1832 г. установленъ лейбъ-гвардіи казачьему полку полковой праздникъ въ день св. Ерофея 4 октября въ память его знаменитой атаки подъ Лейпцигомъ. ¹⁰¹⁾.

* * *

Командовавшій казачьими отрядами въ 1812 и 1814 годахъ, генералъ Бенкендорфъ докладывалъ Государю:

«Безграничное самолюбіе есть одна изъ отличительныхъ свойствъ казака: въ виду регулярныхъ войскъ онъ на все готовъ. Трудно представить такую лихую, молодецкую атаку, какъ подъ Жюлье (въ Январѣ 1814 г.) когда казачій полкъ Жирова шелъ въ атаку справа, Сысоева слѣва, а два эскадрона павлоградскихъ гусаръ въ срединѣ».

* * *

Послѣ битвы подь Лейпцигомъ, Платовъ снова началъ командовать казаками. Онъ шелъ впереди главной арміи. Въ февралѣ 1814 г. казаки подошли къ укрѣпленному г. Немуру, окруженному канавою и высокою каменною стѣною. Платовъ, получивъ отказъ въ сдачѣ города, спѣшили казаковъ и смѣло повелъ ихъ на приступъ. Предмѣстье было захвачено; прислуга у орудій перебита донскими пушками. Ночь пріестановила дѣло. На разсвѣтъ опять загремѣли пушки. Городскія ворота были разбиты ядрами и казаки ворвались въ крѣпость. Началась рѣзня. Въ это время съ другой стороны города ворвались атаманы. Гарнизонъ въ 600 человекъ съ 18 офицерами былъ вынужденъ сдаться; убито было болѣе 200 человекъ.¹⁰²⁾

* * *

Вечеромъ 13 марта 1814 г. Государь императоръ остановился на ночлегъ въ мѣстечкѣ Фершапенуазъ. Вдругъ раздались ружейные выстрѣлы. Государь потребовалъ къ себѣ ближайшую пѣхоту, конницу и артиллерію; стрѣляли французы. Государь приказалъ своему конвою, лейбъ-казакамъ атаковать ихъ. Ружейный залпъ и штыки французской пѣхоты не остановили лейбъ-казаковъ: въ одно мгновеніе каре французовъ было смято. Ошеломленный непріятель бросалъ оружіе и просилъ пощады, а кто защищался, попадалъ на пики казаковъ. Заднія французскія колонны наскочили на нашу батарею. Видя себя окруженными, французы хотѣли проложить себѣ дорогу штыками, но полковникъ Ефремовъ и ротмистръ Орловъ во главѣ лейбъ-эскадрона понеслись на поддержку батареи, атаковали французовъ, и Ефремовъ, не смотря на сильную рану штыками въ голову, сражался до прихода нашихъ гусаръ и пѣхоты. Каре французовъ были истреблены, взято 16 орудій, множество зарядныхъ ящиковъ, обозъ и плѣнные. Оказалось, —это была французская дивизія Пакто,

попавшая сюда по недоразумѣнію, надѣясь соединиться съ арміею Наполеона. ¹⁰³).

* * *

Разсказъ казака Агапова.

«Какъ ужъ пришло ему, французу, лихо, такъ погнали его какъ скотину, а наше дѣло—то съ боковъ, то спереди отбивать у него хлѣбъ и фуражъ; оно и не слѣдъ было бы этимъ корыстоваться, да самимъ-то ѣсть было нечего....

Когда подъ Москвой мы стояли, такъ и то провіанту мало выдавали, а какъ пошли, такъ мы ничего не выдали, и его ни въ землѣ, ни сверхъ земли нигдѣ не было; народъ, какъ раки, всѣ порасползлись изъ деревень. Гнались за французомъ день и ночь; иногда разжладешь огонь и погрѣешься, а раздѣться и разуться не велятъ. Разъ какъ-то мы разломали хату, зажгли костеръ, разгребли снѣгъ и кой-кто уснулъ. Утромъ встали, а снѣга-то по поясъ. Не диковина, что французовъ такъ много померзло; на что нашъ братъ къ морозу привычный и то было не втерпѣжъ. Нагонишь кучку, хоть они и сидятъ около огня, а все надо опасаться; ну ужъ какъ спардонится, такъ смѣло бери его руками. Изъ всѣхъ самый нѣжный народъ голландцы: это чисто дворяне. Чернышевъ подхватилъ насъ въ летучій отрядъ; и пороли же горячку такъ, что лошади у многихъ ослѣбли; еще какъ онѣ и тянули-то. Въ Россіи корма никакого не было, а ужъ заграницей-то имъ было приволье. Кобылу свою бросилъ во Франціи, и теперь бы ста рублей за нее не взялъ; ногу засѣкла, а попользовать то некогда остановиться. Вездѣ намъ выносили всякой всячины. Разъ только, какъ теперь помню, подъ мѣстечкомъ Торгау, въ Савсоніи, мы послѣ сраженія цѣлый день отступали; только смотримъ съ другой стороны пыль; мы подумали, что это непріятель съ тылу забѣжалъ, а это англичане, значить, къ намъ на помощь. Тутъ-то ужъ мы задали французу; гнались за ними всю ночь, такъ что сами всѣ порастерялись. Насъ было четверо; ну, куда ѣхать? Отправилсь на огни; только слышимъ гремѣть цѣнь; мы и подумали, что это фура; прислушались хорошенько, анъ ни тѣмъ пахнетъ. Одинъ это изъ насъ сбѣгалъ, подсмотрѣлъ, да и

говорить: «братцы, это батарея ихняя». Я былъ тогда урядникомъ и говорю: «смѣлымъ Богъ владѣть, давайте обѣжимъ кругомъ лѣска да на переймы имъ и станемъ». Такъ и сдѣлали; бросились на нихъ съ гикомъ, съ крикомъ, да какъ хватимъ изъ ружей, а ихъ и слѣдъ простылъ. Взяли мы три орудія совсѣмъ съ лошадьми и ѣдимъ, — глядимъ, ѣдутъ люди, кто это? спрашиваемъ. «Казаки», они отвѣчаютъ, а съ казаками-то заблудился генералъ Иловайскій и обрадовался намъ. Ну, куда ѣхать? извѣстно куда. — на огни... На Донъ я пришелъ офицеромъ. ¹⁰⁴⁾

* * *

Когда союзныя арміи подходили къ г. Труа, то жители сосѣднихъ деревень перебирались въ этотъ городъ. Въ одной изъ деревень богатая помѣщица осталась забрать послѣднее имущество. Вдругъ въ ея домъ явилось четыре казака. Француженка обмерла отъ ужаса, при видѣ людоедствъ, какъ описывалъ казакъ Наполеонъ. На звонокъ француженки никто не явился изъ прислуги. Одинъ молодой казакъ, подойдя къ ней, съ улыбкою просилъ знаками пить и ѣсть. Ободренная хозяйка предложила все, что было въ шкапѣ съѣстного и вина. Покушавъ до сыта, казаки дали понять хозяйкѣ, что имъ нужно денегъ. Француженка нашаась: она вынула изъ сундука мѣшокъ съ 1000 франковъ и отсчитала каждому по 100 франковъ.

Съ учтивыми поклонами казаки приняли деньги, поцѣловали ручку хозяйки, выпили еще по рюмочкѣ за ея здоровье и, перекрестясь, ушли. Скоро во всемъ г. Труа, говорили объ этой необыкновенной чертѣ казацкой учтивости и умѣренности. ¹⁰⁵⁾

* * *

Когда казаки въ 1813 и 1814 гг. были за границею, то они «съ истощенными контрибуціями и голодомъ поселянами въ Германіи теплосердечно дѣлилисъ кускомъ хлѣба». Эта черта казацкой души была изображаема во многихъ народныхъ картинахъ и въ книгахъ для дѣтей. А въ бытность нашихъ

войскъ во Франціи, донскіе казаки жили душа въ душу съ своими хозяевами, гдѣ стояли, помогая имъ работать, смотрѣли за дѣтьми, ухаживали за женами и часто, послѣ попойки, помогали французамъ колотить нѣмцевъ. О казакахъ французы отзывались тогда: «казаки — добрые дьяволы». ¹⁰⁶).

* * *

За мужественную службу въ двѣнадцатомъ году и въ заграничномъ походѣ, донское войско награждено Высочайшею грамотою и бѣлымъ Георгіевскимъ знаменемъ, съ надписью: «Вѣрноподданноу войску Донскому, въ ознаменованіе подвиговъ оказанныхъ въ послѣднюю французскую войну въ 1812, 1813 и 1814 годахъ». Пожалованы Георгіевскія знамена полкамъ: Дячкина, Жирова, Власова-3, Пловайскаго 11, Грекова 18, Мельникова 4, Мельникова 5, л.-гв. казачьему полку — штандартъ и серебряныя трубы. Атаманъ Платовъ возведенъ въ потомственное Россійской имперіи графское достоинство. Очень многіе изъ казаковъ награждены чинами и орденами. Отбившіе множество фальшивыхъ ассигнацій, ввезенныхъ непріятелемъ, казаки вознаграждены настоящими ассигнаціями, по числу отбитыхъ.

Высочайшая грамота войску донскому.

«Донское Наше воинство, въ минувшую съ французами войну, усердіемъ, подвижностію и храбрыми дѣйствіями своими оказало важныя Отечеству услуги. Поголовное ополченіе и прибытіе онаго въ знатныхъ силахъ къ Нашей арміи было толь поснѣшное и скорое, какое тогда токмо бываетъ, когда совершенная къ исполненію долга своего ревность всѣхъ и каждаго одушевляетъ и движетъ. Мужественная и неутомимая бдительность войсковаго атамана, графа Платова, таковы и сподвизавшихся съ нимъ всѣхъ войска сего храбрыхъ генераловъ, офицеровъ и всѣхъ вообще Донскихъ урядниковъ и казаковъ много способствовали къ преодоленію великихъ силъ непріятельскихъ и къ удержанію надъ ними

полныхъ и знаменитыхъ побѣдъ. Они непрестанными на него нападеніями и частными съ нимъ битвами, вездѣ возбравали ему способы къ продовольствію, и черезъ то привели всю многочисленную конницу его въ совершенное изнуреніе и ничтожество. Когда потомъ, послѣ многихъ бѣдственныхъ для него сраженій, былъ онъ побѣдоноснымъ Нашимъ воинствомъ пораженъ, обращенъ въ бѣгство и преслѣдованъ, тогда на пути, въ новыхъ съ нимъ жаркихъ сраженіяхъ, отбито у него бывшими подъ предводительствомъ Нашего храбраго атамана графа Платова донскими казаками знатное число артиллеріи, со многими взятыми въ плѣнъ генералами, ихъ офицерами и солдатами. Сверхъ сего, непріятель, безпрестанно ими беспокоиваемый, принужденъ былъ многія орудія свои со всеми къ нимъ принадлежностями затоплять въ болотахъ и рѣкахъ; или, не успѣвали и того сдѣлать, оставлять намъ въ добычу, такъ что, въ продолженіе бѣгства своего за предѣлы Россійскіе, претерпѣлъ всеконечное и совершенное истребленіе. Толь знаменитые заслуги и подвиги Донскаго войска Нашего, коими ознаменовало оно себя подъ начальствомъ Намъ вѣрностію преданнаго войсковаго атамана графа Платова, въ компанію 1812 г., и болѣе въ продолженіе войны во многихъ битвахъ съ изданіи манифеста 13 апрѣля 1813 г. до заключенія мирнаго трактата въ Парижѣ, налагають на Насъ долгъ предъ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣтельствовать и повторить изъявленныя въ помянутомъ манифестѣ справедливую къ нему Нашу признательность и благоволеніе. Да сохранится сіе свидѣтельство въ честь и славу его въ памяти потомковъ».

«Въ справедливомъ уваженіи къ симъ отличнымъ подвигамъ знаменитаго Донскаго войска и въ знакъ Монаршаго попеченія Нашего о его славі, жалуемъ мы его отъ лица благодарнаго Отечества знамя, отличныя дѣянія войска въ незабвенную для Россіи войну изображающее».

«Да иъбогда сыны сыновъ вѣрнлюбезнаго Намъ войска Донскаго, преднося предъ рядами своими сію святую хоругвь славы и отчества, воспоминать дѣянія отцовъ своихъ и послѣдуютъ ихъ примѣру»....¹⁰⁷⁾.

* * *

Громкая слава разнеслась по Европѣ, а черезъ нее и по всему свѣту о храбрыхъ донскихъ казакахъ. Въ Москвѣ на театрѣ представляли балетъ: «Праздникъ донскихъ казаковъ, или дань мужеству». Во многихъ представленіяхъ, гдѣ касалось казаковъ, зрители выражали свой восторгъ. Прусскій король заказалъ для себя портретъ графа Платова на конѣ, во весь ростъ.

Англійскій принцъ-регентъ наградилъ графа Платова своимъ портретомъ, осыпаннымъ крупными драгоценными камнями «въ ознаменованіе почтенія, уваженія и удивленія къ безсмертнымъ подвигамъ...» Англичане поднесли графу Платову драгоценную саблю «въ ознаменованіе живѣйшихъ чувствъ одушевленія къ его блистательнымъ дарованіямъ, высотъ духа и непоколебимому мужеству». Императоръ Александръ наградилъ Платова кромѣ графскаго титула и высшихъ орденовъ, драгоценнѣйшимъ брилліантовымъ перомъ, съ вензелемъ Государя и лаврами, для ношенія на киверѣ.

Генераль Иванъ Козьмичъ Красновъ 1-й.

Родился 1752 г., въ Букановской станицѣ, отъ бѣдныхъ и добрыхъ родителей, и воспитывался въ первоначальномъ училищѣ.

Первый воинскій шагъ, давно ожидаемый имъ, былъ на р. Бугѣ, откуда войска наши отиравались въ предѣлы Турціи. Рядовой Красновъ отличался усердіемъ и исправностію, и былъ сдѣланъ полковымъ писаремъ, а вскорѣ награжденъ званіемъ офицера, съ состояніемъ при особѣ А. В. Суворова. Въ достопамятное сраженіе на Килбурнской косѣ (1 октября 1787 г.), онъ, въ чинѣ поручика, былъ посланъ къ одному баталіону съ приказаніемъ ударить въ штыки. Красновъ самъ повелъ баталіонъ и, отразивъ непріятели, былъ раненъ въ правую ногу, почти въ одно время съ Суворовымъ. Оба лежали они въ одной ставкѣ. Капитанскій чинъ былъ награ-

дой Краснову. Въ декабрѣ 1788 г. онъ былъ командированъ съ небольшимъ отрядомъ къ сторонѣ Бендеръ, когда Днѣстръ едва покрылся тонкимъ льдомъ; но, не взирая на это, онъ перешолъ рѣку въ селеніи Варницахъ, напалъ на передовую стражу, захватилъ собственноручно турецкаго чиновника и уничтожилъ его команду Достигнувъ Дуная, онъ подстергъ турецкое судно, плывшее изъ Браилова, атаковалъ его на тростниковыхъ плотяхъ и завладѣлъ имъ; но при этомъ едва не лишился жизни: казакъ успѣлъ отбить кинжалъ, направленный въ его грудь. При штурмѣ Измаила, Красновъ взялъ 3 орудія, а при Мачинѣ (25 іюля 1791 г.), сражаясь въ передовомъ отрядѣ, отнялъ у непріятеля 2 знамени; чинъ секундъ-маіора и похвальная грамота Екатерины II были наградою его подвиговъ.

Въ войну съ поляками, онъ находился подъ начальствомъ полковника Орлова, и, командуя отдѣльною частію, разбилъ при м. Мурафѣ 3 эскадрона конницы. Получивъ въ этомъ дѣлѣ рану, онъ принужденъ былъ оставить сраженіе. Еще больной, узналъ онъ, что главное войско поляковъ вступило въ дѣло съ трехтысячнымъ русскимъ отрядомъ подъ Зеленцами; Красновъ поспѣшилъ туда съ наскоро собранною небольшою командою, приказалъ людямъ своимъ палить какъ можно чаще, дѣлать ложные маяги, и этою хитростью помочь русскому отряду одержать побѣду и овладѣть непріятельскимъ станомъ. За это отличіе онъ произведенъ въ премьеръ-маіоры. Подъ Мурашковымъ отрядъ его, состоявшій изъ 100 человекъ встрѣтился съ 12 эскадронами, предводимыми княземъ Понятовскимъ; не имѣя силъ вступить въ бой, отступленіемъ своимъ Красновъ искусно навелъ противника на пушки главнаго нашего войска, и Понятовскій былъ разбитъ. При м. Полонцахъ, вступивъ въ бой съ 7 эскадронами кавалеріи и 300 человекъ пѣхоты, Красновъ первый ударилъ на непріятеля и гналъ его до самаго лагеря; при м. Лясъ онъ опрокинулъ непріятельскую колону, а при взятіи Праги отбилъ пушку. Скоро потомъ, принявъ подъ начальство свое полкъ Орлова, онъ, подъ сильными пушечными выстрѣлами, переправился вплавъ черезъ Вислу при М. Корчевѣ, обратилъ непріятеля въ бѣгство и бѣ-

рылъ 48 спрятанныхъ орудій. Наградю служили чинъ подполковника и орденъ св. Георгія 4-й степени. Будучи снова командированъ въ Молдавію, Красновъ не допустилъ чумѣ вороваться въ предѣлы Россіи. Спасительная его неусыльность и другія заслуги доставили ему чинъ генераль-маіора и ордена: св. Анны 2 ст. и Іоанна Іерусалимскаго.

Въ 1803 г. Красновъ назначенъ былъ атаманомъ Бугскаго войска, которымъ и командовалъ до нашествія Наполеона на Россію. При началѣ отечественной войны, онъ мучился жестокою болѣзнію, но при вызовѣ графомъ Платовымъ на поле чести, одолѣвъ страданія и лѣта, отправился на границу и принялъ начальство надъ 9-ю казачьими полками. Находясь въ арміи князя Багратіона, онъ покрылъ себя славою въ дѣлахъ при м. Мирѣ, гдѣ съ малою потерею, илѣшилъ двухъ штаб-офицеровъ и 218 рядовыхъ. На высотахъ у Колоцкого монастыря, гдѣ онъ, подъ жестокимъ градомъ пуль и ядеръ распоружался движеніями донцевъ, ядро раздробило ему ногу. Войска наши отступали къ Бородину. Краснова отнесли на квартиру къ Платову и отняли ногу въ присутствіи Платова и Барклай-де-Толли; но онъ жилъ только 14 часовъ, спрашивая поминутно: «какъ идутъ дѣла?» Тѣло его препровождено въ Москву и 27 августа предано землѣ въ Донскомъ монастырѣ. ¹⁰⁸).

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

„Теря казакъ, атаманъ будешь!“

Родился 6 августа 1751 г. въ шиньиней Старочеркасской станицѣ. Отецъ его былъ войсковою старшина, выдвинувшійся впоследствии при усмирении Пугачевского бунта. По обычаю того времени, М. И. поступилъ на службу, не имѣя отъ роду еще и тринадцати лѣтъ. По производствѣ въ урядники, онъ скоро получилъ чинъ хорунжаго. Боевую службу началъ съ 1770 г. въ войскахъ князя Долгорукова-Крымскаго, былъ въ разныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, за которыя 4 декабря того же года, получилъ чинъ ссаула: въ

1771 г. находился при атакъ и занятіи Перекопской линіи, а потомъ— Кинбурна, за что 1 января 1772 г., пожалованъ войсковымъ старшиною (на двадцать первомъ году отъ роду). Въ 1774 году сражался подъ г. Копыломъ на Кубани, а 3 апрѣля того же года отличился славнымъ подвигомъ, отбивъ при вершинѣ р. Калалы, въ нѣсколько десятковъ разъ превосходившія его силы крымско-татарскихъ конниковъ Девлетъ-Гирея; въ томъ же году, переведенъ въ войска, дѣйствовавшія противъ Пугачева. Послѣ трехлѣтней службы въ губерніяхъ Казанской и Воронежской, для сыска и поимки скрывававшихся соумышленниковъ уже казненнаго Пугачева, Платовъ поступилъ въ войско Суворова, подъ начальствомъ котораго онъ въ 1782—1783 годахъ сражался на Кубани и въ Крыму, а въ 1784 г. ходилъ противъ лезгинъ и другихъ горскихъ народовъ, за что 25 ноября, пожалованъ отъ арміи маіоромъ. Получивъ чины: 20 сентября 1786 г. подполковника и 2 іюня 1787 г. полковника, Платовъ по случаю открывшейся тогда войны съ Турцією, явился къ р. Бугу, откуда въ 1788 г. вступилъ подъ начальство князя Потемкина въ Турецкіе предѣлы, 6 декабря отличился при осадѣ Очакова, а потомъ, переведенный въ Чугуевскій регулярный казачій полкъ, храбрыми подвигами подъ Бендерами, Каушанами и взятіемъ укрѣпленнаго замка Паланки, обратилъ на себя вниманіе «великолѣпнаго князя Тавриды», по представленію котораго, 24 сентября 1789 г., былъ пожалованъ въ бригадиры. Блистательные подвиги Платова на приступѣ къ Измаилу 11 декабря 1790 г. доставили ему орденъ св. Георгія 3 класса, а впоследствии и чинъ генераль-маіора, а за командованіе передовымъ отрядомъ въ Персидскомъ походѣ 1796 г. и участіе во взятіи Дербента графомъ Зубовымъ, получилъ золотую, украшенную алмазами саблю и орденъ св. Владиміра 2 ст.

По воцареніи Императора Павла I, Платовъ былъ удаленъ отъ службы. Благодаря злымъ наветамъ враговъ, его схватили, отвезли въ Рострому и держали тамъ подъ арестомъ. При выпускѣ, и возвращеніи сабли, онъ воскликнулъ, надѣвая ее: «она оправдаетъ меня!» Это восклицаніе было пере-

дано, перетолковано и Платова снова арестовали и посадили въ Петропавловскую крѣпость въ Петербургѣ, откуда вскорѣ онъ былъ выпущенъ. Съ возвращеніемъ милостей, онъ былъ опредѣленъ снова на службу и 15 сентября 1801 г. былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты съ назначеніемъ атаманомъ донскаго войска и пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степени. Въ званіи атамана, Платовъ занялся усовершенствованіемъ всѣхъ частей вѣреннаго ему войска; онъ далъ лучшее устройство сыскнымъ начальствамъ, стараясь опредѣлять къ должностямъ людей опытныхъ, исходатайствовалъ переводъ Войсковаго Управленія изъ стараго мѣста казачества на новое мѣсто, основавъ г. Новочеркасскъ; далъ правильное устройство донской артиллеріи.

Въ компанію 1805 г. Платовъ выступилъ за границу, но не успѣлъ принять участія въ битвахъ; по возвращеніи же на Донъ, пожалованъ 18 ноября 1806 г., орденомъ св. Александра Невскаго, а затѣмъ получилъ назначеніе командовать всѣми казачьими полками при арміи, собиравшейся тогда въ Пруссію. Прибывъ къ мѣсту своего назначенія, 26 января 1807 г., Платовъ на другой же день успѣлъ отличиться въ кровавомъ бою подъ Прейсишъ-Эйлау; потомъ неутомимо преслѣдовалъ французовъ отъ Ландсберга до Гельсберга; наконецъ мужественно прикрывалъ ретирату русскихъ войскъ къ Тильзиту, за что награжденъ алмазными знаками къ ордену св. Александра Невскаго и драгоцѣнною табакеркою съ портретомъ Императора Александра I; 22 ноября—орденомъ св. Георгія 2 класса, а отъ прусскаго короля—орденомъ Краснаго и Чернаго Орловъ и тоже драгоцѣнною табакеркою съ королевскимъ портретомъ. Въ 1809 г. Платовъ находился въ числѣ особъ, сопровождавшихъ Императора Александра I на Финляндскій сеймъ въ г. Борго; послѣ чего онъ былъ отправленъ къ Молдавской арміи и 29 былъ уже за Дунаемъ; въ августъ занялъ городъ Бабадахъ и принудилъ къ сдачѣ крѣпость Гирсово; 1 сентября получилъ орденъ св. Владимира 1 класса; 4 сентября содѣйствовалъ побѣдѣ князя Багратіона при Рассеватѣ, а 23 сентября самъ разгромилъ между Силистріею и Рущукомъ пятитысячный турецкій корпусъ, за что произведенъ въ генералы отъ кавалеріи.

Съ началомъ отечественной войны 1812 г., Платовъ, командуя всѣми казачьими полками, прикрывалъ со стороны Порѣчья и Рудни отступление нашей арміи; послѣ сраженія 4—6 августа у Смоленска, онъ составлялъ арріергардь соединившихся армій; 26 августа въ сраженіи подь Бородинымъ, онъ начальствовалъ правой оконечностью русской позиціи, откуда и пускалъ казаковъ въ знаменитую атаку генераль-адъютанта Уварова на лѣвый флангъ позиціи Наполеона, противъ вице-короля итальянскаго; при отступленіи отъ Москвы, снова пошелъ въ арріергардь, при чемъ у Можайска выдержалъ сильный натискъ кавалеріи короля Неаполитанскаго; 13 октября на р. Лужѣ, близъ Малоарославца, едва не захватилъ въ плѣнъ самого Наполеона; 19 октября подь Колоцкимъ монастыремъ опрокинулъ арріергардь маршала Даву, потерявшаго тутъ 27 орудій; 22 и 23 октября помогъ Милорадовичу разбить подь Вязмою соединенные корпуса Даву, Нея и вице-короля итальянскаго; 27 октября поразилъ на р. Вои вице-короля, у котораго отнял 23 орудія, за что 29 октября, возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство; 8 ноября добилъ остатокъ корпуса Нея на переправѣ чрезъ Дибиръ у Сырокоренья, 11 ноября занялъ Оршу; 15—Борисовъ; 28 истребилъ на Погулянкѣ близъ Вильно 30 тысячный непріятельскій корпусъ; 2 декабря нанесъ окончательное пораженіе французамъ у Ковно и немедленно переправился за Нѣманъ; а 1 января 1813 года былъ уже за Вислою, гдѣ и удостоился получить лестный рескриптъ Императора Александра I.

Начавъ компанію 1813 г. блокадою Данцига, графъ Платовъ, по Высочайшему повелѣнію, долженъ былъ сдать эту блокаду генераль-лейтенанту Левизу и, отправившись въ главную квартиру, оставался безъ дѣла при Императорѣ Александрѣ до Пойшвицкаго перемирія; 16 сентября разбилъ у Альтенбурга французскій корпусъ Лефевра и преслѣдовалъ его до Цейца; 4, 6 и 7 октября участвовалъ въ битвѣ подь Лейпцигомъ, за что получилъ орденъ Андрея Первозваннаго; 10 октября снова поразилъ Лефевра подь Веймаромъ; съ 16 по 19 октября помогалъ баварскому корпусу генерала Вреде

удерживать французовъ у Ганау, за что награжденъ богатымъ брилліантовымъ перомъ съ вензелемъ Императора Александра I и лаврами для ношенія на шапкѣ. Въ 1814 году, по вступленіи союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, графъ Платовъ, предводительствуя по прежнему легкими отрядами, ознаменовалъ себя новыми подвигами при Лаонѣ, Эпиналѣ, Шармѣ, взявъ Немуръ, дрался при Аренсѣ, полонилъ у Сезона отрядъ старой гвардіи Наполеона, занялъ Фонтенебло и явился въ Парижъ, откуда сопровождалъ Императора Александра въ Лондонъ, гдѣ англичане, восхищенные подвигами донскаго атамана, поднесли графу Платову богатую почетную саблю и назвали именемъ его корабль, тогда же спущенный на воду; кромѣ того члены Оксфордскаго университета поднесли атаману докторскій дипломъ.

Въ компанію 1815 г. графъ Платовъ, хотя и былъ вторично во Франціи, но не имѣлъ случая участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ; а съ водвореніемъ общаго мира прибылъ на Донъ.

Возвращеніе его въ Новочеркасскъ было триумфальнымъ шествіемъ: прежніе сослуживцы его (а ими были почти всѣ донцы) встрѣчали своего атамана съ хлѣбомъ-солью, съ восторгомъ и слезами радости; онъ ѣхалъ со стороны Кундрючья.

Недалеко отъ Черкасска, Платовъ слѣзъ съ коня и поднялся на курганъ, откуда видны были церкви города. Платовъ поклонился церквамъ земнымъ поклономъ три раза и громко проговорилъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ! послужилъ я царю и постраствовалъ на чужбинѣ довольно; теперь воротился на родину и молю Бога да успокоитъ онъ мои кости, на землѣ моихъ предковъ!» При этомъ, Платовъ захватилъ горсть родной земли и крѣпко поцѣловалъ ее.

Въ Черкасскѣ встрѣтили его генералы, офицеры, казачьи подли, духовенство, народъ со знаменами, съ колокольнымъ звономъ, пушечными выстрѣлами, криками «ура!»

Умеръ 3 января 1818 г. въ слободѣ Еланчинской, въ своемъ имѣніи, послѣ долговременной болѣзни, отъ простуды.

Въ первомъ часу по полудни съ 4 на 5 января въ Старочеркасскѣ, раздался унылый звонъ въ Петропавловской церкви по усопшемъ. 10 января было его погребеніе съ великолѣпною церемоніею: въ процессіи участвовалъ весь атаманскій полкъ, 1-я рота артиллеріи и множество конныхъ казаковъ изъ окружныхъ станицъ; гробъ несли съ Мишкинскаго двора до собора въ Новочеркасскѣ офицеры по перемѣно; съѣздъ къ погребенію былъ многочисленный. Первоначально погребень въ склепѣ при Новочеркасскомъ соборѣ, а затѣмъ близъ церкви на Мишкинской его дачѣ, въ трехъ верстахъ отъ Новочеркасска (нынѣ дача эта пожертвована архіерейскому дому.)

Въ 1853 г. 9 мая въ Новочеркасскѣ открытъ графу Платову бронзовый монументъ (работы барона Клодта); на гранитномъ пьедесталѣ надпись: «Атаману Графу Платову за военные подвиги съ 1770 по 1816 годъ признательные Донцы».

Графъ Платовъ былъ высокаго роста, крѣпкаго здоровья, бздокъ неутомимый, выносливъ, очень искусно владѣлъ оружіемъ, стрѣлокъ былъ замѣчательный, лично былъ храбръ; военныя же его способности видны изъ его дѣятельности.... Характера былъ вспыльчиваго, суетвренъ; смѣтливъ, отлично зналъ людей и, при находчивости, умѣлъ вполне приноравливаться къ нимъ; выдвинувшись, сталъ держать себя на должной высотѣ, въ разговорахъ часто употреблялъ фразу: «я вамъ скажу».

Прусскій король, цѣня заслуги Платова, повелѣлъ своей королевской фабрикѣ изготовить прекрасный столовый сервизъ и прислалъ его при лестномъ рескриптѣ Платову въ Петербургъ. На сервизѣ были изображены королевскій гербъ и всѣ выдающіеся военные подвиги Платова. Получивъ сервизъ, Платовъ представился нашему Государю и сказалъ: «не скрою отъ Вашего Величества, что я мало заслужилъ милости короля, тѣмъ не менѣе я не имѣю предѣловъ моей благодарности и преданности къ Его Августѣйшей Особѣ. Благоволите Государь разрѣшеніемъ излить мнѣ всенародно мою радость и признательность: позвольте на этомъ

королевскомъ сервизѣ угостить великихъ мужей государственныхъ, министровъ и пословъ всѣхъ націй; пусть они донесутъ своимъ государямъ, какъ ликуютъ Ваши вѣрноподданные и какъ они дорожатъ милостію не только своего Государя, но и чужаго; дозвольте намъ вышить за него по бокалу и назначьте, Государь, кого либо, изъ вельможъ Вашихъ хозяиномъ этого пира». Государь остался очень доволенъ намѣреніемъ Платова и назначилъ хозяиномъ пира канцлера графа Румянцева.

Какъ-то разъ послѣ обѣда у Императрицы Маріи Ѳедоровны, графъ уже откланиваясь, задѣлъ саблею нечаянно одну изъ дорогихъ фарфоровыхъ вазъ, стоявшихъ съ цвѣтами, да задѣлъ такъ, что она, упавъ, свалила еще нѣсколько и другихъ. Желая отскочить, Платовъ зацѣпился шпорами и едва не упалъ, еслибъ сама Императрица не поддержала его. «Государыня, сказалъ онъ, и паденіе мое меня возвышаетъ, потому что я имѣю счастье еще разъ поцѣловать ручку моей Монархини, премилосердной матери!» Замѣтивъ насмѣшливые взгляды придворныхъ, Платовъ сказалъ имъ: «вотъ пословица-то на дѣлѣ и сбывлась: говорятъ, что, если казакъ чего не возьметъ, такъ — разобьетъ; перваго я не знаю, а послѣднее и со мною сбылось!»

Однажды Коленкуръ, министръ Наполеона, получивъ портретъ своего повелителя, пригласилъ по этому случаю на обѣдъ нашихъ генераловъ Барклай-де-Толли и Платова. Увидя портретъ, графъ Платовъ, будто ненавидя Наполеона, вскричалъ довольно громко: «Экимъ шуткомъ написанъ». Офиціанты, знавшіе по русски, донесли кому слѣдуетъ и дѣло дошло до нашего Государя. Спрошенный объ этомъ Платовъ отвѣчалъ Его Величеству: «Государь! передъ Богомъ и передъ Вами ничего нѣтъ у меня сокрытаго. Что дѣлать? Я политики не знаю, а слово это какъ-то съ языка сорвалось; да я желалъ-бы, чтобы г. Коленкуръ совсѣмъ отъ меня отвязался и избавилъ меня отъ лишней чести своими приглашеніями; я непривыченъ къ французскимъ кушаньямъ; щи да каша — солдатская ѣда наша!»

Приобрѣтя довольно значительныя средства, Платовъ лю-

билъ помогать казакамъ. Любилъ охоту и особенно рыбную ловлю. Лошадей любилъ до страсти; заводъ его славился.

Образъ жизни его подъ старость былъ довольно странный: ложился спать часовъ въ 5 утра, вставалъ въ 8 и обѣдалъ въ 6 часовъ по полудни, причеиъ любилъ сидѣть за столомъ «по крайней мѣрѣ четыре часа». Наружность его была такова: волосы темные, глаза на выкатъ сѣро-голубые, быстрые и очень зоркіе, талія прямая и стройная, походка легкая. Вальтеръ-Скоттъ, англійскій писатель, подружившись съ нимъ въ Парижѣ, говоритъ, что онъ имѣлъ лицо, покрытое миллиономъ мелкихъ, едва замѣтныхъ морщинъ, какъ бы сдѣланныхъ булавкою. ¹⁰⁹⁾.

Графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ.

„Добрый конь подо мной,—Самъ Господь надо мной!“

Родился въ 1775 г. Онъ былъ сынъ Василія Петровича Орлова, бывшаго впоследствии генераломъ отъ кавалеріи и войсковымъ атаманомъ, и Дарьи Ѳедоровны, дочери знаменитаго графа Ѳедора Петровича Денисова. Не имѣя дѣтей, кромѣ этой дочери, графъ Денисовъ, съ Высочайшаго соизволенія, передалъ имѣніе и титулъ графа своему внуку, Василю Васильевичу. 12 лѣтъ, пошелъ онъ казакомъ на службу въ полкъ своего отца; 13 лѣтъ, уже въ чинѣ сотника служилъ на Турецкой границѣ, затѣмъ 15 лѣтъ—въ Петербургъ въ разѣздномъ полку; 16 лѣтъ—есауломъ, 17 войсковымъ старшиною. Благодаря совѣтамъ Державина, Василій Васильевичъ въ чинѣ войсковаго старшины сѣлъ на учебную скамью частнаго пансіона въ Петербургѣ восполнять свое довольно скудное образованіе и изучать исторію, географію, математику, французскій и нѣмецкій языки. Въ 1794 г. Орловъ пошелъ съ полкомъ Краснова въ Польшу, гдѣ въ 1798 г. получилъ чинъ подполковника, въ 1799 г. полковника и въ началѣ 1801 г. возвратился на Донъ.

Въ 1801 г., по ходатайству дѣда, возведенъ въ графское достоинство съ прибавленіемъ фамиліи «Денисова», же-

нился на дочери первого по времени министра финансовъ въ Россіи, графа Васильева. Въ 1807 г. графъ Орловъ-Денисовъ былъ въ походахъ и дѣлахъ; при преслѣдованіи маршала Нея отъ Гутштадта, 28 мая съ эскадрономъ лейбъ-казаковъ остановилъ сильную непріятельскую колону и опрокинулъ эскадронъ французскаго гвардейскаго конно-егерскаго полка; затѣмъ защитилъ переправу черезъ р. Алле; за эти дѣла награжденъ орденомъ св. Георгія, а 12 декабря того же года чиномъ генераль-маіора. Въ февралѣ 1808 г. назначенъ командиромъ л.-гв. казачьяго полка и отпращенъ въ Финляндію.

Тамъ, разбивая отряды, на плечахъ одного изъ нихъ ворвался въ г. Борго, а затѣмъ также и въ Гельсингфорсъ, при чемъ шведы въ страхъ бросили шесть заряженныхъ пушекъ, не успѣвъ выстрѣлить. Затѣмъ находился при блокадѣ русскими войсками Свеаборга, гдѣ перѣдло темными ночами подкрадываясь къ самымъ стѣнамъ крѣпости, открывалъ отважную пальбу съ барабаннымъ боемъ. По взятіи Свеаборга, графъ Орловъ-Денисовъ храбро и неутомимо занималъ береговья пространства Финляндіи, имѣя уже цѣлый отрядъ и 2 орудія. По болѣзни, онъ вынужденъ былъ, «къ общему сожалѣнію», просить увольненія, заслуживъ громкую извѣстность своимъ мужествомъ и энергіею. Въ 1811 г. онъ былъ награжденъ званіемъ генераль-адъютанта. Въ 1812 г., лишь французы перешли Нѣманъ, онъ первый съ своими лейбъ-казаками встрѣтилъ ихъ выстрѣлами и затѣмъ почти въ ежедневныхъ схваткахъ съ ними онъ показалъ свою отвагу, полонивъ въ числѣ другихъ полковника Сегюра, принца Гогенлоэ. А подъ Витебскомъ онъ съ своимъ полкомъ и черноморскою сотнею атаковалъ три французскіе полка и гналъ ихъ съ такою храбростію, что четыре лейбъ-казака, гоня за ними, вскочили на батарею, гдѣ стоялъ Наполеонъ. Эти четыре храбреца были взяты въ плѣнъ; въ схваткахъ онъ получилъ тяжелую контузію въ шею. Но особенно отличился онъ, командуя уже нѣсколькими полками и орудіями, въ дѣлѣ съ Мюратомъ подъ Лубинымъ, гдѣ самъ лично не разъ водилъ въ атаку и казаковъ и гусарь, гдѣ далъ по-

нять пѣхотѣ, что отступленія не будетъ, гдѣ послалъ сказать своему главнокомандующему, что «до ночи не уступить Мюрату ни шагу». Онъ отличился и подъ Бородинымъ, и особенно подъ Тарутинимъ, гдѣ, отгѣснивъ французовъ, отбилъ у нихъ весь лагерь и 38 пушекъ. Бенигсенъ доносилъ по этому случаю Кутузову: «графъ Орловъ-Денисовъ вель себя самымъ блистательнымъ образомъ. Его храбрость дѣлаетъ честь российскому оружію...» За Тарутино онъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. При отступленіи Наполеона, Орловъ-Денисовъ шелъ на одной высотѣ съ нимъ и затрудняя движеніе, производилъ атаки, ежедневно отбивалъ плѣнныхъ и обозы, отхватилъ одно орудіе и тайную канцелярію Наполеона; около Ляхова 2000 бригада генерала Ожеро, 60 офицеровъ и онъ самъ сдались Орлову-Денисову послѣ кровопролитной схватки, гдѣ было снято съ убитыхъ французовъ 700 кирасъ. По дорогѣ къ Красному онъ полонилъ до 1300 человекъ, взялъ 100 лошадей, 400 телѣгъ съ виномъ и хлѣбомъ и стадо рогатаго скота. 2 Ноября съ отрядомъ своимъ смялъ непріятельскую колону и взялъ въ плѣнъ 3 генераловъ и 4 орудія. Заболѣвъ, онъ поѣхалъ въ саняхъ съ извѣстнымъ лейбъ-медикомъ Вилліе, сопровождаемый однимъ урядникомъ лейбъ-казачьяго полка. На дорогѣ онъ встрѣтилъ вооруженную непріятельскую колону, послалъ урядника требовать сдачи и по первому вызову, 400 французовъ, побросавъ ружья и тесаки, сдались. Затѣмъ онъ съ Платовымъ весьма энергично преслѣдовалъ непріятеля, отбивалъ знамена, штандарты, обозы, и забиралъ плѣнныхъ во множествѣ...

«Трофеямъ не вели счета, по множеству ихъ».

На Понарской горѣ онъ съ Платовымъ отбилъ несмѣтные обозы и наконецъ выгналъ изъ Ковно послѣдній отрядъ непріятеля: какъ видно, Орлову-Денисову суждено было въ 12 году встрѣтить перваго непріятеля и выгнать послѣдняго.

Въ походѣ 1813 г. онъ былъ начальникомъ охранительной стражи Императора Александра I. 4 октября того же года онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ нашей побѣды подъ Лейпцигомъ, гдѣ въ самый страшный моментъ боя (наши пушки умолкали, 30 орудій было уже въ рукахъ

французовъ, центръ былъ прорванъ и громадная масса кавалеріи непріятеля неслась, поражая нашихъ недалеко отъ Императора Александра I). Государь приказалъ лейбъ-казакамъ прикрыть нашу батарею. Графъ Орловъ-Денисовъ, возвращаясь съ исполненіемъ особаго порученія, догналъ лейбъ-казаковъ, перенесся съ ними въ одинъ конь черезъ узкую плотину по болоту, выстроилъ полкъ (не болѣе 400 казаковъ) и ударилъ на непріятеля; подоспѣли два прусскихъ полка. Громада враговъ дрогнула и остановилась, а черезъ нѣсколько минутъ, загремѣли 112 орудій нашей артиллеріи и побѣда была вырвана у Наполеона. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи враговъ Орловъ-Денисовъ принималъ дѣятельное участіе. До чего отваженъ былъ этотъ казакъ, можно судить по слѣдующему: иногда скучая бездѣйствіемъ при главной квартирѣ, онъ отправлялся, никого не предупредивъ, въ передовую цѣпь и, взявъ съ собою двухъ, трехъ казаковъ, приближался съ саблею или пикою въ рукѣ къ непріятельской цѣпи и вызывалъ французовъ испытать съ ними силы одинъ на одинъ. Натѣшась такимъудальствомъ онъ возвращался въ главную квартиру. Государь, узнавъ такіе подвиги удалца, отечески журилъ его... Императоръ рѣшился, опережая свое войско, отправиться въ Парижъ, что составляло болѣе 200 верстъ пути въ непріятельской странѣ.

Графъ Орловъ-Денисовъ успѣлъ выслать по 50 казаковъ на каждую почтовую станцію, а самъ на конѣ, съ исполномъ лейбъ-казакомъ, скакалъ около экипажа Государя, охраняя его и нигдѣ не отставая, а часто и опережая. Императоръ австрійскій и король прусскій, ѣхавшіе съ нашимъ Государемъ, неоднократно говорили ему, что они ничего подобнаго не только не видавали, но и вообразить себѣ не могли: такъ поражалъ ихъ своею неутомимостью лихой казакъ!

Умеръ 24 января 1843 г. 67 лѣтъ.

Онъ былъ красивъ собою; вспыльчивъ, гостепріимень и любезень; въ молодости любилъ широко пожить. Сердца былъ добраго; духъ имѣлъ мужественный и весьма рѣшительный. Казаковъ любилъ «восторженно». ¹¹⁰).

Генераль Гавріиль Амвросіевичъ Луковкинъ.

Кавалеръ орденовъ: св. Анны 1 степ., съ алмазами, св. Владиміра 2 ст., св. Георгія 3 класса и Прусскаго Краснаго Орла 2 степени, имѣющей золотую, алмазами украшенную саблю, съ надписью «за храбрость» и серебряныя медали въ память 1812 г. и взятія Парижа, Гавріиль Амвросіевичъ Луковкинъ, сынъ генерала донскаго войска, родился въ 1772 г.; учился чтенію и писемъ, но болѣе упражнялся въ верховой ѣздѣ: 12 лѣтъ записанъ въ службу казакомъ. Тринадцатилѣтній Луковкинъ, уже въ чинѣ полковаго есаула, былъ въ походѣ Суворова за Кубань, но въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ. Въ 1785 г. онъ былъ войсковымъ есауломъ, въ 1787 г. произведенъ въ войсковыя старшины, и въ этомъ чинѣ, командуя полкомъ своего имени, въ 1790, 91 и 92 годахъ, ходилъ къ Кубани, гдѣ часто имѣлъ схватки съ закубанцами. Особенно замѣчательнъ подвигъ, совершенный имъ въ сентябрѣ 1790 г. Въ сраженіи близъ Малаго Зеленчука, Луковкинъ выдержалъ жестокой напоръ непріятельской конницы, и опрокинулъ ее, и въ преслѣдованіи отбилъ два знамя и пушку съ заряднымъ ящикомъ, и полонилъ самаго сержанта Баталь-пашу, вмѣстѣ съ десятью человекъми его свиты, въ числѣ коней былъ одинъ кадій. Наградой 18-ти лѣтняго юноши былъ преміеръ-майорскій чинъ. Въ 1797 г. Луковкинъ, 25 лѣтъ, былъ произведенъ въ подполковники, а въ 1799 г., его произвели въ полковники, и въ томъ же году онъ уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ.

Проведя девять лѣтъ въ отставкѣ, Луковкинъ въ 1808 г. опять вступилъ въ службу. Въ Высочайшемъ указѣ по сему случаю сказано, что Луковкинъ принимается, «по отличной его способности къ службѣ». Бывъ назначенъ бригаднымъ командиромъ донскихъ полковъ въ молдавской арміи, онъ пошелъ съ главнымъ ея корпусомъ въ 1809 г. подъ Браиловъ, гдѣ и отличился въ арріергардномъ дѣлѣ противъ турокъ, вышедшихъ изъ Браилова, для преслѣдованія нашихъ войскъ. Потомъ Луковкинъ находился при взятіи Бабадага,

при покореніи крѣпостей Гирсова и Кюстенджи Въ сраженіи 4 сентября при Рассеватѣ, онъ, командуя особымъ казачьимъ отрядомъ, содѣйствовалъ нашей побѣдѣ, и былъ посланъ въ Петербургъ, съ донесеніемъ Императору Александру объ этомъ сраженіи и со взатыми въ немъ 30 знаменами. Императоръ пожаловалъ ему брилліантовый перстень.

Въ 1810 г., онъ получилъ въ начальство Донской казачій полкъ и командовалъ потомъ, сверхъ своего, еще двумя Донскими полками. Во время вылазки турокъ изъ Шумлы, Луковкинъ бросился на непріятелей въ виду главнокомандующаго, опрокинулъ и гналъ ихъ до укрѣпленій, а потомъ въ стройномъ порядкѣ отошелъ на позицію. Подвигъ этотъ, объявленный въ особомъ приказѣ графа Каменскаго по арміи, доставилъ Луковкину орденъ св. Георгія 4 класса. Черезъ мѣсяць, въ дѣлѣ съ верховнымъ визиремъ, вышедшимъ изъ Шумлы, Луковкинъ, вѣзавшись въ рады турокъ, разбѣгалъ ихъ, усталъ трунами ихъ поле сраженія, забралъ много плѣнныхъ и отбилъ два знамени. Въ половинѣ октября онъ участвовалъ въ покореніи Систова и Никополя. Затѣмъ командовалъ аванпостами впереди Рущука. «Привыкнувъ съ молодыхъ лѣтъ на Кавказѣ къ строгой осторожности противъ непріятеля, рассказываетъ самъ Луковкинъ, я сдѣлался чрезъ то извѣстнымъ моимъ начальникамъ и пользовался ихъ расположеніемъ и довѣріемъ во всѣхъ войнахъ Россіи въ царствованіе Александра. Полагая великою важною оберегать аванпостами спокойствіе арміи и сдѣлать недоступными для непріятеля, свѣдѣнія о ея дѣйствіяхъ я старался убѣдить въ томъ моихъ подчиненныхъ и приказывалъ доносить мнѣ о всемъ, замѣченномъ на аванпостахъ, какъ бы оно ни казалось ничтожнымъ. Такъ, въ 1811 г., когда корпусъ Эссена занималъ Рущукъ, я, командуя двумя полками, держалъ аванпосты противу Турокъ, приближавшихся отъ Разграда. Турки нѣсколько разъ безуспѣшно напали на мои аванпосты, чтобы достать свѣдѣніе о нашей арміи. За нѣсколько дней до прихода визиря къ Рущуку, три казака, выѣхавшіе далеко впередъ, на курганъ, гдѣ только днемъ становился пикеть, замѣтили на утоптанной землѣ слѣдъ

турецкой подковы, по направленію къ ночнымъ аванпостамъ, вблизи которыхъ не было ни балокъ, ни лѣсовъ, гдѣ могъ бы укрыться непріятель, а небольшое пространство густаго и колючаго кустарника до сихъ поръ считалось неприступнымъ. Офицеръ, командовавшій аванпостными резервами, донесъ о томъ мнѣ, и по распоряженію моему, получивъ въ усиленіе 15 казаковъ, окружилъ кустарникъ. Спѣшившіеся казаки и уланы резервнаго эскадрона Чугуевского полка, прибывшіе ко мнѣ съ флигель-адъютантомъ Бенкендорфомъ, проникли въ кустарникъ съ пиками въ рукахъ. Открытые ими турки пустились бѣжать; настигнутые казаками, девять отборныхъ наѣзтниковъ были убиты; одинъ только Дервишъ-ага, вызвавшійся визирю Ахмету не возвращаться безъ языка, былъ полоненъ».

Послѣ Рущукскаго сраженія, Кутузовъ перевелъ армію на лѣвый берегъ Дуная, куда заманивъ верховнаго визиря, стѣснилъ его армію такъ, что она пришла въ самое бѣдственное положеніе. Желая еще болѣе навести страхъ на верховнаго визиря, бѣжавшаго изъ своего лагеря, Кутузовъ велѣлъ начальнику отряда, генералу Гамперу перейти черезъ Дунай и овладѣть Туртукаемъ и Силистрію. Генералъ Гамперъ возложилъ на Луковкина взятіе Силистріи, подкрѣпивъ его двумя эскадронами Смоленскаго драгунскаго полка и 500 болгарами и запретивъ брать съ собою знамена и пушки. «Я увѣренъ въ вашей опытности», писалъ ему Гамперъ, «и безъ сомнѣнія полагаю потому благополучный успѣхъ». Луковкинъ собралъ въ окрестныхъ селеніяхъ рыбацья суда, связалъ ихъ по два вмѣстѣ, и такимъ образомъ, устроивъ изъ нихъ паромы, въ темную ночь подъ 12 октября переправилъ черезъ Дунай, выше Силистріи, два баталіона Козловскаго полка, два эскадрона Смоленскихъ драгунъ и бывшихъ въ отрядѣ казаковъ. Въ то же время часть болгаръ перешла ниже крѣпости. На разсвѣтѣ драгуны и казаки заняли высоты впереди Силистріи. Появленіе ихъ произвело неописанное смятеніе въ крѣпости; въ то самое время скрытно подходили къ Силистріи вдоль Дунайскаго берега, съ одной стѣбаны баталіоны Козловскаго полка, а съ другой бол-

гары. Мгновенно взобрались козловцы на валъ и съ барабаннымъ боемъ ворвались въ городъ; занимавшая возвышенія конница двинулась къ Силистріи, а болгары начали тѣснить встрѣченныя ими у воротъ толпы. Турки оборонялись на улицахъ, но безпорядочная защита не могла долго продолжаться. Черезъ часъ Луковкинъ овладѣлъ крѣпостью. Трофеями были 1000 пѣшыхъ, 12 орудій, въ томъ числѣ 8 мѣдныхъ совсѣмъ новыхъ, 8 знаменъ, арсеналь, перевозныя суда и большая добыча. Самъ храбрый наша Илликъ-Оглу едва спасся бѣгствомъ по Шумлинской дорогѣ. Конвой его былъ настигнуть и частью изрубленъ, частью плененъ. Императоръ Александръ наградилъ Луковкина орденомъ св. Владиміра 3-й степени, повелѣвъ помѣстить въ грамотѣ, что награда сія пожалована ему: «за отличную храбрость, мудрое распоряженіе и присутствіе духа, чрезъ которыя покорена Силистрія».

Послѣ переправы Наполеона черезъ Березину, Луковкинъ поступилъ въ авангардъ арміи Чичагова къ генералу Чаплицу. Принявъ начальство надъ четырьмя казачьими полками и находясь съ ними въ преслѣдованіи французовъ отъ Березины до Вильны, Луковкинъ безпрерывно тревожилъ и утомлялъ бѣгущихъ непріятелей и не давалъ имъ времени для сна и пищи. Трофеями Луковкина были два гвардейскіе штандарта, 70 пушекъ и множество пѣшыхъ, коимъ наконецъ перестали вести счетъ.

«На одномъ переходѣ, разсказываетъ Луковкинъ, я испросилъ позволеніе взять изъ авангарда два орудія, подъ которыя запрегъ лучшихъ казачьихъ лошадей. Въ первой отъ почлега лѣсистой балкѣ, я сдѣлалъ натискъ на стрѣлковъ, занявшихъ рѣдкій лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги, и раздвинувъ шедшія походной колонной полки, открылъ пальбу по пѣхотѣ, старавшейся вывозить на крутой выѣздъ изъ балки орудія и экипажи. Колонны французовъ, остановившіяся за балкой, на привалѣ, испуганныя картечью и неожиданнымъ появленіемъ орудій, бросили обозъ и артиллерию, стоявшіе въ балкѣ и уже вывезенные на гору въ оставленныхъ экипажахъ нашли мы сахаръ, чай, вино, сыръ

и проч. Послѣ скуднаго утра наступилъ у насъ изобильный вечеръ. Генералъ Чаплиць, пришедшій къ вечеру того дня съ авангардомъ, благодарилъ меня и разсказалъ, что ему много стоило трудовъ и остановки, чтобы очистить войскамъ дорогу черезъ лѣсъ, загроможденную орудіями, пороховыми ящиками и разнаго рода экипажами, отбитыми мною у французовъ».

По взятіи Вильны, Луковкинъ слѣдовалъ при отрядѣ Платова, тѣснившемъ французовъ до Ковно, опрокидывая непріятельскіе пикеты и преслѣдуя ихъ.

Послѣ Высочайшаго смотра въ Калышѣ, Императоръ Александръ, по непосредственному своему выбору, ввѣрилъ Луковкину три казачьихъ полка, для занятія постовъ на границѣ Пруссіи. Выступя по этому назначенію, Луковкинъ узналъ, что въ Ченстоховѣ находится князь Понятовскій съ 1000 человекъ конницы, такимъ же числомъ пѣхоты и 18 орудіями. Передъ разсвѣтомъ Луковкинъ приблизился къ Ченстохову, окружилъ его и сбилъ непріятельскіе пикеты. Озабоченный везаннымъ появленіемъ казаковъ, Понятовскій оставилъ въ Ченстоховской крѣпости 800 человекъ пѣхоты и 18 пушекъ, а съ остальными войсками спѣшилъ уходить къ Кракову, преслѣдуемый Луковкинымъ до австрійской цѣппы. Имѣя запрещеніе вступать въ дѣло съ австрійцами, Луковкинъ прекратилъ преслѣдованіе.

Затѣмъ Луковкинъ получилъ приказаніе идти ночью къ селенію Колькректу и разбить расположившійся тамъ полкъ французскихъ драгуновъ. Оставя одинъ полкъ казаковъ въ авангардѣ начальника отряда для прикрытія его пикетами, Луковкинъ съ другими своими полками понесся къ селенію и на разсвѣтѣ ударилъ на непріятеля, стоявшаго оплошно. Изъ всего французскаго драгунскаго полка окруженнаго казаками, не спасся ни одинъ человекъ. Большая часть людей была убита, а командиръ полка, нѣсколько офицеровъ и 165 рядовыхъ взяты въ плѣнъ. Затѣмъ узнавъ, что шесть эскадроновъ французской конницы безопасно подходили къ Колькректу, Луковкинъ оставилъ въ селеніи одинъ изъ своихъ полковъ для охраны плѣнныхъ драгунъ, а съ прочими шестью двинулся противъ шедшаго непріятеля, не далъ ему

выстроиться, опрокинулъ и гвалъ его до Гроссенгейна, гдѣ бѣжавшіе скрылись за встрѣченною ими французскою пѣхотою. Вскорѣ подошелъ къ Гроссенгейну авангардъ Васильчикова, и усмотрѣна была перестрѣлка полковника князя Мадатова съ 15 эскадронами французовъ. Луковкинъ тотчасъ перешелъ съ казаками черезъ рѣку, отдѣлявшую его отъ князя Мадатова, скрытно обскакалъ непріятели и ударилъ на него съ фланга. Французы дрогнули и дали тылъ. Соединенные отряды князя Мадатова и Луковкина гнали ихъ неослабно. За блистательныя авангардныя дѣйствія, Луковкинъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1 ст.

Въ первый день Лейпцигской битвы 4 октября Луковкинъ, съ четырьмя полками ударилъ на конный отрядъ, оставшій отъ корпуса маршала Нея, опрокинулъ его и захватилъ три пушки. На другой день, въ присутствіи фельдмаршала Блюхера, близъ селенія Эйтрицъ, ударилъ онъ съ 8 полками на многочисленную французскую конницу, сбилъ ее съ позиціи и прогналъ за пѣхоту, стоявшую въ готовности къ бою. Въ оба эти дни и въ день главной битвы 6 октября, Луковкинъ почти постоянно сражался съ французами, а по ночамъ содержалъ передовую цѣпь. Когда потомъ, отступавшій изъ Лейпцига Наполеонъ приказалъ уничтожить всѣ мосты на Эльстерѣ, Луковкинъ первый открылъ мѣсто, гдѣ, хотя съ трудомъ, но можно было переправиться. Догадавшись о уходѣ непріятельской арміи по потухающимъ огнямъ, Луковкинъ, передъ разсвѣтомъ на 8 октября, съ 8 казачьими полками, скрытно подошелъ къ Маркранштету, ударилъ на безпечно расположившуюся тамъ пѣхоту, произвелъ въ ней большое смятеніе и полонилъ 13 офицеровъ и до 200 рядовыхъ. Подвиги Луковкина были награждены орденомъ св. Георгія 3 класса.

Послѣ лейпцигскаго сраженія, Луковкинъ разбилъ находившійся у Нейштадта конный непріятельскій отрядъ и и взял пѣвныхъ. Близъ Тюркгейма, онъ разбилъ французскую кавалерійскую бригаду и полонилъ командовавшаго ею полковника и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Затѣмъ участвовалъ въ кровопролитномъ Монмиральскомъ сраженіи. Къ

концу этой битвы, Луговкинъ, находясь съ двумя казачьими полками у селенія Марше, былъ отрѣзанъ французами. Онъ не только пробился сквозь ряды непріятели, но еще прикрылъ отступленіе равномѣрно отрѣзанной нашей дивизіи Талызина. Затѣмъ онъ участвовалъ въ Краонскомъ сраженіи, гдѣ непріятельское ядро такъ сильно контузило его въ лѣвую руку, выше локтя, что онъ страдалъ отъ боли двѣ недѣли, но не оставлялъ своего полка, а черезъ день уже дѣйствовалъ въ Лаонскомъ сраженіи. Участвовалъ въ знаменитой Фершампенуазской битвѣ. Вступивъ въ Парижъ, Александръ пожаловалъ Луговкину алмазные знаки ордена св. Анны 1 степ., объявивъ ему два благоволенія, а король прусскій наградилъ его орденомъ Краснаго Орла 2 степ. Тогда же Луговкинъ былъ посланъ на дорогу къ Фонтенебло для содержанія передовой цѣпи противъ бывшей тамъ арміи Наполеона.

По окончаніи войны, Луговкинъ слѣдовалъ къ Майнцу, гдѣ принялъ подъ свое начальство 12 казачьихъ полковъ и довелъ ихъ до Веймара. Далѣе не могъ онъ слѣдовать съ войскомъ, такъ какъ почувствовалъ ослабленіе своего здоровья. Сакенъ уволилъ его для излеченія въ Варшаву. Не получивъ здѣсь облегченія, Луговкинъ поѣхалъ на берега роднаго ему Дона и послѣ того уже не являлся на поляхъ битвъ. ¹¹³⁾

Генераль Василій Дмитріевичъ Иловайскій 12-й.

Сынъ наказнаго атамана войска донскаго, Василій Дмитріевичъ родился въ 1785 г.; пяти лѣтъ былъ зачисленъ въ Атаманскій полкъ; семи лѣтъ произведенъ прямо въ есаулы; 12-ти определенъ во 2-й кадетскій корпусъ, откуда выпущенъ съ чиномъ есаула и вступилъ на дѣйствительную службу съ 1801 г. Изъ многочисленныхъ его подвиговъ укажемъ на важнѣйшіе: въ первый разъ Иловайскій вступилъ въ дѣло съ французами 8 Декабря 1806 г. у Плонска; 14 января 1807 г. встрѣтивъ недалеко отъ Гогенштейна эскадронъ французскихъ конныхъ егерей, онъ

разбилъ его и взялъ въ плѣнъ капитана и 24 рядовыхъ; затѣмъ рубился съ французами подъ Эйлау, за что и награжденъ установленнымъ въ память этой битвы золотымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ; 27 апрѣля, переправясь черезъ р. Алле вплавъ, Иловайскій разбилъ непріятельскій пикеть; опасаясь той же участи, другой пикеть спасся бѣгствомъ; 24 мая въ сраженіи подъ Гутштатомъ, переплывъ съ охотниками черезъ рѣку Алле, выбилъ изъ окоповъ непріятельскіе пикеты, положилъ многихъ на мѣстѣ и взялъ въ плѣнъ одного офицера и 30 рядовыхъ; на другой день во время преслѣдованія непріятели за Пассаргу, онъ отбилъ у него пушку, офицера и 44 рядовыхъ.

Въ войнѣ 1806 и 1807 г. кромѣ Василя Дмитріевича Иловайскаго, участвовали шесть его родныхъ братьевъ. Однажды, въ Тильзитѣ, во время переговоровъ съ Наполеономъ, Платовъ представилъ Императору Александру, въ присутствіи прусскаго короля, всѣхъ семерыхъ Иловайскихъ. Государь, обратясь къ королю, сказалъ: «Вотъ какъ у меня служатъ донцы: семь сыновей у отца, и всѣ они здѣсь на лицѣ».

Въ 1808 г. Иловайскій 12 держалъ кордонъ на прусской границѣ, а потомъ пошелъ въ Молдавскую армію. 1 января 1809 г., онъ былъ произведенъ въ войсковые старшины (24 лѣтъ); 29 іюля того же года, онъ перешелъ черезъ Дунай и принялъ участіе въ рядѣ схватокъ и дѣлъ, командуя полкомъ. На маршѣ отъ Гирсова къ Силистріи 30 августа, до 2000 турокъ выслали изъ своего лагеря при Рассеватѣ и яростно напали на казаковъ, шедшихъ впереди арміи. Отступая, Иловайскій заманилъ непріятелей въ засаду, гдѣ былъ поставленъ другой казачій полкъ и ударилъ на нихъ. Турки долго сопротивлялись, но были опрокинуты и преслѣдованы черезъ Траяновъ валъ, до самаго лагеря, потерявъ много убитыми и плѣнными, въ числѣ ихъ племянника сераскира, командовавшаго войсками въ Рассеватѣ. Черезъ день толпа турокъ, до 4000 конныхъ и пѣшихъ, выйдя изъ лагеря, возобновила атаку на передовые наши посты, но опять была удержана Иловайскимъ, который, опрокинувъ турецкую конницу на пѣхоту, своеручно пора-

жалъ бѣгущихъ. За это блестящее дѣло Иловайскій награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. 4 сентября турки, разбитые на голову, бросили весь свой лагерь и опростомельно бѣжали къ Силистріи, устлая путь своими трунами. Въ этомъ сраженіи Иловайскій, начальствуя охотниками изъ казаковъ, на правомъ нашемъ крылѣ, атаковалъ появившуюся изъ окрестностей конную толпу турокъ, отбросилъ ее, врѣзался въ пѣхоту, выгналъ ее изъ окоповъ и взялъ пушку. Затѣмъ, онъ опять разбилъ собравшуюся пѣхоту и конницу и овладѣлъ двумя орудіями; разбитыхъ и спасавшихся бѣгствомъ турокъ онъ преслѣдовалъ на 30 верстъ по лѣсамъ и болотамъ, и возвратился съ плѣнными и съ 5 отбитыми знаменами; на другой день напалъ на турокъ, бѣжавшихъ къ Кузгуну и захватилъ еще 4 орудія, 13 зарядныхъ ящиковъ и запасы хлѣба. 10 сентября онъ вызвалъ охотниковъ изъ казаковъ, переправился съ ними впасть черезъ Дунай, вступилъ на одинъ изъ его острововъ и истребилъ до послѣдняго человѣка, находившихся на немъ турокъ; въ концѣ сентября онъ, командуя полкомъ своего имени, былъ подъ Силистрію, затѣмъ подъ Базарджикомъ; 22 мая, разбитые и вытѣсенные изъ этого города турки бросились конными толпами на Шумлинскую дорогу; Иловайскій понесся за ними и, преслѣдуя ихъ 20 верстъ, разсѣялъ совершенно, причемъ захватилъ три знамени и 98 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного пашу и 22 чиновныхъ турокъ. Чинъ подполковника былъ наградою Иловайскому за этотъ подвигъ. 26 августа въ сраженіи при Батинѣ Иловайскій дѣйствовалъ на лѣвомъ крылѣ, взялъ пушку и пять знаменъ, а вечеромъ, по окончаніи битвы, преслѣдуя турокъ, взялъ еще три знамени. За этотъ подвигъ онъ награжденъ чиномъ полковника. Для нанесенія рѣшительнаго удара турецкой арміи, Кузубовъ послалъ въ тылъ ей на правый берегъ Дуная къ Рущуку корпусъ Маркова, въ коемъ былъ Иловайскій съ двумя казачьими полками. Для облегченія переправы и выгрыша времени, Иловайскій, съ разрѣшенія начальства, на разсвѣтъ переплылъ быстрый и широкій Дунай и появился передъ лагеремъ визиря. Принявъ казаковъ за быкновенные

разъѣзды, турки ударили на нихъ и потѣснили, но къ удивленію своему, увидѣли за ними русскую пѣхоту, шедшую стройными рядами. Двѣ или три минуты турки были «въ остоленѣломъ созерцаніи». Иловайскій ударилъ на нихъ, ворвался въ лагерь визиря и, пока подходила наша пѣхота, захватилъ множество пѣнныхъ, 2 мортиры, 7 пушекъ, 12 знаменъ и великолѣпную палатку визиря, которую Кутузовъ потомъ послалъ въ Петербургъ.

Въ іюлѣ 1812 г. Иловайскій начинаетъ сражаться противъ французовъ. Онъ съ особенною храбростью участвовалъ въ дѣлахъ при Романовѣ, подъ Велижемъ, при Пойбчи, поражая непріятеля и захватывая пѣнныхъ. Когда французы были въ Москвѣ, то Иловайскій, стоя въ авангардѣ, былъ къ нимъ ближе всѣхъ, почему и разсылалъ постоянно партіи, приводившія къ нему пѣнныхъ. Напр. у дер. Химки онъ атаковалъ ночью непріятельскій авангардъ, разбилъ его, преслѣдовалъ нѣсколько верстъ, взялъ въ плѣнъ 270 человекъ; за храбрость въ этихъ дѣлахъ, дѣятельность и искусное распоряженіе—произведенъ въ генераль-маіоры. (27 лѣтъ).

При вступленіи первымъ въ оставленную непріятелемъ Москву, Иловайскій былъ атакованъ у Петровскаго дворца 1500 человекъ непріятелей. Ударивъ во флангъ, Иловайскій разбилъ эту партію, гналъ до самаго города, положилъ на мѣстѣ 50 чел. и взялъ въ плѣнъ 62. Донося объ этомъ Государю, очевидецъ, генералъ Винцегерде, прибавляетъ: «я не могу довольно нахвалиться искусствомъ и мужествомъ генераль-маіора Иловайскаго 12 и полковъ ему вѣранныхъ.... Привыкнуши всегда считать венгерскую конницу первою въ мірѣ, послѣ видѣнной мною атаки Иловайскаго, я долженъ отдать преимущество казакамъ передъ венгерскими гусарами». Идя впереди Кутузова за отступившимъ непріятелемъ, Иловайскій, 28 октября, у Духовщины атаковалъ французскаго-генерала Сансона и взялъ его въ плѣнъ почти со всѣми его офицерами, 280 нижнихъ чиновъ и отбилъ при этомъ 10 орудій; близъ Орши захватилъ въ плѣнъ болѣе 500 чел., а ночью у Ковно полонилъ 1 генерала, 202

штабъ и оберъ-офицера и 2262 рядовыхъ. Въ заграничномъ походѣ 13 и 14 гг. оны принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ и особенно въ преслѣдованіяхъ разбитаго непріятели. На пути къ Кульму, Иловайскій окружилъ своимъ полкомъ отступавшаго маршала Вандама и—взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ генераломъ Гаксо, множествомъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ и 8 орудіями. Вандамъ былъ полоненъ офицерами Иловайскаго полка: есауломъ Бирюковымъ и Хорунжимъ Александровымъ, награжденными за это Владимірскими крестами. Приведенный казаками къ нашему Государю, Вандамъ сошелъ съ лошади и поцѣловалъ ее; между тѣмъ, самъ Иловайскій, продолжая преслѣдованіе, захватилъ еще 400 чел. и пушку.

6 октября, наканунѣ покоренія Лейпцига, Императоръ Александръ, убѣжденный въ скоромъ бѣгствѣ Наполеона, сказалъ Иловайскому: «Видишь, побѣда наша. Опреди неприятельскую армію, разрушай мосты и гати и тѣмъ останавливай ее; словомъ, наноси ей возможный вредъ. Но гдѣ же ты переправишься черезъ рѣку? Мостъ въ Лейпцигѣ занятъ неприятелемъ». «Государь!» отвѣчалъ Иловайскій, «казакамъ рѣка—не преграда: переправимся вылавъ».—Поблагодаривъ Иловайскаго за усердную службу и взявъ его за руку, Монархъ подвелъ его къ фельдмаршалу князю Шварценбергу, предлагая дать ему надлежащее наставленіе. «Ваше Величество избрали, а миѣ остается только ожидать успѣха», отвѣчалъ князь Шварценбергъ. Потомъ Императоръ, съ тѣмъ же предложеніемъ, подвелъ Иловайскаго къ королю прусскому и, получивъ подобный же отзывъ, повторилъ приказаніе свое: сколько возможно дѣйствовать впереди непріятели и стараться останавливать головы его колонъ, чтобы союзныя войска удобнѣе могли его преслѣдовать. Обратясь потомъ къ начальнику своего главнаго штаба, князю Волконскому, Государь велѣлъ снабдить Иловайскаго картою, но узнавъ, что у него есть карта, взятая въ обозѣ Бертрана, желалъ видѣть ее и, посмотрѣвъ, передалъ князю Волконскому. Карта сія была вновь составлена и находилась только у Наполеона и у нѣкоторыхъ изъ его маршаловъ, почему

князь хотѣлъ оставить ее въ главной квартирѣ, а Иловайскому дать другую, но Императоръ велѣлъ возвратить ее, сказавъ: «Ему она нужнѣе: онъ пойдетъ впередъ, а мы будемъ назадъ».

Исполняя повелѣніе Монарха, Иловайскій переправился съ двумя донскими полками черезъ рѣку; пошелъ впереди войскъ Наполеона, по направленію къ Франкфурту; истреблялъ дорогою мосты и магазины, заваливалъ, чѣмъ могъ, столбовую дорогу и имѣлъ частыя схватки съ непріятельскими отрядами. Октября 12 онъ остановился у Веймара, куда Наполеонъ, во время перехода своего изъ Бутельштета въ Эрфуртъ, послалъ большой конный отрядъ генерала Лефевра. Пользуясь густымъ туманомъ, Лефевръ подошелъ незамѣтно къ Веймару и ворвался въ городъ, но былъ храбро принятъ донцами, изъ корпуса графа Платова. На улицахъ произошла рубка. Французы были опрокинуты и, выходя изъ города, встрѣчены Иловайскимъ, который довершилъ ихъ пораженіе. Выступивъ изъ Веймара, Иловайскій имѣлъ удачное дѣло съ конною дивизією генерала Фурнье. Одинъ штабъ-офицеръ, адъютантъ генерала Фурнье, 6 офицеровъ и до 400 нижнихъ чиновъ были взяты въ плѣнъ. Послѣ сего, Иловайскій пустился по дорогѣ къ Фульдѣ и полонилъ еще одного полковника, 5 оберъ-офицеровъ, до 30 нижнихъ чиновъ, отбилъ обозъ и двѣ пушки, принудилъ французовъ истребить много своихъ зарядныхъ фуръ, и потомъ, преслѣдуя ихъ до Гюнфельда, схватилъ курьера, везшаго важныя донесенія къ Наполеону. На слѣдующій день, 15 октября, Иловайскій, соединясь съ генерель-адъютантомъ Чернышевымъ, истребилъ въ Фульдѣ большой магазинъ и мостъ и взялъ въ плѣнъ до 500 челов. Затѣмъ дважды выгонялъ изъ этого города авангардъ арміи Наполеона. У Ганау Иловайскій и Чернышовъ нанали на Французовъ съ тыла и до 4000 человекъ заставили положить оружіе. Достигнувъ Франкфурта на Майнѣ, Иловайскій остался тамъ, въ ожиданіи прибытія Императора Александра съ гвардією. По пріѣздѣ Государя, онъ явился въ занимаемый имъ домъ и, бывъ имъ замѣченъ, получилъ черезъ князя Волконскаго повелѣніе надѣть свой

Георгиевскій крестъ, вмѣсто петлицы на шею. «Государь-самъ желаетъ Васъ поздравить», сказалъ князь Иловайскому. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, Императоръ Александръ, проходя съ императоромъ Францемъ мимо Иловайскаго, удостоилъ его личнымъ поздравленіемъ. 19 января онъ разбилъ нѣсколько эскадроновъ французской конницы близъ Васси, и занялъ этотъ городъ. Слѣдуя отъ Васси къ Монть-Ерандеру онъ напалъ на часть непріятельскаго арріергарда и взялъ въ плѣнъ бригаднаго генерала Фанъ-Мергена, 16 штабъ и оберъ-офицеровъ и слишкомъ 200 нижнихъ чиновъ. Послѣ ряда весьма успѣшныхъ схватокъ, онъ, участвуя въ сраженіи при Фершампенуазѣ, вѣшался съ казачьими полками въ двѣ непріятельскія колонны, отбилъ 5 орудій и взялъ до 900 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 2 полковниковъ и 15 оберъ-офицеровъ. Во время преслѣдованія французовъ отъ Фершампенуаза къ Парижу, онъ полонилъ еще 139 человекъ, а 18 марта, въ достопамятный день битвы подъ столицю Франціи, былъ отряженъ съ полками: своимъ, Ребрикова 2 и Власова 2, на лѣвый берегъ рѣки Марны, развѣдывать о маршѣ Наполеона.

Въ Парижѣ Императоръ Александръ послалъ за Иловайскимъ, принялъ его въ своемъ кабинетѣ и осчастливилъ милостивыми отзывами о службѣ его. Стоявшій въ то время у окна Государева кабинета, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ сказалъ Его Величеству, указывая на Иловайскаго; «онъ, по номеру, двѣнадцатый, а недюжинный.»

Возвратясь на Донъ, Иловайскій былъ назначенъ въ маѣ 1823 г., походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ въ отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ. Лѣтомъ 1826 г. онъ пріѣхалъ въ Москву, по случаю коронаціи Императора Николая Павловича, и уже былъ назначенъ въ церемональ, когда, вслѣдствіе извѣстія о вторженіи персовъ въ наши предѣлы, получилъ повелѣніе немедленно отправиться въ Тифлисъ. Отъѣздъ его изъ Москвы послѣдовалъ въ ночь, предшествовавшую коронаціи, а въ день ея, 26 августа 1826 г., онъ былъ произведенъ, за отличіе по службѣ, въ генераль-лейтенанты. Прибывъ въ Грузію, онъ поступилъ

въ составъ 15000 войска, подъ личнымъ начальствомъ генерала Паскевича, — вполсѣдствіи князя Варшавскаго, и пошелъ черезъ горы къ Эчмиадзинскому монастырю, а оттуда въ Нахичевань; потомъ, во время похода корпуснаго командира къ Аббасъ-Абаду, имѣлъ отъ него порученіе прикрывать казаками дѣйствія осаднаго корпуса со стороны Аракса. Здѣсь онъ отразилъ, вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ первый натискъ непріятеля, подъ предводительствомъ наслѣдника персидскаго престола, Аббасъ-Мирзы, и потомъ находился при преслѣдованіи его. За участие въ этомъ блистательномъ пораженіи непріятеля, Иловайскій награжденъ золотою, брилліантами осыпанною табакеркою, съ портретомъ Государя. Вскорѣ Иловайскій получилъ дозволеніе ѣхать въ Россію, для поправленія разстроеннаго своего здоровья, и, прослуживъ на Дону еще около тринадцати лѣтъ, былъ уволенъ въ 1840 г., по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ службы съ мундиромъ.

Онъ имѣлъ ордена: св. Владиміра 2 ст., св. Анны 1 степени, съ алмазами св. Георгія 3 класса, Австрійскаго Леопольда 2 степени и прусскихъ—Краснаго Орла 2 степени и «за заслуги», двѣ золотыя сабли, съ надписью «за храбрость», въ томъ числѣ одну, украшенную алмазами, золотой знакъ за Прейсишъ-Эйлауское сраженіе и серебряныя медали въ память 1812 г., взятія Парижа и Персидской войны 1826, 1827 и 1828 годовъ. ¹¹²⁾

Донцы на Кавказѣ и въ Грузіи до 1822 года.

Военная дѣятельность донцовъ на Кавказѣ распадается на двѣ части: первая, съ 1800 по 1822 г., когда весьма малое число донскихъ полковъ держало охрану пограничныхъ съ горами линій, и съ 1822 по 1864 г., когда были усиленные наряды донскихъ полковъ «на линію», а по просту сказать въ Грузію и на Кавказъ.

* * *

Набѣги кабардинцевъ вынудили генерала Глазенапа, стоявшаго съ отрядомъ на линіи, пойти въ самую Кабарду для усмиренія и покоренія. Это было въ 1804 г. При отрядѣ были и донцы. 19 сентября отрядъ былъ уже у р. Малки; впереди отряда былъ высланъ донской казачій полкъ подполковника Крюкова (въ полку было всего съ небольшимъ 100 человекъ). Крюковъ приказалъ казакамъ опустить дробитки и началъ пробираться густымъ бурьяномъ, чтобы незамѣтно высмотрѣть силы огромной (отъ 5—6000 чел.) партіи кабардинцевъ, переходящихъ Малку. Казаки вдругъ вылетѣли изъ бурьяна и бросились на горцевъ въ атаку.

«Атака была въ полномъ смыслѣ блистательная». Съ налета врѣзались донцы въ самый центръ непріятеля, гдѣ стояло 500 панцырниковъ; дрогнушіе кабардинцы опомнились, оправились и началась жестокая рѣзня.

Донцы были смяты и опрокинуты.

Сотникъ Шуруповъ съ шестью казаками, далеко зарвавшійся въ глубь скопища горцевъ, такъ и пропалъ тамъ безъ вѣсти.... восемь казачьихъ тѣлъ осталось въ рукахъ враговъ. Подполковникъ Крюковъ, раненный стрѣлою въ ногу, былъ окруженъ кабардинцами. Его безсмѣнный ординарецъ и тѣлохранитель, казакъ Упорниковъ заслонилъ его собою и былъ изрубленъ въ куски. Раненый Крюковъ защищался отчаянно; адъютантъ Поздѣвъ и урядники Петрухинъ и Банниковъ пробились сквозь густую толпу горцевъ и вырвали Крюкова изъ ихъ рукъ. Завязалось общее дѣло. Донцы успѣли оправиться; выдвинулся полкъ Персіянова и понесся въ атаку. Кабардинцы дали тылъ Ливейцы наскла на фланги.... Къ 10 ч. вечера бой окончился и нашъ отрядъ ночевалъ на бровавомъ мѣстѣ битвы. ¹¹³).

* * *

Въ темную майскую ночь 1805 г. трое чеченцевъ подкрались къ нашему посту и выстрѣлили въ часоваго. Донской урядникъ Щенакинъ съ десятью казаками погнался за ними и проскакавъ въ увлеченіи верстъ двадцать, наткнулся на сильную конную партію горцевъ. Въ такой грозной опас-

ности, казаки мгновенно побросали въ добычу имъ лошадей, и пока тѣ ловили ихъ, сами засѣли въ молодой, частый дубнякъ. Чересы налетѣли на нихъ, но сколько ни бились, не могли взять, не смотря на то, что на каждаго изъ казаковъ приходилось по 20 чеченцевъ; храбрецы отсиѣлись, потерявъ только двухъ казаковъ убитыми. ¹¹⁴).

* * *

По окончаніи постройкою укрѣпленій «Грознаго» и «Внезаннаго», явилась возможность ходить большими отрядами для наказанія и разоренія хищныхъ горцевъ. Жертвою на этотъ разъ долженъ былъ стать Дады-юртъ, аулъ Кочкалыковскаго племени. 15 сентября 1819 г. на разсвѣтъ храбрѣйшій изъ дощовъ, генераль-маіоръ Сысоевъ, подошелъ къ аулу съ своимъ отрядомъ (6 ротъ кабардинскаго пѣхотнаго полка, 700 казаковъ и 5 орудій) и сталъ въ боевой порядокъ. Дады-юртовцы отказались принять предложенныя условія и началось кровопролитіе, «какого русскимъ войскамъ не случалось до того времени испытывать». Солдаты кабардинскаго полка, подкрѣпляемые спѣшенными казаками, ворвались въ аулъ, уже обстрѣленный ядрами. На каждомъ шагу узкихъ переулковъ аула шла рѣзня. Чеченцы на глазахъ солдатъ рѣзали женъ и дѣтей; многія изъ женщинъ бросались съ кинжалами на солдатъ, или въ пламя горѣвшихъ саклей. Въ дыму слышны были крики, стоны, лязгъ оружія, выстрѣлы. Потери съ обѣихъ сторонъ быстро увеличивались. . . Аулъ тогда взяли, когда изъ 500 защитниковъ его осталось только 14 живыхъ горцевъ, да и тѣ были тяжело изранены и, конечно, взяты въ плѣнъ также какъ и 140 женщинъ и дѣтей, и то изъ жалости: многія женщины и даже дѣти были ранены. Аулъ уничтожили до основанія. Генераль-маіоръ Сысоевъ былъ раненъ пулею въ ногу; изъ строя выбыло у насъ 10 офицеровъ и около 220 нижнихъ чиновъ. ¹¹⁵).

* * *

30 сентября того же года, чеченцы напали на отрядъ отступавшаго генераль-маіора Сысоева такъ стремительно,

что едва не захватили два орудія (батарейное и казачье). Сотникъ Назаровъ, находившійся съ казачьимъ орудіемъ и раненый еще передъ этимъ, вновь получилъ тяжелую рану шашкою и, вѣроятно, былъ бы изрубленъ въ куски, если бы молодцы-артиллеристы не выручили его, отбиваясь банниками. Командиръ конно-артиллерійской роты, есауль Алнатовъ, замѣтя новыя густыя толпы иѣвшихъ чеченцевъ, бѣжавшихъ къ батарее, вынесся на встрѣчу къ нимъ съ однимъ коннымъ орудіемъ, и почти въ упоръ сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ гранатою; она, понавъ въ передніе ряды, пошла рикошетомъ, разорвалась и разметала чеченцевъ. Ошеломленные, они остановились и въ это мгновеніе бѣгомъ подошли къ курищамъ.... Ермоловъ, самъ артиллеристъ, вполне оцѣнилъ этотъ подвигъ: урядникъ Андреевъ, наводившій орудіе, получилъ изъ его рукъ Георгіевскій крестъ, а есауль Алнатовъ сталъ пользоваться его особымъ расположеніемъ. ¹¹⁶⁾

Въ 1820 г. 4 февраля въ полдень хорунжій Тетеревятниковъ съ своимъ драбантомъ Фхаль, «на авось», на Кумскій постъ. Верстахъ въ трехъ отъ селенія, на спускѣ въ балку, онъ очутился передъ пятисотенною партіею горцевъ. Грянулъ залпъ передовыхъ хищниковъ и драбантъ упалъ мертвымъ, лошадь его и все добро офицера, бывшее въ торовахъ, были захвачены. Тетеревятниковъ, воспользовавшись этимъ, соскочилъ съ коня и спрятался въ кустахъ. На выстрѣлы поднялась тревога и поскакали донскіе посты подъ командою командира полка подполковника Тарасова, съ одной стороны, а съ другой резервъ кубанскаго казачьяго полка съ сотникомъ Кузнецовымъ; всего было около 90 казаковъ. Въ то же время, по ту сторону балки неся на тревогу весь Кумскій постъ—10 казаковъ съ урядникомъ Вагинимъ, не подозревая опаснаго мѣста, закрытаго отъ него крутыми склонами балки; напрасно казаки Тарасова кричали имъ объ опасности: тѣ съ налета ринулись прямо въ оврагъ и не ожиданно врѣзались во всю пятисотную партію.

Видя страшную опасность этихъ удалцовъ, Тарасовъ и Кузнецовъ стремительно ударили на выручку, но горцы сами бросались на встрѣчу имъ въ шашки и послѣ минутной

схватки, казаки были опрокинуты, оставя на мѣстѣ 12 тѣлъ и одного раненаго. Храбрый Кузнецовъ, врѣзавшійся на глазахъ у всѣхъ въ самую середину толпы, пропалъ безъ вѣсти. Кумскій постъ былъ истребленъ. Казаки Тарасова, отброшенные къ Таплицкому посту, заперлись въ немъ и отбились: горцы ушли за Кубань. ¹¹⁷⁾

* * *

Вечеромъ подь 3 октября 1821 г. появилось на Кубани огромное скопище Шапсуговъ, предводимыхъ знаменитымъ старшиною Измаиломъ. Въ это время на Петровскомъ посту былъ извѣстный донецъ-удалецъ Максимъ Григорьевичъ Власовъ. У него было всего 611 конныхъ и 65 пѣшихъ Черноморскихъ казаковъ, при 2 орудіяхъ. Власовъ выслѣдилъ переправу горцевъ и въ темнотѣ бурной, осенней ночи пропустилъ враговъ мимо, чтобы зайти имъ въ тылъ. Горцы перешли Кубань верстахъ въ двухъ отъ Петровскаго поста, въ какой нибудь верстѣ отъ отряда Власова и всею массою двинулись на хутора Петровской станицы. Власовъ, оставшійся съ отрядомъ на мѣстѣ, приказалъ пластунамъ засѣсть въ камыши, облежавшіе переправу, а войсковому старшинѣ Журавлю съ постовою командою—преслѣдовать Шапсуговъ по пятамъ, вступить съ ними въ бой и ложнымъ отступленіемъ навести на засады. Такъ и было исполнено; а во время схватки, къ Власову прискакала сотня есаула Залѣскаго съ коннымъ орудіемъ. Власовъ отправилъ и ее на помощь сражающимся; орудіе смѣло подскакало къ черкесамъ и ударило картечью. Запылали зажженные маяки и отъ станицы къ станицѣ загремѣли выстрѣлы тревоги. Поражаемые картечью горцы дрогнули и бросились назадъ къ переправѣ, преслѣдуемые Журавлемъ и Залѣскимъ; но тамъ изъ густаго камыша ихъ встрѣтили пластуны; дружный огонь и картечь заставили ихъ отхлынуть влѣво какъ разъ на отрядъ Власова; грянули картечью два орудія, горцы—назадъ, а Власовъ уже несся на перерѣзъ имъ къ Кубани; отбитые вправо, черкесы попали въ темнотѣ въ прогнойный Калаусскій лиманъ; казаки наслѣли на нихъ, поражая шапками и пи-

ками. Самъ Власовъ былъ впереди и принималъ участіе въ рукопашной схваткѣ наравнѣ съ другими: «я ажъ ахнулъ», рассказывалъ впоследствии одинъ изъ казаковъ, когда увидѣлъ, что и самъ генералъ рубится съ нами. Знаемъ мы: другаго не заманишь и близко подѣхать къ черкесамъ, командуетъ себѣ издалека ... А этотъ командовать командуетъ, а самъ—маленькій да широкоплечій, знай, на ряду съ казаками работаетъ шашкой и не одному черкесу снесъ голову.... Самъ рубить, а самъ приободряетъ да покрикиваетъ: «Бей ребята! топи, коли басурмана!» Ну и досталось же имъ на орѣхи!»

Только нѣсколько десятковъ человѣкъ спаслось: остальные всѣ вмѣстѣ съ лошадьми погибли въ прогняхъ Калаусса. Сами Шапсуги считаютъ утонувшими въ лиманѣ болѣе 20 знаменитыхъ князей и 1200 всадниковъ; отбито у нихъ два знамени, взято въ плѣнъ: князь и 42 черкеса, — примѣръ небывалый. Съ нашей стороны 1 убитъ, 14 ранено и 4, увлекшись погонею, утонули въ лиманѣ. За эту побѣду Власовъ награжденъ, минуя Аннинской ленты, орденомъ св. Владиміра 2 класса, а черноморцы поднесли ему, оправленную въ золото, саблю, на клинкѣ которой было изображено калаусское сраженіе.

Горцы и по нынѣ поютъ печальную пѣсню про эту битву. Съ этого времени Власовъ вель упорныя преслѣдованія горцевъ и своими выдающимися личными способностями и замѣчательною храбростію онъ сталъ «грозою и пугаломъ», для закубанскихъ народовъ. Бывали и при немъ попытки вторженій, но черкесы уже не возвращались съ добычею на свой берегъ Кубани и сотни тѣлъ ихъ оставались на русскомъ берегу. ¹¹⁸⁾

Война съ Персією и Турцією

1826, 1827, 1828 и 1829 гг.

Въ обѣихъ этихъ войнахъ донскіе казаки принимали дѣятельное участіе. Война съ Персією продолжалась три года

1826, 1827 и 1828 гг., а съ Турціею два года—1828 и 1829 гг. По взятіи русскою арміею въ Персіи крѣпостей Абоазъ-Абадъ, Сардаръ-Аббадъ, Эривани, города Тавриза и проч., миръ былъ заключенъ. Въ Азіатской Турціи нами были взяты: Карсъ, Ахалкалаки, Ахалцыхъ, Ардаганъ, Баязеть, и весь Баязетскій пашалыкъ, а въ Европейской Турціи заняты Молдавія, Валахія, взяты Браиловъ, Силистрія, держались въ блокадѣ Шумла, Журжа, велась осада Варны, заняты были города: Бургасъ, Лидось, Ямболь, Сливно и Адрианополь. За подвиги храбрости, оказанные въ этихъ войнахъ донскими казаками, были награждены слѣдующіе полки: Шамшева—георгіевскимъ знаменемъ, съ надписью: «за оборону крѣпости Баязета 20 и 21 іюня 1829 г.» и Сергѣева, Карпова, Леонова и Басова—знаменами съ надписью: «за отличіе въ персидскую и турецкую войны въ 1827, 1828 и 1829 гг.», Бегидова, Рыковского, Ильина, Платова 2, Бакланова, Золотарева 4, Борисова и Чернушкина 2, — съ надписью: «за отличіе въ турецкую войну въ 1828 1829 гг.»

Войску же донскому пожаловано «отъ лица благодарнаго отечества» бѣлое георгіевское знамя съ надписью: «Вѣрноподанному войску донскому за оказанныя заслуги въ продолженіе кампаній противу персіянъ въ 1826, 1827 и 1828 и противу турокъ въ 1828 и 1829 годахъ».

10 февраля 1828 г. былъ заключенъ съ Персіею миръ въ Туркманчаѣ и войска наши возвратились; а 14 апрѣля того же года объявлена война Турціи, обончившаяся миромъ въ Адрианополѣ.

* * *

Полкъ Шамшева, нынѣ Донской казачій № 12 полкъ, заслужилъ, подъ начальствомъ своего лихаго командира, георгіевское знамя, за слѣдующее: «Съ 17 іюня по 4 іюля, при защитѣ города и укрѣпленій Баязета отъ 19 тысячнаго турецкаго корпуса, полкъ Шамшева, подъ его начальствомъ, встрѣтивъ непріятельскую кавалерію въ 6 верстахъ отъ Баязета, неоднократно опрокидывалъ оную и поражалъ съ по-

терею изъ нихъ до 200 человекъ. Затѣмъ, вступивъ въ командованіе фасомъ укрѣпленія Байазета отъ Красной до Карантинной батареи и войскъ на ономъ бывшихъ изъ пѣхоты, ефѣренныхъ казаковъ и городской милиціи, въ теченіе 38 часовъ Шамшевъ непрерывно отражалъ сильныя атаки турокъ, покушавшихся ворваться въ городъ, и, поражая ихъ ядрами, картечью, стрѣлковою обороною и ударами въ пики и штыки, прогнавъ оныхъ съ Красной горы и отъ воротъ, совершенно и весьма много содѣйствовалъ 21 ч. какъ возвращенію восточной нашей батареи съ ея орудіями, такъ и самому прогнанію оттуда непріятеля, гдѣ, при непрерывно продолжавшемся денно и ночью сильномъ огнѣ, (Шамшевъ) контуженъ жестоко пулею въ грудь. Затѣмъ въ продолженіе блокады до 3 іюля, въ теченіе 13 дней многократно выходилъ съ полкомъ за городъ къ селенію Занашору, прогонялъ оттуда непріятельскую батарею въ горы, не допуская ее вторгнуться въ форштатъ Байазета. ¹¹⁹).

* * *

При осадѣ Ахалцыха 1828 г., усадили на минареть, за барьеромъ, донскаго казака, чтобы онъ слѣдилъ за сборищами непріятеля въ городѣ и подсказывалъ бомбардиру Мишустину, куда цѣлить.

«Разъ послѣ удачнаго выстрѣла въ указанную толпу, сидѣвшій, притаившись за рѣшеткою минарета, казакъ съ радости не вытерпѣлъ, забылъ осторожность и, вскочивъ на ноги, закричалъ богатырскимъ голосомъ: «попало! какъ разъ попало!» Всегда сторожившій, какъ на охотѣ, всякое наше движеніе, непріятель послалъ нѣсколько пуль въ пришедшаго въ экстазъ сына Дона. Къ счастью, онъ отдѣлался только царапиною. ¹²⁰).

* * *

Во время той-же осады Ахалцыха, 15 августа 1828 г., 4-й взводъ донской батареи ворвался вмѣстѣ съ егерями въ городъ. По обстоятельствамъ, казаки живо сдѣлали помость и втащили свои орудія на крышу сакли, откуда и начали по-

ражать неприятеля. Турецкія пули рѣштели лафеты и губили ни чѣмъ не прикрытыхъ артиллеристовъ. Вдругъ брыша сакли, не выдержавъ тяжести, рухнула. Лафеты опустились до самаго клина. Замѣтивъ ослабленіе огня, турки бросились на казаковъ.

«Ребята, воскликнулъ взводный офицеръ, неужели намъ придется разстаться съ нашими друзьями пушками?»

Нѣтъ! не бывать тому, ваше благородіе, закричалъ казакъ Гундюковъ, высойій, дюжій, широкоплечій;—не бывать тому, ваше благородіе! подхватилъ казакъ Григорій Силкинъ, молодой, двадцатилѣтній, всегда казавшійся робкимъ.

«Умремъ, а не отдадимъ ихъ!» закричалъ онъ. Позвольте, ваше благородіе, хоть передъ концомъ жизни, покончить саблями этихъ гололобыхъ!»

Офицеръ махнулъ рукою.

Съ крикомъ «ура» артиллеристы, всѣ восемь, оставшіеся въ живыхъ, понеслись съ обнаженными саблями на встрѣчу врагу. Увидавъ эту горсть удалцовъ, отважно летѣвшихъ на встрѣчу, турки вообразили, что вѣроятно вслѣдъ за казаками еще летитъ подкрѣпленіе и показали тыль.

Казаки благоразумно вернулись назадъ, а подоспѣвшіе егеря помогли спасти орудія. ¹²¹).

* * *

Записанный разсказъ: «Дѣло было въ турецкую войну, подъ Журжею. Я былъ посланъ версть на пять въ сторону отъ полка передать скорое приказаніе. Дорогою поднялъ нашъ дротикъ; только выѣхалъ назадъ, глядь, а передо мною три турка-наѣздника. Они ко мнѣ—перерѣзать дорогу, а я отъ нихъ. Конь у меня добрый былъ. Оглянулся, а меня настигаетъ только одинъ басурманъ. Остальные почему-то отстали совсѣмъ и остановились. Поганецъ одначе наѣдаетъ на меня крѣпко. А пистоль у меня былъ стрѣлянный (разряженный); утромъ въ тотъ день, я разогналъ партію вродѣ разъѣзда и не успѣлъ зарядить. Что тутъ дѣлать? Господь меня и на-доумъ: только подскочетъ ко мнѣ турокъ, а я выпу пистоль

да и наведу на него. А онъ—назадъ, назадъ. Гляжу опять на хвостъ у меня,—я опять пистоль на него, а онъ опять осодитъ коня, а у самого глаза на выкатъ, да все кривою, какъ дуга, саблею махаетъ, а пулю мнѣ въ догонку не пускаетъ. Что за диво? Либо пулю берегъ на случай, либо тоже стрѣлять нечѣмъ было. Конь мой только поправиваетъ повода. Какъ жигану его плетью, какъ рванется мой бурый! Гляжу—а турокъ отстаетъ и всетаки не догоняетъ пулею: стало быть нечѣмъ. Пстой, думаю, соколъ ясный: потягаюсь я съ тобою одинъ на одинъ; да какъ дерну разомъ назадъ да къ нему, да какъ ширну его дротикомъ прямо въ дыхалы, охнулъ, бѣдняга и покатился съ коня, только кровь брызнула изъ ноздрей и изъ рта. Подхватилъ я его коня, а съ турка снялъ кое-что. Онъ еще хрипѣлъ да дергалъ ногами. Серебряная сабля, что вотъ на стѣнѣ виситъ—это его»....

Подъ этимъ рассказомъ находится замѣчательная приписка: «Сей рассказъ я многократно слышалъ отъ нашего почтеннаго полковника И. Т. И—на, слышали его и дѣти мои и многіе прихожане. Благодарю Создателя: мой любезный сынъ, Михаилъ, пошелъ на войну (охотою) и тамъ точно такимъ же случаемъ спасъ свою жизнь отъ злодѣя поляка на услажденіе старости лѣтъ моихъ». ¹²²).

Усмиреніе польскаго мятежа 1830 и 1831 гг.

17 ноября 1830 г. въ Варшавѣ вспыхнуло давно подготовляемое возстаніе. Поляки убивали русскихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, покусились было на жизнь Цесаревича Константина Павловича, но онъ спасся, и съ большимъ трудомъ выѣхалъ въ Россію. Императоръ Николай приказалъ своимъ войскамъ двинуться въ Польшу подъ начальствомъ фельдмаршала графа Дибича (по смерти котораго былъ назначенъ графъ Паскевичъ). Поляки выставили 80000 человекъ и болѣе чѣмъ при 150 орудіяхъ. Всѣхъ войскъ нашихъ вступило въ Польшу въ разное время болѣе 190000 челов. при 612 орудіяхъ.

При войскахъ были донскіе казачьи полки, подъ командою походнаго атамана генераль-маіора Власова: л.-гв. казачій, Атаманскій, Грегова 5, Ильина, Андреянова, Катасонова, Секретева, Кутейникова, Борисова, Карпова 4, Егорова, Карпова, Платова 2, Пименова и Кирѣева.

Полки эти были присоединены къ разнымъ корпусамъ и несли службу, занимая посты, (форпосты) караулы; это разсѣяніе казаковъ по службѣ караульной и развѣдывательной, а также назначеніе ихъ въ посыльные и просто къ разнымъ лицамъ доводимо было до того, что въ полкахъ состояло по большей части на лицо: по 400, 300 и даже по 200 чел. Тѣмъ не менѣе, казаки принимали дѣятельное участіе и въ серьезныхъ сраженіяхъ.

Битвы при Ваврѣ, Гроховѣ, Остроленкѣ, подъ Варшавою, и разсѣяніе остатковъ польской арміи положили конецъ возстанію Польши (осенью 1831 г.).

* * *

Отрядъ лейбъ-казаконъ, подъ командою полковника Николаева, содераа развѣзды въ Остроленкѣ, бдително наблюдалъ за непріателемъ. 28 марта партія изъ 12 казаконъ, подъ командою унтеръ-офицера Мельникова, была послана начальникомъ этого отряда, для развѣззанія силъ мятежниковъ, скопившихся около мѣстечка Красносельска. Казаки проѣхали благополучно до Красносельска сорокъ верстъ глухими тропинками черезъ топкія болота и ручьи. Появленіе ихъ навело на жителей всеобщую панику; пользуясь ею, Мельниковъ позвалъ къ себѣ бургомистра этого мѣстечка и спросилъ у него: «гдѣ теперь главныя силы мятежниковъ и какъ велики они?» но онъ отказывался незнаніемъ. Употребить угрозы было бы бесполезно; тогда Мельниковъ рѣшилсѣ на военную хитрость: «послушайте г. бургомистръ», сказалъ онъ ласково, «я не за тѣмъ сюда пріѣхалъ, чтобы дознаться отъ васъ о томъ, что намъ хорошо извѣстно; дѣло не въ томъ: мнѣ нужны здѣсь квартиры. Во первыхъ покажите самую лучшую для Его Высочества Великаго Кнѣзя Михаила Павловича, а потомъ и другія для генералонъ гвардейскаго

горнуса, который сюда чрезъ нѣсколько часовъ придетъ. Ребята! начинайте живѣй расписывать квартиры, чтобы не опоздать къ приходу!» сказалъ Мельниковъ, обращаясь къ казакамъ, которые его поняли и начали работать. Мельниковъ съ бургомистромъ также назначили лучшія квартиры, надписывая на нихъ имена генераловъ.

Между тѣмъ обманутый бургомистръ, совершенно увѣрившись; что русскіе скоро придуть къ мѣстечку, сдѣлаелася ласковъ съ казаками и словоохотливъ; мало по малу подробно рассказалъ обо всемъ.

Собравъ нужныя свѣдѣнія, Мельниковъ благополучно возвратился въ Остроленку. Свѣдѣнія, оказались вѣрны. ¹²³).

* * *

20 мая для удостовѣренія о численности непріятели, находившагося въ Рожанахъ подъ начальствомъ Ушинскаго, генераль Остенъ-Сакенъ приказалъ лейбъ-казакамъ схватить кракуса (кракусами мы вообще называли дурно вооруженную милицію). «Отрядный начальникъ приказалъ доставить къ нему кракуса», сказалъ полковникъ Красновъ унтеръ-офицеру Воронкову. «Слушаю, ваше высокоблагородіе», отвѣчалъ Воронковъ «Поѣзжай сейчасъ же и хоть въ торокахъ, а непременно привези живаго».

— Сколько прикажете привезти ихъ, Ваше Высокоблагородіе?

— Сколько можешь! сказалъ Красновъ, похваливъ Воронкова за усердіе.

Воронковъ взялъ съ собою нѣсколько казаковъ и въ ночь подъ 21 мая, отправился глухою дорогою къ Рожанамъ. Не доѣзжая до мѣстечка, онъ засѣлъ въ кустахъ. . . На разсвѣтѣ подлѣхалъ польскій разъѣздъ изъ 50 уланъ; изъ нихъ 5 находились передовыми. Лишь только они поровнялись съ нашею засадою, лейбъ казаки мгновенно бросились на нихъ, убили трехъ, а двухъ остальныхъ, схвативъ подъ чѹмбуръ, во весь опоръ примчали въ Остроленку; казаки, скакавшіе сзади за поляками, плетьюмь подгоняли ихъ лошадей. За это лихое дѣло Воронковъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. ¹²⁴)

* * *

Въ ночь на 17-е сентября непріятельская армія стала устраивать мостъ черезъ Вислу. На другой день, вслѣдствіе густаго тумана, казаки не могли видѣть рѣку, но услышанный стукъ по мосту привелъ ихъ къ догадкамъ, что переправа польской арміи началась ... Едва туманъ разсѣялся, поляки были уже на другой сторонѣ и собирались сжечь всѣ бывшія при ней берлинки и прочія суда. Тогда ротмистръ Жировъ, штабсъ-ротмистръ Евсѣевъ и корнетъ Золотаревъ вызвали охотниковъ, сѣли съ ними въ лодки и переплыли на ту сторону рѣки. Завидя ихъ, мятежники, прикрывавшіе мостъ, побѣжали, но изъ числа ихъ на берегу осталось 20 офицеровъ и до 200 рядовыхъ: всѣ они сдались военно-плѣнными. Наши охотники, собравъ всѣ берлинки, переправились съ плѣнными черезъ рѣку благополучно. ¹²⁵).

* * *

7 іюня въ сраженіи на Понарскихъ высотахъ, во время непріятельскаго натиска на авангардъ полковника Гембица, 5 эскадронъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, соединившись съ л.-гв. Волынскимъ полкомъ, атаковалъ во флангъ болону мятежниковъ, смялъ и разсѣялъ непріятеля.

Въ этомъ дѣлѣ корнетъ Красновъ 1-й, увлеченный храбростью, съ малымъ числомъ, атаковалъ засѣвшихъ въ опушкѣ лѣса мятежниковъ; но подоспѣвшая въ помощь непріятельская кавалерія заставила казаковъ отступить. Въ это время прострѣленная лошадь Краснова упала и онъ былъ окруженъ польскими уланами. Казаки Щучкинъ и Ковалевъ, видя погибающаго своего офицера, бросились назадъ въ середину мятежниковъ. Презирая опасность и смерть, они на рукахъ вынесли корнета Краснова изъ середины враговъ, изумленныхъ необычайною ихъ храбростію. Храбрецы были произведены въ унтеръ-офицеры. ¹²⁶).

7 іюня, въ томъ же сраженіи, непріятель былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ, пушечные и ружейные выстрѣлы прекратились; только далеко за авангардную цѣпью еще сильно

горѣла перестрѣлка: то былъ эскадронъ л.-гв. казачьяго полка, командира, ротмистра графа Орлова-Денисова. Казаки, по данному сигналу, собрались въ виду непріятельской кавалеріи; съ той и съ другой стороны вырывались изъ фронта охотники, съѣзжались и перестрѣливались изъ пистолетовъ. Въ это время рядовой Подкатиловъ, встрѣтившись съ польскимъ уланомъ, вступилъ въ бой на пикахъ и скоро успѣлъ сбить его съ лошади, но переломилъ пополамъ древко своей пики; прискакавшіе въ помощь раненому, другіе уланы принудили казака отступить безъ пики. Между тѣмъ одинъ изъ польскихъ уланъ, поднявъ сломанную пикку, остановился и началъ махать ею, какъ бы вызывая хозяина «Смотрите, братцы, какъ уланъ моею пиккою чванится: какъ будто онъ ее изъ рукъ вырвалъ! а жаль, была славная: въ Турціи я ею съ поддюжины некрещеныхъ приколюлъ. Ладно, братъ, вотъ тебѣ и званый гость за пиккою!»! сказалъ Подкатиловъ и, выхватя саблю, онъ быстро поскакалъ къ поляку, который, поворотивъ коня, поѣхалъ къ своему фронту. Но скоро уланъ лежалъ на землѣ съ разрубленною головою, а казакъ, выручивъ пикку, радостно прискакалъ въ эскадронъ и, явившись къ своему командиру, доложилъ: «Виновать, ваше сіятельство, что осмѣлился безъ вашего приказанія выѣхать изъ фронта; но вы сами изволили видѣть, можно ли было утерпѣть? да при томъ пика еще и сроку не выслужила: жаль ее было потерять». ¹²⁷).

* * *

Въ то время, какъ войска наши собирались къ штурму Варшавы, пронесся слухъ, что мятежники заняли городъ Плоцкъ. Для удостовѣренія въ истинѣ этихъ слуховъ главнокомандующій приказалъ генералу, князю Хилкову, командировать изъ его отряда партію; назначенъ былъ 6-й эскадронъ л.-гв. казачьяго полка, подъ начальствомъ полковника Янова. Не дойдя 5 верстъ до Плоцка, казаки нашли двѣ небольшія лодки, стоящія у берега; на нихъ полковникъ Яновъ посадилъ охотниковъ: урядника и 14 рядовыхъ подъ командою поручика Мартынова, въ виду непріятельскаго пикета, и приказалъ направиться къ нему.

«Зарядите pistols», сказалъ полковникъ казакамъ.

«Позвольте, ваше высокоблагородіе, побережь заряды, пусть узнають казаковъ по пикамъ, а не по выстрѣламъ!» отвѣчали всѣ единодушно. Казаки схватили около Плоцка 3 жителей и получили отъ нихъ всѣ нужныя и подробныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Собравъ команду, Мартыновъ безъ малѣйшей потери, возвратился къ эскадрону. При этомъ, въ виду непріятели, осыпавшаго его пулями, изрубилъ обѣ лодки. За это главнокомандующій наградиль поручика Мартынова орденомъ св. Владимира 4 степени, а команда его получила по червонцу. ¹²⁸⁾

* * *

Донскаго казачьяго Секретева полка старшина Поповъ 20, отправленный съ командою казаковъ, для препровожденія польскихъ плѣнныхъ въ Ломжу, близъ Хормеля былъ атакованъ превосходнѣйшимъ числомъ мятежниковъ. Не теряя присутствія духа, Поповъ отправилъ плѣнныхъ съ небольшимъ прикрытіемъ, а самъ съ 29 казаками мужественно ударилъ на Поляковъ, быстрымъ боковымъ движеніемъ врѣзался въ средину ихъ съ горстью храбрыхъ и, поражая все встрѣчавшееся, положилъ на мѣстѣ штабъ-офицера, командовавшаго отрядомъ, 2 офицеровъ и значительное число нижнихъ чиновъ, взявъ въ плѣнъ одного маіора и 3 офицеровъ. Мятежники, приведенные въ разстройство и потерявшіе всѣхъ почти своихъ начальниковъ, начали отступать отъ Хормеля. При отступленіи, преслѣдуя ихъ, казаки взяли еще въ плѣнъ 3 рядовыхъ; близъ селенія казаки, будучи встрѣчены частью пѣхоты и огнемъ артиллеріи, прекратили преслѣдованіе. Отрядъ мятежниковъ состоялъ изъ 1 роты пѣхоты, 2-хъ эскадроновъ кавалеріи, при 2-хъ орудіяхъ. ¹²⁹⁾

Донцы на Кавказѣ и въ Грузіи съ 1822 по 1864 г.

«Кто не служилъ,—тотъ не тужилъ».

Съ 1822 по 1836 г. число служивыхъ казаковъ въ войскѣ донскомъ, какъ было 58000, такъ и осталось: весь простъ населенія исчезалъ на Кавказѣ и въ Грузіи, съ ея

убійственнымъ климатомъ. Много, много тамъ лежитъ казачьихъ костей!

* * *

На разсвѣтъ 4 февраля 1825 года кабардинцы напали на Шохины хутора (на полпути изъ Сабли къ Александрѣ); тутъ они наткнулись на сборный постъ изъ 20 казаковъ линейскихъ и донскихъ, подъ начальствомъ за урядъ—хорунжаго волжскаго линейскаго полка, Федотова. Казаки залпомъ встрѣтили хищниковъ, часть коихъ отдѣлилась въ обходъ, чтобы не выпустить живымъ ни одного казака; они зажгли сзади казаковъ плетни, и пламя отрѣзало отступленіе. Отстрѣливаясь и отбиваясь шашками, храбрецы переходили отъ одного плетня къ другому и — даѣе отступать было уже некуда. Закипѣла послѣдняя, отчаянная рѣзня. Федотовъ, выхвативъ длинный кинжалъ, первымъ врѣзался въ густую толпу и былъ изрубленъ въ куски. Не отстали казаки отъ своего храбраго начальника, и изъ 20 человекъ 15 были изрублены, а 5 брошены тяжело ранены, и когда подоспѣла помощь, одинъ изъ нихъ также отошелъ въ вѣчность. Въ плѣнъ никто изъ нихъ не дался; лошади, одежда и оружіе казачье достались кабардинцамъ. Затѣмъ бросились эти хищники въ дома Шохина хутора, и черезъ полъ часа хуторъ былъ разбитъ, разграбленъ и сожженъ; 6 человекъ было зарѣзано, 4 ранено, 17 взято въ плѣнъ... Выстрѣлы и пожаръ хутора вызвали тревогу. Есаулъ Поповъ настигъ хищниковъ, гнавшихъ уже табунъ лошадей до 300 головъ у рѣчки Барсуклы, но имѣя мало людей, ограничился наблюденіемъ; а 250 нагайцевъ, тоже погнавшихъ, смѣло бросились на хищниковъ, сдѣлавъ на скаку залпъ и вступили въ рукопашную; другая часть нагайцевъ успѣла обскákat табунъ и, отхвативъ большую часть его, нагнала его прямо на казачью команду Попова, чѣмъ и втянуло его въ дѣло; видя, что хищники уже окружаютъ нагайцевъ, чтобы снова отбить свой табунъ, казаки кинулись впередъ и, ослѣпленные пылью, очутились между двумя большими партіями горцевъ. Неизбѣжность гибели заставила ихъ было попытаться

перескочить назадъ черезъ рѣчку Барсулку, но берега ея оказались круты и утесисты, и только самого есаула Попова вынесла его добрая лошадь. Прижатые къ берегу казаки мгновенно сѣшлись и стали въ грозномъ выжиданіи. Какой-то казачій офицеръ, подъ градомъ пуль прискакалъ къ полковнику П....., стоявшему съ отрядомъ на сосѣднихъ высотахъ, съ просьбою о помощи. Полковникъ отвѣтилъ ему выговоромъ, что тотъ осмѣлился съ горстью казаковъ броситься на многочисленнаго врага, за что угрожалъ даже Сибирью. Офицеръ возразилъ, что его долгъ защищать свсихъ, не смотря ни на какое число враговъ и, повернувъ коня, полетѣлъ къ оставленнымъ товарищамъ. Горцы пересѣкли ему путь и онъ палъ разстрѣянный пулями и изрубленный шашками. Имя этого славнаго офицера исчезло для потомства, подобно многимъ другимъ..... А прижатые къ берегу и окруженные казаки отчаянно бились съ Абадзехами и всѣ до одного погибли на мѣстѣ: изъ 23 человекъ было 10 донскихъ казаковъ. Хищники, отбивъ табуны, скрылись. ¹³⁰).

* * *

Изъ разсказа извѣстнаго храбреца, урядника Зубова: «Памятный для меня случай произошелъ на Кавказѣ въ 1825 г. на посту Острожномъ, близъ Невиннаго мыса, на Кубани. Тогда велѣно было нашему командиру схватить живыми или мертвыми знатнаго черкесскаго князя Темиша и узденя Аджу, которые, долго притворяясь мирными, своимъ вѣроломствомъ дѣлали нашимъ много вреда. Мы, въ числѣ 25 человекъ, были отряжены подъ командою есаула Казанцева, для розысковъ этого князька. Послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ, наконецъ намъ удалось провѣдать, что оба они, князь и уздень, скрываются въ одномъ кабачкѣ. Мы скрытно отправились туда ночью, и на разсвѣтѣ, приблизившись къ нему незамѣтно, вдругъ бросились со всѣхъ сторонъ и оцѣнили его кругомъ; но сперва не могли ихъ тамъ отыскать. Во время розысковъ вдругъ я замѣтилъ, что какіе-то два всадника, сидя на одной лошади, поскакали прямо отъ базовъ къ лѣсу. Сказавъ о томъ есаулу, я тутъ-

же помчался вслѣдъ за бѣгущими. Догоняя ихъ, я видѣлъ, какъ Темишъ упалъ съ лошади и ползкомъ скрылся въ камышахъ, но я увлекся въ погоню за узденемъ. Поровнявшись съ нимъ, я ударилъ его сперва пикою: она прошла подъ мышкою, не причинивъ ему никакого вреда. Узденъ не сробѣлъ, но схвативъ пистолеть, выстрѣлилъ наотмашь и ранилъ пулею есаула, бѣжавшаго близь меня. Послѣ неудачнаго выстрѣла по немъ изъ ружья, я вырвалъ ружье у казака Исаева, стрѣльнулъ и ранилъ черкеса въ ногу, а потомъ, догнавши его, нанесъ ему ударъ пикою, повалилъ на землю и вмѣстѣ съ нимъ упалъ самъ съ коня. Тутъ мы оба схватились въ рукопашномъ бою и долго барахтались: раненый черкесь былъ еще очень силенъ. Наконецъ мнѣ удалось выхватить у него-же кинжалъ и заколоть его въ то время, когда приближавшіе мои товарищи столпились около насъ. Князь Темишъ былъ тоже пойманъ». ¹³¹).

* * *

3-го іюня 1844 г. генераль-маіоръ Пасекъ, узнавъ, что главныя непріятельскія силы. (огромное скопище горцевъ, мюридовъ и проч.), потянулись отъ Кадаръ къ сел. Гилли, а часть ихъ направилась къ сторонѣ Дженгутая, оставивъ два баталіона ашшеронскаго полка у Дегели и Дженгутая, а самъ съ 4 сотнями донскаго № 38 полка поспѣшилъ къ Параульскимъ высотамъ, приказавъ присоединиться къ нему баталіону Ашшеронскаго полка съ двумя горными орудіями резервной № 2 батареи, и баталіону Житомирскаго полка, прибывшему изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ составъ трехъ ротъ съ 2 горными орудіями той же батареи.

Въ ожиданіи пѣхоты, онъ выстроилъ казачій полкъ лавою передъ Парауломъ на бугрѣ, котораго крутая покатость обращена къ непріятелю, и въ этомъ угрожающемъ положеніи остался до прибытія пѣхоты: но какъ только она поравнялась съ правымъ флангомъ, генераль-маіоръ Пасекъ немедленно спустился съ кавалеріей на плоскость Какашуры. Выстроивъ казаковъ на двѣ линіи, по сотенно въ лавы, имѣя заднія сотни въ интервалѣ противъ переднихъ и на лѣвомъ

флангъ, а впереди обѣихъ линій — конныхъ аварцевъ, генераль-маіоръ Пассекъ двинулся на перерывъ непріятельской кавалеріи. Движеніе это заставило горскую конницу отступать къ селенію, почти мимо фронта нашей кавалеріи. Полковой командиръ № 38 полка (подполковникъ Номикосовъ) сдѣлалъ первую атаку и опрокинулъ передовую толпу мюридовъ; причѣмъ осталось въ нашихъ рукахъ нѣсколько тѣлъ. Непритель, пользуясь буграми, покрытыми мелкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ, думалъ удержать наши войска, открывъ сильный огонь; но генераль-маіоръ Пассекъ, не вдаваясь въ пустую перестрѣлку, остановилъ кавалерію, снова устроилъ ее пока не приблизилась пѣхота и тогда снова приказалъ атаковать непріятели. Три сотни казаковъ съ аварцами опрокинули и гнали главную массу горской конницы влѣво отъ селенія, а четвертая сотня съ конвоемъ генераль-маіора Пассека тѣснила непріятели прямо на селеніе, по долину ручья Кака-Шурипки.

Во время атаки генераль Пассекъ отдалъ приказаніе кавалеріи не заноситься на лѣсъ и селеніе; казаки, нагнавъ непріятельскую кавалерію на массы пѣхоты, остановили преслѣдованіе, и потому батальный огонь пѣшихъ мюридовъ не нанесъ намъ вреда; въ эту минуту всѣ скопища горцевъ въ густыхъ колонахъ быстро сдѣлали наступленіе, сильно тѣся казаковъ на обѣихъ флангахъ. Храбрые донцы отступали медленно и въ порядкѣ, прикрываясь сильнымъ огнемъ своихъ фланкеровъ. Между тѣмъ два полубаталіона аншеронскаго полка съ двумя горными единорогами резервной № 2 батареи, подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Вранкена, приблизились къ отступающей кавалеріи. Генераль маіоръ Пассекъ немедленно приказалъ выдвинуть орудіе на высоту въ интервалъ казаковъ; правому же флангу казаковъ отступить рысью за пѣхоту, съ тѣмъ, чтобы навести непріятельскія толпы по долину ручья Кака-Шурипки на картечный огонь 2-хъ орудій, и тогда казакамъ ударить на разстроенныя толпы въ пики. Но въ то время, какъ, стремительно наступающій непритель, по долину ручья Кака-Шурипки, былъ встрѣченъ и остановленъ картечью, огром-

ныя массы непріятельской пѣхоты и кавалеріи, прямо съ фронта достигли вершины бугра, занятаго апшеронцами. Густой рядъ значковъ выстроился передъ фронтомъ стрѣлковъ въ 30 шагахъ, и непріятель открылъ батальный огонь. Вся масса горцевъ обрушилась на 4 роты апшеронцевъ, но они, воодушевляемые примѣромъ мужества начальствовавшего ими капитана Вранкена, не оставившаго бой, не смотря на три сильныя контузіи въ грудь и руку, — непоколебимо выдержали жестокой напоръ изступленныхъ мюридовъ; къ чести и славѣ русскихъ войскъ ни одинъ солдатъ не подался назадъ, товарищи не относили раненыхъ, не подбирали убитыхъ. Огонь съ обѣихъ сторонъ сдѣлался до невѣроятности убійственнымъ, но и подъ этимъ огнемъ артиллерія, съ неподражаемымъ хладнокровіемъ продолжала дѣйствовать картечью.

Между тѣмъ новыя толпы непріятеля начали обходить насъ съ лѣваго и праваго фланга. Почти въ ту же самую минуту подоспѣли житомирцы, утомленные 30 верстнымъ переходомъ; но, спѣша на мѣсто сраженія, они прибыли бѣглымъ шагомъ подъ начальствомъ своего храбраго командира подполковника Кіандера. Генераль-маіоръ Пассекъ повелъ ихъ на лѣвый флангъ апшеронцевъ и, поставя два горныхъ единорога, вновь прибывшихъ на позицію, открылъ огонь картечью. Между тѣмъ непріятель сильно напиралъ на нашъ правый флангъ; въ нашихъ рядахъ оказывалась значительная потеря.... Заряды и снаряды истощились, значки непріятельскіе подвигались съ каждой минутой все ближе къ нашему фронту; можно было ожидать каждое мгновеніе общаго нападенія на насъ въ шашки и кинжалы, а это, при многочисленности непріятеля, при ожесточеніи и воодушевленіи горцевъ, вело къ неминуемому истребленію всего отряда; уже нѣкоторые отважнѣйшіе мюриды показывались съ кинжалами и шашками въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ войскъ. Еще на время удерживала порывы изступленія и всю дерзость мюридовъ удивительная стойкость солдатъ и отличная храбрость ротныхъ командировъ, но это не могло на долго спасти насъ. Не смотря на необходимость рѣшительнаго наступленія, генераль-маіоръ Пассекъ видѣлъ, что слабыя си-

лы наши не могут сломить многочисленнаго непріятеля, и потому рѣшился выдвинуть горный единорогъ съ праваго фланга въ центрѣ, къ стрѣлковой цѣпи 6 роты апшеронскаго полка, такъ чтобы оно могло обстрѣливать почти вдоль непріятельскіе значки, имѣя между тѣмъ на своемъ флангѣ въ 20 шагахъ мюридовъ. Штабъ-капитанъ Лагода исполнилъ это приказаніе быстро, смѣло и хладнокровно: заѣздъ былъ сдѣланъ почти подъ дулами и шашками мюридовъ.

Во время передвиженія орудія, генералъ маіоръ Пассекъ отдалъ приказаніе войсковому старшинѣ Быкадорову ударить въ пики. (Такъ какъ подполковникъ Номикосовъ былъ контуженъ, то генералъ маіоръ Пассекъ возложилъ командованіе казаками на войсковаго старшину Быкадорова). Раздавшіеся два выстрѣла картечью въ упоръ и флангъ поколебали непріятельскіе значки; нѣкоторые знаменники начали снимать ихъ съ позиціи. Это было сигналомъ единогласнаго «ура» апшеронцевъ и житомирцевъ и — ударили въ штыки; храбрые донцы № 38 полка ударили въ пики плечо о плечо съ апшеронцами.

Ударъ въ выгоднѣйшій моментъ, единовременный и дружный, смялъ, опрокинулъ густыя массы непріятеля, и конные и пѣшіе смѣшались съ мюридами и били ихъ пиками, штыками и пулями. На 40 саженьяхъ продолжалось избіеніе почти шагомъ отступавшихъ враговъ; наконецъ густыя массы мюридовъ разсѣялись и стремительно бѣжали въ селенія, а обходящія насъ толпы послѣдовали ихъ примѣру.

Съ нашей стороны, по вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, было убито 1 штабъ и 1 оберъ-офицеръ, 26 нижнихъ чиновъ и 9 казаковъ, ранено 6 оберъ-офицеровъ 104 нижнихъ чиновъ и 39 казаковъ. Всѣ войска наши, находившіеся въ семь дѣлъ оказали храбрость достойную русскихъ; но въ особенности отличился геройскимъ мужествомъ и неустрашимостію донской казачій № 38 подполковника Номикосова полкъ, который стремительными и успѣшными атаками своими, наибольше способствовалъ успѣху сего дѣла. Храбрые донцы оправдали на дѣлѣ древнюю славу свою. ¹³²).

Храбрецы донцы получили — каждый по рублю, и по 4

георгиевскихъ креста на сотню, а затѣмъ, въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія къ отличному мужеству и примѣрной храбрости, оказанныя донскимъ казачьимъ № 38 полкомъ, при побѣдѣ одержанной отрядомъ генераль-маіора Пассека надъ скопищемъ горцевъ 3-го іюня 1844 года Высочайшею грамотою, данной въ 7-й день мая 1845 г. въ крѣпости Новогеоргиевской, Всемилостивѣйше пожаловано названному полку георгиевское знамя синяго цвѣта съ надписью: «за примѣрную храбрость, оказанную при побѣдѣ, одержанной надъ скопищемъ горцевъ 3 іюня 1844 года при селеніи Гилли». ^{133.})

* * *

27 сентябрю 1844 г. партія хищниковъ около 100 человекъ, скрывавшаяся ночью, вѣроятно, въ камышахъ, находящихся въ недалекомъ разстояніи отъ Озенскаго поста, съ разсвѣтомъ напала на табуи лошадей и скота, ежедневно выгоняемый вблизи Озени на подножный кормъ. При первоначальномъ, печальномъ нападении, хищники успѣли захватить около 60 лошадей, но, встрѣтивъ упорное сопротивленіе команды, находившейся подъ начальствомъ волинскаго пѣхотнаго полка прапорщика Мольскаго, для прикрытія табуна, состоявшей изъ 74 человекъ нижнихъ чиновъ 3-й гренадерской роты волинскаго и 20 рядовыхъ минскаго пѣхотныхъ полковъ, кромѣ вооруженныхъ казаковъ и солдатъ разныхъ командъ, и увидѣвъ приближающуюся изъ Озени пѣхоту нашу, высланную оттуда по распоряженію штабсъ-капитана Мальскаго, — они рѣшились отказаться отъ дальнѣйшаго успѣха и стали отступать по направленію къ Чиръ-Юртовскимъ горамъ. Пѣхота наша двинулась по слѣдамъ хищниковъ и постоянно преслѣдовала ихъ на разстояніи 30 верстъ. Между тѣмъ, донскаго казачьяго № 28 полка есаулъ Губкинъ, собравъ, съ возможною поспѣшностію, нѣсколько человекъ казаковъ, у которыхъ лошади паслись въ табуи, быстро погнался за хищниками, завязавъ съ ними перестрѣлку и тѣмъ нѣсколько остановилъ быстрое ихъ отступленіе. Дождавшись прибытія 20 человекъ донскаго казачьяго

№ 38 полка, подъ командою хорунжаго Скоробогатаго, есауль Губкинъ смѣло бросился въ пики, смялъ непріятели, положилъ 15 тѣлъ на мѣстѣ и принудилъ его оставить отбитыхъ у насъ лошадей. Удачной атакѣ этой, по засвидѣтельствуванію самаго есаула Губкина, онъ преимущественно обязанъ личной храбрости донскаго казачьяго № 38 полка хорунжаго Скоробогатаго. Не довольствуясь своимъ успѣхомъ, есауль Губкинъ, къ которому успѣли въ это время прискакать изъ Кумтеръ-Кале донскаго казачьяго № 28 полка сотникъ Баулинъ съ 10 добровольными казаками и изъ Озени того же полка хорунжій Кирсановъ, продолжалъ преслѣдовать непріятели, не смотря на утомленіе лошадей, до самой рѣки Сулака.

Опрокидывая хищниковъ нѣсколько разъ, онъ обратилъ ихъ въ совершенное бѣгство, отбилъ 17 лошадей, заставилъ покинуть большую часть оружія и некатъ спасенія вилавъ. Во время переправы черезъ Сулакъ, на весьма невыгодномъ мѣстѣ, большая часть хищниковъ, потерявъ лошадей своихъ, погибла отъ пуль нашихъ или потонула въ рѣкѣ; небольшое только число ихъ успѣло достигнуть противоположнаго берега, но и тамъ не избѣгли они участи своихъ товарищей: хорунжій Кирсановъ съ 5-ю охотниками, сбросивъ съ себя одежду, переплыли черезъ рѣку Сулакъ и, нагнавъ полудѣтыхъ, утомленныхъ, бѣгущихъ горцевъ, изрубили ихъ шапками. Въ означенномъ дѣлѣ потеря съ нашей стороны состоитъ изъ 8 человекъ убитыхъ, 13 раненыхъ и контузень хорунжій Скоробогатовъ. Сверхъ того казенныхъ лошадей убито 1, ранено 2 и безъ вѣсти пропало 7. ¹³⁴⁾.

* * *

Командующій войсками въ Кумыкскомъ владѣніи, полковникъ Ковалевскій, расчищая съ небольшимъ отрядомъ лѣсъ на дорогѣ между укрѣпленіями Куринскимъ и Герзель-Дуломъ, 16 сентября 1844 г. былъ извѣщенъ о появленіи близъ Энгель-Юрта хищнической партіи, около 700 человекъ, предводимой Аджи-Муратомъ. При первомъ ея появленіи полковникъ Ковалевскій направилъ командира донскаго казачья-

го № 52 полка полковника Сычева съ тремя стами казаковъ къ Энгель-Юрту, чтобы пересѣчь партіи дорогу. Полковникъ Сычевъ, не смотря на превосходство силъ непріятели, послѣ первыхъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ, смѣло и рѣшительно бросился на горцевъ въ пики и принудилъ ихъ оставить захваченную добычу и поспѣшно отступить за Кочгалыковскій хребетъ; при чемъ непріатель потерялъ 13 человекъ, залотыхъ пиками, оставшихся въ рукахъ нашихъ, много убитыхъ и раненыхъ, увозимыхъ въ горы, а также большое количество отбитыхъ казаками лошадей и оружія.

Генераль-лейтенантъ Гурко получилъ объ этомъ донесеніе генераль-маіора Фрейтага и, основываясь на засвидѣтельствованіи его, что донской казачій № 52 полкъ, съ самаго прибытія на лѣвый флангъ кавказской линіи, постоянно во всѣхъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ съ горами отличался особенною храбростію, просилъ разрѣшенія войти съ представленіемъ о награжденіи полковника Сычева и другихъ офицеровъ, особенно отличившихся при отраженіи Аджи-Мурата, и о назначеніи въ 3 сотни этого полка шести знаковъ отличія военнаго ордена, для раздачи нижнимъ чинамъ. «Принимая во уваженіе просьбу генераль-лейтенанта Гурко, я разрѣшилъ ему войти съ этимъ представленіемъ и донося объ этомъ Вашему Сіятельству приѣмлю честь покорнѣйше просить довести до свѣдѣнія Государя Императора о столь похвальной службѣ донскаго казачьяго № 52 полка и исходатайствовать у Его Величества разрѣшеніе на выдачу въ (оный изъ) имѣющагося у меня запаса шести знаковъ отличія военнаго ордена». ¹³⁵).

* * *

Между подвигами храбрости донцовъ на кавказѣ, нельзя пройти молчаніемъ подвигъ ихъ въ другомъ родѣ. Этотъ подвигъ очерченъ въ рапортѣ очень просто. «Начальникъ летучаго отряда на Сулакской линіи подполковникъ Познявскій рапортомъ отъ 11 февраля за № 101 донесъ мнѣ, что одинъ изъ офицеровъ уральскаго казачьяго № 7 полка, взятыхъ въ плѣнъ хищниками 28 января близъ Озенскаго поста,

сотникъ Толстовъ выкупленъ изъ плѣна деньгами, собранными отъ офицеровъ донскихъ казачьихъ полковъ.

Почтительнѣйше донося объ этомъ Вашему Высокопревосходительству, имѣю честь присовокупить, что такъ какъ о взятіи его въ плѣнъ не было мною донесено г. военному министру, то о возвращеніи его изъ плѣна я тоже не доношу». ¹³⁶).

* * *

Изъ приказа по войску донскому.

«Командиръ донскаго казачьяго № 35 полка, подполникъ Нѣмченковъ, донесъ войсковому дежурству, что служащій во ввѣренномъ ему полку, Букановской станицы, казакъ Степанъ Полунинъ, 19 іюля прошедшаго 1847 г. возилъ бумаги съ пограничнаго Калалинскаго поста на таковой же Тавшанъ Кипляхскій, и, возвращаясь вечеромъ того же дня по патрульной дорогѣ, замѣтилъ надъ границею, по той сторонѣ р. Аршачая, одного верхоконнаго человѣка на бѣлой лошади. Желая знать, что намѣренъ предпринять этотъ человѣкъ, Полунинъ, спускась въ балку, остановился въ оной, и скоро затѣмъ увидѣлъ партію до 20 человѣкъ, переѣхавшихъ изъ за границы на нашу сторону, въ сопровожденіи того самаго человѣка, который былъ замѣченъ имъ прежде сего по той сторонѣ границы. Пропустя эту партію съ версту отъ черты кордонной линіи въ наши предѣлы, Полунинъ догналъ ихъ, сдѣлалъ изъ ружья выстрѣлъ по передовому вожатому бывшему на бѣлой лошади и ранилъ его, отъ чего онъ, вскрикнувъ, бросился назадъ за партією. Изъ толпы злодѣевъ сдѣлано два выстрѣла по Полунину, а третье ружье осѣклось; послѣ сего хищники, видя, что казакъ былъ одинъ, бросились все на него съ обнаженными шашками, а Полунинъ, въ это время, выстрѣливъ изъ пистолета, не замѣтилъ, чтобы кого изъ нихъ убилъ или ранилъ. По сильному натиску злодѣевъ, Полунинъ, не имѣя возможности зарядить ружье, оборонялся никою, но хищники, ободряя одинъ другаго, съ храбростію бросились на него, и ударами шашекъ успѣли разрубить на немъ въ трехъ мѣстахъ фуражку, не-

перубили у шинели оба погона и въ мѣстахъ 17 нарубили древко пики, которою Полушинъ старался не допускать къ себѣ удары бросавшихся съ озлобленіемъ хищниковъ. При этомъ Полушинъ успѣлъ ударить пикою одного изъ нихъ, на скакавшего на него, въ лѣвый бокъ такъ сильно, что тотъ упалъ тутъ же мертвымъ, хищники же, схватя тѣло убитаго въ числѣ пяти человекъ, ускакали съ онымъ за границу, а остальные, не отступая отъ Полушина, продолжали свой натискъ. Вскорѣ послѣ этого послышался конскій топотъ бѣгущихъ на помощь казаковъ, посланныхъ постовымъ начальствомъ по первому выстрѣлу Полушина; тогда хищники, испугавшись, бросились черезъ р. Арначай за границу, а Полушинъ, ободряясь ихъ трусостью, бросился за ними и, на половинѣ рѣки догнавши, ударилъ еще одного изъ хищниковъ пикою въ бокъ и сбиль съ лошади въ воду, который, пlying мертвымъ по водѣ, былъ схваченъ двумя хищниками, переѣзжавшими саженихъ въ двухъ ниже сего, и увезенъ за границу, куда Полушинъ уже не погнался, а возвращался назадъ по рѣкѣ, и въ это время прибѣжали къ нему казаки: Степанъ Калычевъ, Петръ Красновъ, Наталюткинъ и Ефимъ Калычевъ, которые по лунной ночи хорошо разсмотрѣли человекъ до 20 хищниковъ, быстро удалявшихся отъ границы. О событіи этомъ было тогда же донесено г. походному атаману и по представленію его о похвальномъ поступкѣ и дѣйствиіи казака Полушина, Его Сіятельство г. главнокомандующій изволилъ назначить знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія подъ № 83220, за храбрость и мужество, оказанныя при встрѣчѣ казака Полушина съ хищниками подъ 19 число іюля истекшаго года; знакъ этотъ, при собраніи казаковъ возложенъ на Полушина. Такой храбрый и мужественный поступокъ казака Полушина обратилъ особенное вниманіе и доставилъ миѣ истинное удовольствіе, за что я теперь же произвелъ его, Полушина, въ урядники и наградилъ 50 руб. серебромъ изъ экстраординарныхъ суммъ. Приказъ сей предлагаю прочесть во всѣхъ полкахъ и станицахъ при собраніи казаковъ, дабы каждый знакъ отличія, оказанномъ ихъ товарищемъ, и что мужество и храб-

рость — святой долгъ всякаго воина — не остаются бѣзъ награжденія. Походнаго атамана генералъ-лейтенанта Хрещатицкаго прошу распорядиться чтобы пика, которою защищался отъ хищниковъ казаковъ Полуниинъ, была сбережена, и по прибытіи полка № 35 на Довь, доставлена въ станьичное правленіе Букановской станицы для храненія на память будущимъ временамъ. ¹³⁷).

* * *

«12 мая, сегодня, въ часъ пополудни къ кр. Грозной былъ посланъ курьеръ на линію. Чтобы онъ могъ проѣхать безоопаснѣе, я приказалъ 40 человекамъ казаковъ препроводить его до дер. Нефтянки. Исполнивъ возложенное порученіе, казаки возвратились обратно въ Грозную и когда отѣхали версты двѣ отъ Нефтянки, со стороны Суэжи показалась партія конныхъ чеченцевъ болѣе 400 человекъ, подъ командою наибовъ: Талгика, Сабдуллы и Дубы. Чеченцы, замѣтивъ горсть донскихъ казаковъ, считали ихъ вѣрною своею добычею: они отрѣзали имъ путь отступленія отъ Грозной и понеслись на донцовъ съ увѣренностію въ нѣсколько минутъ истребить всѣхъ.

Командовавшій казаками хорунжій Погожевъ, видя предъ собою непріятеля въ 10 разъ сильнѣйшаго, спѣшилъ казаковъ и построилъ ихъ въ кружокъ; когда чеченцы подскочили съ обнаженными шашками, донцы опрокинули ихъ ружейнымъ огнемъ. Наибъ Талгикъ, окруживъ казаковъ со всѣхъ сторонъ, открылъ сильный огонь и нѣсколько разъ бросался въ шашки, но не успѣлъ разстрѣлить донцовъ, которые съ удивительною стойкостію и примѣрнымъ хладнокровіемъ, открывая огонь безъ суетливости, болѣе получаса держались противъ большой толпы чеченцевъ. Замѣтивъ, что изъ Грозной быстро приближаются наши войска, чеченцы сдѣлали послѣднее успіе: вся масса ихъ хлынула на донцовъ, но голосъ хорунжаго Погожева и лихаго урядника Назарова: «не робѣй, братцы, наши близко!» одушевилъ казаковъ; чрезъ нѣсколько мгновеній, дымъ ружейныхъ выстрѣловъ разсѣялся и горсть казаковъ, до сего времени закрытая со всѣхъ сторонъ густою толпою не-

приятеля, открылась. Чеченцы бѣжали къ Нефтянкѣ, гдѣ партія пѣшихъ горцевъ ожидала ихъ. Войска наши, преслѣдуя обѣ партіи, разсѣяли хищниковъ картечнымъ огнемъ. Казакамъ донскаго № 39 полка первый разъ досталось вступить въ бой съ непріятелемъ, сильнѣйшимъ болѣе чѣмъ въ десять разъ, и они выдержали его съ полною честію, какъ храбрые и отличные казаки, хотя и потеряли изъ числа 40 человекъ 14 раненыхъ и 3 контуженныхъ, 7 лошадей убитыхъ и 15 раненыхъ» (138).

* * *

Подъ 4 іюня 1854 г. до 34000 турокъ стояло недалеко отъ р. Чолока тремя укрѣпленными лагерями. Главный ихъ лагерь, расположенный на крутомъ обрывѣ, прикрывался съ фронта брустверомъ со рвомъ впереди и земляными батареями. Правый флангъ былъ обезпеченъ крутымъ и почти неприступнымъ оврагомъ, а лѣвый упирался въ густой лѣсъ, въ которомъ находились глубокіе овраги.

Наши силы были:—отрядъ подъ командою князя Андроникова, 11^{1/2} баталіоновъ пѣхоты, 8 полевыхъ и 10 горныхъ орудій, 4 сотни донскихъ казаковъ донскаго казачьяго № 11 Харитонова полка, грузинская конная дружина охотниковъ и 5 сотенъ имеретинской конницы, кромѣ того 6 сотенъ имеретинской и 6 дружинъ гурійской пѣшихъ милицій.

Князь Андрониковъ рѣшился напасть на непріятеля: артиллерія заняла вниманіе съ фронта, а гурійская милиція и часть имеретинской — завязали порестрѣлку съ правымъ флангомъ. На лѣвый флангъ непріятеля, какъ на слабѣйшій, обрушились наши главные силы. Легкая № 1 батарея открыла огонь противъ огня непріятельской артиллеріи. Колонна генераль маіора Майделя ударила въ штыки, а два баталіона съ саперною ротою пошли въ обходъ вправо. Баталіоны, егерскаго князя Воронцова полка, бросились тоже въ штыки и, не смотря на картечные выстрѣлы и баталіонный огонь — отбросили непріятеля въ самую середину лагеря; двѣ егерскія роты погнались за нимъ, и наткнувшись на огонь сильнаго турецкаго резерва, вынуждены были отступити. Тогда выдвинулись наши 8 легкихъ орудій

бывшихъ въ резервъ, 5 баталіоновъ и вся наличная кавалерія (гдѣ были и донскіе казаки); слѣва же пошли еще два баталіона. Тогда все, что только было въ рядахъ нашихъ, напрягается въ одно стремленіе, въ одинъ порывъ; все до послѣдняго бросаются впередъ; по всему войску поднимается крикъ: «турки бѣгутъ»!... Казаки, (донской казачій № 11 полкъ бывший въ резервъ), съ громкимъ крикомъ «ура» несутся съ двухъ сторонъ въ лагерь, рубятъ и топчутъ непріятеля. Здѣсь убитъ храбрый командиръ казачьяго полка, полковникъ Харитоновъ. Дружина охотниковъ атаковала турецкій баталіонъ, отняла знамя и три гвардейскіе значка; сотня и конная милиція имеретинцевъ врубилась въ турецкіе баталіоны, а гурійская пѣшая милиція бросилась на лагерь и отбила горное орудіе и три значка. Наша пѣхота пошла въ штыки съ барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами. Страшный ружейный огонь, картечные выстрѣлы и штыки встрѣтили нашихъ, но битва была выиграна: непріятель бѣжалъ со всехъ пунктовъ. Поле сраженія и дорога отъ Чолока до Лгвы — усеяны тѣлами

Непріятель потерялъ до 4000 человекъ. Вся его артиллерія, т. е. 13 орудій, весь лагерь, 36 знаменъ и значковъ, множество оружія осталось въ нашихъ рукахъ. У насъ убито 14 штабъ и оберъ-офицеровъ и 292 нижнихъ чиновъ, ранено 38 штабъ и оберъ-офицеровъ и 916 нижнихъ чиновъ. За содѣйствіе столь блестящей побѣдѣ донской казачій № 11 полкъ награжденъ Георгіевскимъ знаменемъ синяго цвѣта съ надписью: «За отличіе въ сраженіи противъ турокъ 4 іюня 1854 г. за рѣкою Чолокомъ.¹³⁹⁾»

* * *

Изъ рапорта командующаго донскимъ казачьимъ № 11 полкомъ, подполковника Евсигнѣева, въ войсковое дежурство отъ 6 іюня 1854 г. Озургеты:

Донской казачій № 11 полкъ слѣдовалъ въ резервъ гурійскаго отряда за Чолокъ. Вдругъ со стороны непріятельскихъ батарей раздалась пальба изъ орудій по нашему отряду; командиръ полка, полковникъ Харитоновъ, послалъ своего адъютанта, хорунжаго Бабкина, къ начальнику отряда, ге-

нераль-маіру князю Гагарину, для полученія приказанія; но на пути Бабкинъ получилъ приказаніе отъ командующаго гурійскимъ и ахалцыхскимъ отрядами, генераль-лейтенанта князя Андроникова, чтобы казачій полкъ скакалъ во весь карьеръ — къ непріятельскому лагерю. Такъ и было сдѣлано. При приближеніи къ непріятельской позиціи, 2 сотни полка, подъ начальствомъ войсковаго старшины Казимирова направлена была въ правую колонну нашего отряда, 1-я же, 5 и 6-я подъ начальствомъ полковника Харитонова были направлены къ лѣвой колоннѣ, во флангъ къ непріятельскимъ батареямъ, куда быстро понеслись въ атаку. Тутъ завязался жаркій бой; казаки, съ присущимъ имъ молодечествомъ и мужествомъ, отчаянно дрались, особенно, видя впереди себя храбраго своего командира полка, затѣмъ добрались и бросились на 2 турецкія батареи. Непріятель, видя казаковъ отчаянно несшихся на него въ пики, оставилъ свои орудія и бросился заваль. Очистивъ такимъ образомъ непріятельскія орудія и видя подоспѣвшую лѣвую нашу колонну къ этимъ орудіямъ, казаки, считая ихъ уже на своей сторонѣ, быстро понеслись, по приказанію князя Гагарина, на выѣжавшую непріятельскую кавалерію и пѣхоту противъ куринскаго и литовскаго батальоновъ. Бой былъ смертельный. Въ это самое время командиръ полка полковникъ Харитоновъ былъ убитъ картечью съ верхнихъ непріятельскихъ батарей. Полковой адъютантъ, хорунжій Бабкинъ, несмотря на непріятельскій картечный огонь и огонь ихъ всадниковъ, несшихся захватить тѣло убитаго полковника, — пренебрегая опасностью жизни, съ помощью легко раненаго своего вѣстового и 2-хъ вѣстовыхъ командира полка, вынесъ тѣло его изъ бѣсы, не допустивъ турокъ воспользоваться ничѣмъ съ покойнаго. Затѣмъ хорунжій Бабкинъ, снова кинулся въ бой.

По смерти командира, я тотчасъ же принялъ въ командованіе полкъ, и, ободривъ казаковъ, быстро преслѣдовалъ непріятеля бѣгущаго изъ лагеря и бросившаго свои батареи. На каждую ихъ попытку остановиться, казаки брали въ пики и они, не смотря на превосходство своихъ силъ, бѣжали въ паническомъ страхѣ нестройными толпами въ горы и

лѣса. Въ дѣлѣ отбито казаками баталіонное непріятельское знамя.

Въ этомъ блистательномъ дѣлѣ оказали храбрость командиры 2 сотни, войсковой старшина Казимировъ, командующіе сотнями: 1 сотникъ Земцовъ, контуженный въ лѣвую щеку пулею, 5 хорунжіи Стехинъ, — контужень картечью въ переднюю часть лѣвой ноги выше колѣна, полковой адъютантъ хорунжіи Бабкинъ, выполнявшій всѣ приказанія, какъ при покойномъ полковникѣ Харитоновѣ, такъ и при мѣѣ, — отличилъ себя особенно неустрашимостью и распорядительностью, выполняя все это хладнокровно подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ; кромѣ этого отличились командующій 6 сотнею сотникъ Голубинцевъ, хорунжіе: Басовъ, Хохлачевъ и Павловъ.

Въ этомъ сраженіи убито изъ полка штабъ-офицеры 1, казаковъ 7, ранено офицеровъ 1, урядниковъ 4, казаковъ 21. ¹⁴⁰).

* * *

13-го іюня 1854 г. генералъ майоръ Сусловъ, недоходя до Суръбъ-Оганеса версты 2 или 3, послалъ впередъ для развѣданія о непріятелѣ полковника Хрещатицкаго съ полсотней казаковъ, сотнею бековъ и куршинскимъ полкомъ. Когда полковникъ Хрещатицкій подошелъ къ монастырю, то Балюль-паша, выстроившій всю свою кавалерію на Эрзерумской дорогѣ, за укрѣпленіями, которыя были брошены, завязалъ съ нами перестрѣлку. Башни-бузуки бросились на ѣхавшую впередъ сотню бековъ и сбили ее, но были сбиты сами слѣдовавшими за беками нашими другими сотнями, и Балюль-паша началъ немедленно отступать; отступление это, при натискѣ нашей кавалеріи, бывшей съ полковникомъ Хрещатицкимъ, превратилось тотчасъ въ самое быстрое бѣгство. Вѣроятно, съ Балюль-пашею были оставлены добродѣльные люди; ихъ могли догнать только тѣ изъ нашихъ, у которыхъ были также отличныя лошади. Преслѣдованіе продолжалось болѣе 20 верстъ. Турки скакали сначала по дорогѣ, а потомъ бросились въ разныя стороны. Казаки рубили и

козюли. Балюль-паша былъ достигнуть и раненъ, но продолжалъ убѣгать; лошадь его споткнулась, перепрыгивая черезъ канаву; онъ упалъ и былъ взятъ въ плѣнъ преслѣдовавшими его казакомъ и курдомъ; также былъ взятъ въ плѣнъ Гассанъ-Ага, офицеръ, командовавшій регулярною кавалеріею. Казаки гнались неумоимо: ихъ донскія лошади въ продолжительномъ преслѣдованіи выдерживали болѣе чѣмъ мѣстныя куртинскія. Впереди всѣхъ гналь и наконецъ за 20 верстъ гналь только одинъ, урядникъ донскаго № 23 полка Переходновъ, имѣвшій отличнаго коня. Переходновъ былъ человѣкъ истинно храбрый, заносчивый и любитель боя. И прежде не проходило ни одной встрѣчи съ непріателемъ, чтобы онъ неожиданно не выскочилъ изъ цѣпи и не закололъ хотя одного турка, не оглядываясь, скачуть ли за нимъ другіе и поддержать ли его. Теперь онъ догонялъ самыхъ переднихъ турокъ и по одиночкѣ кололъ ихъ; онъ уложилъ такимъ образомъ болѣе 40 человѣкъ, по счету самихъ турокъ. Балюль-паша и Гассанъ-ага, находясь въ плѣну, говорили о немъ: «это человѣкъ страшный, онъ много убилъ нашихъ, Аллахъ накажетъ его!» Переходновъ замѣтилъ одного курда, одѣтаго великолѣпно въ красную куртку вышитую золотомъ и на отличномъ конѣ; полагая, что это начальникъ, или вообще человѣкъ значительный, хотѣлъ взять его живымъ; догнавъ его, онъ кричалъ ему по татарски: «сдайся,—или убью!»—это былъ Маметъ-бекъ, родоначальникъ одного изъ обществъ Зеляны, одинъ изъ почетнѣйшихъ курдовъ, служившій въ турецкомъ войскѣ и командовавшій у Суробъ-Оганеса башни-бузуками и курдами; онъ не останавливался и продолжалъ убѣгать, надѣясь на быстроту своей лошади. Переходновъ ударилъ его пиквою въ спину; но у него на этотъ разъ была куртинская бамбуковая пика съ насаженнымъ на концѣ ея кинжаломъ, который, вѣроятно, былъ уже испорченъ въ продолженіи преслѣдованія и боя; кинжалъ попалъ въ какую-то бляху и согнулся отъ удара. Тогда Переходновъ заскакалъ въ уровень съ Маметъ-бекомъ съ лѣвой стороны и схватилъ его за лѣвую руку, чтобы стащить съ лошади, но Маметъ-бекъ держалъ въ пра-

вой рукъ короткій карабинъ, выстрѣлилъ изъ него въ упоръ, въ бокъ своему противнику и Переходновъ, пробитый на вылетъ и убитый на повалъ, свалился съ лошади. Преслѣдованіе остановилось. Маметъ-бекъ прискакалъ одинъ, спасшись отъ преслѣдованія, и рассказалъ подробности. «Если бы я случайно не убилъ этого казака, — говорилъ онъ, — онъ убилъ бы меня, и ни одинъ изъ нашихъ не спасся бы отъ него». Переходнова похоронили у Сурбъ-Оганеса. Всѣ казаки плакали о немъ, потому что онъ былъ вообще простой, хорошій и смиренный человѣкъ. Когда онъ скакалъ одинъ на толпу турокъ, про него говорили: «экій сумасшедшій! Куда онъ лѣзетъ!» Но онъ былъ рожденъ героемъ и любилъ великія дѣла по своей натурѣ, не входя въ разсужденія, какъ о немъ посудить. Когда онъ былъ убитъ, говорили, что его конецъ былъ бы таковъ рано или поздно; но онъ палъ во славу нашей великой родины, безвѣстно, какъ исчезаютъ у насъ тысячи, молчаливо и непримѣтно исполняя долгъ свой. Его скромная, далекая могила, въ глуши Турціи, теперь, конечно, заросла травой. ¹⁴¹⁾

* * *

Въ эриванскомъ отрядѣ генералъ-лейтенанта барона Врангеля (3865 чел. пѣхоты и 1574 чел. кавалеріи) было семь сотенъ донскихъ казачьихъ полковъ №№ 4 и 23.

Непріятель 17 іюля 1854 г. занималъ сильную позицію на Чингильскихъ высотахъ. Его было 15000 челов. Есаулъ Стенюкинъ съ 2 сотнями казаковъ донскаго казачьяго № 23 полка и сотнею куртинъ, начальникъ кавалеріи эриванскаго отряда и командиръ донскаго казачьяго № 23 полка, полковникъ Хрещатицкій, съ восемью сотнями казаковъ и милиціонеровъ — пошли по главной дорогѣ къ высотамъ, занятымъ непріятелемъ — и первые вступили въ дѣло. Во время разгара сраженія казаки стояли во 2-й линіи и оттуда быстро проскакали по сторонамъ болота и выстроились въ первой линіи. Это совершено было подъ огнемъ непріятеля. При общей атакѣ, казаки, бывшіе на лѣвомъ флангѣ, перекололи прислугу у турецкихъ орудій и съ пѣхотою взяли ихъ.

Когда непріятель бѣжалъ, то полковникъ Хрещатицкій со всею кавалеріею гналъ и рубилъ турокъ на протяженіи шести верстъ, остановившись только отъ изнуренія лошадей. Сраженіе продолжалось около часа, окончилось въ 5 ч. по полудни. Утомленные войска ночевали на полѣ сраженія. Непріятельскій корпусъ былъ уничтоженъ, 4 орудія, 18 знаменъ, 3 значка, лагери, запасы, оружіе и проч. достались побѣдителямъ. По донесенію объ этомъ сраженіи—«въ особенности достойны похвалы оказались пятые баталіоны тифлискаго и мингрельскаго егерскихъ полковъ и казаки донскаго казачьяго № 23 полка, которые находились въ первой линіи и какъ пѣхота, такъ и кавалерія, стремительно ворвались и врубались въ ряды турецкихъ баталіоновъ. Полковникъ Хрещатицкій находился во время атаки впереди своей части и подавалъ ей примѣръ неустрашимости; кромѣ того, удачнымъ дѣйствіемъ и смѣлымъ наступленіемъ артиллеріи, способствовали успѣху атаки донскаго казачьяго № 23 полка есаулы: Стенюгинъ и Костинъ, сотники: Денисовъ, Евсиковъ и Трухачевъ и хорунжіи Матвѣевъ, а донскаго казачьяго № 4 полка есауль Поляковъ».

Донскому казачьему № 23 полку Хрещатицкаго пожаловано георгіевское сине-голубаго цвѣта знамя съ надписью: «за отличіе въ сраженіи противъ турокъ 17 іюля 1854 г. на Чингильскихъ высотахъ. ¹⁴²).

* * *

Подъ 24 іюля 1854 г. турецкая армія была недалеко отъ деревни Кярукъ Дара. Въ арміи было: 48 баталіоновъ пѣхоты, 16 полковъ регулярной кавалеріи, 84 орудія и около 14000 баши-бузуковъ, бедуиновъ и куртинъ, всего числомъ не менѣе 60000, кромѣ небольшого резерва, оставленнаго въ лагерѣ. Армія эта завяла позицію дугою на протяженіи не менѣе восьми верстъ. Противъ этой дуги внутри ея меньшею дугою стала наша армія всего менѣе 18000 чел.: 18 баталіоновъ пѣхоты, 26 эскадроновъ драгунъ, 44 пѣшихъ и 20 конныхъ орудій и 26 сотенъ нерегулярной кавалеріи. Въ томъ числѣ были донскіе казаки № 4 и № 20

полки и донскія конныя батареи 6 и знаменитая ⁽¹⁴³⁾ 7-я батарея Долотина. На разсвѣтъ 24 іюля 1854 г. бой начался въ центрѣ канонадою съ обѣихъ сторонъ. Главная батарея праваго непріятельскаго фланга причиняла нашей пѣхотѣ чрезвычайно большія потери. На нее пошелъ въ атаку драгунскій Его Высочества Николая Николаевича полкъ, — молча, безъ «ура», равняясь, какъ на парадѣ, подъ картечью двухъ батарей, — бившихъ ихъ съ лица и съ боку. Артиллерійская прислуга была изрублена, орудія захвачены, баталіоны отброшены. Сосѣди этихъ баталіоновъ, — штуцерные баталіоны, — пошли впередъ съ рѣдкою отвагою. Драгуны принца Виртембергскаго полка ринулись на эти баталіоны и смяли передніе ряды ихъ, но баталіоны не подались. Непрѣтельскіе штуцерные стояли, дѣйствительно, какъ львы, — смыкаясь на тѣлахъ товарищей, они рѣзались штыками и отбивались. Турецкая кавалерія, вылетая поминутно впередъ, поддерживала ихъ. Подковникъ Долотинъ, дѣйствовавшій съ 7 Донскою батареею гораздо правѣе, за лѣвой оконечностью нашего центра, увидѣвъ эту свалку, сей часъ же послалъ туда дивизионъ конной артиллеріи. Есаулъ Кульгачевъ, промчавшись мимо драгунъ, снялся съ передковъ передъ среднимъ непріятельскимъ баталіономъ и ударилъ въ него картечью. Турки не колыхнулись. Но батальный огонь ихъ почти разомъ положилъ большую часть прислуги и лошадей дивизиона, среднія орудія остались только при трехъ раненыхъ нумерахъ. Не имѣя людей, чтобы взять на передки и только по двѣ раненныя лошади въ упряжи, есаулъ Кульгачевъ отвезъ два крайнія орудія менѣе пострадавшія и передки отъ подбитыхъ; оставшіеся три нумера выстрѣлили еще разъ и тутъ — же погибли. Турки стали на орудіяхъ; это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Оставшіеся два орудія, налетѣвъ снова, продолжали бить въ упоръ. Баталіонъ, захватившій наши орудія, навлекъ на себя самые ожесточенные наши удары и былъ переколотъ до послѣдняго человѣка. Наши четыре баталіона и стрѣлки двинулись безъ выстрѣла въ штыки на пѣхоту. Заколебались турки и стали поспѣшно отвозить орудія. Драгуны принца Виртембергскаго бросились въ послѣдній разъ, смяли

разстроенную линію и захватили оставшіяся еще на позиціи два наши и четыре турецкія орудія. На всемъ нашемъ правомъ флангѣ, въ восемь часовъ утра, — турки дали тылъ. Затѣмъ подѣ натискомъ нашимъ, они тоже сдѣлали и на лѣвомъ флангѣ. Въ центрѣ однако же турецкія массы были такъ огромны, такъ тѣсно сплочены, представляли такую непроницаемую стѣну штыковъ и орудій, что въ эти минуты, когда двѣ стороны наконецъ сходились — сомнѣніе могло запасть въ душу каждаго: семь нашихъ баталіоновъ должны были сломить двадцать турецкихъ. Вдругъ вся масса ихъ съ шумомъ ринулась съ высоты на нашихъ. Наши баталіоны врѣзались въ сбившіяся въ одну массу непріятельскія колонны и заставили ихъ пятиться шагъ за шагомъ и — обратиться наконецъ въ совершенное бѣгство. Во время нашего движенія на центръ, дивизионъ донской № 7 батареи, находившейся между центромъ нашихъ и лѣвымъ флангомъ, сильно развлекалъ вниманіе турокъ, дѣйствуя по ихъ колоннамъ. Сотни полковника Скобелева съ частью донскаго № 20 полка напали на дивизионъ конной артиллеріи, * прикрываемой кавалеріею и, изрубивъ прислугу, выхватили изъ него три орудія. Уланскій турецкій полкъ почти весь истребленъ донцами, драгунами и линейцами. Храбрый пѣхотный турецкій полкъ тоже разбитъ казаками, дивизиономъ 6 донской батареи, рязцами и пикинерами. При общемъ отступленіи турокъ, — драгуны, казаки, дружины топтали и рубили ихъ. Въ первомъ часу дня преслѣдованіе прекратилось, по изнеможенію нашихъ.

За отличіе въ Кюрукъ-Даринскомъ сраженіи батарея Долотина удостоилась получить георгіевскія трубы и золотыя петлицы на мундиры офицерамъ. Командиръ ея, полковникъ Долотинъ и есаулъ Кульгачевъ награждены орденомъ св. Георгія 4 степени; всѣ безъ исключенія офицеры награждены чинами и орденами, а изъ 200 нижнихъ чиновъ батареи 60 получили знаки отличія военнаго ордена. ¹⁴⁴).

* * *

Изъ разсказа бывшаго командира донской № 7 батареи, отставнаго генераль-маіора Долотина: «Корпусъ нашъ былъ

расположенъ близь селенія Кюрюкъ-Дара, правѣ Карояльскихъ горъ версты на $1\frac{1}{2}$. Турецкій корпусъ—у сел. Хаджи-Вали верстахъ въ 18 отъ насъ впереди. Наканунѣ дня битвы, 23 июля часу въ 5 пополудни, было приказано всѣмъ войскамъ снять палатки и всѣ тяжести немедленно отправить въ корпусный вагенбургъ назадъ, войскамъ остаться на легкѣ и быть готовыми къ выступленію. Часовъ въ 9 или 10 вечера послѣдовало другое распоряженіе, чтобы всѣ войска въ 12 часовъ ночи выступили и заняли позиціи впереди лагеря и Карояльскихъ горъ, по дизлокаціи, при дорогѣ, идущей изъ Александрополя на Карсъ, параллельно лагеря; это и было исполнено; но войска не знали куда предполагается движеніе. Часу въ 3-мъ ночи, или вѣрнѣе утра, прибылъ командующій корпусомъ князь Бебутовъ и, по объѣздѣ частей, войска были двинуты направо по Карской дорогѣ. Пройдя не болѣе 2 или 3 версты, на разсвѣтѣ послышалось съ тылу отъ кавалеріи, что турки уже на Кароялахъ. Это свѣдѣніе мгновенно донеслось до ѣхавшаго впереди князя Бебутова. Онъ оставилъ войска и со свитою поскакалъ немного діагонально назадъ влѣво на гребень и, осмотрѣвши пространство, увидѣлъ, что турецкія войска правымъ своимъ флангомъ уже заняли по ту сторону гребня, за балкою на возвышенности, боевую позицію, которая продолжалась до самыхъ Карояльскихъ горъ; надобно сказать, что Карояльскія горы не длинны и оканчиваются очень крутымъ и высокимъ отрѣзомъ съ большими выдающимися камнями. Со времени нашего прихода на Кюрюкъ-Даринскую позицію, на этой оконечности былъ устроенъ нами редуть, гдѣ постоянно находилась рота стрѣлковъ съ ракетною командою, имѣя впереди кавалерійскую цѣпь. Въ ночь же съ выступленіемъ отряда на позицію, какъ стрѣлковая рота, такъ и ракетная команда были оттуда спущены и нашихъ тамъ никого не было. Войска же лѣваго турецкаго фланга тянулись еще далеко. Осмотрѣвъ позицію, князь Бебутовъ чрезъ адъютанта потребовалъ къ себѣ нижегородскій драгунскій полкъ и 7 донскую батарею и приказалъ батареѣ, подъ прикрытіемъ драгунъ, атаковать центральную турецкую батарею; вмѣстѣ

съ этимъ послано распоряженіе о направленіи нашихъ войскъ назадъ на разные пункты позиціи. Батарея, получивъ приказаніе атаковать турецкій центръ въ 12 орудій, двинулась на полныхъ рысяхъ и, подойдя на дистанцію не болѣе 250 сажень, снялась съ передковъ и открыла огонь по турецкимъ орудіямъ. Дѣйствіе батареи было чрезвычайно удачно: съ первыхъ же выстрѣловъ непріятель былъ крайне ошеломленъ пораженіемъ людей и поврежденіемъ орудій. Турки занимали позицію за балкою на возвышенности и, вѣроятно, ставши на позицію и не видавши нашихъ войскъ и не предполагая, что противъ нихъ будетъ двинута ничтожная часть легкой конной батареи, навела свои орудія тяжелаго калибра на противоположный нашъ гребень не менѣе 500 саж. дистанціи.

Когда батарея № 7 открыла огонь и начала такъ удачно дѣйствовать, то турки начали измѣнять свой прицѣлъ и наводить свои орудія, подъ страхомъ, уже гораздо ниже; дѣйствія ихъ оказались чрезвычайно дурны: большая часть снарядовъ перелетала чрезъ 7 батарею, а нѣкоторыя орудія были наводимы слишкомъ низко, такъ что снаряды ложились передъ батареею и, не дѣлая даже рикошета, углублялись въ землю; а другіе, сдѣлавъ рикошетъ, перелетали чрезъ батарею безъ всякаго намъ вреда. Такимъ образомъ 7 донская батарея начала свое дѣйствіе не позже 4 часовъ утра, простояла на позиціи около 2 часовъ, пока войска наши были распределены по пунктамъ и сформирована была центральная колонна изъ 3-хъ батарейныхъ батарей и 2-хъ гренадерскихъ полковъ. Когда эта колонна была готова, то 7 донская батарея получила приказаніе сняться съ позиціи и отступить влѣво немного назадъ, чтобы дать мѣсто для нашей центральной колонны и прикрыть ее лѣвый флангъ, противъ котораго показались изъ-за турецкаго центра пѣхотныя колонны турокъ. Отступивши съ позиціи влѣво, батарея стала противъ пѣхотной колонны турокъ. Замѣтивъ отступление наше съ центральной позиціи и свободное пространство лѣваго фланга центральной нашей колонны, часть этой колонны направилась въ обходъ съ лѣва, чтобы ударить въ нашъ

флангъ, но 7 донская батарея, отступивши, остановила ихъ и завязала съ ними дѣло. Нижегородцы, подъ командою генераль-лейтенанта Бѣлявскаго, прикрывавшіе донскую батарею, замѣтивъ, что турецкія штучерныя колонны гораздо лѣвѣ насъ, сильно наступаютъ на нашъ лѣвый флангъ, оставивъ батарею, бросились на эти колонны; по счастью командиръ драгунской бригады, графъ Ниродъ, замѣтилъ это и тотчасъ прислалъ 2 эскадрона драгунъ № 4 полка въ прикрытие батареи. Нижегородцы, въ страшной свалкѣ, не могли сбить турокъ; тогда мною былъ отдѣленъ дивизионъ въ 4 орудія подъ командою есаула Кульгачева и посланъ на помощь нижегородцамъ; дивизионъ пострадалъ, но отличился замѣчательною храбростію вмѣстѣ съ удалцомъ Кульгачевымъ. Оставшійся дивизионъ подъ прикрытіемъ драгунъ № 4 полка съ усѣхомъ отражалъ турецкую пѣхоту. Когда наша центральная колона сбила вражескій центръ, тогда весь турецкій правый флангъ дрогнулъ и началъ отступать въ самомъ жалкомъ безпорядкѣ, просто бѣжали въ разсыпную. Разбивши правый флангъ турокъ, скоро покоячили и съ лѣвымъ, который обратился бѣгствомъ частью на ихъ лагерь, а больше прямо на Карсъ. Тамъ и кончилась битва.

7 я донская батарея имѣла большую потерю въ людяхъ и лошадяхъ въ дивизионѣ Кульгачева. Люди сейчасъ же были пополнены изъ казачьихъ полковъ, а лошади изъ депо. Блестательныя дѣйствія есаула Кульгачева съ дивизиономъ я, къ сожалѣнію, не могу разказать подробно, потому что самъ не былъ тамъ и не видѣлъ».

* * *

Дѣло было въ Грузіи. Вечеромъ подъ 5 января 1859 г., между станціями Кеанскою и Чальскою двигалась подъ конвоемъ казаковъ почта на двухъ тройкахъ. Мало по малу закурила сильная метель: зги не видать. Вдругъ одна изъ повозокъ, нагруженная четырьмя чемоданами, сломалась, не дѣйя 10 верстъ до станціи. Ее оставили на дорогѣ подъ присмотромъ казака Полякова. Ящики бросился въ ближайшее селеніе за людьми для исправленія повозки, но приве-

денные люди не нашли никакой возможности починить повозку за наступившею страшною темнотою и снѣговой бурей. Уходя назадъ, эти люди уговаривали Полякова уйти вмѣстѣ съ ними, въ виду явной опасности для жизни. Но Поляковъ отвѣчалъ: «Такъ какъ, по приказанію начальства, я посланъ конвоировать почту и доставить ее въ цѣлости до слѣдующей станціи, то не нарушу долга службы и присяги: ни въ какомъ случаѣ не оставлю почту въ степи на произволъ. Если Богъ судилъ мнѣ здѣсь смерть, то умру на этомъ мѣстѣ, охраняя до послѣдней минуты порученные мнѣ казенные чемоданы». И Поляковъ остался одинъ въ степи въ страшной темнотѣ, въ холодѣ, въ снѣговой бурѣ. 5-го января утромъ его нашли—замерзшимъ на своемъ посту; замерзла и его строевая лошадь.... Когда о такомъ безстрашномъ и честнѣйшемъ исполненіи долга Поляковымъ было доложено Государю, то Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: о высокомъ сознаніи долга службы и преданности казака донскаго казачьяго № 15 полка Александра Полякова—объявить въ приказѣ по военному вѣдомству. Кромѣ того дѣду и матери казака Полякова выдать 100 руб. сер. изъ суммъ войска донскаго. ¹⁴⁵⁾

* * *

«12 мая 1862 года съ поста Хамкетинскаго, занимаемаго двадцатью казаками донскаго казачьяго № 30 полка при 1 урядникѣ, по заведенному порядку, послано было въ разъѣздъ 10 казаковъ, для осмотра мѣстности около вышки, на которой должны были остаться три пѣшихъ казака. Когда команда эта проѣхала вершину глубокаго оврага съ густымъ лѣсомъ, въ разстояніи около 300 сажень отъ поста и 200 отъ вышки,—партія горцевъ болѣе 150 человекъ, выскочивъ изъ оврага, отрѣзала отступленіе къ посту, потому горцы совершенно окружили казаковъ. Не теряя времени, казаки сѣшились, привязали лошадей къ срубленному дереву, а сами залегли за него и открыли огонь по горцамъ. Непріятель, оставивъ человекъ 50 вести перестрѣлку съ казаками, бросился къ посту съ намѣреніемъ взять его, но остав-

шавшая тамъ команда, изъ 10 казаковъ при урядникѣ Кондратьевѣ, мѣткимъ огнемъ — отбила нѣсколько разъ повторывшіеся натиски горцевъ. Видя невозможность взять постъ, горцы всей массой бросились на лежавшихъ подъ деревомъ казаковъ, но всѣ усилія ихъ остались безуспѣшны: казаки почти всѣ израненные, мужественно выдержали этотъ натискъ. Приближеніе сотни, выскочившей по тревогѣ изъ станицы Губской заставило горцевъ удалиться.

По всеподданнѣйшему докладу журнала военныхъ дѣйствій и занятій войскъ Кубанской области, съ 18 по 25 мая, Государь Императоръ, обративъ особенное вниманіе на молодецкую защиту вышеозначенныхъ 10 казаковъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, всѣмъ оставшимся въ живыхъ, знаки военного ордена и по два руб. сер., раненымъ по пяти руб., а семействамъ, оставшимся послѣ убитыхъ, по пятидесяти рублей сер.

СПИСОКЪ

казакамъ донскаго казачьяго № 30 полка, коимъ Всемилостивѣйше пожалованы награды:

Петру Павлову	}	Знаки отличія военного ордена 4 ст. и по два руб. сер. изъ войсковыхъ суммъ.
Дмитрію Фирсову.		
рапавымъ:		
Митякинской станицы Ивану Арефьеву	}	Знаки отличія военного ордена 4 ст., и по 5 руб. сер. изъ войсковыхъ суммъ.
Луганской—криказному Карлѣю Стехицу		
Семействамъ убитыхъ казаковъ:		
Каменской станицы Степана Лантева женѣ, матери и сестрѣ	}	По 50 руб. сереб. каждому изъ войсковыхъ суммъ.
Бесергеевской—Никифора Черемисова отцу и мачихѣ		
Багаевской—Николая Прохорова женѣ, дочери, тецѣ и тестю		
Умершихъ отъ ранъ казаковъ:		
Старочеркасской станицы Алексѣя Павлова женѣ и матери	}	По 50 руб. сереб. каждому изъ войсковыхъ суммъ.
Луганской—Семена Изосимова женѣ, отцу и мачихѣ		
Багаевской—Льва Коротышкина женѣ, дочери, тецѣ и тестю ¹⁴⁶⁾		

* * *

Въ 1864 г. донцы перестали служить въ Грузіи и на Кавказѣ. Въ приказѣ по кавказской арміи (29 сентября 1866 г.) сказано между прочимъ: «Храбрые донцы въ теченіе шестидесятилѣтней кавказской войны постоянно дѣлили съ русскими войсками и труды и славу военныхъ подвиговъ и гдѣ многіе изъ этихъ подвиговъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи».

Всѣхъ донскихъ полковъ съ 1836 по 1864 г. перебывало въ Грузіи и на Кавказѣ — 118 или круглымъ счетомъ болѣе 100000 человекъ; если прибавить время по 1836 г. предполагая, что донцы выставляли такое же число полковъ, — получится гораздо болѣе 225000 чел.; къ нимъ прибавить надо переселенцевъ казаковъ съ Дона на Лабу и Сунжу на жительство, мужчинъ и женщинъ около 10000 человекъ — число всѣхъ будетъ весьма почтенное. Остается прибавить слѣдующее: «въ побѣдномъ вѣнкѣ, сплетенномъ современниками кавказскимъ героямъ, значительная доля лавровыхъ листьевъ припадаетъ на сыновей тихаго Дона». ¹⁴⁷).

Въ память боевыхъ заслугъ донцовъ на Кавказѣ войску донскому пожаловано георгіевское знамя съ надписью: «за кавказскую войну».

Генераль Максимъ Григорьевичъ Власовъ.

Родился въ 1870 г., въ Раздорской на Дону станицѣ. Отецъ его, бѣдный казачій офицеръ, идя на службу, оставилъ его въ Кіево-Печерской лаврѣ монахомъ на воспитаніе. Это вложило въ него искренне-религіозныя начала на всю жизнь. Онъ былъ скудно образованъ; службу началъ 17 лѣтъ казакомъ въ войсковомъ правленіи; въ войну 1792 г. въ Польшѣ, онъ оказалъ подвиги храбрости и пришелъ на Донъ есауломъ; вступилъ опять въ гражданскую службу; а въ войну 1807 г. его имя уже попадаетъ въ реляціяхъ. Въ 1809 г. онъ управлялъ канцелярією походнаго атамана, при чемъ волонтеромъ бывалъ въ сраженіяхъ, а затѣмъ былъ командиромъ казачьяго полка. Въ войну 12 года онъ уча-

ствуеть уже въ цѣломъ рядѣ битвъ отъ Нѣмана до Боро-дина; при отступленіи французовъ онъ особенно отличался храбростію, отбивая знамена, пушки, забирая плѣнныхъ цѣлыми колонами; тогда онъ получилъ золотую саблю, георгиевскій крестъ и былъ произведенъ въ полковники; участвовалъ въ битвѣ подъ Кульмомъ и подъ Лейпцигомъ, но болѣе всего отличался въ летучемъ отрядѣ графа Чернышева, съ которымъ и завязалась у нихъ самая тѣсная дружба. Имя Власова стало извѣстно въ арміи: онъ былъ одинъ изъ немногихъ офицеровъ, которые въ чинѣ полковника носили бриллиантами украшенную саблю и орденъ св. Георгія на шеѣ. Этотъ орденъ полученъ имъ за дѣло подъ Бѣльцигомъ, гдѣ онъ съ однимъ казачьимъ полкомъ разбилъ три сильныя французскія колоны и взялъ въ плѣнъ болѣе 20 офицеровъ и 1200 французскихъ солдатъ. Храбрый полкъ, предводимый тогда Власовымъ, получилъ бѣлое георгиевское знамя.

Возвратясь въ Россію уже генераломъ, Власовъ былъ назначенъ въ 1819 г. походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказъ. Ермоловъ съ радостію встрѣтилъ своего соратника. Первыми же дѣйствіями, при усмиреніи имеретинскаго бунта и затѣмъ въ Ширъ-Анѣ, Власовъ оправдалъ его надежды. Въ 1821 г. онъ особенно отличился въ страшной калаусской рѣзнѣ, гдѣ самъ лично сражался на ряду съ казаками.

Въ 1822 г. Власовъ становится командующимъ черноморскимъ войскомъ; при одномъ изъ походовъ Власова на натухайцевъ, были, между прочимъ, разорены мирные аулы, т. е. такіе, которые укрывали хищниковъ и сами дѣлали набѣги на русскія селенія. Власова отдали подъ судъ, отрѣшивъ отъ командованія черноморскимъ войскомъ. Три съ половиною года онъ жилъ на Дону и былъ, наконецъ, вполне оправданъ. Дабы загладить невольную несправедливость храбрецу, Государь поручилъ ему управленіе войскомъ донскимъ на время отсутствія атамана Кутейникова, а вскорѣ затѣмъ онъ былъ вызванъ въ дѣйствующую армію походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ, въ Польшу.

Въ 1831 г. 7 февраля въ сраженіи при Ваврѣ, Вла-

совъ лично водилъ казаковъ въ атаку на польскую конницу. Уже съдой старикъ (на седьмомъ десяткѣ лѣтъ) Власовъ, съ пыломъ юноши, врубился въ середину польскихъ кавалеристовъ и былъ тяжело раненъ: восемь сабельныхъ ранъ по лицу, раздробленная челюсть и грудь, пробитая двумя ударами пикъ, были послѣдствіемъ его участія въ рукопашной схваткѣ; храбрецъ Стояновъ выхватилъ его полумертваго изъ боя. Произведенный въ 1831 г. въ генералъ-лейтенанты, Власовъ и послѣ войны оставался въ Варшавѣ походнымъ атаманомъ. Въ 1836 г. онъ назначенъ войсковымъ атаманомъ войска донскаго. Вызванный передъ этимъ назначеніемъ въ Петербургъ, Власовъ былъ принятъ въ кабинетъ Государя, который объявилъ новое его назначеніе и, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «послужи мнѣ еще, Максимъ Григорьевичъ! знаю, что ты страдаешь отъ ранъ, но эти раны такъ почетны, такъ славны, что жаль было бы запрятать ихъ въ какую-нибудь глушь. Пусть они будутъ на виду всего Дона и служить для его молодежи примѣромъ, какъ служили отечеству его старые слуги. Пусть будетъ въ тебѣ живой примѣръ, что и такія раны не прекращаютъ дѣятельности въ подобныхъ тебѣ богатыряхъ!»! Передъ отъѣздомъ Власова на Донъ, старый сослуживецъ его, графъ Чернышевъ сказалъ ему при разставаньи: «помни, Максимъ Григорьевичъ, что Государь прежде всего требуетъ отъ казаковъ—казачьяго духа».

Въ мартѣ 1841 г. Власовъ получилъ приглашеніе присутствовать при бракосочетаніи Августѣйшаго Атамана, для чего и прибылъ въ столицу.

16 апрѣля, рано утромъ, Власову присланъ, пожалованный ему въ тотъ день, орденъ св. Владимира 1 ст. Послѣ торжественнаго брачнаго обѣда, Государь, обходя гостей, увидѣлъ Власова и, положи руку на плечо его, сказалъ: «ну, слава Богу, оженили мы Атамана вашего. Любите и Атаманшу, какъ Его любите».

— У донцовъ, Ваше Величество, любовь къ Монарху и Августѣйшей фамиліи Его—составляетъ другую религію ихъ. Семейную радость Вашу они примутъ, какъ собственную свою».

Двѣнадцать лѣтъ атаманствовалъ Власовъ. Въ 1848 г., онъ получилъ донесеніе, что въ округахъ: Хоперскомъ, Усть-Медвѣдицкомъ и второмъ донскомъ страшно свирѣпствуетъ холера. Онъ спѣшитъ на мѣсто общаго унынія и горя и самъ заражается этою болѣзнію. Черезъ два дня умеръ 21-го іюня 1848 г. въ Усть-Медвѣдицѣ, гдѣ и погребенъ.

Онъ былъ средняго роста, широкъ въ плечахъ; разсѣкъ нижней челюсти украшалъ его полное, правильное лицо; здоровья былъ крѣпкаго, хотя и страдалъ отъ ранъ: былъ набоженъ, очень благотворителенъ, но наряду съ этимъ былъ подозрителенъ, не вѣрилъ ни въ чемъ ни кому и самъ безъ нужды хитрилъ постоянно; храбрости и отваги былъ чрезвычайной, ума—далеко ведюжиннаго. ¹⁴⁸).

Венгерская война 1849 года.

Въ 1848 г. венгерцы возстали противъ Австріи, подъ властью которой они состояли. По просьбѣ австрійскаго Императора, Николай I призналъ нужнымъ помочь ему и русскія войска двинулись въ Венгрію для подавленія мятежа. При войскахъ были казачьи полки № 1, 2, 43, 48, 32, 41, 45 и 46 и донская конно-артиллерійская № 6 батарея. Въ походъ же собственно участвовало 10 полковъ и 3 батареи.

За венгерскую компанію войску донскому пожаловано бѣлое георгіевское знамя съ надписью: «за подвиги войска донскаго въ походъ на усмиреніе Венгріи и Трансильваніи въ 1849 г.» Эти знамя и грамота «будутъ навсегда говорить потомству о чудной храбрости и молодечествѣ сыновъ Дона въ долинахъ закарпатскихъ, которымъ дивилась Европа и восхищалась земля русская.» ¹⁴⁹).

* * *

При награжденіи войска донскаго знаменемъ за эту войну, въ грамотѣ перечислены все выдающіеся подвиги храбрыхъ донцовъ: «храбрые полки и артиллерія Дона исполнили долгъ свой со свойственными имъ преданностію и усердіемъ.

Неутомимо перенося трудность похода и дѣятельно участвуя во многихъ сраженіяхъ противъ мятежниковъ— венгровъ, смѣлые и отважные донцы вновь явили блистательные примѣры доблестнаго мужества и геройской неустрашимости.

Подвиги особенно замѣчательные совершены:

1) При переправахъ чрезъ р. Тейсу: у Тиссофюрста, полкомъ № 32, и ниже г. Токая полкомъ № 51, гдѣ 6 сотня онаго, переплывъ сію рѣку, овладѣла плотомъ и переправою.

2) Въ дѣлѣ подь Мишкольцемъ полкомъ № 41, который также участвовалъ въ сраженіи при Токаѣ.

3) При поискахъ изъ Альзо-Кубина къ р. Ваагъ полкъ № 45, бросившись вплавь, способствовалъ къ овладѣнію переправою и быстро преслѣдовалъ мятежниковъ, а полкъ № 46, отличаясь въ дѣлѣ при Самосѣ смѣлою фланговою атакою, принудилъ непріятеля къ отступленію.

4) Въ дѣлѣ подь Сегезваромъ (Шесбургомъ) полкъ № 1 отбилъ у мятежниковъ, преслѣдуемыхъ на протяженіи 8 верстъ, 2 знамя и 8 орудій.

5) При дѣйствіяхъ въ Секлерляндѣ и при движеніи отъ Кронштадта къ Германштадту, а также на позиціи между Рейсмаркомъ и Мюленбахомъ, казаки смѣлымъ натискомъ содѣйствовали одержанію побѣды, отбили 6 орудій, четыре ящика съ конгревовыми ракетами, весь непріятельскій обозъ, бумаги и денежные суммы, взяли въ плѣнъ до 1500 челов. Всѣ донскіе полки и батареи безысключительно, находившіеся въ составѣ главной арміи и 5 пѣхотномъ корпусѣ, при каждой встрѣчѣ съ мятежными венграми, ознаменовывали себя славою; преимущественно же отличились въ сраженіяхъ подь Дебречиномъ и въ преслѣдованіи разбитаго тамъ непріятеля».

За отличную храбрость и примѣрное мужество, оказанная донскимъ казачьимъ № 1 Михайлова полкомъ въ сраженіи противъ мятежныхъ венгровъ іюля 1849 г. пожаловано георгіевское синяго цвѣта знамя, съ надписью: «за отличный подвигъ при усмиреніи Трансильваніи въ 1849 г.»; надпись на скобахъ: «№ 1—1850 г. за отличный подвигъ при усмирении Трансильваніи 1849 года».

* * *

Л.-гв. казачьему и атаманскому полкамъ, а также донской гвардейской батарее объявленъ былъ походъ по направлению къ Варшавѣ.

Лейбъ-казачьи эскадроны двинулись 1 августа въ Варшаву, на соединеніе съ 2 и 3 дивизіонами своего полка, пришедшими туда прямо съ Дона. Это сліяніе послѣдовало 26 августа въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Праги. Л.-гв. казачій полкъ расположился въ окрестныхъ деревняхъ, а штабъ его въ м. Бѣлоленкѣ; но стоянка оказалась крайне неудобною по размѣщенію; между тѣмъ вѣздъ въ Варшаву, безъ особаго разрѣшенія, былъ воспрещенъ и молодые офицеры изнывали отъ скуки, развлекаясь только ученіями, производившимися весьма дѣятельно; стоявшая же передъ ихъ глазами Варшава манила къ себѣ своими удовольствіями. Въ одинъ ненастный день, когда скука и неудобства въ деревенскихъ избахъ казались невыносимыми, говорить въ запискахъ Шамшевъ, «компанія, человекъ изъ восьми офицеровъ, отправилась «душу отвести», въ Варшаву. Подѣхавъ къ Прагѣ, они нашли шлагбаумъ опущеннымъ. Часовой не подымаетъ. Вызвали караульнаго офицера и онъ объявилъ, что по распоряженію его свѣтлости, фельдмаршала, не позволено никого пропускать изъ Варшавы и никого не впускать въ нее и что распоряженіе сдѣлано вслѣдствіе розыска какого-то политическаго преступника. Нечего дѣлать,—пришлось скучающей молодежи нашей возвращаться въ свое захолустье. Между офицерами былъ корнетъ Т....., лихой, безстрашный наѣздникъ. Подъ нимъ кипѣлъ конь, бурой масти, собственнаго его степнаго завода. Т....., отѣхавши саженей двѣсти отъ заставы, вдругъ поворачиваетъ назадъ и разжигаетъ своего скакуна. «Куда ты?» спрашиваютъ товарищи. — «Въ Варшаву!» — «Что ты съ ума снятилъ? Вѣдь мы на военномъ положеніи; за этакую продѣлку бѣды не миновать!» — «Пусть будетъ, что будетъ, а ужъ я сегодня въ Варшавѣ побываю!» отвѣчалъ Т..... и—стрѣлою понесся къ заставѣ.... Офицерамъ оставалось только одно: слѣдить за понесшимся

на опущенный шлагбаумъ Т.... и ожидать, что часовой у шлагбаума будетъ на столько благоразуменъ, что подыметъ шлагбаумъ; но часовой остался вѣренъ своему долгу и равнодушно смотрѣлъ на отчаяннаго всадника, стремившагося сломить себѣ шею. Шлагбаумъ не шевельнулся; но это не сконфузило нашего джигита: бурый совершилъ мощный скачекъ и былъ уже за шлагбаумомъ вмѣстѣ со всадникомъ. Выскочившіе караульные пѣхотинцы только всплеснули руками отъ удивленія; разиня рты, они слѣдили глазами, какъ удалецъ нашъ понесся по пражскому мосту въ Варшаву. На другой день это происшествіе доложено было фельдмаршалу; молодецкая выходка офицера до того понравилась ему, что взысканія никакого не послѣдовало. Много потомъ было толковъ по этому поводу и даже нѣкоторые пріѣзжали въ деревню посмотреть на знаменитаго кони-скакуна». ¹⁵⁰).

* * *

«Однажды человекъ 12 лейбъ казачьихъ офицеровъ выѣхало посмотреть на линейное ученье кавалерійской дивизіи, производившееся въ Высочайшемъ присутствіи, чтобы приглядѣться и приготовиться къ назначенному казакамъ на завтра Высочайшему смотру. Стоимъ мы особо группою за царскою свитою, недалеко отъ самаго Государя. Вотъ строится уставной боевой порядокъ. Уланы и гусары выдвигаются въ первую линію, развертывается фронтъ. Затѣмъ первые и шестые эскадроны ихъ, по тогдашнему уставу, разсыпаются во фланкеры; но ученье вообще идетъ вяло... Государь не доволенъ..... «Что это за легкая кавалерія!» — вскрикнулъ онъ, «это — кирасиры! Я вамъ завтра покажу, какъ вотъ эти ерофеичи разсыпаются!» и Государь показалъ на нашу группу. Не сразу понявъ значеніе этого слова «ерофеичя», мы переконфузились, вообразили, что слышемъ пьяницами... Но скоро потомъ успокоились: вспомнили о нашемъ полковомъ патронѣ св. Ерофеѣ, въ день котораго произведена нашимъ полкомъ знаменитая атака подъ Лейнцигомъ и что день этотъ есть день нашего полковаго праздника. Тогда смущеніе наше замѣнилось благородною гордостью и всѣ мы рады

были приданному намъ эпитету «ерофеичи».

«На завтра—каждый эскадронный командиръ л.-гв. казачьяго полка, выстуная на Высочайшій смотръ, рассказы-валъ своимъ людямъ про вчерашнее ученье уланъ и гусаръ, про слова Государя объ «ерофеичахъ» и твердилъ: «ну смотри же, станичники, засмаливай! неударь лицомъ въ грязь»...

Для Высочайшаго смотра гвардейская казачья бригада (л.-гв. казачій и лейбъ-атаманскій Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полки, л.-гв. донская конно-артиллерійская батарея) была построена развернутымъ фронтомъ, въ одну линію. Гвардейскіе казачьи полки въ первый разъ имѣли счастье представиться Государю Императору въ полномъ своемъ составѣ. Красивый фронтъ восхицалъ всѣхъ присутствующихъ. Даже офицеры полка, служащаго по дивизионно, никогда до тѣхъ поръ не видѣли самихъ себя въ такомъ парадномъ сборѣ. Тринацать эскадроновъ въ яркихъ цвѣтахъ казачей гвардіи, на борзыхъ и хорошо выдержанныхъ коняхъ, представили живой, легкой строй могучей силы. Приѣхалъ Государь и началъ ученье.... Построенія производились на быстрыхъ аллеяхъ.

Дошло дѣло до атаки. Тринацать эскадроновъ ринулись сомкнутымъ фронтомъ вдоль валиковъ Мокотовскаго поля. Атака была поражающая.... Затѣмъ раздалась новая команда: «по 6 эскадрону 1 полка перемѣна фронта правымъ флангомъ назадъ». И бригада, выстроившись уже поперекъ валиковъ, произвела вторичную атаку. Этой вторичной атакой, какъ мы узнали послѣ, казаки обязаны были генералу Ламориссьеру, французскому посланнику, тутъ же присутствовавшему и находившемуся при Государѣ. Послѣ первой атаки, Государь спросилъ его—какъ ему нравится эта бригада? Ламориссьерь отвѣчалъ: «если я видѣлъ въ Европѣ легкую кавалерію въ полномъ значеніи этого слова, то только у Вашего Величества—въ лицѣ этой бригады!» Тогда Государь приказалъ произвести вторую атаку, уже поперекъ валиковъ, что и было еще эффектиѣе и вскорѣ л.-гв. казачій полкъ прочелъ въ приказѣ, что Государь Императоръ, осмотрѣвъ л.-гв. казачій полкъ, 2 эскадронъ л.-гв. черноморскаго диви-

зіона, атаманскій Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ и два дивизиона л.-гв. донской батареи и, найдя ихъ въ самомъ блистательномъ и отлично-примѣрномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи, объявляетъ Высочайшее благоволеніе командирамъ полковъ, командирамъ дивизионовъ и эскадроновъ и всѣмъ гг. офицерамъ. Нижнимъ чинамъ, на смотру бывшимъ, Его Величество жалуетъ по рублю серебромъ на человѣка.» ¹⁵¹).

* * *

Сверхъ благодарностей за смотры и ученія, бывшія въ присутствіи Государя Императора и главнокомандующаго арміею, въ которыхъ участвовала донская конно-артиллерійская № 6 батарея, объявлена благодарность батарейному командиру въ приказѣ по арміи отъ 1 апрѣля 1848 г. за № 46, «за приведеніе батареи въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г. въ военное положеніе въ теченіе двѣнадцати дней, послѣ чего, 24 того же мѣсяца она выступила изъ Варшавы чрезъ три часа послѣ полученія приказанія форсированнымъ маршемъ къ прусской границѣ, гдѣ, пробывъ два мѣсяца въ быстрыхъ движеніяхъ въ отрядѣ генераль-лейтенанта Реада, возвратилась въ отличномъ состояніи въ лагерь при Варшавѣ.

Во все продолженіе компаніи въ Венгріи означенная батарея находилась въ авангардѣ—передовыхъ отрядовъ и участвовала съ усиліемъ въ дѣлахъ противъ непріятели, а за оказанное мужество Высочайше награждена серебряными трубами; всѣ же офицеры и нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ получили за храбрость награды.» ¹⁵²).

* * *

Донскаго казачьяго № 1 полка сотникъ Сулинъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса за отличіе въ сраженіи 25 іюля 1849 г. подъ Германштадтомъ. Сулинъ взялъ самъ съ боя одно орудіе и, съ помощію казаковъ своей сотни, отбилъ еще два орудія. Того же полка сотникъ Красновъ награжденъ тѣмъ же орденомъ за отличіе въ сраженіи подъ Мюленбахомъ 31 іюля: онъ съ полусотнею казаковъ взялъ съ боя три непріятельскихъ орудія. ¹⁵³).

Разсказъ сотника, нынѣ отставнаго полковника, Сулина: «Передъ венгерскою войною, мы съ полкомъ своимъ № 1 стояли въ Валахіи; при началѣ компаніи, мы двинулись при V пѣхотномъ корпусѣ изъ Валахіи въ Трансильванію, гдѣ съ венгерцами дѣйствовалъ Бемъ. При V корпусѣ были слѣдующіе казачьи полки: Костина (который при первомъ дѣлѣ, не припомню въ какомъ мѣстечкѣ, былъ убитъ¹⁵⁴) и его замѣнилъ Михайловъ), Хоперскаго и Грекова; эти два полка находились большею частію при главныхъ силахъ корпуса и почти не участвовали въ дѣлахъ. Нашъ же полкъ № 1, съ начала вступленія въ Трансильванію, находясь въ авангардѣ, больше всего дѣйствовалъ противъ венгерцевъ. 25 іюля 1849 г. полкъ нашъ вмѣстѣ съ драгунскимъ стоялъ на правомъ флангѣ нашей позиціи, а непріятель двигался отъ Шесбурга къ Германштадту по большой шоссеиной дорогѣ; нашъ полкъ съ драгунскимъ были посланы въ обходъ лѣваго фланга непріятеля; мы остановились передъ непріятельскою артиллеріею, занявшею мѣсто между позиціею своего отряда и Германштадтомъ; на насъ посылались градъ картечи; не получая приказаній, какъ отъ старшаго, отъ полковника драгунскаго полка, съ которымъ, мы вышли въ обходъ, и не желая попусту терять людей, полкъ нашъ, безъ приказаній, помчался въ карьеръ по направленію къ Германштадту; въ это время непріятель колонами пошелъ по дорогѣ къ городу, артиллерія его съ боку, съ лѣвой стороны, тоже потянулась въ колонахъ. Примчавшись къ дорогѣ, мы увидали въ нѣсколькихъ сажениахъ отъ нея глубокую, параллельную ей канаву; я съ 30 казаками, перескочивъ ее, пролетѣлъ между интервалами непріятельскихъ колонъ и, наткнувшись на ихъ артиллерію, срубилъ на первомъ орудіи взрывныхъ и съ помощію казаковъ свалилъ орудіе въ близъ лежащее болото; затѣмъ съ казаками захватилъ еще два орудія; тутъ я былъ атакованъ непріятельскою кавалеріею, которая и прижала меня къ огорожѣ винограднаго сада: однако взять меня съ казаками не рѣшилась. Вскорѣ по приказанію корпуснаго командира Лидерса, посланный эскадронъ драгунъ, выручилъ меня; за это дѣло я получилъ Георгія

4 степени. А въ дѣлѣ между Рейсмаркомъ и Мюлленбахомъ 31 іюля я, съ помощью казаковъ своего взвода, захватилъ коляску съ имуществомъ и казною Бема, а также гонялся за самимъ Бемомъ, но счастье его было то, что моя лошадь была сильно утомлена во время атаки отряда Бема скачкою по кукурузѣ; къ сожалѣнію, я не могъ догнать его, хотя былъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ него, когда онъ застрѣлъ въ болотистой рѣкѣ съ лошадью; соскочивъ съ нее, онъ кукурузой пробрался до близъ лежащей деревни и тамъ успѣвши сѣсть на свѣжую лошадь—ушелъ; я съ казаками успѣлъ только захватить и вытащить его застрѣвшую лошадь.

За венгерскую компанію полкъ нашъ получилъ георгіевское знамя, (которое я и доставилъ въ Новочеркасскъ), да кромѣ того, два офицерскихъ георгіевскихъ креста и много другихъ офицерскихъ орденовъ и знаковъ отличія военнаго ордена».

* * *

«Генераль Кузнецовъ, подойдя наканунѣ въ 6 часовъ вечера съ авангардомъ къ Токаю, не засталъ непріятеля въ мѣстечкѣ. Послѣдній въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, при двухъ орудіяхъ, пройдя за день передъ тѣмъ изъ Миш-кольца, успѣлъ разобрать плашкотный мостъ при Токаѣ и перетянуть его на противоположный берегъ; поставивъ около моста свои два орудія, онъ ими обстрѣливалъ вдоль главную улицу Токая. Генераль Кузнецовъ выдвинулъ нѣсколько орудій и, занявъ прибрежные дома стрѣлками, открылъ по непріятелю усиленный огонь и въ тоже время послалъ два донскіе казачьи полка (№№ 41 и 51) внизъ по теченію, съ приказаніемъ переправиться черезъ рѣку въ бродъ, если таковой найдется, а въ противномъ случаѣ впасть, дабы атаковать непріятеля во флангъ. Къ сожалѣнію брода не оказалось и берега рѣки были такъ круты, что не было возможности спустить лошадей къ водѣ. Тогда 6 сотня 5 полка, имѣя во главѣ командира своего, войскового старшину Губкина, сбросивъ платье, съ одними пашками бросилась въ воду, переплыла рѣку шириною болѣе 100 сажень и ата-

ковала плашкоты, привязанные на противоположномъ берегу. Непрiятель, озадаченный такою смѣлостью и обстрѣливаемый въ тоже время нашими орудiями и штуцерами, растерялся и обратился въ бѣгство, оставивъ 4 тѣла убитыхъ на мѣстѣ. Съ нашей стороны было только два убитыхъ и 5 раненыхъ». ¹⁵⁵).

* * *

«Донского казачьяго № 45 полка казаки станицъ: Богоявленской—Даниилъ Терентьевъ, Николаевской—Иванъ Горячевъ, Иловлинской—Петръ Ремизовъ и Яковъ Текутовъ, во время военныхъ дѣйствiй съ венгерскими мятежниками въ июль мѣсяцѣ 1849 г., по приказанiю отряднаго начальника генераль-адъютанта Граббе, были посланы на лѣвый берегъ Дуная въ отрядъ генераль-адъютанта Панютина съ извѣстiемъ о движенiи нашихъ войскъ на Балласъ-Порманъ. Казаки эти, пройдя черезъ районъ, занятый непрiятельскими войсками и, не найдя генерала Панютина на лѣвомъ берегу Дуная, переплавили лошадей черезъ Дунай, сами переплыли на лодкахъ близъ Грана и явились въ отрядѣ Панютина, исполнивъ данное имъ приказанiе. Государь Императоръ соизволилъ выдать тѣмъ казакамъ по пяти червонцевъ каждому и сверхъ того за расторопность и отважность ихъ—всѣ четверо награждены знаками отличiя военнаго ордена». ¹⁵⁶)

* * *

При особомъ отрядѣ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Гротенгельма (10000 челов. и 33 орудiя, вмѣстѣ съ австрiйцами) состояла одна сотня (около 130 чел.) донскаго казачьяго № 50 полка. Отрядъ назначался для дѣйствiя въ Буковинѣ.

Вечеромъ 10 июля 1849 г. находившiеся въ колоннѣ полковника Бера казаки (30 челов.) подъ начальствомъ сотника Харитонова высланы были для развѣдокъ. Пройдя с. Дедрадъ и наткнувшись на непрiятельскiе аванпосты, они немедленно атаковали ихъ и, отогнавъ назадъ, заняли одну изъ близъ лежащихъ высотъ. Затѣмъ, разобравъ находив-

шіяся на этомъ мѣстѣ кучи ржаныхъ сноповъ, казаки — разставили ихъ по гребню возвышенности длинными рядами, которые, при обманчивомъ ночномъ освѣщеніи, могли глазамъ неопытныхъ и оторопѣвшихъ отъ неожиданной атаки секлеровъ, легко показаться фронтомъ пѣхотныхъ колонн. Такъ, повидимому, и случилось, потому что непріятель не рѣшился въ продолженіе ночи ни на одну попытку противъ занятаго казаками пункта, а смѣтливые донцы провели всю ночь вблизи главной позиціи противниковъ и пмѣли возможность наблюдать за ихъ передвиженіемъ. На разсвѣтѣ непріятель двинулъ впередъ своихъ стрѣлковъ; но удалцы наши, спѣшившись и засѣвъ въ кустахъ, продержались на мѣстѣ еще около полчаса времени. При завязавшейся тутъ перестрѣлкѣ храбрый сотникъ Харитоновъ былъ раненъ пулею въ грудь. ¹⁵⁶).

* * *

Въ память венгерской компаніи появилось извѣстное стихотвореніе А. М.

Славьтесь, славьтесь, казаки, удалцы природны,
Славьтесь храбрые донцы вы на все природны!
Не страшить васъ пуля, мечъ,
Не страшить ядро, картечь.
Горы и долины, рѣки и стремнины!
Гдѣ васъ нужно — вы туда орлами летали,
Подъ орудія мѣста мигомъ занимали,
Въ рѣки строемъ вы неслись,
Берега отъ васъ тряслись,
Вы спасали нѣмца, карали венгерца, и т. д.

Генераль Яковъ Петровичъ Баклановъ.

„Если бы вы боялись Аллаха такъ,
какъ боитесь Бакланова, то вы были бы
святыми“.

(Слова Шамиля своимъ наивамъ) ¹⁵⁷).

Родился Баклановъ въ 1808 г. въ Гугнинской станицѣ. Въ 1824 г. вступилъ въ службу урядникомъ, въ 1828 г. про-

изведенъ въ хорунжіе, 1833 г. въ сотники, въ 1837 г. въ есаулы, въ 1844 г. войсковые старшины, въ 1848 г. въ подполковники, въ 1850 г. въ полковники, въ 1852 г. въ генераль-маіоры въ 1860 г. въ генераль-лейтенанты; въ числѣ многихъ орденовъ, имѣлъ орденъ св. Георгія побѣдоносца 4 ст. за храбрость при атакѣ непріятельской позиціи на Мичицѣ (18 февраля 1882 г.). Былъ въ походахъ: въ Турціи, на Кавказѣ, въ Закавказьи и Польшѣ. Былъ раненъ пулями: въ ключицу лѣвой руки, въ бедро правой ноги и пашкою въ лѣвую руку.

Въ своихъ запискахъ Баглановъ говоритъ слѣдующее:

«Родился я отъ бѣдныхъ родителей, былъ единственнымъ сыномъ. Отецъ мой поступилъ на службу казакъ, дослужился до чина полковника; онъ постоянно находился въ полку, поэтому не могъ заботиться о моемъ воспитаніи. Мать, женщина простая, безъ средствъ, мало думала объ ученіи меня грамотѣ, но родная моя бабка въ одинъ день объявила мнѣ, что я долженъ поступить учиться грамотѣ къ Кудиновѣ—грамотная старуха, принимавшая дѣтей къ себѣ въ школу. У ней два года по церковной азбукѣ зубрилъ я: азъ—ангелъ ангель -скій, ар—хан—гель ар—хан—гель—скій; отъ нея переведенъ къ пономарю учить наизусть «часовникъ», а затѣмъ къ дьячку, гдѣ проходилъ «псалтирь». Въ 1817 г. мнѣ было 9 лѣтъ, когда отецъ мой, наряженный въ Бессарабію въ полкъ Горбикова, взялъ и меня съ собой. Въ 1823 г. полкъ отпущенъ на Донъ. А въ 1825 г. отецъ, вновь командированный въ Крымъ, въ полкъ Попова, взялъ и меня съ собой съ зачисленіемъ въ комплектъ полка. Будучи произведенъ въ урядники, при доставшейся очереди, во время похода, дежурить по сотнѣ слѣдовало мнѣ при утреннемъ рапортѣ писать рапортчики и подписывать ихъ, но я не могъ исполнять ни того, ни другаго. Эта неожиданная моя безграмотность сильно поразила отца, почему онъ, по прибытіи въ Крымъ, отправилъ меня въ Феодосію въ уѣздное училище. Въ продолженіи года, я прошелъ значительную часть премудрости, которой тамъ обучаютъ; но мать, оставшаяся одна въ домѣ, въ письмахъ

своихъ настоятельно требовала, чтобы отецъ пріѣхалъ со мною въ отпускъ и женилъ бы меня. Отецъ исполнилъ ея просьбу; а вмѣстѣ съ женитьбой прекратилось дальнѣйшее мое ученье.

Во время турецкой войны въ 1828 г. князь Воронцовъ потребовалъ отъ полка нашего офицера, для посылокъ съ депешами къ Великому Князю Михаилу Павловичу въ Браиловъ. Такъ какъ я уже былъ офицеромъ, а отецъ мой командовалъ полкомъ, то и назначилъ меня въ эту командировку. Одинъ разъ, сдавши въ Браиловъ депеши, я дней десять ожидалъ приказанія возвратиться къ полку, какъ вдругъ передъ вечеромъ слышу, что вызываютъ охотниковъ идти на штурмъ. Не разсуждая, какія могутъ быть послѣдствія, я заявилъ себя желающимъ быть въ средѣ ихъ. Въ полночь весь отрядъ охотниковъ, подкрѣпляемый густыми колонами пѣхоты, двинулся впередъ; на разсвѣтъ тихо подошли мы къ главной батарее и съ крикомъ «ура» бросились на штурмъ.... Что далѣе происходило сказать не могу по слѣдующей причинѣ: когда мы прибѣжали ко рву, — насъ подняло на воздухъ; многіе были засыпаны землей, нѣкоторыхъ отнесло отъ батарей, а мнѣ, кажется, пришлось нѣсколько сажень летѣть по воздуху, какъ птица пернатой. На другой день я пришолъ въ себя лежа въ палаткѣ между ранеными. Штурмъ былъ неудаченъ; потери громадны. Черезъ пять дней меня выписали изъ госпиталя, какъ выздоровѣвшего и я получилъ приказаніе отправиться къ полку, шедшему на мѣстечко Рейны, при впаденіи р. Прута въ Дунай. Дождавшись тамъ полка, я первымъ долгомъ счелъ разсказать мою отвагу отцу, въ чаяніи получить похвалу: но, увы! вмѣсто похвалы, отецъ отдубасилъ меня нагайкой, приговаривая: «не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части, а съ ней—иди въ огонь и въ воду».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1829 г. армія изъ подъ Шумлы двинулась черезъ Балканы. 7 числа, въ числѣ охотниковъ, бросился я впасть на лошади чрезъ рѣку Камчикъ. Ширина ея не превышаетъ десяти сажень; подъ картечными выстрѣлами двѣнадцати турецкихъ орудій, стоявшихъ по правую

сторону рѣки, мы бросились въ воду; многіе охотники были убиты и утонули, но $\frac{4}{5}$ въ количествѣ 2/т. переправились благополучно, сбили турокъ съ позиціи и тѣмъ дали возможность двинуться нашимъ колонамъ на переправу. За такую отвагу я отъ отца получилъ поощрительную награду—нѣсколько нагаекъ въ спину, будто бы за то, что я позволилъ себѣ пуститься на вороной лошади, а не на бѣлой: эта-де была сильнѣй и надежнѣй, а съ вороною могъ-де я утонуть. На дѣлѣ же выходило вотъ что: отцу не хотѣлось, чтобы я, очертя голову, бросался во всѣ нелегкія. Понявши наконецъ его и дорожа своей спиной, не позволялъ я себѣ болѣе никакихъ отвагъ.

Съ 1834 по 1837 г. я находился въ полку Жирова на правомъ флангѣ кавказской линіи, гдѣ участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами; особыхъ отличій съ моей стороны, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ казацкихъ, не было, кромѣ развѣ слѣдующаго. Полкъ нашъ, двинутый за Кубань на р. Чамлыкъ, построилъ укрѣпленіе и расположился въ немъ. Во время постройки крѣпости лошади паслись подъ рѣкой, подъ прикрытіемъ одной сотни; горцы видѣли эту оплошность и вознамѣрились, во что бы то ни стало, отбить весь табунъ у прикрывающей сотни; для того собралось горцевъ болѣе 360 челов. самыхъ отборныхъ наѣздниковъ изъ князей и узденей. Въ ночь подъ 4 іюля 1836 г. они скрытно подошли къ крѣпости и остановились вблизи ея въ лѣсу съ такимъ намѣреніемъ, когда выпустятся на пастьбу лошади, гинуть изъ засады и угнать ихъ. По ихъ расчету полкъ остался бы пѣшій, кромѣ прикрывающей сотни; но они горько ошиблись: вмѣстѣ со вступленіемъ полка въ крѣпость, лошади болѣе на пастьбу не выпускались. 4 числа, я былъ дежурнымъ съ своею сотнею и, по заведенному порядку, послалъ развѣзды вверхъ и внизъ по рѣкѣ для осмотра мѣстности. Выйдя на батарею, я слѣдилъ за ними: посланный внизъ спустился къ Чамлыку и скрылся за лѣсомъ, почему мнѣ нельзя было видѣть, какаа катастрофа происходитъ съ развѣздомъ; черезъ четверть часа показался скачущій всадникъ, оставшійся въ живыхъ изъ

15 разъѣздныхъ, остальные же 14 погибли; за нимъ громадная вереница кавалеріи. Я тотчасъ приказалъ моей сотнѣ сѣсть на коней и выступить на встрѣчу горцамъ; за полверсты отъ крѣпости встрѣтился съ ними, но въ бой не вступалъ, считая себя слишкомъ слабымъ. Горцы, видя свою неудачу, повернулись и шагомъ пошли обратно. Я двинулся по слѣдамъ партіи, но держался на благородной дистанціи, выбирая на каждомъ шагѣ выгодную позицію, чтобы въ случаѣ нападенія сѣшиться и стать въ оборонительное положеніе;—эта спасительная метода принята на всемъ Кавказѣ; гоццы перешли Чамлыкъ и двинулись къ Лабѣ (между этими рѣками версть на 25 дѣсу нѣтъ—чистое поле). Еще въ виду крѣпости партія бросилась на меня въ шашки; сотня сѣшнулась и встрѣтила горцевъ батальнымъ огнемъ; болѣе полумаса я выдерживалъ атаку; партія отступила, оставивъ на мѣстѣ 20 тѣлъ. Пошелъ и я за ней на почтительной дистанціи. На пространствѣ десяти верствъ я выдержалъ двѣнадцать атакъ: у меня выбыло изъ строя до 20 человекъ. Послѣ седьмой атаки я послалъ урядника Некредина къ командиру полка просить подкрѣпленія и сказать, что въ сотнѣ нѣтъ патроновъ. Послѣ десятой атаки явился Некрединъ и передать въ полголоса отвѣтъ командира: «сважи голову рѣзу, если у него нѣтъ патроновъ, то есть пики, а на меня пусть не надѣется». На вопросъ мой: далеко-ли полкъ отъ насъ? Еще изъ крѣпости не выступалъ, былъ отвѣтъ. Я былъ пораженъ такою вѣстью. Пошелъ проливной дождь. Послѣдовала одинадцатая атака. Послѣ первыхъ выстрѣловъ ружья замолкли, минута настала критическая; къ счастью, атака продолжалась минутъ пять. Партія отступила. Послѣдовалъ и я за ней. Подозвавъ къ себѣ субалтернъ-офицера Полякова, высказалъ ему наше положеніе, прибавивъ, что какъ у меня, такъ и у него кони добрые и мы могли бы ускакать, но въ такомъ случаѣ на жертву останутся меньшіе братья, а потому дасть ли онъ честное слово умереть совмѣстно съ братією, со славою, не видя сраму? отвѣтъ: «хочу умереть честно, а сраму не желаю пережить». Поблагодаривши его, я передалъ слѣдующее мое распоряженіе: горцы еще атаку-

ють насъ и, если встрѣтятъ нашу стойкость, тотчасъ отступятъ; нужно пользоваться моментомъ: «слушай, вторая полусотня остается въ твоёмъ распоряженіи, съ первую я брошусь въ пики и, если ты увидишь, что горцы будутъ хоть немного притѣснены, ту-жъ минуту подкрѣпи своими пиками; но если перевернуть меня, уснѣвай, въ пѣшемъ строю, стать въ оборонительное положеніе — примкну и я къ тебѣ и будемъ рубиться пока живы». Я не ошибся. Послѣдовала двѣнадцатая атака. Встрѣтивъ непоколебимое сопротивленіе, горцы повернули отъ насъ и пошли шагомъ. Сотня съѣла на коней. Вдали гремѣлъ громъ и звукъ его много походилъ на гулъ орудійныхъ колесъ. Я обратился къ сотнѣ съ слѣдующими словами: «товарищи! слышите гулъ орудійныхъ колесъ? Это полкъ спѣшитъ къ намъ, горцы безсильны, ружья и пистолеты ихъ такіе же замокшіе какъ и ваши, нагрянетъ полкъ и передушитъ ихъ, какъ цыплятъ, но это бы ничего, а всю славу припишетъ себѣ. Вы-же цѣлый день выставляли вашу могучую грудь и останетесь не при чемъ! Станичники! не допустимъ ихъ воспользоваться нашими трудами. Пики на перевѣсъ! съ Богомъ! впередъ!» первая полусотня врѣзалась въ средину; каждый казакъ пронзилъ пикой свою жертву. Эта неожиданная наша смѣлая выходка поразила горцевъ; вмѣсто того, чтобы отразить насъ — никто не схватился за пашку. Вторая полусотня подкрѣпила первую. Опрокинутые горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать; на пространствѣ 15 верстъ мы преслѣдовали ихъ до р. Лабы. Осталось до 300 тѣлъ, — ушло не болѣе 60 человекъ. Возвращаясь къ полку, я забралъ разсыпанныхъ въ полѣ лошадей, а съ убитыхъ снялъ оружіе; въ плѣнъ никто изъ горцевъ не былъ взятъ, потому что трудно было требовать отъ казаковъ, людей разъяренныхъ, какъ львы, пощады врагамъ. Только въ пяти верстахъ отъ крѣпости встрѣтилъ насъ полкъ, шедшій при двухъ полевыхъ орудіяхъ. Что за причина была со стороны командира полка бросить меня съ сотнею на погибель — разяснить не умѣю. За это дѣло я получилъ Владиміра 4 ст., Поляковъ Анны 3 ст.

«Въ январѣ мѣсяцѣ 1852 г. начальникъ лѣваго фланга, князь Барятинскій, выступилъ изъ кр. Грозной на Шалинскую поляну, съ намѣреніемъ перейти Большую Чечню на Куринскъ. Въ это же время, со стороны Куринска, я дѣлалъ просьбу на Мичукъ, куда долженъ былъ выйти отрядъ Барятинскаго. Очистивъ къ 16 числу февраля лѣсъ отъ берега на 100, а по рѣкѣ на 300 сажень, я 17 числа отпустилъ войска по крѣпостямъ на четыре дня для отдыха; а въ полдень того же дня съ башни, стоящей отъ укрѣпленія на версту, дали мнѣ знать, что за Мичукомъ, по направленію къ Автурамъ слышны не только пушечные выстрѣлы, но даже батальный, ружейный огонь. Я понялъ, что Барятинскій идетъ въ Куринскъ, а потому тотчасъ же послалъ двѣ записки въ укр. Герзель-Аулъ въ 15-ти и постъ Карасинскій въ 17-ти верстахъ, чтобы изъ перваго двѣ роты при орудіи, а изъ послѣдняго двѣ сотни моего полка—немедленно явились въ Куринскъ. Каждая записка вручена тремъ казакамъ на добрыхъ коняхъ, испытаннымъ въ отвагахъ, съ приказаніемъ доставить по принадлежности во что бы то ни стало. Требуемая части прибыли къ полуночи. Велѣдъ за ними явился отъ Барятинскаго лазутчикъ съ запиской: съ разсвѣтомъ стать между рѣками Мичукомъ и другой рѣкой и ожидать его отряда. Минуть чрезъ десять явился мой лазутчикъ и сообщилъ, что Шамиль со всеѣмъ своимъ скопищемъ до 25/т., стоялъ за Мичукомъ противъ моей просьби и усилилъ сторожевую цѣпь. Имамъ былъ убѣжденъ, что я выступлю на соединеніе съ отрядомъ и онъ во время успѣетъ воспрепятствовать моему движенію. Мѣстный наибъ съ почетными стариками,—какъ я узналъ о томъ чрезъ лазутчика моего,—явились къ Шамилю съ слѣдующими словами: «Имамъ! напрасно сторожишь старую лисицу на этомъ пути; она не такъ глупа, какъ ты думаешь о ней, она не полѣзетъ тебѣ въ ротъ, а обойдетъ такими путями, гдѣ трудно пролѣзть и мышѣ». Но Шамиль отвергнулъ ихъ совѣты и не принялъ никакихъ предосторожностей въ боковыхъ путяхъ. Въ два часа ночи съ четырьмя ротами, шестью сотнями казаковъ, при двухъ орудіяхъ двинулся я чрезъ

Кочколыковскій хребеть гораздо правѣй просѣки, безъ дороги, по дремучему лѣсу, такъ что орудія и зарядные ящики черезъ пни и колоды переносились на рукахъ. Преодолѣвъ всѣ препятствія, съ восходомъ солнца, я сталъ на указанномъ мѣстѣ. Соединясь съ отрядомъ, съ полкомъ моимъ пошолъ въ авангардѣ. Подкрѣпляемый четырьмя баталіонами и восемью орудіями, съ бою овладѣлъ завалами; расположась въ нихъ, пропустилъ весь отрядъ, послѣднимъ отступилъ чрезъ Мичукъ и только къ полуночи пришолъ въ Куринскъ. За занятіе заваловъ я награжденъ Георгіемъ 4 ст., но эта награда куплена цѣною потока крови моихъ братьевъ: изъ полка моего выбыло убитыми — храбрѣйшій маіоръ Банниковъ, до 70 казаковъ; ранено два офицера и до 50 казаковъ; подо мною убито три лошади».

* * *

«Во время рубки лѣса на просѣкѣ въ 1852 г. въ одинъ вечеръ собрались ко мнѣ баталіонные командиры и офицеры пить чай. Среди этого является мѣй знаменитый лазутчикъ Алибей. Вся честная компанія обратилась ко мнѣ съ просьбою, чтобы спрашиваемъ былъ лазутчикъ не мною, понимавшимъ туземный языкъ, но черезъ переводчика, потому что ихъ интересуютъ его вѣсти, которыя я-де могу отъ нихъ скрыть. Не подозрѣвая, о чемъ Алибей пришолъ мнѣ сообщить, я приказалъ переводчику передать на русскомъ языкѣ. «Я пришолъ сказать тебѣ, что Шамиль прислалъ изъ горъ стрѣлака, который, въ 50 саженьяхъ, подкинувши яйцо кверху, изъ винтовки пулею его разбиваетъ; ты завтра идешь рубить лѣсъ, имѣешь привычку постоянно выѣзжать на курганъ противъ оставленной нами за Мичукомъ батареи, вотъ въ ней будетъ сидѣть тотъ самый стрѣлокъ и, какъ только тѣ выѣдешь на курганъ, онъ убьетъ тебя. Я смель нужнымъ предупредить тебя объ этомъ и посовѣтовать не выѣзжать на тотъ курганъ». Поблагодаривъ моего Алибея, далъ ему бакшишъ и отпустилъ. Съ восходомъ солнца войска стояли въ ружьѣ. Я двинулъ ихъ къ Мичуку. Надо сказать, что о вѣстяхъ Алибея ужъ зналъ каждый солдатъ; мое по-

ложеніе было отвратительное: не ѣхать на курганъ—ясно долженъ показать себя струсившимъ, а ѣхать и стать на курганѣ—быть убитому. Явилось во мнѣ какое-то хвостолобіе: я рѣшился ѣхать на курганъ, разстояніе отъ котораго чрезъ р. Мичукъ до батарей было 150 сажень. Не дойдя сажень 300, я остановилъ колону и съ пятью вѣстовыми побѣхалъ къ лобному мѣсту; подъ курганомъ остановилъ ихъ; взялъ у вѣстоваго мой штуцеръ, выѣхалъ на курганъ, сталъ лицомъ къ батарее. Не могу скрыть, что происходило со мной: то жаръ, то холодъ обдавалъ меня, а за спиной мурашекъ ползали. Вотъ блеснула на брустверѣ винтовка, послѣдовалъ выстрѣлъ, пуля пролетѣла влѣво не задѣвъ меня. Дымъ разошелся. Стрѣлокъ, увидѣвъ меня, сидящаго на лошади, опустился въ батарею. Видѣвъ взмахъ руки—прибываетъ зарядъ, вторично показалась винтовка, послѣдовалъ выстрѣлъ, пуля взяла вправо, пробила пальто. Ошеломленный невѣрностью выстрѣловъ, стрѣлокъ вскочилъ на брустверъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня. Въ эту минуту я вынулъ изъ стремени лѣвую ногу и положилъ на гриву лошади; облокотившись лѣвой рукой на ногу, приложился къ штуцеру, сдѣлавъ выстрѣлъ и мой соперникъ навзничъ полетѣлъ въ батарею; пуля попала въ лобъ, пришла на вылетъ. Войска, стоявшія безмолвно, грянули «ура», а чеченцы за рѣкой выскочили изъ-за заваловъ, начали хлопать въ ладоши и кричать ломанымъ русскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ своимъ: «якши, Боклу! (левъ) молодець Боклу!» Невѣрности выстрѣловъ стрѣлка я обязанъ немирнымъ чеченцамъ: когда явился къ нимъ стрѣлокъ и началъ хвастаться, что онъ Боклу убьетъ, то на это ему сказали слѣдующее: «о тебѣ мы слышали, что ты на лету изъ винтовки пулею разбилаешь яйцо, а знаешь ли, тотъ, котораго хвастаешься убить, такой стрѣлокъ, мы сами видѣли, на лету изъ винтовки убиваетъ муху! да къ тому же должны тебѣ сказать: его пуля не беретъ—онъ знаетъ съ шайтанами (чертями). Если ты промахнешься, онъ непременно убьетъ тебя».—«Ну, хорошо, проговорилъ стрѣлокъ, я закажу мѣдную пулю; отъ нее не спасутъ его шайтаны!» Вотъ вся

причина, отъ чего не были вѣрны выстрѣлы; у прицѣвливагося въ меня, при разстроенныхъ нервахъ, зрачки глазъ расширились и мѣткость у стрѣлка пропала».

* * *

«Въ февралѣ мѣсяцѣ 1873 г. отрядъ Бяратинскаго окончилъ рубку лѣса на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, который также былъ вырубленъ и по склону къ р. Мичуку предполагалось построить укрѣпленіе. Необходимъ былъ переходъ чрезъ Мичукъ; но берега его при впаденіи рѣки Ганзолки, съ обѣихъ сторонъ отвѣсны сажень на восемь; по лѣвую сторону—Шамиль съ 40000-мъ скопищемъ, съ десятью орудіями, стоявшими надъ берегомъ въ батареяхъ, построенныхъ изъ фашинь. Открытый проходъ былъ не мыслимъ потому, что потеря въ войскахъ могла быть на половину отряда, а успѣхъ сомнителенъ. Требовалось обходное и скрытное движеніе. 16 февраля Бяратинскій вечеромъ привлекъ меня къ себѣ въ палатку и сказалъ: «Дѣдъ! открытый переходъ чрезъ Мичукъ повлечетъ страшныя потери: ты знаешь всю мѣстность, не можешь ли обойти во флангъ Шамилю?» Я попросилъ у него отсрочки на два дня, чтобы чрезъ пластуновъ моего полка найти выше или ниже мѣсто, незанятое непріателемъ. Въ отвѣтъ сказано: «время не терить; въ эту же ночь узнать, а съ разсвѣтомъ ты, дѣдъ, окончательно долженъ идти!» Возвратясь въ мою ставку, призвалъ я знаменитаго начальника команды пластуновъ, урядника Скопина, приказалъ ему самъ-другъ осмотрѣть мѣстность верстахъ въ восьми выше по рѣкѣ, къ разсвѣту возвратиться и сказать удобна ли переправа и не сторожатъ ли тамъ чеченцы? Скопинъ возвратился и сообщилъ: переправа удовлетворительна, стражи нѣтъ. Ту жъ минуту я отправился къ Бяратинскому, разбудилъ его и передалъ добрую вѣсть. «А сколько тебѣ, дѣдъ, нужно войска?» спросилъ князь. Я сказалъ: «позвольте мнѣ взять куринскаго полка три баталіона, мой полкъ, дивизіонъ драгунъ нижегородцевъ, сборный линейскій казачій полкъ и восемь орудій».— «Бери и иди съ Богомъ, надѣюсь на тебя, что сдѣлаешь выполнить мое порученіе, я жъ сей-

часть двинусь къ Мичуку, отброю артиллерійскій огонь и этимъ замаскирую твое движеніе». Съ разсвѣтомъ густой туманъ покрылъ всю мѣстность, съ тѣмъ вмѣстѣ скрылъ мое движеніе. По сѣверному склону Кочколыковскаго хребта двинулся мой отрядъ; пройдя Куринское укрѣпленіе, круто повернулъ лѣвымъ плечомъ и чрезъ дремучіе лѣса и овраги дошелъ до Мичука. Къ часу по полудни туманъ разошелся; Шамиль увидѣлъ меня подходящаго къ правому его флангу. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ гостемъ, Имамъ отступилъ отъ Мичука и Бяратинскій со всеми своими силами, подъ моимъ прикрытіемъ, двинулся чрезъ рѣку. Потери вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ ограничилась десятию или пятнадцатю убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ». ¹⁵⁸).

* * *

Вотъ что пишутъ о Баklangовѣ.

«Раскинувъ ставку на высокой скалистой горѣ, съ которой видны были окрестности города (Карса), Баklangовъ сдѣлался грозой турокъ, не позволяя имъ выглянуть изъ своихъ окоповъ. Его казаки непрерывно гарцовали подъ самыми укрѣпленіями и ни одинъ табунъ, выгоняемый на пастбу, ни одна фуражировка, направлявшаяся изъ крѣпости, не ускользали изъ подъ ихъ ударовъ. Самъ Яковъ Петровичъ не зналъ въ это время покоя: дни проводилъ онъ въ полѣ на конѣ, гарцуя со своими казаками, или въ палаткѣ, откуда по цѣлымъ часамъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ. Ночь заставляла его внѣ лагеря, пробирававшегося самъ-другъ или самъ-третей къ турецкимъ укрѣпленіямъ: тамъ онъ провѣрялъ показанія лазутчиковъ и личныя свои наблюденія, сдѣланныя днемъ въ подзорную трубу надъ новыми батареями, изучалъ окрестную мѣстность и скоро достигъ того, что зналъ каждый камень и кустъ, лежавшіе по дорогѣ къ Карсу. Турки знали страшнаго для нихъ генерала и, называя его «Баklangъ-нашею» и «Батманъ-влычемъ» — богатырь съ полунудовымъ мечемъ, — рассказывали чудеса о его сверхъестественной силѣ. Какъ велико было нравственное вліяніе Якова Петровича на наши войска, обѣ

этомъ можно судить потому, что иногда, во время фуражировокъ, онъ отдавалъ приказъ убирать аванпостную цѣпь и, лежа на высокомъ курганѣ съ подозрною трубою, кричалъ солдатамъ: «ребята, не бойтесь, я самъ караюлю васъ». Солдаты, до фанатизма вѣровавшіе въ Бакланова, кричали «ура!» и бросались выкашивать траву подъ самыми стѣнами крѣпости. «Почему имъ турки не рѣзали головъ», замѣчаетъ одинъ очевидецъ, «это остается тайною». Надо полагать, что, зная Бакланова, турки подозрѣвали военную хитрость и не хотѣли попасться въ ловушку. Два-три случая окончателно утвердили ихъ въ той мысли, что для Бакланова нѣтъ ничего невозможнаго. Однажды въ разговорѣ съ плѣнными турками, кто-то, шутя, сказалъ, что Баклановъ нѣсколько разъ ходилъ передѣтымъ въ Карсъ по ихъ лагерьмъ. Они тотчасъ же повѣрили и стали припоминать между собою какіе-то два случая, когда по лагерямъ ходилъ незнакомый человекъ такой наружности, которая на всѣхъ производила сильное впечатлѣніе».

* * *

«Набѣги Якова Петровича отличались необыкновенною смѣлостію. Однажды, замѣтивъ стада, ходившія на пастыбѣ между самыми укрѣпленіями, онъ поручилъ есаулу Наслѣдышеву отогнать, что можно, а самъ устроилъ засаду въ крутомъ оврагѣ при слияніи Бердыка съ Карсъ-Чаемъ. Наслѣдышевъ съ 20 охотниками среди бѣлаго дня сдѣлалъ быстрый налетъ въ д. Калаба-Килисса, расположенную въ ущельяхъ около самаго города и выхватилъ оттуда неприятельское стадо, не смотря на перекрестный огонь, открытый съ батарей, мимо которыхъ онъ долженъ скакать съ своею добычею. Башибузуки пустились было въ догонку, но, замѣтивъ двѣ Баклановскія сотни, скакавшія на нихъ съ опущенными пиками, повернули назадъ.... Въ другой разъ Баклановъ бросился на Карадагскія высоты и изъ подъ самыхъ батарей, открывшихъ по немъ огонь ядрами и картечью, угналъ табунъ и взялъ девятнадцать плѣнныхъ. Колоны, выходящія изъ крѣпости на фуражировку, Баклановъ всегда

захватывалъ врасплохъ, наносилъ имъ страшныя пораженія, забиралъ лошадей, скоть, оружіе и плѣнныхъ. Долго ни турки, ни наши солдаты не могли понять, какимъ образомъ Баклановъ знаетъ время, когда выходятъ турецкіе фуражиры. Изъ лагеря положительно нельзя было видѣть того, что дѣлается по ту сторону Карадагской горы, а между тѣмъ едва растворялись крѣпостныя ворота, какъ казаки скакали уже изъ Меликъ-Кея и нападали прежде нежели турецкіе гонцы изъ Карса успѣвали предупредить своихъ о грозящей опасности. Это наводило на турокъ суевѣрный страхъ; а дѣло въ сущности было простое: Баклановъ распорядился, чтобы пикетъ, стоявшій на самомъ отдаленномъ курганѣ, при появленіи непріятеля, поднималъ на пикѣ едва замѣтный бѣлый значекъ, который служилъ условнымъ сигналомъ, что надо было скакать на тревогу.

Первое подобное дѣло началось 18 августа. Яковъ Петровичъ, спокойно сидѣвшій въ своей палаткѣ, вдругъ крикнулъ: «казаки, на конь!» и во весь опоръ понесся съ ними по лѣвому берегу Карсъ-Чая; отрядъ его состоялъ изъ дивизиона черкесской милиціи и двухъ полковъ донскихъ и линейскихъ казаковъ. Почему началась тревога, казаки узнали только тогда, когда, вскочивъ на Карадагскія высоты, увидѣли внизу большую турецкую фуражировку. Ошеломленные внезапнымъ нападеніемъ, турки бросились бѣжать, разметавъ по полю собранные выюки съ травой и хлѣбомъ. Башибузуки ускакали первыми. Въ погонѣ за ними казаки наткнулись на регулярную конницу, смяли ее и гнали почти до самыхъ воротъ укрѣпленія. Одно орудіе изъ батареи Двух-жоннова, заскакавъ впередъ, осыпало бѣгущихъ картечью... Уланы, башибузуки, фуражиры столпились въ одну безпорядочную массу и гибли подъ ударами казачьихъ шашекъ. Напрасно, чтобы отогнать казаковъ, турки начали дѣйствовать изъ орудій большого калибра, ядра летѣли надъ головами и вся наша потеря состояла изъ одного раненаго офицера-горца да трехъ убитыхъ казачьихъ лошадей». ¹⁵⁹⁾

* * *

Яковъ Петровичъ Баклановъ скончался 18 января 1873 г. въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ. На могилѣ его сооруженъ краспорѣчивый памятникъ: на небольшой скалѣ накинута бурка, папаха и положенъ знаменитый черный значекъ его... Этотъ черный значекъ былъ таинственно присланъ Бакланову на Кавказъ кѣмъ — неизвѣстно. Подножіе скалы обтѣнуто цѣпью, соединяющею ядра, лежація по угламъ основанія памятника. На лавровомъ вѣнкѣ, окружающемъ кавказскій крестъ, — надпись: «Войска донскаго, Яковъ Петровичъ Баклановъ родился 1808 г. умеръ 1873 г.» На подножии вырѣзаны названія мѣстъ подвиговъ его..

Баклановъ былъ высокаго роста, могучаго сложенія, крѣпкаго здоровья, вида мужественнаго, характера прямаго, безкорыстенъ, рѣшителенъ, отваженъ и крѣпко любилъ донское казачество.

Севастопольская война 1853—1856 гг.

Николай I объявилъ войну Турціи. Послѣ разгрома нами турецкой эскадры при Синовѣ, англичане и французы, — вступая за Турцію, объявили войну Россіи. Австрія и Пруссія, несмотря на русскую кровь, пролитую за нихъ противъ Наполеона и венгерцевъ, стали въ угрожающее намъ положеніе.

Въ Сентябрѣ 1854 г. союзный англо-французскій флотъ высадилъ въ Крыму близъ Евпаторіи армію англичанъ, французовъ и турокъ. Послѣ пораженія нашего при Альмѣ, союзники стали 13 Сентября лагеремъ на южной сторонѣ Севастополя. 24 октября при Инкерманѣ мы опять проиграли сраженіе. Осажденный Севастополь, послѣ одинадцатимѣсячной, необыкновенно геройской обороны, былъ взятъ непріателемъ 30 августа 1855 г., но черезъ три мѣсяца послѣ паденія Севастополя былъ взятъ нами у турокъ Карсъ. Союзники посылаютъ флоты и въ Балтійское море и въ Восточный океанъ.

Война закончилась миромъ въ Парижѣ. Войско донское

выставило въ эту войну около 60000 человѣкъ; а именно: 84 полка и 14 конно-артиллерійскихъ батарей.

Въ числѣ прочихъ войскъ казаки служили на Дунаѣ, въ Крыму, по берегамъ Азовскаго моря, по восточному берегу Чернаго моря, на Кавказѣ, въ Закавказьѣ и у прибалтійскихъ береговъ

За подвиги, оказанные въ Крымскую компанію 1853—1856 гг., пожалованы войску донскому похвальная грамота и большое бѣлое георгіевское знамя съ надписью: «За храбрость и примѣрную службу въ войну противъ французовъ, англичанъ и турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ». Кроме того пожаловано георгіевское знамя за подвиги, мужество и храбрость оказанную донскимъ № 20 полкомъ въ сраженіи съ турками при Кюрюкъ-Дара и полку № 11 за отличіе въ сраженіи противъ турокъ за р. Чолокомъ...

Выступленіе казаковъ на войну было привѣтствовано, между прочими, слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Всколыхнулся, взволновался
Православный тихій Донъ
И послушно отозвался
На призывъ Монарха онъ.
Онъ дѣтей своихъ сзываетъ
На кровавый бранный пиръ,
Къ туркамъ въ гости сваряжаетъ,
Чтобъ добыть Россіи миръ.
Съ Богомъ, дѣти, въ путь далекій,
Переплыть вамъ лишь Дунай,
А за нимъ вѣдь недалеко
Цареградъ и—нашихъ знай:
Сорокъ лѣтъ тому въ Парижѣ
Васъ прославили отцы,
Цареградъ еще къ намъ ближе...
Въ путь же съ Богомъ, молодцы!
Стойте крѣпко за святую
Церковь Божию намъ мать—
Богъ вамъ дастъ луну чужую
Съ храмовъ Божіихъ сорвать,
На мѣстахъ, гдѣ чтутъ пророка
Скласть Христовы алтари
И тогда къ звѣздѣ востока

Придутъ съ запада цари!
Надъ землею всей прольется
Мира кроткая заря
И до неба вознесется
Слава Русскаго царя!

* * *

1854 г. 14 марта, во время внезапной атаки, казачій постъ, составлявшій оконечность лѣваго фланга цѣпи, на пересѣченной мѣстности, былъ окруженъ турками. Казаки донскаго № 42 полка: Ефимъ Давыдовъ и Ермилъ Шмаревъ (Бурацкой станицы) послѣ упорной защиты попались въ руки непріятеля.

А 29 декабря того же года, Шмаревъ явился въ слободу КаLIBаши, гдѣ стоялъ постъ донскаго казачьяго № 42 полка. Онъ разсказалъ: «14 марта, 5 сотнѣ вышелъ чередъ цѣпь занимать. Мы, со станичникомъ Ефимомъ Давыдовымъ, пришлось стоять на крайнемъ посту, противъ самаго Дуная. Съ вечера палъ туманъ, темень такая, что Ефимъ — меня, а я Ефима въ лицо не узнавалъ.... Стоимъ, все тихо, думаемъ: гдѣ имъ нехристамъ, не то время; носа изъ окоповъ не высунешь!... Вдругъ, — такъ по нашему, примѣрно, на зарѣ, — слышимъ съ правой цѣпи выстрѣлъ, мы сготовились. Къ холму, на которомъ стояли, примыкаль оврагъ. Слышимъ опять выстрѣлъ. Мы съ холма спустились къ оврагу, чтобы пристроиться къ резерву, — не видно ни зги, хоть глазъ выколи!... Вдругъ со всѣхъ сторонъ: алла! алла! Мы выпалили. Туда, сюда, анъ выходу нѣтъ, — окружили бусурмане. Я за пизу; но въ это время былъ раненъ въ правую ногу и вылетѣлъ изъ сѣдла. Насъ захватили и привели въ Калахвать. Товарища моего отправили во внутрь Туретчины, а меня раненаго повезли въ Шумлу, положили въ госпиталь. Нечего сказать, присмотръ былъ сносный и кормили не дурно, одно плохо: — винной порціи не давали.... Дней черезъ 40 рана моя совсѣмъ прошла и ходилъ я, какъ теперь....

Изъ подъ Шумлы отрядъ посланъ былъ на Рущукъ черезъ Журжево и прибылъ въ Букарестъ. Тамъ узналъ я,

что наши вернулись уже въ предѣлы Россіи...

Грусть меня взяла невыносимая и думалъ я: ужь не видать мнѣ больше земли родной, такъ на вѣкъ и погибну межъ нехристей. Но милостивъ Господь Богъ, послали турецкій отрядъ къ сторонѣ Браилова. Заговорили и турки и молдоване, что всѣ идутъ въ Бессарабію на русскихъ; а потомъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вся рать бусурманская сѣбно ударилась за Дунай. Нашъ отрядъ оставался на рѣкѣ, (клички не помню) что течетъ вдоль Молдавіи и впадаетъ въ Прутъ.

Разъ послали партію къ Пруту; за мною хоть строгаго присмотра не было, а улизнуть нельзя было. Однажды, я и приставленный ко мнѣ старый башибузукъ, ѣхали вмѣстѣ и вдвоемъ далеко отдѣлились отъ партіи... Башибузукъ — добрый старикъ, даромъ что турокъ, — такой ласковый и обходительный; говорили мы каждый по своему и ничего — другъ друга понимали. Ѣдемъ мы по берегу и вижу я: на другой сторонѣ Прута свои донцы-товарищи разѣзжаютъ. Сердце у меня такъ и зацемило, думаю себѣ: если теперь не удастся, никогда не уйдешь! Взглянулъ я на старика, добрый старикъ ничего не понимаетъ, — улыбается.

Мѣстность была способная, глухая, ѣхали мы рядомъ. Я нагнулся стремя поправить, пустилъ старика шаговъ на десять впередъ, перекрестился; гикнулъ мимо; ударомъ по затылку сшибъ турка на землю, коня за узду, — да и былъ таковъ!...

Долго скакалъ я вверхъ по р. Пруту; смотрю, — селеніе стоитъ... Богъ вѣсть, думаю, можетъ въ деревнѣ турка найду, снова поймають, родины не увидишь, да и на осину повѣсятъ!

Слѣзь я съ коня, разсѣдалъ лошадей, побросалъ сѣдла въ трупы и пустилъ коней по полю, а самъ, съ оглядами на всѣ стороны, словно прохожій какой, вошелъ въ селеніе...

«Ко всякому грѣшнику милостивъ Господь: турокъ въ деревнѣ не было!

«На другой день, изъ молдованскаго селенія Столканы

перевезли меня прямо къ вашему посту...

«Теперь, братцы, заключилъ Шмаревъ, ведите меня къ начальнику, скорѣ бы до станичниковъ добраться!»...

— Жаль, братъ землякъ, что ты коней-то бросилъ на чужомъ берегу!—сказалъ одинъ изъ Валуевскихъ казаковъ, бывшихъ на посту въ Калибашѣ. ¹⁶⁰).

* * *

Въ мартѣ 1854 г. передовые казачьи посты донскаго казачьяго № 38 Желтоножкина полка расположены были по гребню высотъ, идущихъ отъ Дуная къ с. Пояны.

По приказанію начальника отряда для добытія языка въ ночь на 13 марта, казаки Ѳедоровъ и Еланцевъ донесли, что непріятельскій пикетъ стоитъ возлѣ самаго креста, что резервъ ихъ далеко, лошади стреножены и что пикетъ можно обойти слѣва. Для снятія его отряжено было 10 казаковъ съ урядникомъ Ѳедоровымъ и казакомъ Еланцевымъ. Остальная команда и офицеры конными должны были напасть на турецкій резервъ и лишить его возможности подать помощь пикету.

Оставивъ въ секретѣ лошадей и ружья, казаки съ пиками и шашками подползали къ своей цѣли. Одинъ изъ турокъ сидѣлъ на конѣ, остальные отдыхали, стоя подлѣ лошадей. Казаки поползли до креста и достигли дороги, ведущей изъ Галенцы въ Калафать. Въ это время встревоженный часовой, почувявъ шорохъ, окликнулъ казаковъ и не дожидаясь отвѣта, торопливо выстрѣлилъ... «Вставай, ребята, крикнулъ Ѳедоровъ, валяй ихъ тупымъ концомъ пика, бери!»!

Въ тоже время войсковой старшина Афанасьевъ и есауль Поповъ налетѣли на резервъ; турки, потерявъ нѣсколько человекъ убитыми и ранеными, бѣжали къ своимъ подкрѣпленіямъ, а удалые казаки уже были далеко съ своею добычею. ¹⁶¹).

* * *

Въ апрѣлѣ 1854 г. приказный Семень Разстрыгинъ, замѣтилъ, что турки спустили по рукаву Дуная къ своему

посту большую мачтовую лодку. Предполагая, что она приготовлена ими къ переправѣ на нашу сторону, Разстрыгинъ рѣшился предупредить ихъ замыселъ: когда стемнѣло, онъ — съ 5 казаками своего поста, на небольшомъ челнокѣ, несмотря на сильный вѣтеръ и волны, отправился на турецкій берегъ, гдѣ находилась лодка; когда казаки приблизились къ ней, турокъ, находившійся на оной, сдѣлалъ по казакамъ выстрѣлъ и бѣжалъ на постъ. Казаки, отрубивъ шанкою канатъ лодки и вскочивъ на оную, отправились къ своему посту. Прибѣжавшіе на выстрѣлъ часового, турки преслѣдовали казаковъ выстрѣлами, но казаки были уже далеко и турецкіе выстрѣлы не нанесли имъ вреда. За этотъ подвигъ и. д. походнаго атамана изволилъ произвести Разстрыгина въ урядники и кромѣ того командующимъ войсками 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ награждены: Разстрыгинъ и казаки: Лазаревъ, Панфиловъ, Еланцевъ, Падуновъ и Костинъ 40 р. сер. Изъ нихъ Разстрыгинъ 15 р., а послѣдніе каждый по 5 руб. сер.

Взятая у непріятели 13 саженой длины одномачтовая лодка отдана казакамъ. Урядникъ Разстрыгинъ и пятеро его товарищей, услыхавъ о желаніи жителей селенія Чеканешти соорудить у себя церковь и о немѣнни для этого средствъ, по бѣдности ихъ — пожертвовали уиомянутую турецкую лодку на матеріалы Чоканештскаго храма Божія. ¹⁶²).

* * *

По полученнымъ свѣдѣніямъ, что турки заняли Букарестъ, урядникъ Морозовъ, находившійся въ 4-й сотнѣ № 37 полка, которая была командирована для развѣдыванія о непріятелѣ въ с. Маре-Дошняску, вызвался охотникомъ и отправился въ Букарестъ. Морозовъ, объѣхавши весь городъ, узналъ, что 200 турокъ и паша находились въ городѣ и что къ 4 ч. пополудни 29 іюня ожидали въ городѣ 15000 турецкаго войска; въ городѣ онъ видѣлъ французскихъ, венгерскихъ и польскихъ офицеровъ и турецкихъ солдатъ; для ожидаемыхъ въ Букарестъ непріятельскихъ войскъ заготовлено было 15000 четвертей хлѣба. За этотъ отважный по-

ступокъ Морозова, командующій войсками пожаловалъ ему знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія ¹⁶³).

* * *

Въ сильную бурю, поразившую 2 ноября непріятельскіе флоты у крымскихъ береговъ, близъ Евпаторіи, въ 300 саженьяхъ отъ берега было выброшено на мель англійское транспортное судно.

На пунктѣ этомъ, въ то время, находились команды новоархангельскаго уланскаго и донскаго казачьяго № 61 полковъ.

Пріѣхавшіе на берегъ на 2-хъ шлюпкахъ англійскіе— капитанъ и матросы объявили, что въ морѣ на полуразбитомъ транспортѣ остались еще 25 нижнихъ чиновъ турецкой кавалеріи, но что они не рѣшаются подвергать явной опасности жизнь англійскихъ матросовъ для спасенія своихъ союзниковъ, турокъ. Тогда изъ находящихся тамъ казаковъ, урядникъ Кисляковъ, приказные: Василенко и Полущукъ, казаки: Демичевъ, Любченковъ, Зиновьевъ, Бѣлоусовъ, Гарелкинъ, Иляшенковъ, Холодниковъ, Форапоновъ, Леоновъ, Кружилинъ, Луганцевъ, Ивановскъ, Ирхинъ, Баранцевъ, Чиховъ, Галенковъ, Черновъ, Аржановъ, Писковцевъ, Сулинъ, Лиманцевъ, Машустовъ, Красновъ, Ковалевъ, Медвѣдевъ и Донскаго казачьяго № 55 полка урядникъ Дюбинъ, движимые чувствомъ состраданія къ участи несчастныхъ непріятелей, изъявили желаніе спасти своихъ враговъ отъ неизбежной смерти. Не смотря на угрожающія волны и сильнѣйшую бурю, они бросились на 2-хъ шлюпкахъ въ море, достигли транспорта и спасли всѣхъ погибавшихъ. Оставленные турки встрѣтили ихъ со «слезами восторга». Выбившіеся изъ силъ гребцы отдохнули; турки были пересажены на шлюпки и попутный вѣтеръ домчалъ ихъ до берега. ¹⁶⁴).

Объявляя объ этомъ подвигѣ по войску донскому, войсковой наказный атаманъ прибавляетъ:

«О такомъ истинно христіанскомъ подвигѣ самоотверженія и примѣрномъ мужествѣ нашихъ казаковъ, оказанномъ при спасеніи погибавшихъ непріятелей, мнѣ пріятно объя-

вить по войску, какъ о блистательномъ примѣрѣ христіанскаго великодушія нашихъ соотчичей, и въ дополненіе къ наградамъ, которыхъ они удостоены отъ его свѣтлости князя Меньшикова (8 георгіевскихъ крестовъ) разрѣшаю изъ суммъ войсковыхъ выдать семействамъ ихъ каждому по 15 руб. сер. ¹⁶⁵).

* * *

18 ноября 1854 г. командиромъ донскаго казачьяго № 55 полка была наряжена для поисковъ надъ непріателемъ команда изъ 25 казаковъ и 4 урядниковъ, подъ начальствомъ бойкаго и опытнаго урядника Письменскова (Усть-Бѣлокалитвенской станицы). Отрядъ состоялъ изъ одной молодежи. Въ числѣ урядниковъ былъ Петръ Филинъ (нынѣ полковникъ). Онъ разсказываетъ:

«Въ числѣ первыхъ охотниковъ былъ я; въ 8 часовъ утра, съ восходомъ солнца, мы отправились изъ аула. Погода была ясная, теплая; свѣгу еще не было. Миновавъ нашу Севастопольскую цѣпь и приближаясь къ Евпаторіи, мы замѣтили вдали большое стадо непріятельскаго скота разнаго рода, при которомъ находилось до 50 вооруженныхъ турокъ. Не смотря на неравенство силъ, Письменсковъ распорядился атаковать непріятеля. Онъ построилъ насъ лавою и короткою рѣчью о важности этаго случая показать себя молодцами — ободрилъ насъ... Сердца наши закипѣли. Съ крикомъ «ура» мы бросились въ пики на непріятеля. Турки послѣ недолгаго сопротивленія были разбиты и бѣжали. Многіе изъ нихъ были заколоты, 5 человекъ взято въ плѣнъ. Въ самомъ пылу сраженія, бывший съ нами унтеръ-офицеръ Дьячковъ, изъ двухъ уланъ участвовавшихъ съ нами въ дѣлѣ, — занесся впередъ на своей лошади, былъ раненъ пикою въ голову и взятъ въ плѣнъ. Завидя это я съ братомъ моимъ Теогиемъ, уланскій юнкеръ Акацатовъ и казакъ Денисовъ бросились въ толпу непріятелей, застрѣлили нѣкоторыхъ изъ нихъ и отбили плѣннаго улана, который былъ уже раздѣтъ башибузуками. Послѣ этого я увлекся въ погонѣ за двумя турками, вотналъ ихъ въ озеро и, не могши удержать свою ло-

шадь, увязъ вмѣстѣ съ ними въ грязь. Паническій страхъ ихъ былъ такъ великъ, что они тотчасъ побросали своихъ лошадей и оружіе и спасались пѣшкомъ, но я, сидя на конѣ, успѣлъ таки послать имъ въ погоню двѣ пули, и кажется ранилъ одного изъ нихъ, потому что онъ нѣсколько разъ падалъ въ озерѣ. Между тѣмъ, какъ наши загоняли отбитый у непріятеля скотъ, турецкіе кавалеристы (70 чел.), извѣщенные бѣжавшими отъ насъ башибузуками, выступили изъ города. Я же все еще возился съ своею застрявшею въ тинѣ лошадыю. Послѣ невѣроятныхъ усилій, я поставилъ ее на ноги и выбрался изъ трясины. Непріятель уже вступилъ въ перестрѣлку съ нашими и я присоединился къ своимъ. Пули жужжали въ ушахъ, какъ пчелы. Храбрый нашъ Письменсковъ оказалъ удивительное хладнокровіе при отступленіи. Ободренные имъ, мы отступали медленно шагъ за шагомъ передъ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, ведя съ нимъ жаркую перестрѣлку и не оставляя отбитаго скота. Пораженные нашею стойкостью, турки не посмѣли атаковать насъ и скоро-возвратились, вѣроятно опасаясь засады. Съ торжествомъ мы вступили въ аулъ. Кромѣ 5 плѣнныхъ башибузуковъ, мы пригнали 40 лошадей, 20 верблюдовъ и 100 штукъ рогатаго скота. Съ нашей стороны убито только 2 лошади.

Я получилъ приказаніе представиться Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, бывшимъ тогда въ Крыму. По приходѣ моемъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ изволилъ ласково меня спросить: «ну, расскажи Намъ, какъ ты отличался». Я передалъ Имъ все, какъ было. Его Высочество пошелъ въ свою комнату, вынесъ оттуда часы съ золотою цѣпочкою и, жалуя ихъ мнѣ, сказалъ: «это тебѣ отъ Насъ съ Братомъ награда, да кромѣ того, Мы попросимъ главнокомандующаго наградить тебя Георгіемъ». Растроганный до глубины сердца ихъ милостивымъ ко мнѣ расположеніемъ, я, не найдя словъ для выраженія моея глубочайшей благодарности, поклонился... Въ 8 часовъ вечера, мнѣ повѣшенъ былъ на грудь георгіевскій знакъ отличія и даны были еще 4 креста для награды храбрѣйшихъ

товаришей. Эти кресты присуждены были уряднику Письменскому, юнкеру Акацатову, брату моему Теофилю Филину и Петру Денисову». ¹⁶⁶).

* * *

Командиръ донскаго казачьяго № 1 полка, стоявшаго у Дуная, полковникъ Сазоновъ, донесъ бывшему войсковому дежурству, что казакъ его полка Иванъ Ефремовъ (Гугвинской станицы) пропалъ безъ вѣсти въ экспедиціи 26 и 27 числа декабря 1854 г. на г. Тульчу и Бабадагъ. Затѣмъ тотъ же командиръ успѣшилъ рапортовать, что названный казакъ живъ, что въ той экспедиціи онъ заскакалъ въ толпу непріятеля въ лѣсу за Бабадагомъ и, будучи израненъ, остался на мѣстѣ, потерявъ сознаніе. По уходѣ же непріятеля, онъ былъ найденъ болгарами, привезенъ ими въ Тульчу, откуда и доставленъ въ полкъ, а изъ полка въ измаильскій военный госпиталь... Строевая лошадь его неизвѣстно куда подѣлась. Командиръ приложилъ «списокъ» Ефремову:

Гугвинской станицы казакъ Иванъ Ефремовъ получилъ раны: шилою — въ лѣвую ногу, выше колѣна 4 раза, саблею — въ лѣвую часть головы со щекою, съ отсѣченіемъ нижней половины уха. шилою въ затылокъ головы безъ поврежденія черепа, саблею — въ лѣвую руку выше локтя, пулю — въ лопатку правой руки на вылетъ. ¹⁶⁷).

* * *

Разсказъ Ефремова: «Нашъ командиръ повелъ насъ на рысяхъ до г. Бабадага и мы къ утренней зарѣ прибыли къ нему. Тамъ турокъ было много, почти втрое противъ насъ, но они и не думали, чтобы русскіе такъ скоро могли прилетѣть къ нимъ врасплохъ, да какъ начали ихъ колотить, такъ они, со страстей, не знали, что дѣлать; ихъ такъ ошеломило, что они были какъ пьяные и не угадывали своихъ; опрометью бросились они изъ города къ ущелью, а мы ихъ по затылкамъ. Съ нашихъ и пикъ басурманская кровь такъ и лилась ручьемъ. Мы ихъ тамъ положили на мѣстѣ около 200 человекъ, 29 взяли въ плѣнъ; изъ нихъ

тяжело раненых оставили въ Бабадагѣ на руки городовому старшинѣ. Въ этой суматохѣ случился и со мною грѣхъ. Я замѣтилъ въ бѣгущихъ непріятельскихъ шайкахъ одного турка, который былъ одѣтъ хорошо, какъ видно офицеръ, а конь подъ нимъ—чудо конь, какъ вихорь! Миѣ и «взманулось» ссадить его шикой и отнять коня. Я потянулъ своего бураго нагайкой, но въ эти минуты раздалась въ полку труба, играли отступление. Товарищи отступали по сигналамъ, а мой конь былъ—не такъ чтобъ горячъ, да заносчивъ больно, окаянный: отъ удара нагайкой закусилъ удила, да и понесъ меня къ непріятелю, насилу я остановилъ его, поворотилъ назадъ и по узкой тропинкѣ между кустарниками поскакалъ догонять полкъ. Смотрю на дорогѣ противъ меня, показались 8 человекъ—турокъ и бѣгутъ рысью прямо на меня. Я вижу, что дѣло мое плохо, а свернуть и ускользнуть некуда было; я и помчался на нихъ въ скокъ; подбѣгаю ближе и кричу имъ: «прочь съ дороги, не то убью». Я уже готовъ былъ пробѣжать ихъ и намѣревался мимоходомъ хватить когонибудь шикой въ брюхо; такъ нѣтъ, вѣрно уже миѣ судить Господь быть израненнымъ въ этомъ дѣлѣ! Проклятый мой бурко чего-то полохнулся, да какъ бросится въ сторону на кусты, да и зацѣпился чумбуромъ за пень, да ни туда, ни сюда. Турки съ крикомъ и напали на меня; перваго я хватилъ шикой въ грудь насквозь—онъ и покотился на землю мертвый; другаго я убилъ изъ пистолета, а третій подскочилъ сзади, да какъ хватить меня по головѣ шапкою, такъ я и свѣту Божьяго не взвидѣлъ, въ глазахъ позеленѣло и я упалъ на землю за мертво. Когда я опаматовался, то увидѣлъ, что турокъ уже не было, коня, шикю, ружье, пистолеть и подсумокъ—все забрали, проклятые; у меня осталась только одна шапка, на которой я лежалъ. Кровь изъ меня лила, какъ изъ борова, и силъ вовсе не было, чтобы встать: вѣдь миѣ тамъ 16 ранъ дали! Вотъ я лежу и не знаю, что дѣлать? Прислушиваюсь: назади народъ гомонить, а далѣе увидѣлъ, что ѣдутъ болгары. Я и сталъ просить ихъ взять меня и свезти въ Бабадагъ, что бы тамъ хоть раны

то перевязать. Они, спасибо имъ, положили меня на каруцу (повозка) и привезли въ бабадагскій лазаретъ, гдѣ много было турокъ раненыхъ въ томъ же дѣлѣ. Меня положили на койку, перевязали раны и начали ухаживать за мною. Какъ напади же на меня тоска, лежу и думаю, что я уже теперь плѣнникъ, что меня вылечать и будутъ заставлятъ служить у басурмановъ, а не то посадятъ на колъ. Сердце такъ и облилось кровью, но я положилъ въ своей думѣ: лучше умереть, но не потоптать ногами своей присяги; думалъ, думалъ объ этомъ и рѣшился удариться на хитрости и отвагу. Спрашиваю у служителей: «кто здѣсь старшій, позовите его ко мнѣ!» Смотрю приходятъ какіе-то два человѣка, какъ будто начальники какіе, что-ли; я съ гордымъ видомъ и строгимъ голосомъ говорю имъ: «отвезите меня въ Тульчу, я не хочу здѣсь лежать вмѣстѣ съ турками, а иначе командиръ мой, полковникъ Сазоновъ, за меня оплатитъ вамъ, и весь вашъ Бабадагъ перевернетъ къ верху дномъ!» А Сазонова или, по ихнему, Азорова всѣ турки боялись, какъ язвы: мы вѣдь ихъ порядкомъ наругали въ 1854 г., когда нашъ полкъ занималъ аванпосты въ Туретчинѣ. Вотъ эти два человѣка между собою что-то побормотали и вышли вонъ. Смотрю: подъѣхала къ лазарету каруца, меня взяли, закутали, уложили и повезли въ Тульчу. Я отъ радости прыгаль-бы какъ ребенокъ, да крѣпко боленъ былъ. Слава Богу, думаю, почти избавился отъ плѣна; изъ Тульчи-то ужъ, воля Божія, можно было улизнуть черезъ Дунай въ Бессарабію. Меня привезли и доложили консулу, котораго я просилъ и умолялъ, чтобы меня переправилъ черезъ Дунай къ нашему полку, гдѣ считали меня убитымъ и исключили изъ полковыхъ списковъ, какъ я узналъ послѣ. Консулъ написалъ обо мнѣ въ Измаилъ и требовалъ за меня плѣнныхъ турокъ. Начальникъ отряда, его превосходительство, генераль-лейтенантъ Ушаковъ—дай ему Господи, добраго здоровья—не пожалѣлъ 4-хъ басурмановъ, отдалъ,—и я на другой день перевезенъ черезъ Дунай на свою сторону; раны, слава Богу, излечились и меня пожаловали урядникомъ». ¹⁶³).

* * *

Въ январѣ 1855 г. казаки № 56 полка, урядникъ Калачевъ съ казаками: Гардѣвымъ, Воропаевымъ, Можаровымъ, Зрянинымъ и Мирошкинымъ, движимые духомъ молодечества, неоднократно пытались схватить непріятельскаго часоваго. Калачевъ съ товарищами пустился на изобрѣтательность: ника послужила имъ на этотъ разъ лучшимъ орудіемъ къ достиженію желаемой цѣли. Охотники рѣшились снять часового, если не руками такъ «крючкомъ» (т. е. согнувши конейцо пика) и съ этимъ намѣреніемъ въ ночь подъ 30 января они отправились на поиски. Подойдя ближе къ непріятельской цѣли охотники раздѣлились на двѣ партіи, предполагая снять двухъ часовыхъ разомъ. Казаки Можаровъ, Зрянинъ и Мирошкинъ, встрѣчая на пути камни и кусты, подвигались медленно, а урядникъ Калачевъ съ казаками Гардѣвымъ и Воропаевымъ, пользуясь чистотою мѣста быстро подползли къ часовому въ ту минуту, когда онъ смѣнялъ товарища. Измѣривъ вышину вала, казаки рѣшились схватить часового руками; исполненіе это вышло на долю казака Гардѣва. Выждавъ мгновеніе, когда часовой подошелъ къ нему близко, Гардѣвъ, бросившись на него, схватилъ его и кинулъ на руки товарищей, чтобы зажать ему ротъ; но французъ, летя въ объятія казаковъ, которые сдавили его какъ прессомъ, успѣлъ крикнуть «къ ружью»! Отчего часовой, стоявшій близъ него, прибѣжалъ на крикъ и выстрѣлилъ въ упоръ по казакамъ, возбудивъ тревогу по всей цѣпи; но Калачевъ съ товарищами, неся, подбрасывая и подталкивая француза, сбѣжали съ Саунъ-горы. Можаровъ съ товарищами, видя опасность Калачева, прибѣжалъ къ нему на помощь и сталъ въ прикрытіи. Потомъ, удостоившись, что Калачевъ виѣ всякой опасности, они сбѣжали съ горы и благополучно прибыли въ лагерь.

Барабанный бой и движеніе войскъ слышны были въ непріятельскомъ лагерѣ до разсвѣта. На другой день плѣнный французъ, подъ карауломъ Калачева и Гардѣва былъ представленъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ. Стараясь

оправдать себя, плѣнный французъ выражался съ жаромъ: «я не спалъ, я былъ бдителенъ и остороженъ, какъ честный французъ; но можно ли спастись отъ такихъ воиновъ, которые крадутъ по ночамъ часовыхъ? Не смотря однако-жъ на то, что какая-то сила такъ варварски бросила меня съ вала (при этомъ словѣ онъ косо посмотрѣлъ на Гардѣева), я и тутъ исполнялъ свой долгъ честно, давъ сигналъ—къ ружью. Во всякомъ случаѣ, я бы легче перенесъ всевозможныя раны и самую смерть, нежели такое похищеніе. Повѣрить ли французъ, что я исполнилъ свой долгъ честно?» Послѣ такихъ показаній Его Императорское Высочество Николай Николаевичъ изволилъ спросить урядника Калачева, какъ они могли подкрасться къ такому честному французу? Калачевъ отвѣчалъ: «мы ползли подъ него какъ подъ дикую утву, Ваше Императорское Высочество». За этотъ подвигъ Калачевъ и Гардѣевъ получили по знаку отличія военного ордена св. Георгія и по 1 р. сер. отъ ихъ Императорскихъ Высочествъ. ¹⁶⁹).

* * *

Турецкій корпусъ, расположенный въ Евпаторіи, ничего не предпринималъ противъ нашихъ войскъ. Наскучивъ его бездѣйствіемъ, начальникъ нашего отряда генералъ Щебальскій отдалъ приказъ по отряду, для вызова охотниковъ на почвную рекогносцировку, цѣль которой состояла въ томъ, чтобы потревожить непріятеля на бой и главное—добыть языка. 60 человекъ донцовъ Филина полка отозвались готовыми исполнить это дѣло. Надъ охотниками, по собственному ихъ желанію, принялъ начальство любимый ими сотникъ Калмыковъ. Въ ночь подъ 15 мая, охотники отправились на поискъ. Верстахъ въ трехъ отъ города выстроены были непріятельскій редутъ о трехъ орудіяхъ, впереди котораго на косѣ лежалъ выброшенный бурей 70 пушечный французскій корабль, на немъ и на редутѣ былъ постоянно непріятельскій караулъ, а на ночь впереди редута выставлялась цѣпь и по косѣ посылались разъѣзды; зная хорошо мѣстность, наши охотники съ присоединившимися къ нимъ 40

драгунами, распорядились такъ: изъ нихъ 20 человекъ подъ командою урядника Раздорова направились къ редуту. Не встрѣтивъ на пути препятствія, казаки подошли къ нему. Охотники дали залпъ по туркамъ, находившимся въ редутѣ, тѣ—исчезли, отвѣта не было; тогда казаки отправились къ главной своей дружинѣ и всею дружиною пошли къ редуту. Послѣ нѣсколькихъ ихъ залповъ въ отвѣтъ раздался барабанный бой и казаки были окружены со всехъ сторонъ башибузуками въ количествѣ 500 челов. Охотники дружнымъ огнемъ встрѣтили врага и медленно шагъ за шагомъ отступали, неся на плечахъ непріятели. Турки нѣсколько разъ бросались въ средину охотниковъ, но были встрѣчаемы всякій разъ шками казаковъ. Но когда къ казакамъ пришло подкрѣпленіе съ аванпостовъ, то охотники нѣсколько разъ бросались въ шашки на атакующихъ. Въ одну изъ такихъ схватокъ нѣсколько турокъ, заскакавъ съ фланговъ, джигитовали предъ охотниками; въ это время казаки схватили трехъ турецкихъ джигитовъ живьемъ. Изъ нашей партіи—убить казакъ 1-й сотни Чельшевъ: онъ палъ, защищая грудью своего начальника—сотника Калмыкова, который въ пылу схватки потерялъ шашку отъ полученнаго удара по темляку и отражаясь, при помощи Чельшева, однимъ незаряженнымъ пистолетомъ, вышелъ невредимъ. ¹⁷⁰⁾

* * *

Донскаго казачьяго № 55 Филина полка (на рекогносцировку 15 мая 1855 г.) изъ дворянъ казакъ Денисовъ, 17 лѣтній юноша и уже кавалеръ Георгія, видя при атакѣ несущагося на него всадника, въ туманѣ принялъ его за товарища и окликнулъ его: «это ты, Семеевъ». Я! отвѣчалъ какой-то измѣнникъ татадинъ и замахнулся саблей. Бывшіе при этомъ казаки бросились на татарина, онъ ускакалъ; но Денисовъ такъ разсердился, что кинулся за нимъ въ толпу башибузуковъ, снесъ ему голову и возвратился съ его феской; показывая ее казакамъ, онъ промолвилъ: «всередь вратъ не будеть!»

Въ той же атакѣ «храбрый» такъ его называли всѣ,

сотникъ Калмыковъ отбивался окруженный баши-бузуками, и когда ятаганомъ ему перерубили темлякъ и обезоружили его, казакъ, выскочивъ впередъ, прикрылъ его собою и паль пронзенный дротиками. Казаки, увидя любимаго сотника въ опасности, бросились на выручку; одинъ просилъ его отъѣхать назадъ.

— «И ты смѣешь говорить это!»—крикнулъ сотникъ: «развѣ на эту сволочь очень нужна шашка? давай ружье!» Схвативъ ружье, кинулся на баши-бузуковъ и размашисто косилъ ихъ прикладомъ по головамъ, далеко проводивъ бѣгущихъ. Тутъ же урядникъ Лазаревъ свалилъ съ лошади наскакавшаго на него турецкаго офицера и самъ свалился, потому что сѣдло подвернулось. Спѣшась, онъ сталъ спокойно подтягивать подиругу. Нѣсколько всадниковъ несло на него.

— «Брось сѣдло!»—кричали ему казаки, «уходи—убьютъ!»—«Не смѣютъ!»—отвѣчалъ Лазаревъ, подтянулъ подиругу, сѣлъ въ сѣдло и гикнулъ на встрѣчу бритымъ богатырямъ, которые, однако, оказались весьма не глупы, ибо дали тягу весьма проворно. ¹⁷¹⁾

* * *

11 июля вечеромъ непріятельская винтовая канонирская лодка, подойдя къ Таганрогу стрѣляла по немъ, причемъ, во время служенія въ соборѣ, ядро большого калибра попало въ стѣну алтаря, не причинивъ храму поврежденія, кромѣ осыпавшейся штукатурки, отъ которой получилъ ушибъ протоіерей Себовъ. Не смотря на это, божественное служеніе продолжалось и никто изъ богомольцевъ не оставилъ церковь.

Съ наступленіемъ ночи лодка отплыла къ Кривой косѣ и, подойдя къ ней, сѣла на мель въ 40 саженьяхъ отъ берега.

По полученіи объ этомъ извѣстія, сотни донскаго казачьяго № 70 полка прибыла на мѣсто, открыла по лодкѣ ружейный огонь и этимъ препятствовала экипажу снять ее съ мели. Непріятель съ своей стороны началъ стрѣлять изъ орудій по казакамъ, но пальба эта не была продолжительна: отъ сильнаго восточнаго вѣтра, вода начала убывать и лод-

ка отъ обмелѣнія, наклонилась на бокъ. Въ это время для оказанія ей помощи, явился непріятельскій пароходъ и, подойдя довольно близко къ берегу, открылъ сильную канонаду, употребляя всевозможныя старанія, дабы спасти обмелѣвшее судно.

Между тѣмъ подоспѣлъ на Кривую косу командиръ № 70 полка подполковникъ Демьяновъ, еще съ двумя сотнями, спѣшилъ казаковъ и частою ружейною пальбою не дозволилъ непріятелю работать на палубѣ. Послѣ долговременной перестрѣлки экипажъ судна, потерявъ надежду на спасеніе лодки, началъ садиться въ шлюпки, не успѣвъ, по причинѣ сильнаго ружейнаго огня казаковъ, даже снять флаги, два мѣдныхъ 24-хъ фун. калибра орудія и зажгли лодку, которая и сгорѣла до подводной части.

Лодка эта была о трехъ мачтахъ и имѣла до 120 футовъ длины; когда казаки завладѣли ею—пароходъ удалился. Взятые два мѣдныхъ орудія доставлены въ Новочеркасскъ. Съ нашей стороны было ранено только три казака. ¹⁷²).

* * *

3 августа, въ дѣлѣ при д. Мускоміи за р. Черною казакъ Гардѣевъ былъ посланъ къ экономіи Мордвиновой для наблюденія, чтобы непріятель не обошелъ насъ слѣва. Французы также послали сюда для открытія своего гусара, который вызвался охотникомъ. Гардѣевъ подпустилъ его къ себѣ въ упоръ, вдругъ бросился на него и французъ до того былъ ошеломленъ, что выпустилъ изъ рукъ саблю и не могъ толкнуть коня. Гардѣевъ, вырвалъ у него изъ рукъ поводъ и на конѣ притащилъ его къ генералу Хомутову. ¹⁷³).

* * *

27 августа приказный Гардѣевъ, посланный съ двумя охотниками въ Байдарскую долину, для осмотра непріятельскаго лагеря, сходя на низъ по узкой тропинкѣ въ густомъ лѣсу, встрѣтился въ упоръ съ 30 французами, но въ этой видимой опасности, онъ, не давъ имъ осмотрѣться, закричалъ: «сюда наши! вотъ они!» и сдѣлалъ выстрѣлъ. Испу-

ганные французы побѣжали на низъ, а Гардѣевъ— въ лѣсъ. ¹⁷⁴).

* * *

7 ноября въ 2 часа по полудни пикетомъ донскаго казачьяго № 22 полка, находившихся на возвышенности близъ деревни Упы, замѣчено было, что изъ селенія Кучекъ, гдѣ расположенъ непріятельскій авангардъ, выѣхали три всадника и спустились въ ущелье. Бывшіе на посту урядникъ Голубинцевъ, казаки: Чеботаревъ, Паршиковъ, Кузнецовъ и Кручининъ, присматриваясь къ направленію, взятому французами, спустились въ балку, которой, по расчету ихъ, не могли миновать всадники. Едва казаки заняли условленные мѣста, какъ въ ложбинѣ показались два французскихъ офицера и вѣстовой, слѣдовавшій сзади; непріятельскіе офицеры, открывъ казаковъ и замѣтивъ, что путь отступленія ихъ къ авангарду уже отрѣзанъ, бросились съ обнаженными саблями на дощцовъ; казаки выстрѣлили, причемъ подь однимъ изъ всадниковъ была убита лошадь. Удалые Валуевцы ударили въ шки и взяли въ плѣнъ обоихъ офицеровъ; вѣстовой успѣлъ бѣжать. Эти плѣнные (69 французскаго полка полковникъ де-Брайеръ и капитанъ Фромонъ) были доставлены въ главный штабъ арміи подь конвоемъ урядника Голубинцева и казака Чеботарева. За этотъ подвигъ урядникъ Голубинцевъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена, а казакъ Чеботаревъ званіе урядника, прочимъ казакамъ, въ этомъ участвовавшимъ назначены Паршикову — знакъ отличія военнаго ордена, а Кучину и Кузнецову по 10 руб. ¹⁷⁵).

* * *

«Знакомый всему Севастополю» Осипъ Иващовичъ Зубовъ родился въ 1800 г. въ Перекопской станицѣ, по совершеннолѣтіи прослужилъ 6 лѣтъ на Кавказѣ въ полку Кирѣева, потомъ около 7 лѣтъ въ Польшѣ, въ полку № 28 Хрещатицкаго, три года въ Грузіи въ полку Жирова.

Послѣ 25-ти лѣтней службы онъ вышелъ въ отставку въ 1845 г. и жилъ въ своей станицѣ. «Съ юности онъ

сильно охотился подраться съ неприятеlemъ. Страха не чувствовалъ... Въ 1832 г. онъ получилъ медаль «за спасеніе погибавшихъ»—за спасеніе беременной женщины съ сыномъ изъ горѣвшей корчмы.

При началѣ Севастопольской компаніи Зубовъ, имѣя уже около 55 лѣтъ, охотою подалъ прошеніе на службу и поступилъ въ 67 полкъ Маркова, стоящій въ Феодосіи.

Послѣ альминскаго сраженія этотъ полкъ перешелъ въ Севастополь, для занятія шкетовъ. «По этому случаю, рассказываетъ Зубовъ, и я очутился въ Севастополь, а потомъ уже по своей охотѣ не разставался съ нимъ все время, даже и тогда, когда казачья команда наша оттуда выступила. Сначала я поступилъ на 3-й бастионъ къ матросамъ подъ команду контръ-адмирала Панфилова. Но какъ я долго еще числился по списку въ своемъ полку, то это обстоятельство заставило меня служить—днемъ съ казаками, а ночью съ матросами. И какъ хорошо я велъ себя, ваше благородіе, служа, такъ сказать, на порогѣ смерти! Что здѣсь за жизнь, подумаешь—одинъ только грѣхъ. А тамъ, скажу вамъ по истинѣ, ни одного грѣха, ни одной дурной мысли никогда и въ голову мнѣ не приходило. Зажгу, бывало, ночью въ своей земляной каморкѣ лампадку предъ образомъ и молюсь, читая псалмы изъ псалтыри царя-пророка Давида. И какъ легко бывало тогда на душѣ! Страху уже не чуешь: такъ привынешь къ этому страшному треску бомбъ и гранатъ чиненыхъ, что просто ставеть и самая смерть не страшна. Видя часто, какъ въ глазахъ моихъ убиваютъ матросовъ, моихъ знакомыхъ, друзей и товарищей, перекрещусь, бывало, и только думаю: Господи, ужь если Ты и мнѣ судилъ погибнуть вмѣстѣ съ ними,—объ одномъ молю: не погуби мою грѣшную душу! А когда ходилъ на вылазки, всегда читалъ «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится»; или «Возлюблю Тя, Господи, крѣпость моя». И что жь, ваше благородіе? прошелъ я тогда сквозь огонь и воду, а вотъ, видите сами, Богъ миловалъ. Помню, что однажды ночью, когда я въ своей каморкѣ молился передъ иконою, вдругъ ядро влѣзло въ окно, минуя меня не больше

аршина, ударило въ стѣну и убило двухъ матросовъ на полу лежавшихъ, а мнѣ только немного глиною запорошило глаза. Нужно вамъ доложить, ваше благородіе, что начальство меня любило за мою усердную службу. Покойный адмиралъ Корниловъ—царство ему небесное—узнавши, что у меня нѣтъ коня, подарилъ мнѣ собственнаго своего сѣренькаго небольшого жеребчика; важный былъ конь! просто огонь! На немъ я бывалъ съ казаками въ аванпостныхъ стычкахъ. А князь Васильчиковъ—добрѣйшая душа—тоже былъ моимъ благодѣтелемъ; увидя меня, всегда, бывало, скажетъ: «а здравствуй, Зубовъ! Ну, молодецъ; спасибо, спасибо тебѣ за службу». Съ матросами я скоро сдружился, особенно съ храбрымъ молодымъ матросомъ Кошкою, очень меня уважавшимъ. Съ нимъ мы вмѣстѣ, бывало, и спали въ одной комнаткѣ и отправлялись на вылазки». Я участвовалъ только въ 8-ми вылазкахъ. Первая случилась, сколько припомню, ночью подь 25 ноября 1854 г. Я служилъ тогда на батарее лейтенанта Перекомскаго. По его приказанію, я съ Кошкою, Кузьменко, Болотниковъ и другіе рядовые, подь командою офицера, отправились скрытно на Зеленую гору, гдѣ расположена была аглицкая батарея. Ночь тогда была не вовсе темная. Шли и ползли мы тихо, такъ тихо, что неприятель насъ не замѣтилъ. Приблизившись къ батарее мы вдругъ съ крикомъ «ура» бросились на полусонныхъ англичанъ; многихъ покололи и 6 человекъ вмѣстѣ съ орудіемъ взяли въ плѣнъ. Скоро закинула тревога на батарею, и когда мы отступали, насъ провожали съ душечнымъ и батальнымъ огнемъ. Къ счастью, все прошло такъ благополучно, что изъ насъ, кромѣ одного убитаго солдата, не оказалось даже раненыхъ. Убитый былъ польскій уроженецъ, ругавшійся передъ вылазкою поносными словами. Многократно замѣчалъ я, ваше благородіе, что кто ругается на сраженіи дурными словами, того пуля не минуетъ. На этой вылазкѣ я поработался таки порядочно своимъ штыкомъ и пришелъ домой, къ матросамъ, усталый и весь обданный потомъ и кровью. Я не взялъ съ собою ни плѣннаго, ни какой либо добычи; но по рекомендаціи отряднаго командира, награжденъ былъ георгиев-

скимъ крестомъ. Помню, что представляя меня Перекомскому, онъ сказалъ: «этотъ казакъ достоинъ перваго креста». Въ-стѣ со мною награждены были Георгіями храбрые матросы Болотниковъ, Кузьменко, (Кошка уже имѣлъ) и четверо рядовыхъ волынскаго полка. Узнавъ мою исправность, лейтенантъ Перекомскій на прочихъ вылазкахъ всегда поручалъ передовую цѣпь высылаемыхъ командъ подъ присмотръ мнѣ и матросу Кошкѣ. Вторая вылазка, помнится, была ночью подъ 5 декабря. Мы съ Кошкой повели опять 150 челов. на ту же батарею, что была на Зеленой горѣ. Когда мы подползли подъ ихъ траншею, нашъ резервный командиръ вдругъ закричалъ «ура». Въ эту минуту я прежде всѣхъ вскопчилъ на валъ траншеи, попалъ прямо подъ непріятельскіе выстрѣлы и былъ сильно контуженъ въ лѣвый високъ. Не смотря на то, я такъ разгорячился, что перескочилъ траншею къ самымъ англичанамъ и давай ихъ колотить ружейнымъ прикладомъ; избилъ нѣсколько человекъ и даже гналъ ихъ, вмѣстѣ съ товарищами, когда они со страху подались назадъ. Возвращаясь я увидѣлъ, что по траншеѣ бѣжалъ непріятельскій штабъ-офицеръ въ вислыхъ эполетахъ; я бросился къ нему и ударилъ его прикладомъ; онъ быстро обернулся назадъ, взмахнулъ огромнымъ палашомъ и вѣрно срубилъ бы меня, если-бъ я не успѣлъ мигомъ подставить ему своего ружья. Палашъ звякнулъ и переломился на двое. Тогда я ударилъ его опять прикладомъ, схватилъ за волосы и потащилъ на валъ изъ траншеи. Что-жь, признаюсь по правдѣ, чуть было самъ не упалъ вмѣстѣ съ нимъ въ траншею—такой былъ тяжелый! Вытащивши его кое-какъ и угрожая штыкомъ, я гналъ его уже къ своимъ, когда по насъ открылъ непріятель ужаснѣйшій огонь. Пѣвникъ мой, видя, что его могутъ убитъ свои же, какъ припустить отъ меня бѣжать впередъ, а самъ все кричить «скорѣй, руссь, скорѣй, руссь»!.. Я самъ послѣ дивился, съ чего его слова мнѣ тогда показались русскими. Послѣ я узналъ, что это былъ англицкій полковникъ съ одною правою рукою; лѣвую же онъ потерялъ, какъ я слышалъ въ индійской войнѣ. Жаль, что фамиліи его теперь не припомню. Въ Севастополѣ

онъ поступилъ въ госпиталь, вылечился тамъ отъ ранъ, ему мною нанесенныхъ и, говорятъ, желалъ видѣть меня, чтобы наградить за то, что я не предалъ его смерти. Но Богъ не привелъ мнѣ съ нимъ видѣться: я самъ уже въ это время лежалъ въ госпиталь. Въ награду за подвигъ въкоторымъ матросамъ даны Георгіи, а я произведенъ въ урядники, по ходатайству князя Васильчикова. Тогда же мнѣ, вмѣстѣ съ матросомъ Кошюю, присланъ былъ, для ношенія на шеѣ, благословенный крестъ, которому мы радовались больше всякой награды».

Крестъ этотъ есть даръ въ Бозѣ почившей Императрицы Александры Феодоровны, которая, говорятъ, въ началѣ Крымской компаніи, прислала, въ армию нѣсколько такихъ крестовъ — на голубой лентѣ, для раздачи храбрымъ вошамъ, какъ благословеніе на брань. На крестѣ, кромѣ распятія, изображены были святые: Архистратигъ Михаилъ, Георгій Побѣдоносецъ и Николай Чудотворецъ. На другой сторонѣ надпись: «Богъ намъ прибѣжище и сила, а спасеніе крестъ». ¹⁷⁶⁾.

* * *

Возвращеніе казаковъ на Донъ было привѣтствовано прекраснымъ стихотвореніемъ донскаго же казака:

Возвращеніе на родину.

За курганомъ блещутъ пики,
Пыль везется, кони ржутъ,
И отвсюду слышны крики:
„Вотъ полки домой идутъ.
— Подошли... Ужъ близко, близко!“
Всколыхнулся ратный строй!
Поклонились Дону низко —
„Здравствуй нашъ отецъ родной!“
А рѣка кишитъ и блещетъ
И бурливою волной
И вздымается и хлещетъ
Съ вѣной на берегъ крутой,
— „Что, кормилецъ, ты сердился?
Али насъ ты позабылъ?

Али въ насъ ты не взглядишься?
Али насъ ты разлюбилъ?“
— „Не сержусь на васъ я, дѣти“,
Шумно Довъ проговорилъ,
Нѣтъ, я радъ, что Богъ васъ, дѣти,
— По здорову воротилъ.
А безъ васъ мнѣ грустно было:
Вспоминулась старина...
Вы пришли—не стало силы.
Слезы брызнули со дна“!

А. Л.

Усмиреніе польскаго мятежа 1863 г.

Въ исходѣ 1862 г. поляки снова забунтовали. Въ числѣ войскъ, назначенныхъ на усмиреніе бунта, участвовали и донскіе казачьи полки и батареи. Полки: л.-гв. казачій, №№ 3, 4, 5, 9, 10, 12, 17, 18, 23, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 39, 41, 42, 44 и 45; батареи: №№ 1, 7 и 8. Походнымъ атаманомъ былъ генераль-лейтенантъ Орловъ І. Усмиреніе велось большею частію партизански: отряды наши крупными и мелкими частями разыскивали по всей Польшѣ мятежныя шайки и разбивали ихъ. Въ 1864 г. возстаніе было усмирено.

Донскіе казаки сражались съ обычнымъ мужествомъ и были награждены кромѣ чиновъ орденами: 3 офицерскихъ георгіевскихъ креста, 294 разныхъ офицерскихъ орденовъ и 716 знаковъ отличія военнаго ордена. ¹⁷⁷).

* * *

Изъ многихъ подвиговъ храбрости, выказанной донцами въ этомъ усмиреніи, укажемъ нѣкоторые:

4 Юля командиръ донскаго казачьяго № 12 полка, Подковникъ Валуевъ, командуя небольшимъ отрядомъ, напалъ на сильную банду Тромбинскаго. Дѣло закончилось въ лѣсу возлѣ дер. Щуги, близъ мѣстечка Рожаны. Храбрый полковникъ не выдержалъ и самъ лично повелъ общую атаку на

всю банду. Съ шашкою въ рукахъ онъ очутился въ самой серединѣ свалки. Косинеры окружили его; вдругъ среди самой горячей свалки—шашка его сломалась и—храбрець получилъ тяжелую рану въ голову съ поврежденіемъ черепа; но жизнь его была спасена. Наградою за подвигъ былъ орденъ св. Георгія. ¹⁷⁸).

* * *

Донскаго казачьяго № 18 полка войсковой старшина Дукмасовъ—28 іюля, имѣя въ распоряженіи своемъ малочисленный отрядъ, смѣло вступилъ въ бой съ четырьмя партіями мятежниковъ въ числѣ отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ при дер. Хромоновъ и разбилъ ихъ на голову. За этотъ подвигъ храбрости Дукмасовъ удостоенъ награды орденомъ св. Георгія. ¹⁷⁹).

* * *

12 августа командиръ донской конно-артиллерійской № 1 батареи, полковникъ Емановъ, имѣя ввѣренный ему Томашовскій отрядъ (10 ротъ архангелогородскаго полка, 1 эскадронъ уланъ, 2 сотни казаковъ, 4 орудія артиллеріи и 50 объѣздчиковъ)—уничтожилъ въ фэйславицкомъ лѣсу четыре соединенныя партіи польскихъ мятежниковъ подъ начальствомъ Рущаго, Вержбицкаго, Крука и Крысинскаго, численностію отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ, причемъ взялъ въ плѣнъ болѣе 700 челов., отбилъ знамя, много оружія, лошадей, перебилъ большую часть мятежниковъ и въ томъ числѣ—нѣкоторыхъ изъ предводителей, какъ показали плѣнные. За этотъ подвигъ полковникъ Емановъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени.

* * *

Возстаніе было въ самомъ разгарѣ.

Въ августъ 1863 г. изъ отряда барона Клодта была отдѣлена и послана команда для преслѣдованія мятежной конной партіи Бентковскаго; команду эту составляли: пять офицеровъ, изъ нихъ четыре лейбъ-гвардіи гродненскаго гу-

сарскаго полка, штабсъ-ротмистръ Граббе (сынъ донскаго войскового наказнаго атамана), войсковою старшина Маноцковъ (Алексѣй Еремѣевичъ, донскаго казачьяго № 44 полка), поручики: Витмейеръ и князь Урусовъ, корнетъ Ермоловъ и нижніе чины: 25 кубанскихъ и 12 донскихъ казаковъ. Команда была ввѣрена штабсъ-ротмистру Граббе. Ему не было и 25-ти лѣтъ.

14 Августа въ девятомъ часу утра команда, выступивъ изъ деревни Острова, двинулась по слѣду шайки Бентковскаго. День былъ ясный, лошади бодро выступали, настороживъ уши и подымая легкую пыль. По дорогѣ разспрашивали жителей о шайкѣ, число которой опредѣляли отъ 60 до 100 человѣкъ; въ теченіи 20 часовъ команда успѣла проѣхать около 100 верстъ. Граббе былъ какъ-то скученъ. Доѣхали до селенія Комостки, гдѣ была открыта часть банды, съ которою и была незначительная схватка.

У селенія Сендзіовицы открыта была банда болѣе 1000 конныхъ и—разыгралось кровавое дѣло. Отрядъ нашъ стоялъ между концомъ селенія Сендзіовиць и лѣсомъ. Мятажники открыли огонь, а затѣмъ пошли въ атаку. Съ гикомъ бросились казаки впередъ и отбили ее, также какъ и два слѣдующія нападенія. Но мало по малу отрядъ былъ окруженъ; прорваться было невозможно; наши спѣшились и пошли отстрѣливаться. Граббе былъ спокоенъ, какъ всегда, давалъ казакамъ совѣты не терять зряды даромъ и самъ брался иногда за винтовку. Подлѣ селенія Сендзіовицы было два хлѣбныхъ сарая. Одинъ изъ нихъ примыкалъ совершенно плотно къ другому, такъ что стѣны этихъ сараевъ составили уголь, гдѣ, по крайней мѣрѣ, съ двухъ сторонъ герои были обезпечены отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. На остальномъ, открытомъ пространствѣ поставлены были лошади; въ этомъ положеніи команда держалась болѣе часа. Поляки нѣсколько разъ бросались въ атаку, но людямъ приказано было стрѣлять не иначе, какъ въ упоръ; атаки эти всякій разъ встрѣчались молча и всякій разъ поляки не выдерживали ихъ, въ 20 шагахъ поворачивали коней и получали въ догонку нѣсколько выстрѣловъ.

Однако пули неприятельских фланкеров, зашедших за соседними строениями, мало по малу наносили вредъ. Число раненыхъ и убитыхъ людей и лошадей въ командѣ увеличилось.

Положеніе было незавидное: русскіе храбрецы, окруженные со всѣхъ сторонъ противникомъ въ 40 разъ сильнѣйшимъ, не могли рассчитывать ни на какую помощь, потому что ближайшій отрядъ находился отъ нихъ верстахъ въ 30. При томъ, желая ободрить людей своихъ, Граббе хотя и объявилъ, что далъ знать отряду о случившемся и ждетъ скорой помощи, но, отвѣдя въ сторону поручика Витмейера, онъ показалъ на смертельно раненаго урядника Хорошенькова, говоря: «отрядъ даже и знать не будетъ о нашей гибели. Я послалъ Хорошенькова, но посмотри на него, — онъ умираетъ. Вѣрно не хотѣлъ оставить товарищей. Чтожъ дѣлать, — будемъ драться до пачи».

Въ это время Ермоловъ, прислонясь къ стѣнѣ, стоялъ съ опущенной контуженной головой; лице его выражало страданіе. Ему едва минуло 17 лѣтъ. Онъ служилъ только два мѣсяца: это былъ прекраснѣйшій юноша, имѣвшій всѣ необходимыя качества, чтобы быть весьма дѣльнымъ офицеромъ.

Подлѣ него сидѣлъ войсковой старшина Маноцковъ, — почтенный старикъ, лѣтъ 60.

— И вы ранены, маіоръ? обратился къ нему Витмейеръ.

— Да, — съ ногу...

Нѣсколько раненыхъ казаковъ лежало на землѣ и въ близъ лежащей картофельной ямѣ: одному казаку кровь залила все лицо.

Лѣвый рукавъ и правая нога кителя Граббе были въ крови, но лице его не измѣнилось: раны были легкія.

Пули визжали непрерывно.

Надежда команды на помощь являлась несбыточною мечтою

Видя невозможность взять русскихъ силою, поляки зажгли соседнія строенія.

Невыносимая жара принудила храбрецовъ отойти на нѣсколько шаговъ отъ сараевъ, при чемъ оказалось, что

способныхъ драться не болѣе 25 человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ были уже ранены; лошадей осталось четыре, остальные были убиты или вырвались изъ рукъ. Казаки стояли на открытомъ мѣстѣ подь самымъ частымъ огнемъ и ихъ окружило болѣе 1000 человѣкъ повстанцевъ, готовыхъ каждую минуту броситься въ атаку.

Шагахъ въ двухъ стахъ отъ сараевъ, въ котловинѣ лежало кладбище, обруженное досчатой оградой, аршина въ полтора вышиною, ограда на половину обрушена, доски ветхія, съ широкими щелями и при томъ такъ тонки, что не могли нисколько предохранить отъ дѣйствія пуль. Вблизи, однако, ничего лучшаго не было, и потому рѣшено было перейти на кладбище. Пули осыпали храбрецовъ; чтобы менѣе терять отъ нихъ, кучка немного раздвинулась и медленно, шагъ за шагомъ, направилась къ кладбищу. Видя это, два польскіе эскадрона бросились въ карьеръ. Команда снова сомкнулась, залегла въ дорожную канаву и ждала. Последній часъ борьбы, казалось, наступилъ... Но видно эта горсть людей имѣла видъ слишкомъ грозный; въ 15 шагахъ эскадроны снова повернули назадъ, снова получили въ догонку нѣсколько выстрѣловъ и команда безпрятственно заняла кладбище. Поляки нѣсколько разъ пытались ворваться на кладбище. Но эти атаки, какъ и предыдущія, остались безъ успѣха. Тогда фланкеры окружили храбрецовъ со всѣхъ сторонъ. Команда неустрашимыхъ людей, съ своей стороны, только изрѣдка могла отвѣчать на частые выстрѣлы враговъ, потому что патроновъ оставалось уже не много.

Грabbе сидѣлъ вмѣстѣ съ Витмейеромъ, прислонясь къ забору. Кругомъ умирали люди въ страшныхъ мученіяхъ; раненые невыносимо страдали, истекая кровью, безъ всякой помощи, мучимые жаждой, безъ капли воды, среди самаго знойнаго дня, и—ни малѣйшаго признака малодушія!

Вправо отъ Витмейера сидѣлъ кубанецъ, раненый въ ногу, но онъ стрѣлялъ еще. Вдругъ винтовка вынала изъ его рукъ и онъ прилегъ къ землѣ.

— Ты раненъ еще разъ? Куда? спросилъ Витмейеръ.

— Въ грудь, ваше благородіе.

— Гдѣ твои патроны? дай-ка ихъ сюда.

Кубанецъ молча опустилъ руку въ карманъ, вынулъ пять патроновъ, подалъ ихъ Витмейеру и... умеръ. Вдругъ юнкеръ Алексѣевъ опустилъ голову и медленно склонился къ землѣ: пуля попала въ самое сердце храбраго юноши.

Пока Витмейеръ принималъ патроны у умирающаго кубанца, Граббе отошелъ къ другой сторонѣ забора. Не прошло и десяти минутъ, какъ Граббе сталъ звать Витмейера слабымъ, измѣнившимся голосомъ. Витмейеръ вскочилъ и бросился къ нему. «Сядь тутъ, посмотри, куда я раненъ», сказалъ Граббе, стараясь повернуться спиной къ Витмейеру. Витмейеръ посмотрѣлъ... Храбрѣйшій изъ храбрыхъ былъ раненъ въ спину Подлѣ средняго шва кителя видѣлось окровавленное отверстие. У Граббе немедленно отнялись ноги. «Пособи мнѣ приподняться, приподыми меня... Что это я не могу пошевелить ногами? говорилъ Граббе Витмейеру». — «Нѣтъ, братъ, я вижу, что рана смертельна. Прощай я умираю... Ну, теперь ты примешь начальство... все, что тебѣ остается сдѣлать, это спасти остальныхъ и раненыхъ.. Ты знаешь, что я не о себѣ забочусь. Я умру сейчасъ».

Прошло съ полчаса; корнетъ Ермоловъ получилъ двѣ новыя раны: обѣ ноги его были прострѣлены. Еще прибавилось нѣсколько убитыхъ, нѣсколько раненыхъ.. Граббе страдалъ молча на рукахъ Витмейера.

Въ отдаленіи показалась конная партія человекъ въ 400 или болѣе. Это были поляки... Косинеры шли въ серединѣ, стрѣлки по бокамъ.

Способныхъ для боя осталось всего 7 человекъ: Витмейеръ, князь Урусовъ, урядникъ Кобылевъ, легко раненый въ руку, два кубанца и два донца. Всѣ остальные были переранены нѣсколькими пулями.

Дратся семи снѣженнымъ кавалеристамъ безъ штыковъ, противъ 1400 слишкомъ человекъ было физически невозможно. Штурмъ свирѣпыхъ косинеровъ, угрожалъ избіеніемъ раненыхъ. Косинеры были уже въ 60 шагахъ. Витмейеръ обратился къ казакамъ съ краткою рѣчью и въ тоже время вывѣсивъ парламентарскій флагъ, вышелъ изъ кладбища.

Не выславъ парламентаря съ своей стороны и не выждавъ приближенія къ себѣ Витмейера, кавалерія бросилась къ нему на встрѣчу, пѣхота также успѣла достигнуть самой ограды кладбища... Видя это казаки дали два-три выстрѣла. Поляки бросились на кладбище... Нѣсколько выстрѣловъ, рядъ проклятій, нѣсколько стоновъ и посреди всего этого густой лѣсъ косъ, потрясаемыхъ въ воздухѣ...

Витмейеръ тотчасъ же былъ окруженъ кавалеріей. «Отдайте вашу саблю!» кричали ему по французски. «Спасайте раненыхъ! спасайте раненыхъ!» отвѣчалъ Витмейеръ. Въ эту минуту на него накинулись косинеры; одинъ молодой полякъ бросился было между Витмейеромъ и своими, но самъ получилъ четыре удара. Только одна коса направилась было на голову Витмейера, но онъ отразилъ ее рукою, получивъ только легкую контузію. Витмейеръ снова началъ кричать о спасеніи раненыхъ. Тотъ же молодой человекъ и еще двое другихъ бросились въ самую середину кровавой сѣчи и успѣли остановить рѣзню.. Витмейеръ сдѣлался плѣнникомъ и его увели съ мѣста боя. Послѣ уже ему разрѣшили навѣстить раненыхъ и ввели его въ грязную хату. На полу лежалъ Ермоловъ и нѣсколько кубанцевъ. Докторъ хлопоталъ около нихъ. Ермоловъ былъ спокоенъ и казался легко раненымъ. «Витмейеръ подойди ко мнѣ», послышался чей-то глухой голосъ. Это былъ голосъ Граббе. Онъ лежалъ на кровати въ темномъ углу комнаты. Голова и лице его были окровавлены, лобъ изрубленъ, зубы стиснуты отъ боли, на правой щекѣ глубокой шрамъ, правая рука изрублена во многихъ мѣстахъ, кисть лѣвой руки отрублена вовсе... Онъ умеръ послѣ пятидневныхъ, неслыханныхъ мученій. Погибъ и войсковой старшина Маноцговъ.

На оставшихся въ живыхъ, тяжело было глядѣть: почти всѣ были ранены нѣсколькими пулями и изрублены косами. Одинъ получилъ 23 раны.

Въ честь погибшихъ героевъ воздвигнуть памятникъ на кладбищѣ, гдѣ покоятся тѣла Маноцгова и павшихъ казаковъ.

Монументъ изображаетъ бойницу, вышиною въ три сажени, считая отъ основанія памятника до оконечностей зубцовъ.

Зубцы эти окружают полушаріе, увѣнчанное круглымъ щитомъ, на которомъ шлемъ съ лавровымъ вѣнкомъ и крестообразно положенныя пики и мечъ (древне-русскаго стиля). Середину монумента, съ наружной стороны, занимаетъ большой барельефъ, отлитый изъ цинка, съ изображеніемъ подвига.

Онъ изображаетъ моментъ атаки косинеровъ.

На правомъ планѣ видѣется на рукахъ товарищей смертельно раненый Граббе, поддерживаемый своими сподвижниками; на второмъ планѣ, два кубанскихъ казака и войсковой старшина Маюцковъ, отстрѣливаются изъ-за могильныхъ крестовъ.

Подъ барельефомъ большая мраморная доска, съ означеніемъ на ней именъ и фамилій всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ героевъ. ¹⁸⁰).

* * *

Въ одномъ дѣлѣ сотня казаковъ преслѣдовала небольшую банду, но преслѣдованіе шло какъ-то вяло, медленно, безъ энергіи. Пораженный этимъ сотенный командиръ кричалъ на казаковъ и самъ пытался бросаться впередъ, но дѣло отъ этого не выигрывало. Банда ушла въ лѣсъ, оставя нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ. Командиръ сотни былъ очень недоволенъ казаками и сейчасъ же послѣ дѣла заговорилъ о преданіи военному суду. Казаки молчали, но въ частномъ разговорѣ заявили прямо, что не шли сильно впередъ потому, что «тамъ гдѣ-то въ лѣсу была засада: насъ заманивали».

— Почему же вы такъ думаете?

— А вотъ почему, ваше благородіе, сказалъ одинъ бойкій казакъ: погонимъ ихъ, они отступаютъ охотно, а послѣ того, глядь, опять показываются изъ лѣса; насядемъ мы на нихъ—они опять на понятный, а послѣ опять покажутся. Развѣ врагъ, когда бы дѣйствительно отступалъ, дѣлалъ бы такъ? онъ бы самъ оборачивался, да, когда надо, самъ бы въ атаку ходилъ на насъ. А эти нѣтъ. Какъ же не заманивали?»

Офицеру было не трудно проверить эти соображения казаков: один из тяжело раненых поляков откровенно сообщил, что в лесу была засада и стояла заряженная пушка.

Урядникъ Коржовъ съ донцами въ киргизской степи.

Иголка мала — да больно колеть.

Самъ Коржовъ рассказываетъ:

«По Высочайшему распоряженію донская казачья № 8, Филевкова, батарея, отправлена была въ уральскую область содѣйствовать усмирению кочевавшихъ въ ней киргизскихъ ордъ. Первый взводъ этой батареи стоялъ въ Уральскѣ, второй въ крѣпости на Уллѣ, третій въ крѣпости на Иргизѣ, а четвертый въ укрѣпленіи на Эмбенскомъ посту; къ послѣднему взводу принадлежалъ и я. Въ іюль мѣсяцъ весь нашъ взводъ съ отрядомъ, подъ предводительствомъ подполковника Байкова, командированъ былъ въ степи для разъѣздовъ. Дойдя до лугового мѣстечка Орженць, мы остановились. Отсюда по распоряженію подполковника легкіе отряды разъѣзжали по степи. Когда же наступило время возвратиться назадъ и все отряды собрались на Орженць, оказалось, что у насъ не было ни верблюдовъ для того, чтобы поднять весь провіантъ, ни подножнаго корма для прокормленія имѣвшихся у насъ верблюдовъ и лошадей. Нужно было поэтому раздѣлиться намъ на два отряда, чтобы первому послѣшить отправиться въ Чушка-Куль и оттуда прислать къ другому, оставшемуся на Орженць, верблюдовъ. Нашему вводу съ первую ротю 18 стрѣлковаго баталіона опредѣлено было остаться на Орженць, подъ управленіемъ капитана Тенгина. Но, изъ числа донскихъ казаковъ, подполковникъ Байковъ взялъ меня и еще 13 казаковъ: (В -Кундрюческой станицы) Дементія Волошенкова, (Мелеховской) Егора Карташова, Федота Богомазова, Константина Кирѣева, (Калитвенской) Ва-

силія Ерофѣева, (Кривянской) Алексѣя Чеботарева и Ивана Кружилина, (Усть-Хоперской) Авдѣя Галмыкова, Степана Пономарева, Ивана Буликова, (Вешенской) Ефима Сафопова, Алексѣя Моисѣева, Никанора Косоножкина и Ефима Сафопова.

Онъ взялъ насъ съ тѣмъ, чтобы мы могли потомъ привести изъ Чушка Куля на Орженць (разстояніе около 70 версть) транспортъ верблюдовъ.

Во время перехода я старался познакомиться съ мѣстностью, по которой долженъ былъ слѣдовать назадъ. Черезъ два дня отрядъ нашъ прибылъ благополучно въ Чушка-Куль, гдѣ я съ донцами и передневалъ. Черезъ нѣсколько времени подполковникъ потребовалъ меня къ себѣ и поручилъ моему надзору и управленію 13 донскихъ казаковъ, 3 уральскихъ и 3 оренбургскихъ, а также 135 верблюдовъ; при этомъ онъ прибавилъ, что за все, что можетъ случиться съ поручаемымъ мнѣ отрядомъ и транспортомъ, отвѣтственность ляжетъ на меня. Онъ приказалъ мнѣ найти переводчика, татарина изъ уральскихъ казаковъ, который долженъ былъ собрать вощиковъ для управленія верблюдами и отправиться въ обратный путь. Избравъ себѣ переводчикомъ и проводникомъ татарина Хорилова изъ уральскихъ казаковъ, на другой день, 24 іюля, еще до разсвѣта, я приказалъ ему собрать верблюдовъ и вощиковъ 13 человекъ. Я устроилъ свой отрядъ и транспортъ въ такомъ порядкѣ: впереди должны были авангардомъ идти 4 донскихъ казака подъ управленіемъ бомбардира Кирѣева; въ 150 саженьяхъ отъ нихъ слѣдовалъ я съ тремя казаками, а вслѣдъ за нами шли верблюды съ вощиками, проводникомъ, а также оренбургскими и уральскими казаками, какъ знаемыми съ киргизскимъ языкомъ. Отрядъ замыкался въ 100 саженьяхъ аріергардомъ, состоявшимъ изъ бомбардира Ерофѣева и остальныхъ четырехъ донскихъ казаковъ. Помолившись Богу, мы въ 5 часовъ утра двинулись въ путь. Къ вечеру прибыли къ рѣчкѣ Чигань, пройдя отъ Чушка-Куля около 30 версть. Переночевавъ, мы передъ восходомъ солнца 25 іюля, отправились въ путь въ томъ же порядкѣ, въ какомъ шли. Прошли мы болѣе десяти версть, какъ вдругъ около 9 часовъ

утра, изъ авангарда явился ко мнѣ казакъ Богомазовъ съ извѣстіемъ, что они замѣтили какую-то толпу, но не знаютъ: киргизы-ли то, или тарпаны, или сайгаки. Тогда я приказалъ ему лучше разузнать, что видѣли они. Между тѣмъ отрядъ продолжалъ подвигаться впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ весь авангардъ прибылъ къ намъ съ увѣдомленіемъ, что впереди они видѣли толпу киргизовъ, состоящую почти изъ полтораста человекъ. Я тотчасъ же приказалъ переводчику устроить изъ верблюдовъ каре. Замѣтивъ движеніе въ нашемъ отрядѣ, киргизы пріостановились. Вѣроятно, они подозрѣвали, что у насъ есть орудіе и выжидали выстрѣловъ. Между тѣмъ у насъ и ружей-то было всего шесть. Мы успѣли уже устроить свое каре, а киргизы все медлили. Тогда я отдалъ приказаніе снова поднять верблюдовъ, чтобы передвинуться къ рѣчкѣ Чиганъ, протекавшей отъ насъ въ полоторыхъ верстахъ. Это я рѣшился сдѣлать съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ нападенія на насъ киргизовъ, намъ не остаться совершенно безъ воды среди жаркаго дня и во время жаркой схватки. Но едва только мы двинулись съ мѣста, какъ киргизы поскакали на насъ. Тогда я приказалъ опять устроить каре изъ верблюдовъ, укладывая ихъ кругомъ насъ въ пять рядовъ, боками къ срединѣ и при томъ такъ, чтобы верблюды новаго ряда своимъ корпусомъ прикрывали промежутокъ между верблюдами предшествовавшего. Всѣмъ верблюдамъ связывали крѣпко переднія ноги, чтобы они не могли подняться. Но вдругъ я замѣтилъ, что нѣкоторые верблюды встаютъ на ноги. Черезъ проводника я узналъ, что старшій изъ вошиковъ, киргизъ, нарочно вяжетъ ихъ дурными арканами. Ясно, что это измѣна. Тогда я бросился на вошика и нѣсколько разъ ударилъ его плетью, а черезъ переводчика передалъ ему, что если онъ не перевяжетъ верблюдовъ крѣпкими арканами, я прикажу казакамъ засѣчь его и бросить на мѣстѣ. Удары и угрозы подѣйствовали на него: верблюды были перевязаны хорошими арканами и уложены въ каре. Лошади, перевязанныя одною веревкою, поставлены были внутри каре, двѣ же изъ нихъ особо были привязаны къ верблюдамъ. Пока все это устраивалось, киргизы приближа-

лись къ намъ. Положеніе наше становилось опаснымъ и безвыходнымъ: помощи мы ни откуда не видѣли. Вдругъ замѣтили мы, что кромѣ киргизовъ, скакавшихъ на насъ съ лѣвой стороны, новая подобная же челобвѣкъ съ полтора ста шайка бѣжать на насъ и съ правой стороны. Прежде нежели киргизы успѣли совершенно окружить насъ, я отдалъ приказаніе стрѣлять въ нихъ не ранѣе того, какъ они приблизятся по крайней мѣрѣ сажени на 50 и при томъ когда они будутъ бѣжать прямо на насъ, а не въ бокъ и, наконецъ, если они начнутъ стрѣлять. Отдавая это приказаніе, я имѣлъ въ виду то, чтобы наши выстрѣлы не пропадали даромъ, такъ какъ у насъ всего было не болѣе 200 зарядовъ.

Съ разстоянія 200 сажень киргизы начали стрѣльбу въ насъ и, чѣмъ ближе подходили къ намъ, тѣмъ выстрѣлы ихъ становились все чаще и чаще. Но вотъ они уже почти въ 50 саженьяхъ отъ насъ. «Аникей Ѳедоровичъ! благословите стрѣлять въ нихъ», сказалъ тогда одинъ изъ оренбургскихъ казаковъ, обратясь ко мнѣ: «Богъ благословитъ и я благословляю». Тотъ выстрѣлилъ и убилъ подъ киргизомъ лошадь; она упала, но киргизы успѣли подхватить ее. Въ то же время, съ другой стороны выстрѣлилъ казакъ Косоножниковъ и убилъ киргиза.

Послѣ нашихъ выстрѣловъ оробѣвшіе киргизы отошли отъ насъ болѣе, нежели на версту. Тамъ раздѣлились они на три партіи, изъ которыхъ одна тотчасъ же скрылась за близъ лежавшій курганъ, остальные двѣ остались у насъ на виду. Тогда, съ моего позволенія, одинъ уральскій казакъ выстрѣлилъ въ одну толпу и въ ней убилъ еще киргиза. Это заставило всю партію скрыться за курганъ. Желая освободиться и отъ послѣдней, я приказалъ стрѣлять и въ нее и дѣйствительно она также успѣшила за курганъ. Я отрядилъ казака Волошенкова съ однимъ изъ киргизовъ воиновъ (посадивъ послѣдняго на лошадь казака Кирѣева) въ Орженецъ, чтобы они дали знать объ угрожающей намъ опасности. Не успѣли они отъѣхать отъ насъ на нѣсколько шаговъ, какъ ихъ замѣтили киргизы и тотчасъ же поскакали за ними въ погону. Киргизъ-посоль рѣшился тогда воз-

вратиться къ намъ. Толпа киргизъ бросилась на него, отрѣзала ему дорогу отъ насъ и скоро поймала. Это замедленіе было спасительно для Волошенкова: пока киргизы управлялись съ плѣнникомъ, — тотъ успалъ верстѣ на пять. Тѣмъ не менѣе, они бросились было за нимъ, но онъ успѣлъ скрыться и они оставили его.

Однако, скоро встрѣтили его три киргиза, которые поставлены были на караулѣ; они бросились на Волошенкова и едва было не схватили его. Онъ успѣлъ проскакать, такъ сказать, среди нихъ. Они пустились за нимъ и преслѣдовали на разстояніи 15 верстѣ. Пять разъ стрѣлялъ въ нихъ Волошенковъ, но отъ быстроты бѣга, всѣ эти выстрѣлы были не удачны; а послѣ послѣдняго онъ уронилъ даже шомполь. Однако, послѣ того онъ еще разъ счумѣлъ зарядить свой пистолеть, сбѣжалъ еще одинъ выстрѣлъ и на этотъ разъ ранилъ средняго изъ киргизовъ. Тогда другіе два, подхвативъ своего раненаго товарища, побѣжали съ нимъ назадъ; Волошенковъ спасся.

Оставивъ погоню за Волошенковымъ, киргизы снова скрылись за курганъ и, выходя изъ-за него, начали стрѣлять въ насъ. Они ранили лошадь казака Калмыкова, а затѣмъ мою. Но я не позволялъ своимъ отвѣчать на ихъ выстрѣлы. Киргизы, желая запугать насъ, употребили такого рода хитрости: они начали отпускать отъ себя по нѣсколько человекъ, которые спускались къ рѣчкѣ Чигонъ и тамъ скрывались отъ насъ, проходили по берегу ея нѣсколько верстѣ, потомъ опять показывались намъ, но уже на противоположной сторонѣ, откуда снова возвращались къ своимъ за курганъ. Этимъ они хотѣли показать намъ, будто къ нимъ подходятъ новыя и новыя силы. Такъ въ самомъ дѣлѣ и подумали мои казаки, но я постарался разъяснить имъ хитрость киргизовъ; при томъ рассказалъ имъ, какъ и наши въ Грузіи подобнымъ образомъ обманывали неприятелей.

Обходы киргизовъ продолжались около двухъ часовъ, но они не рѣшались дѣлать нападеній на насъ. Очевидно, что они поджидали себѣ новаго подкрѣпленія; съ горъ дѣйстви-тельно начали показываться новыя шайки киргизъ. Я при-

казалъ своимъ казакамъ молиться на всѣ четыре стороны, прося себѣ помощи у Господа и прощаться другъ съ другомъ. Послѣ того я сказалъ имъ: «ну, братцы, не робѣйте! служите Богу и Государю вѣрно, не щадя живота своего до послѣдней капли крови. Живыми въ руки не давайтесь!» Я размѣстилъ ихъ въ каре такъ, чтобы они могли со всѣхъ сторонъ отражать нападеніе враговъ. Воицамъ я приказалъ взять колья изъ сѣделъ верблюдовъ и ими отбиваться отъ враговъ. Скоро киргизы, все ближе и ближе подвигаясь къ намъ, наконецъ окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ приблизились они уже на пять сажень и посыпались тогда ихъ выстрѣлы. Нѣкоторыя наши лошади были ранены и бросились чрезъ верблюдовъ изъ каре; въ одномъ мѣстѣ даже прорвали его. Киргизы съ пиками въ рукахъ, бросились на каре. Первый ударъ нанесъ киргизъ казаку Пономареву и сбилъ его съ ногъ и уже еще три пика направлены были на него. Что же удивительнаго, если нѣсколько сробѣли было мои казаки и стояли какъ бы въ какомъ-то оцѣпененіи. «Не робѣйте, братцы! крикнулъ я имъ, не давайтесь живыми имъ въ руки. Вырывайте у киргизовъ пика изъ рукъ». Пономаревъ первый, полулежа, вырвалъ одну пикъ; его примѣру послѣдовали остальные, и мы скоро имѣли у себя около 70 киргизскихъ пикъ. Всѣ воишки киргизы измѣнили намъ, перебѣжавъ къ нашимъ врагамъ. Когда пикъ оказалось у насъ очень достаточно, я приказалъ взять ихъ въ руки, стать съ ними кругомъ каре, не допускать къ себѣ киргизовъ и не давать имъ верблюдовъ. Но вотъ и я получилъ рану: въ то время какъ нагнулся я за пикой, одинъ киргизъ пронзилъ меня насквозь со спины выше сердца. Сгоряча, не чувствуя боли, я продолжалъ сражаться пикой въ правой рукѣ, а шашкою въ лѣвой. Послѣ многихъ неудачныхъ выстрѣловъ въ меня, одинъ изъ нихъ попалъ мнѣ въ руку; я выпустилъ свое оружіе и упалъ, истощенный потерей крови, истекшей изъ моей прежней раны. «Братцы!» крикнулъ я своимъ падая, — «не робѣйте, хотя я вамъ теперь и не помощникъ». Между тѣмъ борьба продолжалась. Ее, впрочемъ, скорѣе можно назвать дракою, потому что она проис-

ходила, какъ говорится, въ рукопашную: мы и кудаками били другъ друга и рвали за волосы (у киргизовъ годовы бритья, но на бородахъ не мало волосъ), киргизы успѣли уже убить двухъ казаковъ, остальные же почти все были сильно изранены. Однако казаки не впустили въ каре ни одного изъ киргизовъ. Вдругъ киргизы стали отступать; мы увидѣли со стороны Орженца движущуюся къ намъ массу людей, которую конечно раньше насъ замѣтили киргизы. Раздался выстрѣлъ изъ орудія. «Ну, ребята! не робѣйте!» крикнулъ я, «вотъ и наши идутъ на выручку». Въ это время еще нѣсколько десятковъ киргизъ бросились на насъ и мы успѣли убить изъ нихъ четырехъ и тѣмъ прогнали ихъ. Раздался другой выстрѣлъ изъ орудія и все киргизы бросились въ разныя стороны. Мы были спасены: Волошенковъ уже безъ всякихъ приключеній добѣжалъ до Орженца. Но его лошадь такъ была измучена, что тотчасъ пала, какъ донесла его до мѣста. И самъ Волошенковъ, потрясенный тѣмъ, что пришлось ему испытать, находился въ безпамятствѣ и первое время ничего не могъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Прийдя же въ себя, онъ разсказалъ о всемъ случившемся съ нами капитану Тенгрину и взводному сотнику Омину. Капитанъ тотчасъ же приказалъ сварядиться полуротѣ своихъ солдатъ и, поручивъ ихъ управленію прапорщика Живарева, скомандовалъ бѣглымъ шагомъ спѣшить къ намъ на выручку. Въ то же время и сотникъ Оминъ приказалъ своимъ казакамъ впречь лошадей въ орудіе, садиться самимъ на лошадей и затѣмъ вмѣстѣ съ ними отправиться къ намъ. Съ ними отправился и Волошенковъ, посаженный на свѣжую лошадь. Сотникъ Оминъ съ своимъ отрядомъ скоро догналъ, нѣсколько прежде его побѣжавшихъ, пѣшихъ солдатъ и—какъ послѣдніе уже значительно утомились, такъ какъ въ этотъ день они еще не успѣли подкрѣпить себя пищею, то онъ приказалъ своимъ устунить тѣмъ своихъ лошадей, а другихъ посадить на орудіе. Такимъ образомъ, чередуясь, все они вмѣстѣ продолжали путь. Въ три часа пробѣжали они около 25 верстъ; лишь только приблизились къ намъ версты на три, какъ и сдѣлали тѣ вы-

стрѣлы изъ орудія, которые разогнали киргизовъ и спасли насъ. Послѣ своего второго выстрѣла, эта команда нѣсколь-ко приостановилась, такъ какъ она не увѣрена была, чтобы кто либо изъ насъ остался живымъ и опасалась, чтобы при дальнѣйшемъ движеніи и ей не попасть въ руки киргизъ. Замѣтивъ это, я послалъ къ нимъ казака Кирѣева и переводчика Халинова съ просьбою спѣшить къ намъ. Тѣ тотчасъ же прибѣжали и увидали тяжелую картину: два казака лежали мертвыми, семь было безъ чувствъ; другіе же, страдая отъ ранъ, въ невыносимыхъ мукахъ то требовали воды, то просили не трогать ихъ, а нѣкоторые даже умоляли предать ихъ смерти.... Прибывшіе не могли узнать ничего изъ насъ, такъ мы всѣ были обезображены, изранены и испачканы кровью. По очищеніи насъ и по перевязкѣ ранъ нашихъ, они устроили носилки на верблюдахъ и на нихъ положили насъ всѣхъ и убитыхъ. Я также связаннымъ положенъ былъ на верблюдѣ. Но такъ какъ это положеніе для меня было крайне неудобно, то я упросилъ развязать меня, послѣ чего я уже свободно сидѣлъ, сжавъ свои раны руками. Усаженные такимъ образомъ, мы отправились на Орженецъ, куда и прибыли глубокою ночью. Со слезами на глазахъ встрѣтили насъ оставшіеся тамъ воины. Насъ привезли къ госпиталю, куда скоро пришелъ капитанъ Тенгриный и тоже въ слезахъ. Онъ спросилъ насъ о здоровьи. «Слава Богу!» отвѣчали мы ему. По его приказанію каждый изъ насъ подкрѣпилъ себя чаркой водки и чаемъ, но ѣсть никто не могъ. Между тѣмъ фельдшеръ, съ помощью солдатъ, спѣшилъ перевязывать наши раны, и, когда все было кончено, насъ оставили въ покоѣ.

Послѣ двухдневнаго отдыха, когда раны наши нѣсколько успокоились, — мы разстались съ Орженцомъ. Эта мѣстность въ глазахъ нашихъ сдѣлалась священной: отсюда пришло къ намъ спасеніе отъ вѣрной смерти, здѣсь же мы похоронили трехъ убитыхъ въ славномъ бою за Царя и отечество.

30 іюля мы благополучно дошли до Чушка-Куля и черезъ два дня прибылъ уральскаго войска генераль Обезья-

новъ. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ представленіе о награждѣ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ битвѣ съ киргизами на Мисчиграѣ 25 іюля 1870 г. и по милости нашего Монарха мы были награждены: я чиномъ хорунжаго, а казакъ Волошенковъ сдѣланъ урядникомъ и всѣ мы получили георгіевскіе кресты». ¹⁸¹).

Турецкая война

1877—1878 г.

„Захвать за Дунай—про домъ и не думай“.

Россія объявила войну Турціи и 12 апрѣля 1877 г. Высочайшимъ манифестомъ повелѣно войскамъ нашимъ вступить въ предѣлы Турціи. Донской казачій № 29 Пономарева полкъ, — первый занялъ весьма важный стратегическій пунктъ, — Барбошскій желѣзнодорожный мостъ, совершивъ въ теченіи 11½ часовъ стоверстный переходъ. Военныя дѣйствія открылись на Дунаѣ и въ азіятской Турціи. По взятіи Карса, Ардагана, Плевны и др. и переходъ черезъ Балканы, войска наши очутились передъ Константинополемъ. 19 февраля 1878 г. миръ былъ заключенъ.

Дѣйствія донскихъ казаковъ были сосредоточены преимущественно въ европейской Турціи. Донское войско выставило тогда на службу 53 полка и 24 батареи.

* * *

Полки: 1. гв. казачій полкъ, 1. гв. атаманскій полкъ, №1 Кутейникова, 4—Власова, 7—Янова, 8—Желтоножкина, 9—Нагибина, 10—Ледкова. (Денисова), 11—Попова, 12—Хрещатицкаго, 13—Попова, 15—Дудкина. (Голубинцева), 16—Слюсарева, 17—Варламова, 18—Измаилова, 21—Курякова, (Мандрыкина), 23—Бакланова, 24—Шамшева, 26—Краснова, (Фролова), 29—Пономарева, 30—Орлова, (Грекова), 31—Рубашкина, 34—Короженцова, 35—Черевкова, 36—Калинина, 37—Иловайскаго, 39—Грекова, 40—Дмитрова и проч.

Батареи: 1. гв. 6 донская батарея, №2 Рыткова, 4—Персіянова, 5—Калинина, 8—Власова, 9—Золотарева (Зотова), 10—Солунскаго, 11—Ледкова, 12—Костина, 13—Фомина, 14—Куряпова, 15—Дудкина, 16—Рудакова, 17—Маркова, 21—Дукмасова, и проч.

За отличія, оказанныя въ этойъ войнѣ войско донское награждено георгіевскимъ знаменемъ съ надписью: «за отличіе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ».

Въ грамотѣ на него между прочимъ сказано: «...Донскіе полки и батареи храбростію и стойкостію въ бояхъ, искусными дѣйствіями и сохраненіемъ строгаго воинскаго порядка вписали новую славную страницу въ боевую лѣтопись войска донскаго и стяжали новое право на благоволеніе Государя и признательность отечества»....

Кромѣ того: 1-й атаманскій полкъ и 1-й батарея получили права старой гвардіи.

Георгіевскіе штандарты: донскимъ казачьимъ полкамъ: №№ 31, 36, 37 и 39 съ надписью:

«За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 гг.

Донскому казачьему № 26 полку, съ надписью: «За двукратный переходъ черезъ Балканы въ 1877 году».

Донскому казачьему № 29 полку, съ надписью:

«За быстрое наступленіе и занятіе Браилова 13 апрѣля 1877 года».

Донскому казачьему № 30 полку, съ надписью:

«За Шинку, Ловчу, двукратный переходъ черезъ Балканы и взятіе 50 орудій при Конджиклярѣ въ 1877—1878 годахъ».

Георгіевскія серебряныя трубы съ надписями: «За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ» донскимъ казачьимъ № 8 и 9 полкамъ.

Георгіевскія же серебряныя трубы съ прибавленіемъ къ имѣющимся нынѣ надписямъ—новыхъ объ отличіяхъ, оказанныхъ въ 1877—1878 годахъ».

Донской казачьей № 6 батареѣ, съ надписью: «За усмиреніе Венгрии въ 1849 г. и за отличіе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ».

Знаки отличія на головныя уборы съ надписями: «За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 гг.: 1 и 2 дивизионамъ лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка, донскимъ казачьимъ №№ 8, 9, 12, 13, 15, 16, 17 и 18 полкамъ; донской казачьей № 5 батареѣ, съ сохраненіемъ 1

взводу и прежней надписи: «за отличие въ 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ»; донской казачьей № 21 батареей, «за Шипку въ 1877 году».

Донскому казачьему № 23 полку, «за отличие въ сраженіи при Шейновѣ 28 декабря 1877 г.».

Знаки же отличія на головные уборы: донскому казачьему № 21 полку, съ надписью: «за двукратный переходъ черезъ Балканы въ 1877 году».

Орденами св. Георгія награждены: командиръ донской № 2 батареи подполковникъ Рытиковъ,—за взятіе Никополя 4 іюля. Командиръ донскаго казачьяго № 21 полка, полковникъ Курнаковъ—за отличие въ сраженіяхъ 1-го забалканскаго похода. Хорунжій донской № 10 батареи Пономаревъ за тоже отличие. Командиръ 3 сотни донскаго казачьяго № 30 полка есаулъ Антоновъ—за взятіе и удержаніе г. Сельви противъ значительно превосходящихъ непріятельскихъ силъ. Донскаго казачьяго № 30 полка сотникъ Галдинъ—за атаку Шипки (перевала Бедекъ) 5 іюля. Командующій 2 гвардейскою кавалерійскою дивизіею генераль-майоръ Леоновъ—за взятіе Врацы 28 октября. Командиръ донскаго казачьяго № 30 полка полковникъ Грековъ, Митрофанъ»—за взятіе Трояновскаго перевала 26 декабря. Донскаго казачьяго № 26 полка хорунжій Дукмасовъ—за сраженіе у Шипки и Шейнова 27 и 28 декабря и др. ¹⁸²⁾.

Что касается до наградъ знаками отличія военнаго ордена, то достаточно сказать, что напр. одинъ донской казачій № 30 полкъ заслужилъ ихъ—280; всего же георгиевскихъ крестовъ заслужено донцами болѣе двухъ тысячъ.

* * *

Дѣло было недалеко отъ Меджидіе около 20 іюня. Передовыя части донскаго казачьяго № 18 полка Измайлова были расположены вдоль края мѣстной балки. По другой сторонѣ ея были турки. Урядникъ Егоровъ видѣлъ, что партія турокъ тихо выѣхала на поляну; отъ партіи отдѣлился какой-то человекъ на отличной лошади и все что-то разсматриваетъ въ бинокль нашу сторону. Разсматривая, этотъ

всадникъ отдѣлался все болѣе и болѣе отъ турецкой партіи. Тогда урядникъ Егоровъ, взявъ съ собою одного казака, осторожно спустился въ балку, по ней лѣсомъ пробрался противъ того мѣста, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ находиться всадникъ, скрытно поднялся изъ балки и очутился какъ разъ противъ него. Турецкій всадникъ стоялъ и внимательно разсматривалъ въ бинокль край балки, занятый казаками. Вдругъ Егоровъ вылетѣлъ на конѣ изъ балки и во весь карьеръ понесся къ всаднику, грозя ему наведенною берданкою. Всадникъ растерялся. Налетѣвъ на него, Егоровъ схватилъ его лошадь за поводъ, хлестнулъ ее плетью и также въ карьеръ, погналъ обратно къ балкѣ. Тутъ подхватилъ ее оставшійся казакъ и живой турокъ былъ пригнанъ плѣннымъ къ казакамъ, несмотря на преслѣдованіе турецкой партіи. Это оказался турецкій штабъ-офицеръ. При немъ былъ отличный заряженный револьверъ и великолѣпная шапка.

Егоровъ былъ награжденъ георгіевскимъ знакомъ отличія 3 ст., такъ какъ уже имѣлъ такой же 4 ст. ¹⁸³).

* * *

Три взвода 3 сотни донскаго казачьяго № 30 полка, были отправлены для занятія города Сельви. Есаулъ Антоновъ, въ виду наступленія значительнаго числа черкесовъ, двинулся на встрѣчу и не смотря на то, что непріятеля было около тысячи человекъ, не допустилъ ихъ занять городъ. Затѣмъ есаулъ Антоновъ, занимая своею сотнею въ теченіи трехъ сутокъ г. Сельви, отбивалъ нападавшихъ черкесовъ то ружейнымъ огнемъ, то конными атаками; когда же 4 іюля прибыла къ нему на подкрѣпленіе 6-я сотня подъ начальствомъ есаула Афанасьева, то обѣ сотни перешли въ наступленіе. Сшибивъ 5 взводовъ изъ своихъ сотенъ, Антоновъ и Афанасьевъ выбили черкесовъ изъ занятой ими деревни, потомъ, сѣвъ на коней, — смѣло кинулись въ атаку и гнали черкесовъ нѣсколько верстъ. При этомъ у непріятеля отбили 27 лошадей, 200 англійскихъ магазинныхъ ружей, большое количество шашекъ, кинжаловъ и пистолетовъ. За этотъ

подвигъ есауль Антоновъ получилъ орденъ св. Георгія 4 ст., а на его сотню выдано десять, а на шестую — шесть знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія. ¹⁸⁴).

* * *

30 июня, по приказанію командира донскаго казачьяго № 30 полка, сотникъ Галдинъ со 2-й сотней выступилъ изъ Тырнова по направленію къ Балканамъ, и на другой день въ три часа достигъ возвышенности Бедекъ. Идти было трудно, такъ какъ не было никакихъ дорогъ. Возвышенность Бедекъ почти вся покрыта, за исключеніемъ самой вершины, крупнымъ лѣсомъ. Достигнувъ самой подошвы, сотникъ Галдинъ спѣшилъ всю сотню и, выставивъ 6 пикетовъ противъ непріятельскихъ, стоящихъ на вершинѣ, — самъ съ 25 казаками двинулся на гору. Отрядъ довольно медленно пробирался впередъ, такъ какъ идти приходилось по одиночкѣ, да еще по тропинкамъ, нерѣдко заваленнымъ стгнившими деревьями и заслоненными густо сросшимися вѣтвями. Наконецъ, кое-какъ отрядъ выбрался изъ лѣсу. До самой вершины оставалось шаговъ 200-300. Но эта часть высоты поросла скользкой травой, такъ что приходилось опираться руками. Непріятельскіе пикеты, стоявшіе на самой высотѣ, были озадачены внезапнымъ появленіемъ казаковъ и въ страхъ бѣжали; по нимъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ и ранено 2 человека, которые скрылись въ лѣсу; другіе же два пикета отступили къ лагерю, который находился сейчасъ же за вершиной въ $\frac{1}{4}$ версты, по направленію къ Шипши-скому проходу. Не прошло и 10 минутъ, какъ показались непріятельскія колонны, которыя шли поротно, кромѣ башибузуковъ и черкесовъ, численность которыхъ была неизвѣстна; низама было до двухъ тысячъ. На возвышенности, межмежду стоящими другъ передъ другомъ отрядами, находился въ это время табунъ турецкихъ лошадей штукъ въ 60. Тогда сотникъ Галдинъ, съ двумя казаками, бросился къ лошадямъ, которыя, повернувъ, понеслись къ своимъ лошадямъ, но лихой сотникъ, заскакавъ впередъ погналъ ихъ въ свою сторону. По нимъ, смѣльчакамъ, было сдѣлано нѣсколь-

ко выстрѣловъ, которые не причинили имъ вреда. При этомъ Галдинъ повернулся къ неприятелю и погрозилъ кулакомъ. Подскакавъ къ казакамъ, онъ приказалъ перестать стрѣлять. Едва успѣли вогнать лошадей въ лѣсъ, какъ съ неприятельской стороны открылся огонь и завязалась перестрѣлка. Пули вражьи летѣли черезъ головы. Вдругъ у турокъ раздался сигналъ наступленія и они пошли впередъ. Сотникъ Галдинъ приказалъ своему трубачу сыграть тоже наступленіе и, не трогаясь съ мѣста, открылъ стрѣльбу залпами. При каждомъ залпѣ у противника происходили шумъ и суматоха и онъ останавливался. Такимъ образомъ, сдерживая довольно долгое время напоръ такой массы войскъ и вида, что уже становится довольно поздно, Галдинъ приказалъ играть наступленіе, а самъ началъ отступать, оставивъ трехъ казаковъ на опушкѣ для обезпеченія отступленія. Эти три казака, открывъ пальбу залпами, дали возможность благополучно отступить своимъ. Противникъ открылъ пальбу, но уже было поздно, преслѣдовать же оны не рѣшился. У противника было убито 24 человекъ. Лихой нашъ отрядъ, отступивъ не понесъ никакой потери. (При этомъ разсказываютъ, что сотникъ Галдинъ, для увеличенія численности своего отряда въ цѣли — клалъ болгаръ съ палками).

Оставивъ инетъ на прежнемъ мѣстѣ, отрядъ расположился на ночлегъ. ¹⁸⁵⁾

* * *

На другой день, утромъ, Галдинъ, въ виду противника (на ружейный выстрѣлъ), обучалъ еще невыѣзжанныхъ лошадей. Замѣтивъ, что турки начинаютъ строить ложементы, и, думая, что они хотятъ втащить туда орудія, — 3 числа, въ два часа дня сотникъ Галдинъ съ 32-мя казаками двинулся съ лѣвой стороны Ведека, чтобы зайти съ тылу. Благополучно пробравшись, онъ увидѣлъ, что въ лагеряхъ не было орудій, на возвышенности же находились одни ложементы. Для сокращенія пути, лихой начальникъ рѣшился идти прямо и пробиться черезъ неприятельскую цѣпь. Озадаченный противникъ до того растерялся, что, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, пропустилъ смѣльчаковъ.... ¹⁸⁶⁾

* * *

Вечеромъ, 3 іюля, сотникъ Галдинъ получилъ предписаніе отъ командира полка, полковника Орлова, немедленно увѣдомить его обо всемъ, т. е. о силахъ, находящихся на Бедекѣ, о возможности обхода, о дорогахъ и проч. Галдинъ отвѣтилъ, что гору охраняютъ 1.00 низама, кромѣ черкесовъ и башибузукровъ, численность которыхъ неизвѣстна; обходъ возможенъ и дороги есть.

4 числа передъ вечеромъ въ помощь было прислано двѣ роты пѣхоты орловскаго полка, 1-я и 2-я.

Въ ночь съ 4 на 5-е всѣмъ отрядомъ пошли на приступъ.

1) На лѣвый ложементъ было направлено 24 казакъ, подъ начальствомъ хорунжаго Долгова, и 70 солдатъ подъ начальствомъ командира 1-й роты.

2) На правый ложементъ — 98 казаковъ подъ начальствомъ урядника Темникова.

3) Во фронтъ, какъ хорошо знакомый съ мѣстностію, сотникъ Галдинъ съ 51 казакомъ, со 2 ротой и съ остальною частью 1-й роты.

Движеніе рядами было невозможно. Двигались по одному, и то съ большимъ трудомъ. Первымъ вылетѣлъ на опушку сотникъ Галдинъ и развернулъ фронтъ. Изъ 2-й роты успѣлъ вылѣзть изъ лѣсу и выстроить фронтъ одинъ только взводъ. Въ это же самое время на правомъ флангѣ, казаки уже успѣли стать въ боевой порядокъ. Отрядъ Галдина выстроился въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди стоялъ онъ съ казаками, за нимъ 2-я рота, а за ней первая. Въ это время на правомъ флангѣ раздался выстрѣлъ, который въ страхѣ сдѣлалъ проводникъ казаковъ (болгаринъ), нечаянно наткнувшійся на турецкій патруль. Такимъ образомъ, наступленіе наше было открыто и турки со всѣхъ ложементовъ открыли огонь. Завязалась жаркая перестрѣлка, во время которой отрядъ Галдина подвергся перекрестному огню. Сдѣлавъ нѣсколько залповъ, Галдинъ бросился первымъ впередъ. При первомъ залгѣ солдаты смутились и нѣкоторые, въ виду

превосходной численности противника, хотѣли уже было отступить, какъ подлетѣлъ отважный Галдинъ и вскричалъ: «Отступленія нѣтъ. Кто едѣлаетъ хоть шагъ назадъ, тому разможжу голову!»! Воодушевленные солдаты бросились съ казаками впередъ и ворвались въ ложементы, выбивая турокъ прикладомъ, шашками и штыкомъ. Впереди всѣхъ прикладомъ работалъ Галдинъ и, будучи не разъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, выбивался впередъ, работая то шашкой, то ружьемъ, у противника же отбитымъ. Исполнивъ свою задачу, Галдинъ съ отрядомъ бросился на большой лѣвый ложементъ и далъ залпъ. Оттуда вслѣдъ раздался голосъ: «стой! не стрѣлай, своихъ побьешь»... Тогда сотникъ Галдинъ, слѣдуя по линіи ложементовъ и, выбивая оставшихся, направился на правый ложементъ и былъ встрѣченъ залпомъ. Отвѣтивъ залпомъ, онъ бросился впередъ, взявъ послѣдній ложементъ и бросился преслѣдовать противниковъ къ ихъ лагерю. Оставалось уже нѣсколько шаговъ до лагеря, какъ отрядъ Галдина получилъ приказаніе прекратить преслѣдованіе и вернуться къ ложементамъ. Въ то время когда отрядъ Галдина подвинулся съ тылу къ ложементамъ, отрядъ, направленный на лѣвый ложементъ, достигъ до него и бросился въ штыки. Но оттуда снова послѣдовалъ голосъ: «стой! не стрѣлай, своихъ побьешь». Едва только наши отошли, какъ въ тылъ имъ изъ этого ложемента пустили залпъ. Тогда отрядъ повернулъ назадъ и бросился на ложементъ (оказалось, что тамъ были татары, говорившіе по русски). Выбивши ихъ, бросились ихъ преслѣдовать.

Такимъ образомъ была взята возвышенность Бедекъ, признанная очень важнымъ пунктомъ. Сотникъ Галдинъ — первый открылъ ее, и первый ворвался въ ея ложементъ. ¹⁸⁷⁾

Простоявъ у Бедека 5-е и 6-е, отрядъ 7 числа получилъ приказаніе двинуться въ Габрово, въ которомъ, неся разъѣздную службу, сотникъ Галдинъ пробылъ до 18 іюля. Въ этотъ день Галдинъ получилъ приказаніе двинуться къ Ловчѣ и охранять правый флангъ при д. Пересекахъ. Но такъ какъ эта деревня была занята черкесами и башибузуками,

то сотникъ Галдинъ 19 числа выбилъ противника и занялъ деревню. При этомъ онъ отбилъ до 500 штукъ рогатаго скота и 1500 овецъ. 21 числа, сотникъ Галдинъ получилъ приказаніе занять деревню Смачикъ (при отступленіи всего отряда по дорогѣ къ Сельви). Но когда отрядъ подъ начальствомъ Скобелева снова двинулся къ Ловчѣ, то Галдину приказано было снова занять д. Пересяки. 25 числа, авангардъ отряда Галдина наткнулся у д. Пересяки на черкесъ и вооруженныхъ жителей, которыхъ было до 70 человекъ. Черкесы встрѣтили казаковъ залпомъ. Казаки въ числѣ 15 челов. бросились въ пикъ. Противникъ не выдержалъ и бѣжалъ. Сотникъ Галдинъ, слышавъ перестрѣлку, съ 10 казаками бросился влѣво, чтобы отрѣзать такимъ образомъ путь отступленія къ Ловчѣ; черкесы, замѣтивъ преслѣдованіе и пользуясь благоприятною мѣстностью, сбѣжали и открыли огонь. Галдинъ тоже сбѣжалъ своихъ и завязалъ перестрѣлку, послѣ которой черкесы, оставивъ четырехъ убитыхъ и одного раненаго, сѣли на лошадей и ускакали. Вернувшись на бивакъ, сотникъ Галдинъ замѣтилъ, что черкесы снова появились. Тогда онъ приказалъ стоящему по близости пикету дать нѣсколько выстрѣловъ. Черкесы снова ускакали, оставивъ одного убитаго. Тогда Галдинъ со всею отрядомъ произвелъ рекогносцировку всей этой мѣстности и, не встрѣтивъ ни одного врага, возвратился на бивакъ.

27 числа генералъ Скобелевъ открылъ всею отрядомъ наступленіе на Ловчу, съ цѣлью раскрыть силы противника. Въ это время сотникъ Галдинъ находился на правомъ флангѣ, командуя (до прибытія командира полка) 2 и 6-ю сотнями. Отрядъ Галдина вылетѣлъ впередъ и подскочилъ на столько близко къ противнику, что можно было переговариваться. Ихъ встрѣтили тремя залпами, послѣ которыхъ Галдинъ сбѣжалъ казаковъ; градъ пуль летѣлъ черезъ головы казаковъ и зацѣплялъ за пикъ...

Узнавъ, что силы противника простираются до 15 таборовъ, весь отрядъ подъ вечеръ отступилъ. Отрядъ же сотника Галдина имѣлъ въ этотъ день бивакомъ д. Пересяки, отстоящую въ полтора верстахъ отъ неприятельскихъ до-

жементовъ. Но и остатокъ дня сотнику Галдину пришлось еще поработать.

Во время общаго наступленія на г. Ловчу, бригада Тутолмина находилась правѣе за рѣкой и преграждала дорогу на Плевну. Подъ вечеръ она отступила и пошла на свой бивакъ. Въ это самое время кубанцы стали въ д. Навникани и выставили шикеты на прежнихъ мѣстахъ. Но едва они успѣли расположиться, какъ изъ Ловчи на нихъ начали наступать непріятельская кавалерія и пѣхота.

Послѣ жаркой перестрѣлки кубанцы начали отступать. Непріятельская кавалерія не рѣшилась ихъ преслѣдовать. Тогда кубанцы въ виду Галдина спѣшились и, оставивъ коноводовъ въ деревнѣ, въ пѣшемъ строю пошли на непріятельскую пѣхоту. Въ это время черкесы въ числѣ 80 чел. подошли къ возвышенности, гдѣ стоялъ кубанскій шикетъ и, оставивъ здѣсь половину, другую направили на деревню Навникани, гдѣ стояли коноводы. Сотникъ Галдинъ, зорко наблюдавшій за всѣмъ происходившимъ, послалъ взводъ предупредить кубанцевъ, которые тотчасъ же открыли огонь по пробирающимся по одиночкѣ черкесамъ. Черкесы бросились назадъ и наткнулись на взводъ Галдина. Произошла жаркая перестрѣлка. Самъ же Галдинъ, чтобы отрѣзать ихъ совсѣмъ, съ двумя взводами спустился внизъ и уже почти достигъ цѣли, такъ какъ одинъ его взводъ пробрался въ тылъ, какъ замѣтилъ здѣсь же лежащую въ кукурузѣ непріятельскую пѣхоту. Тогда, спѣшивъ нѣсколько человекъ, выстрѣлами отогналъ кавалерію отъ пѣхоты, которая, недавъ ни одного выстрѣла, — скрылась. ¹⁸⁸).

* * *

Галдинъ Адрианъ Петровичъ родился въ 1845 г., хоруважій съ 1868 г., имѣеть: Георгія 4 степени—5 августа 1877 г. за взятіе ложементовъ и выбитіе турокъ на горѣ Бедекъ. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ, 26—27 іюля при рекогносцировкѣ г. Ловчи. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ 9—15 августа за отличіе въ дѣлѣ на Шипкѣ. Золотую шапку за храбрость 4 октября за переходъ черезъ

Трояновъ валъ. Св. Станислава 2 ст. съ мечами за дѣло при переходѣ черезъ Балканы.

* * *

13 іюля 1877 г. хорунжіи Гурбановъ былъ посланъ съ 15 казаками въ разлѣздъ за г. Ловчу. На обратномъ пути въ одной изъ деревень онъ былъ атакованъ шайкою черкесъ въ 200 человекъ. Пославъ нѣсколько человекъ за подкрѣпленіемъ, Гурбановъ съ оставшимися людьми отступалъ въ порядкѣ, отстрѣливаясь. Однакожъ, вслѣдствіе слишкомъ большого превосходства силъ непріятеля, Гурбановъ вмѣстѣ съ командою былъ окруженъ черкесами, но, не желая сдаться, старался пробиться сквозь ряды непріятелей. Когда часть команды его успѣла уже пробиться, самъ онъ былъ раненъ выстрѣломъ въ ногу, при чемъ пуля, пробивъ мякоть ноги выше колѣна, смертельно ранила его лошадь. Три казака, увидѣвъ начальника своего повалившимся вмѣстѣ съ лошадью, остались при немъ, хотя остальные казаки его команды, успѣвшіе пробиться сквозь непріятельскіе ряды, будучи отдѣлены отъ этихъ послѣднихъ и героя—начальника ихъ—массою непріятеля, не могли уже подать имъ помощи. Хорунжіи Гурбановъ, получивъ 10 ранъ, послѣ истинно геройской защиты, былъ убитъ вмѣстѣ съ бывшими при немъ двумя казаками Зенцовымъ и Мосякинымъ (Луганской станицы); третій казакъ Рябовъ (Гундоровской станицы), получившій передъ тѣмъ Георгіевскій крестъ за дѣло при Сельви, защищалъ своего начальника, пока онъ былъ живъ. По смерти Гурбанова Рябовъ, не смотря на полученную ружейную рану, сбивъ никой двухъ черкесовъ, успѣлъ прорваться и дать знать о происшедшемъ. Подослѣвшею командою казаковъ трупы Гурбанова и двухъ казаковъ были взяты и погребены въ г. Сельви. ¹⁸⁹).

* * *

Донскій полкъ № 12, раздосадованный увертливостью черкесовъ, которые никакъ не подлѣзжали близко къ нему, сталъ ловить ихъ на слѣдующую штуку: то одинъ, то дру-

гой казакъ падаетъ съ лошади точно раненый и остается въ полѣ, тогда какъ остальные казаки медленно отъѣзжаютъ. Только что черкесы начинали подскакивать, чтобы захватить въ жертву еще живого—развертывался фронтъ и «орду» били на выборъ. ¹⁹⁰).

О донскомъ казачьемъ № 12 полкъ: «къ намъ подъѣзжаетъ начальникъ кавалеріи, баронъ Дризень. Онъ спокойно прокатился верхомъ по нашей цѣпи отъ Хангельцесме до Члеронлика. Выслушавъ привѣтствіе окружающихъ, онъ обращается къ командиру № 12 казачьяго полка, Хрещатицкому.—«Я въ восторгѣ отъ вашихъ казаковъ, полковникъ. Это истинные герои. Собралось было большое скопище черкесовъ. Донцы сбѣжились и пошли на нихъ въ шашки. Но нужно было видѣть какъ пошли—львами! Стойко, смѣло, съ увлеченіемъ“.

И Дризень пожалъ руку Хрещатицкому. ¹⁹¹).

* * *

26 іюля во время усиленной рекогносцировки города Ловчи, урядникъ № 30 полка Андрей Ротовъ (Митягинской станицы), находившійся ординарцемъ у Скобелева, замѣтилъ раненаго рядоваго брянскаго полка, лежащаго около непріятельскаго ложеента. Вмѣстѣ съ кубанскимъ казакомъ—тоже ординарцемъ, бросился онъ верхомъ къ раненому и, несмотря на сильный ружейный огонь непріятеля, оба они, соскочивъ съ ковей, убрали раненаго. За это дѣло Ротовъ получилъ Георгіевскій крестъ 4 степени. ¹⁹²)

* * *

При штурмѣ Телиша, когда отступилъ л. гв. егерскій полкъ, вблизи непріятельскихъ редутовъ осталось много раненыхъ егерей. Урядники и казаки 1 и 4-й сотень № 30 полка въ числѣ 46 человекъ подскакали подъ турецкій редутъ и подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля выхватили 9 раненыхъ егерей, чѣмъ спасли ихъ отъ неминуемой смерти: оставшихся у редутовъ турки тотчасъ же прирѣзали.

* * *

Вечерѣло. Донская полусотня подѣ подѣ командою хорунжаго шла тихо и осторожно по дорогѣ къ Сельви. На правой сторонѣ дороги былъ густой кустарникъ, а за нимъ довольно большой лѣсъ. Вдругъ откуда ни возмись двѣ собаченки и начали лаять на казаковъ.

— Что это значить? спросилъ хорунжій.

— А то, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ казакъ, что сейчасъ будетъ дѣло: приготовьтесь.

— Это почему.

— Да вы, ваше благородіе, приглядитесь хорошенько: собаки брешутъ, а сами все нѣтъ, нѣтъ да и назадъ оглянутся.

— Ну такъ что жъ.

— А то, что стало-быть хозяева близко....

— Можетъ быть болгары?

— Нѣтъ, ваше благородіе, болгарину надо самому хорониться, а собака выдастъ»... Едва успѣли казаки изготвиться, какъ изъ кустарниковъ грянули выстрѣлы.

* * *

30 августа во время штурма Плевны, вслѣдствіе сильнаго тумана, наши пѣхотныя части начали стрѣлять другъ въ друга. № 30 полка казакъ Кирѣевъ былъ посланъ для того, чтобы остановить стрѣляющихъ. Удалецъ Кирѣевъ перекрестился и полетѣлъ прямо въ страшный перекрестный огонь; справа, слѣва и спереди шипѣли пули наши и непріятельскія. Богъ спасъ смѣлаго донца: ни одна пуля не задѣла его. Благодаря его мужеству нашъ перекрестный огонь былъ остановленъ, а самъ герой награжденъ Георгіемъ. ¹⁹³).

* * *

5 октября войсковою старшина Антоновъ, получивши свѣдѣнія о присутствіи непріятеля по близости, двинулся съ есауломъ Грузиновымъ и съ 96-ю казаками. На пути узнавъ, что въ дер. Тетевени находится нѣсколько сотъ турецкой пѣхоты Антоновъ и Грузиновъ, несмотря на превосходную

численность неприятеля, пошли къ нему. Неприятель, ахваченный врасплохъ, въ безпорядкѣ разсыпался и спрятался въ приготовленныя прикрытія. Казаки сѣвшились, открыли по немъ такой мѣткій огонь, что турки, не успѣвши занять окоповъ, принуждены были отступить въ безпорядкѣ въ самую деревню, причѣмъ оставили на мѣстѣ 12 тѣлъ и 5 ружей.

Поддерживая перестрѣлку съ неприятелемъ, укрывшимся за изгородью деревни, Антоновъ послалъ часть казаковъ забѣжать съ другой стороны и отбить неприятельскій скотъ. Это порученіе было выполнено съ изумительною быстротою, такъ что во власти казаковъ мгновенно очутилось 100 головъ рогатаго скота, 1500 овецъ и 27 лошадей. Выполнивъ такимъ образомъ главную цѣль набѣга, развѣдать о неприятелѣ, Антоновъ возвратился къ своему посту, не потерявъ ни одного человѣка ¹⁹⁴).

* * *

Командующій 21 доискою конною батареею войсковой старшина Дукмасовъ (Даніиль Григорьевичъ)—въ дѣлѣ съ турками 30 ноября 1877 г. близъ Мечки открылъ такой мѣткій фланговый огонь по неприятелю, что далъ полную возможность перейти нашей пѣхотѣ въ наступленіе и заставилъ замолчать двѣ неприятельскія батареи. Въ продолженіи всего боя, своими выстрѣлами Дукмасовъ нанесъ громадный уронъ неприятелю. Орденъ св. Георгія былъ наградою храбрцу за этотъ подвигъ. ¹⁹⁵).

* * *

Въ сраженіи подъ г. Плевной начальникъ 5 пѣхотной дивизіи полковникъ Поповъ былъ сильно контуженъ въ ногу и не имѣлъ возможности двинуться съ мѣста. Казаки № 34, Короченцова, полка, Фининъ, Жемчужновъ и Семень Архиповъ бросились подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ неприятеля и вынесли раненаго полковника изъ боевой линіи, за что Его Императорскимъ Высочествомъ Главкомандующимъ награждены знаками отличія военнаго ордена 4 степени. ¹⁹⁶).

* * *

26 декабря три сотни № 30 полка были посланы для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля въ долину Тунджи. Спустившись въ горы, подошли къ д. Карнатъ съ цѣлю занять ее, но были встрѣчены турецкою пѣхотою, которая открыла по казакамъ сильный ружейный огонь. По приказанію войскового старшины Грузинова, казаки спѣшились и, будучи поддерживаемы нашею пѣхотою, выбили непріятеля изъ крайней изгороди; потомъ, сѣвъ на коней, казаки бросились за бѣгущимъ непріятелемъ; первыми врубились войскового старшина Грузиновъ и есаулъ Галдинъ. Трофеями этой молодецкой атаки казаковъ были 20 плѣнныхъ съ однимъ офицеромъ, одно знамя, два значка, большое количество патроновъ, огромные обозы и множество скота. ¹⁹⁷).

* * *

Послѣ боя 5 января изъ арміи Сулеймана паша 40 таборовъ съ артиллеріею отступили къ Бараджиляру, гдѣ и сдѣлали приваль, а затѣмъ 6-го двинулись далѣе, оставивъ артиллерію, 40 орудій, подъ прикрытіемъ пяти таборовъ на бивакѣ, вслѣдствіе утомленія батарей. Шедшій во главѣ кавалеріи донской № 30 Грекова полкъ — напалъ на прикрытіе.

Ворвавшись въ деревню, лихіе допцы начали рубить засѣвшую пѣхоту, — составлявшую прикрытіе, которая послѣ слабого сопротивленія, побѣжала. На плечахъ ея казаки наскочили на громадный паркъ и, выдержавъ нѣсколько гранатъ и картечь, начали рубить прислугу и прикрытіе. Черезъ нѣсколько времени 40 орудій было отбито, а погнавши за непріятелемъ и изрубивши массу турокъ, — кавалерія генерала Скобелева овладѣла еще 13 ю орудіями.

За этотъ подвигъ полковникъ Грековъ награжденъ орденомъ св. Георгія. ¹⁹⁸).

* * *

30 августа хорунжему Дукмасову приказано было — на передовой редутъ, защищаемый убитымъ потомъ, Гартало-

вымъ—отвезти только что полученное изъ главнаго штаба приказаніе держаться въ немъ до послѣдней возможности. Несмотря на брустверь въ редутъ этомъ было какъ на горниль вулкана; истинно—геенна огненная кругомъ. Редутъ шелъ направо и налѣво отъ холма, всѣмъ и каждому открытаго. Дукмасовъ вскочилъ именно на этотъ холмъ и оттуда спокойно прочелъ приказаніе. Только что онъ кончилъ, какъ одна изъ посланныхъ въ него пуль убила его лошадь. Онъ соскочилъ, прошелъ по траншеѣ и также хладнокровно вернулся оттуда, тихо идя по пространству, куда послать когонибудь значило почти тоже самое, что приговорить къ разстрѣлянію. ¹⁹⁹).

* * *

Дукмасовъ разсказываетъ: «я первый съ полусотнею перешелъ черезъ Балканы, вмѣстѣ съ саперными офицерами. На столбѣ, поставленномъ въ память перехода черезъ Балканы, написана моя фамилія и урядниковъ, бывшихъ со мною... Къ Скобелеву въ ординары я попалъ вотъ какъ: ѣхалъ я съ полусотнею съ рекогносцировки. На встрѣчу скачетъ какой-то генералъ на бѣлой лошади, со свитою. Это былъ Скобелевъ. «Здорово, ребята! кто офицеръ?» «Хорунжій Дукмасовъ». Онъ ко мнѣ. «Вы куда?» «Въ распоряженіе полка»... «Вы молодцомъ дѣйствовали». (Это была рѣчь о бывшей передъ этимъ схваткѣ) и подаль руку; а затѣмъ: «Я—начальникъ отряда и приказываю вамъ назадъ, разсыпаться и подобрать ночью раненыхъ, а завтра мнѣ донести!» «Слушаю». Вернулся, приказалъ разсыпаться и ѣхать на стоны, хотя поле осталось за неприятелемъ; но меня не взяли бы живого. Всю ночь я стоялъ съ трубачомъ. Подобрали 450 человекъ. Утромъ я донесъ... Скобелевъ былъ на позиціи, благодарилъ, хвалилъ и вдругъ такая рѣчь: «оставайтесь на моемъ мѣстѣ, а я сейчасъ возвращусь. Наблюдайте за турками и въ случаѣ чего дайте знать. Вотъ мой стулъ». Скобелевъ уѣхалъ. Бой былъ артиллерійскій. Я свяжу, а Пв. Чеботаревъ спитъ надъ гранатами. Вернулся Скобелевъ и я остался при немъ «до взятія Плевны».

* * *

29 августа меня послали назадъ въ Брестовець, для доставленія воды на позицію Курошаткину. Я возразилъ: «Что я водовозъ что ли?» миѣ отвѣчали: «великая будетъ заслуга ваша напоить жаждущихъ храбрецовъ, да еще во время сраженія!» Конечно доставилъ воды даже болѣе, чѣмъ требовалось. Единственный это разъ, когда я поѣхалъ назадъ. 30 августа я былъ и у Криденера и у Шаховскаго, леталъ черезъ Тученицкій оврагъ... Очутился въ 200 шагахъ отъ передней турецкой траншеи; начали разстрѣливать. Подо мною моментально убили лошадь. Я упалъ. Солдаты бросились ко миѣ: «Вы ранены?» — «Нѣтъ»! Случился разъ скандалъ: башибузуки тѣснили крѣпко нашихъ казаковъ на виду у Скобелева. Пули начали свистать мимо насъ. Онъ озлился, да ко миѣ: «Дукмасовъ! вотъ ваши казаки!» и при этомъ обругался. «Возьмите казаковъ и отбейте башибузуковъ!» Я отвѣчалъ, что готовъ исполнить его приказаніе, но что брань его не признаю справедливою. Какъ вспыхнуть: «разстрѣляю»! «Да мы и такъ подъ разстрѣломъ, ваше превосходительство!» отвѣчалъ я и бросился къ казакамъ, отбилъ башибузуковъ, а Скобелевъ извинился. Вечеромъ, подъ веселую руку, у меня вырвалось въ бесѣдѣ съ его штабомъ, что если бы Скобелевъ еще разъ обругалъ казаковъ такъ крѣпко, такъ я, пожалуй бы и не стерпѣлъ... Ему передали. На другой день онъ вдругъ при всѣхъ спрашиваетъ у меня: «такъ какъ же, Дукмасовъ, вы хотѣли поступить?» Я откровенно повторилъ вчерашнія слова. Это ему очень понравилось. Онъ подаль руку со словами: «да вы настоящій казакъ»! «Девяносто девятой пробы, ваше превосходительство», смѣясь отвѣчалъ я. Въ другой разъ какъ-то Скобелевъ прямо сказалъ миѣ: «я васъ посылаю на вѣрную смерть»... Владиміръ 4 ст. достался миѣ тяжелѣе всѣхъ орденовъ. Это было подъ Плевною. Пришлось побывать и въ сырости и въ водѣ, да и не одинъ день и не два... Заболѣлъ тифомъ. А Георгій достался въ одинъ день».

Но какъ достаются Георгію въ одинъ день — видно изъ

слѣдующаго: «при спускѣ съ Балканъ отряда генерала Скобелева, казанскій баталіонъ, ушедшій слишкомъ впередъ, былъ отрѣзанъ и окруженъ турками. Отстрѣливаясь мало-по-малу, онъ залегъ въ углубленной дорогѣ. Вскорѣ положеніе ухудшилось, такъ какъ 100 человекъ турокъ взобрались на гору, чуть не прилегающую къ дорогѣ и пользуясь закрытіемъ, стали бить на выборъ: кто изъ солдатъ показывался, моментально падалъ сраженнымъ. Такъ офицеръ, посланный на выручку генераломъ Скобелевымъ, едва показался, какъ былъ раненъ... — «Дукмасовъ! крикнулъ Скобелевъ, — возьмите молодцовъ и выбейте турокъ, во что бы то не стало!» Задача — невозможная: всѣ ждали... 20 человекъ казаковъ — охотниковъ, имѣя впереди себя лихого хорунжаго, выскочили и направились на правый флангъ неприятельскаго расположенія. Съ немовѣрными успіями, цѣпляясь за камни, кусты, взобрались на гору охотники и, сбросивъ дерзкаго врага, погнали его, какъ стадо барановъ. Слѣдствіемъ молодецкой рѣшимости было то, что вся дорога до Иметли была очищена. Казанскій баталіонъ вздохнулъ. Онъ былъ спасенъ»... ²⁰⁰).

* * *

Родъ Дукмасовыхъ отличается храбростью: нѣсколько человекъ изъ него украшены орденами св. Георгія. Петръ Архимовичъ Дукмасовъ изъ донскихъ дворянъ, родился 25-го іюня 1854 г., слѣдовательно въ турецкую войну ему было всего 23 года; воспитывался въ варшавскомъ пѣхотномъ училищѣ. Офицеромъ съ 12 декабря 1876 г. передъ самую войною. Въ походъ отправился съ донскимъ казачьимъ полкомъ № 26. За время войны онъ получилъ всѣ военныя награды, какія только можно получить въ его чинѣ — хорунжаго: св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость» за отличіе при г. Тырновѣ 25 іюня 1877 г., св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ за отличіе при Эски-Загрѣ 19 іюня 1877 г., св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ за отличіе при взятіи Зеленой Горы 28 октября 1877 г., св. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ за отличіе подъ Плевной

30 августа 1877 г.; св. Георгія 4 г. «за особыя отличія» въ дѣлахъ у Иметли 26 и 27 декабря 1877 г.; св. Станислава 2 ст. съ мечами за отличіе при взятіи Плевны 28 ноября 1877 г.; золотую шашку съ надписью за «храбрость» за отличіе въ дѣлахъ при Хаскіюѣ 7 января 1878 г. Кромѣ того—награжденъ Румынскимъ крестомъ и серебряною медалью въ память войны. Наконецъ за боевые подвиги переведенъ въ гвардію...

Раненъ и контуженъ не былъ.

* * *

Донской гвардейской казачьей батарееи вахмистръ Аведиговъ, идя съ батарейнымъ обозомъ, при которомъ находились всѣ батарейныя денежныя суммы въ количествѣ 9000 руб., отсталъ отъ батареи. 7 января, войдя въ деревню Дербеть и выкормивши лошадей, хотѣлъ продолжать движеніе, но его предупредилъ болгаринъ, что въ деревнѣ съ правой стороны идутъ турки въ количествѣ 60 человекъ, и въ разстояніи полчасы отъ деревни, влѣво находятся башибузуки и черкесы, а впереди въ разстояніи одной версты около табора пѣхоты. Чтобы спасти обозъ, а главное казенныя суммы и не допустить наступавшихъ турокъ до деревни, которые могли узнать о наличномъ прикрытіи обоза, Аведиговъ живо обдумалъ, какъ дѣйствовать: онъ приказалъ 4-мъ обозчикамъ сѣсть на пристяжныхъ обозныхъ лошадей и, обскакавши деревню, показаться къ тылу у турокъ, а самъ съ 4-мя конными казаками—понесся прямо на турокъ.

Во время этой атаки турки сдѣлали два залпа, но бесполезно. Казаки, подскакавъ къ неприятелю шаговъ на 30, сдѣлали залпъ изъ револьверовъ и убили двухъ человекъ. Наскочивъ съ шашками, казаки крикомъ и знаками показали туркамъ положить оружіе.

Озадаченные такою смѣлостью и слыша въ тылу крики казаковъ, турки сдались. Послѣ этого лихой вахмистръ, зная близость турокъ и слѣдовательно опасное положеніе своего обоза, запрягъ его и потянулся назадъ, захвативши плѣнныхъ и часть болгаръ для конвоя. Отойдя на нѣкоторое раз-

стояніе отъ деревни, онъ встрѣтилъ 3-ю гвардейскую кавалерійскую бригаду и обо всемъ происшедшемъ доложилъ командиру ея, графу де-Бельману. По приказанію его плѣнные 50 челов., при конныхъ двухъ казакахъ, участвовавшихъ въ атакѣ, и болгаръ, были отправлены въ Филиппополь къ генералу Гурко. За этотъ геройскій подвигъ Аведиковъ представленъ въ офицеры. ²⁰¹).

К о н е ц ъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Описаніе Сибирскаго царства, академика Миллера I, 99.
2. Тамъ-же, 96 и Исторія о донскихъ казакахъ Ригельмана, 12.
3. Они послѣ были взяты въ Тобольскій арсеналь.
4. Ермакъ Тимофѣевичъ, покоритель Сибири, Е. Тихомирова, 22.
5. Тамъ-же, 24.
6. Степенная книга и лѣтопись Тобольская называютъ Ермака „Княземъ Сибирскимъ“. Въ жалованной грамотѣ Ермаку сказано: „Сибирскій князь Ермакъ Тимофѣевичъ съ товарищами. За многую твою военную службу и за взятіе Сибирской земли въ винахъ Мы, Великій Государь тебя прощаемъ и награждаемъ своимъ Государевымъ жалованьемъ“. (Чтенія въ Императорск. обществѣ исторіи и древностей 1867 г. кн. 4-я ст. Н. А. Абрамова). Е. Тихомировъ въ своей вышеназванной книгѣ тоже упоминаеть о наградѣ Ермака „Княземъ Сибирскимъ“.
7. Чтенія въ Императорск. обществѣ исторіи и древностей 1867, кн. 4-я
8. Ермакъ Тимофѣевичъ, покоритель сибиря. Е. Тихомирова. 17.
9. Древнія російскія стихотворенія Кирши Данилова, 113.
10. Описаніе Сибирскаго царства, академика Миллера I, 193.
11. Изъ собранія пѣсень Кирѣевского.
12. Ермакъ Тимофѣевичъ, покоритель Сибири, Е. Тихомирова, 51.
13. Воронежскія епархіальныя вѣдомости, 1882 г. № 23.
14. По историческому описанію земли войска донскаго, 263.
15. Нынѣ паникадило это находится въ Старочеркасскомъ соборѣ; тамъ-же большое серебряное кадило и чудотворная икона Іоанна Предтечи. Пушки были разставлены по раскатамъ (бастіонамъ) Черкаска.
16. По историческому описанію земли войска донскаго, 279.
17. Тамъ-же 337.
18. По книгѣ „Участвіе донскихъ казаковъ въ Азовскихъ походахъ Петра I“, Н. А. Норова.

19. Въ донесеніи названъ „Комшакъ“, а Михалевскій городокъ — „Михали“.
20. Матеріалы для исторіи войска донскаго И. А. Андреева.
21. Кавказская война. Потто, I, 133.
22. Записки графа Гердта, русскій архивъ 1877 г. кн. VII.
23. По книгѣ „Казакѣ“. К. К. Абаза, 49.
24. Тамъ-же, 50.
25. Тамъ-же, 52.
26. Тамъ-же, 52.
27. Изъ записокъ (рукописныхъ), священника Пивоварова.
28. По исторіи донскаго войска. В. Броневскаго, II, 79.
29. „Донцы“, Сенюткина II, 277.
30. Кавказская война, Потто I, 127.
31. Исторія донскаго войска, В. Броневскаго III, 104.
32. Императоръ Александръ I и его сподвижники. Статья: В. Д. Иловайскій.
33. По книгѣ „Казакѣ“ К. К. Абаза, 59.
34. Донскія войсковыя вѣдомости, 1854 г. № 2.
35. Кавказская война, Потто.
36. Тамъ-же.
37. „Донцы“, Сенюткина, 173.
38. По книгѣ „Казакѣ“, К. К. Абаза, 70.
39. Тамъ-же, 73.
40. Тамъ-же, 76.
41. По запискамъ А. К. Денисова. Русская старина 1874 и 1875 гг.
42. По книгѣ „Казакѣ“, К. К. Абаза, 83.
43. По запискамъ А. К. Денисова. Русская старина 1874 и 1875 гг.
44. Тамъ-же.
45. Тамъ-же.
46. Тамъ-же.
47. Подвиги казаковъ въ Пруссіи, П. Чуйкевича, IV стр. предисловія
48. Русскій вѣстникъ 1888 г. февраль. Письмо Императрицы Екатерины II.
49. Тамъ-же.

50. Письма и анекдоты генералиссимуса гр. Суворова-Рымникскаго, 157.
51. „Донцы“, Семяткина, II, 183 и Исторія л.-гв. казачьяго Его Величества полка. 59.
52. По запискамъ А. К. Денисова. Русская старина 1874 и 1875 гг.
53. Журналь „Донъ“ 1887 г. № 3.
54. Донскія войсковыя вѣдомости 1853 г. № 20.
55. Тамъ-же №№ 37 и 38.
56. Императоръ Александръ I и его сподвижники, II Статья: Протасовъ.
57. Грамоты. Приишниковъ, 304.
58. Жизнь и подвиги графа М. И. Платова, I, 75.
59. Исторія донскаго войска, В. Броневскаго, II, 169.
60. Подвиги казаковъ въ Пруссiи, П. Чуйкевича, IX стр. предисловія.
61. Жизнь и подвиги графа М. И. Платова, II, 81.
62. По книгѣ „Кзаки“, К. К. Абаза, 91.
63. Подвиги казаковъ въ Пруссiи. П. Чуйкевича, XI стр. предисловія.
64. Императоръ Александръ I и его сподвижники.
65. Увѣчаннныя побѣды графа Платова, I, 22.
66. Подвиги казаковъ въ Пруссiи, П. Чуйкевича, 73.
67. Тамъ-же, 116
68. Тамъ-же, 84.
69. Тамъ-же, 85 и Атаманцы въ Пруссiи И. А. Андреева, 23.
70. По запискамъ А. К. Денисова и примѣчаніямъ къ нимъ. Русская старина 1874 и 1875 гг.
71. Дѣла войскового (донскаго) архива, 1809 г. связка 1-я.
72. Изъ рукописей, принадлежащихъ А. Н. Пивоварову.
73. Дѣла войскового (донскаго) архива, 1809 г., связка 1-я.
74. Тамъ-же.
75. Тамъ-же.
76. Изъ его формулярнаго списка.
77. Изъ его формулярнаго списка.
78. Императоръ Александръ I и его сподвижники, I.
79. Тамъ-же.

80. Увѣщанныя побѣды графа Платова, I, 31.
81. Тамъ-же, I, 21.
82. „Казакѣ“, К. К. Абаза, 98.
83. Увѣщанныя побѣды графа Платова, II, 22.
84. По исторіи донскаго войска, В. Броневскаго, II, 204.
85. Увѣщанныя побѣды графа Платова, II, 21.
86. Тамъ-же, II, 39.
87. По книгѣ „Казакѣ“, К. К. Абаза, 101.
88. По исторіи донскаго войска, В. Броневскаго, II, 217.
89. Увѣщанныя побѣды графа Платова, I, 13.
90. По исторіи донскаго войска, В. Броневскаго II, 239.
91. Тамъ-же, II, 240.
92. Жизнь и подвиги графа М. И. Платова, III, 51.
93. Пчела, изд. Щербини, 314.
94. Донскія войсковыя вѣдомости, 1852 г. № 30.
95. Донскія епархіальныя вѣдомости, 1873 г. № 9.
96. „Казакѣ“, К. К. Абаза, 110.
97. По исторіи л.-гв. казачьяго Его Величества полка, 272.
98. Изъ подарковъ—мѣдная, складная пила находится въ музеѣ, въ Новочеркасскѣ.
99. Историческій вѣстникъ, 1886 г., кн. 12. Тамъ-же и портретъ Земленухина.
100. „Казакѣ“ К. К. Абаза, 113.
101. По исторіи л.-гв. казачьяго Его Величества полка, 284.
102. По книгѣ „Казакѣ“ К. К. Абаза, 113.
103. По исторіи л.-гв. казачьяго Его Величества полка, 304.
104. Изъ мѣстныхъ донскихъ газетъ за 1879 или 80-й года.
105. Картины Россіи. П. Свиньина, 218.
106. Донская газета 1874 г.
107. Грамоты, изд. Прянисниковымъ, 308.
108. По военно-энциклопедическому лексикону и Русскому вѣстнику 1817 г. №№ 3 и 4.
109. Жизнь и подвиги графа М. И. Платова и разные другіе источники.
110. Императоръ Александръ I и его сподвижники, I.
111. Тамъ-же.
112. Тамъ-же.

113. Кавказская война, Потто, III, 673.
114. Тамъ-же, 681.
115. Тамъ-же II, 115.
116. Тамъ-же, 124.
117. Тамъ-же, 437.
118. Тамъ же, 116.
119. Изъ формулярнаго списка генерала Шамшева.
120. Кавказскій сборникъ, II, 117.
121. Донскія войсковыя вѣдомости, 1852 г. № 1.
122. Изъ рукописныхъ записокъ священника Пивоварова.
123. По книгѣ „Жизнь графа Паскевича Эриванскаго“, VI, 152.
124. Тамъ-же.
125. Тамъ-же.
126. Тамъ-же.
127. Тамъ-же.
128. Тамъ-же.
129. Тамъ-же.
130. Кавказская война, Потто, II, 543.
131. Донцы, Сенюткина II, 70.
132. Дѣла Тифлискаго архива. Рап. начальника дагестанскаго отряда.
133. Тамъ-же. По дежурству особаго отдѣленія 1845 г. № 18.
134. Тамъ-же. Рап. командующаго войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ.
135. Тамъ же. Рап. командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса военному министру.
136. Тамъ-же. Изъ рапорта командующаго войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ.
137. Приказъ по войску донскому 1848 г. № 3.
138. Дѣла Тифлискаго архива. Выписка изъ журнала военныхъ происшествій.
139. По Русскому инвалиду 1854 г. и Современной хроникѣ Россіи за тотъ-же годъ.
140. Дѣла войскового (донскаго) архива. Дѣла войсковаго дежурства 1854 г. № 108.
141. Русскіе въ Азіатской Турціи Г. М. Лихутина, 287.
142. Русскій инвалидъ 1854 г. и Современная хроника Россіи

за тотъ-же годъ.

143. „Въ турецкую кампанію (1853—1855 гг.) въ Малой Азіи донская батарея Долотина была—первая даже между нашими русскими батареями. Многія дѣйствія Долотина и Кульгачева съ донскими артиллеристами извѣстны каждому русскому“. (Пистолькорсъ. Зап. о значеніи русской конницы, 65).
144. Русскій инвалидъ 1854 г. и донскія войсковыя вѣдомости 1856 г. № 35.
145. По приказу по войску донскому 1859 г. № 21.
146. Тамъ-же, 1862 г. № 26.
147. Русскій инвалидъ 1864 г. № 269.
148. Кавказская война, Потто и по запискамъ Чеботарева („Донская Рѣчь“ 1890 г.).
149. Изъ письма Наслѣдника Цесаревича атаману Хомутову, объявленнаго въ приказѣ по войску донскому 1850 г. № 4.
150. Исторія л.-гв. казачьяго Его Величества полка, 436.
151. Тамъ-же, 443.
152. Приказъ по войску донскому 1850 г. № 12.
153. Тамъ-же, № 8.
154. По разсказамъ, полковникъ Костинъ убитъ изъ придорожныхъ кустовъ какимъ-то венгерскимъ торгашомъ-разнощикомъ. Казаки бросились на дымъ въ кусты и моментально изрубили убійцу.
155. Дневникъ барона Николаи. Русская старина 1877 г., 120.
156. Приказъ по войску донскому, 1850 г. № 5.
157. Яковъ Петровичъ Баклановъ, Потто, 108.
158. Русская старина 1870 г. 12.
159. Тамъ-же.
160. Донскія войсковыя вѣдомости 1854 г. № 19.
161. Тамъ-же.
162. Тамъ-же, № 31.
163. Тамъ-же, № 34.
164. Тамъ-же, 1855 г. № 5.
165. Приказъ по войску донскому 1854 г. № 37.
166. Донцы, Сенюткина, II, 65.
167. Дѣла войсковаго (донскаго) архива, № 291.

168. Донскія войсковыя вѣдомости, 1856 г. № 7.
169. Тамъ-же 1855 г. № 10 и 1857 № 40.
170. Тамъ-же, 1855 г. № 36.
171. По книгѣ „Наши богатыри“, 1869 г. I. 125.
172. Современныя извѣстiя, 72.
173. Донскія войсковыя вѣдомости 1857 г. № 45.
174. Тамъ же, № 46.
175. Современныя извѣстiя, 50.
176. Донцы, Сенюткина, 73.
177. Приказъ по войску донскому 1865 г. № 33.
178. По послужному списку полковника Валуева.
179. Изъ приказа воен. мин. по иррег. войск. 1863 г. № 126.
180. Изъ брошюры „Геройская защита 40 русскихъ противъ 1500 повстанцевъ“.
181. Изъ брошюры „Геройскiй подвигъ донскихъ казаковъ 25 Юля 1870 г.“ Свѣсарева.
182. Военный сборникъ 1878 г. № 12.
183. Сообщено генераль-маіоромъ Измаиловымъ.
184. Донская газета 1877 г. № 58.
185. По вллюстрированной хроникѣ войны 1877 г.
186. Тамъ-же.
187. Тамъ-же.
188. Тамъ-же.
189. Донская газета, 1877 г. № 59.
190. Годъ войны — Данченко I, 162.
191. Тамъ-же.
192. Донская газета, 1877 г. № 100.
193. Тамъ-же.
194. Тамъ-же, № 83.
195. Изъ Высочайшей грамоты на орденъ, данный войск. старшинѣ Дукмасову.
196. Донская газета 1878 г. № 20.
197. Тамъ-же, № 9.
198. Военный сборникъ 1878 г. № 5.
199. Годъ войны, Данченко, I, 242.
200. По книгѣ „Дневникъ донскаго казака“, С. П. Полушкина.
201. Тамъ-же, 182.

за тотъ-же годъ.

143. „Въ турецкую кампанію (1853—1855 гг.) въ Малой Азіи донская батарея Долотина была—первая даже между нашими русскими батареями. Многія дѣйствія Долотина и Кульгачева съ донскими артиллеристами извѣстны каждому русскому“. (Пистолькорсъ. Зап. о значеніи русской конницы, 65).
144. Русскій инвалидъ 1854 г. и донскія войсковыя вѣдомости 1856 г. № 35.
145. По приказу по войску донскому 1859 г. № 21.
146. Тамъ-же, 1862 г. № 26.
147. Русскій инвалидъ 1864 г. № 269.
148. Кавказская война, Потто и по запискамъ Чеботарева („Донская Рѣчь“ 1890 г.).
149. Изъ письма Наслѣдника Цесаревича атаману Хомутову, объявленнаго въ приказѣ по войску донскому 1850 г. № 4.
150. Исторія л.-гв. казачьяго Его Величества полка, 436.
151. Тамъ-же, 443.
152. Приказъ по войску донскому 1850 г. № 12.
153. Тамъ-же, № 8.
154. По разсказамъ, полковникъ Костинъ убитъ изъ придорожныхъ кустовъ какимъ-то венгерскимъ торгашомъ-разношникомъ. Казаки бросились на дымъ въ кусты и моментально изрубили убійцу.
155. Дневникъ барона Николаи. Русская старина 1877 г., 120.
156. Приказъ по войску донскому, 1850 г. № 5.
157. Яковъ Петровичъ Баклановъ, Потто, 108.
158. Русская старина 1870 г. 12.
159. Тамъ-же.
160. Донскія войсковыя вѣдомости 1854 г. № 19.
161. Тамъ-же.
162. Тамъ-же, № 31.
163. Тамъ-же, № 34.
164. Тамъ-же, 1855 г. № 5.
165. Приказъ по войску донскому 1854 г. № 37.
166. Донцы, Сенюткина, II, 65.
167. Дѣла войсковаго (донскаго) архива, № 291.

168. Донскія войсковыя вѣдомости, 1856 г. № 7.
169. Тамъ-же 1855 г. № 10 и 1857 № 40.
170. Тамъ-же, 1855 г. № 36.
171. По книгѣ „Наши богатыри“, 1869 г. I, 125.
172. Современныя извѣстия, 72.
173. Донскія войсковыя вѣдомости 1857 г. № 45.
174. Тамъ же, № 46.
175. Современныя извѣстия, 50.
176. Донцы, Сеньюткина, 73.
177. Приказъ по войску донскому 1865 г. № 33.
178. По послужному списку полковника Валуева.
179. Изъ приказа воен. мин. по иррег. войск. 1863 г. № 126.
180. Изъ брошюры „Геройская защита 40 русскихъ противъ 1500 повстанцевъ“.
181. Изъ брошюры „Геройскій подвигъ донскихъ казаковъ 25 Юля 1870 г.“ Снѣсарева.
182. Военный сборникъ 1878 г. № 12.
183. Сообщено генераль-маіоромъ Измаиловымъ.
184. Донская газета 1877 г. № 58.
185. По иллюстрированной хроникѣ войны 1877 г.
186. Тамъ-же.
187. Тамъ-же.
188. Тамъ-же.
189. Донская газета, 1877 г. № 59.
190. Годъ войны--Данченко I, 162.
191. Тамъ-же.
192. Донская газета, 1877 г. № 100.
193. Тамъ-же.
194. Тамъ-же, № 83.
195. Изъ Высочайшей грамоты на орденъ, данный войск. старшинѣ Дукмасову.
196. Донская газета 1878 г. № 20.
197. Тамъ-же, № 9.
198. Военный сборникъ 1878 г. № 5.
199. Годъ войны, Данченко, I, 242.
200. По книгѣ „Дневникъ донскаго казака“, С. П. Полушкина.
201. Тамъ-же, 182.

Опечатки наиболѣе выдающіяся.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
4	— 6	снизу — 1851 . . .	1581.
33	— 3	сверху — убіеннымъ . . .	убіенныхъ.
77	— 14	снизу — въ атаманскій полкъ	въ атаманскую сотню.
82	— 18	снизу — заводскую . . .	заводную.
102	— 15	снизу — ⁶⁶).	⁷⁶).
119	— 2	сверху — ыль	быль.
152	— 12	снизу — ¹¹³).	¹¹¹).
157	— 10	снизу — генерель-адъютантомъ	генераль-адъютантомъ
188	— 16	сверху — заваль	за валь.
200	— 10	снизу — монахомъ	монахамъ.
221	— 15	сверху — привлекъ	призвалъ.
29	— 2	сверху — въ Августъ	въ Іюль.
»	— 8	сверху — 244	240.
»	— 11	сверху — 200	300.
»	— 15	снизу — 384	324.
42	— 10	снизу — память	память.
45	— 11	снизу — командю что; . . .	командю, что.
104	— 7	снизу — другою	другую.
147	— 6	сверху — Императотъ	Императоръ.
194	— 2	снизу — номандира	командира.
200	— 12	снизу — 1870 г.	1770 г.
212	— 15	сверху — 156.) — цифра эта подлежитъ уничтоженію.	
266	— 1	сверху — отдѣлался	отдѣлялся.